

БРИЖИТ **ОБЕР**
ЗОНА ТЬМЫ

Здесь такие чистые улицы.
Здесь такие милые жители.
Здесь
такое тихое
кладбище...

AZBOOKA
THE BEST

Брижит Обер
Мрак над Джексонвиллем
Серия «Зона тьмы», книга 1

OCR by Ustas, Readcheck by Xana

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160128

Брижит Обер. Зона тьмы: романы. пер. с фр. Е.Капитонова: Azbooka.

The best; СПб; 2008

ISBN 978-5-352-02243-6

Аннотация

Брижит Обер не случайно называют «королевой триллера» – во Франции она самый титулованный писатель, работающий в этом жанре, автор множества захватывающих и зловещих историй, таких как «Четыре сына доктора Марча», «Лесная смерть», «Карибский реквием», «Кутюрье смерти».

«Мрак над Джексонвиллем» – один из самых шокирующих ее романов. Критики сравнивают его с лучшими произведениями Стивена Кинга. Серия жестоких, необъяснимых убийств вызывает панику в маленьком американском городке. Очень странные видения посещают добропорядочных горожан. Поговаривают даже, что на улице недавно видели человека, умершего много лет назад.

Продолжением «Мрака над Джексонвиллем» стал роман «Укус мрака». В побоище с живыми мертвецами уцелела лишь горстка людей. Федеральный агент Марвин Хейс очень обеспокоен исчезновением одного из выживших подростков и необычными событиями в морге Альбукерка. Неужели кошмар вновь повторится? Все говорит о том, что живые мертвецы решились на новое вторжение. И очевидно, что их первой задачей будет покончить с теми, кто устоял в предыдущем нападении... Поэтому выжившие должны поскорее собраться вместе.

Даже в самых романтических и жестоких сценах этих черных романов сохраняется юмор, потому что Брижит Обер никогда не упускает случая спародировать условности жанра. И это придает остроту повествованию, напряженность которого не спадает до самого конца.

Содержание

1	5
2	24
3	42
4	77
5	109
6	137
7	161
8	190
9	216
10	241
11	270
12	296
13	333
14	359
15	382
16	401
17	443
Эпилог	472

Брижит Обер

Мрак над Джексонвиллем

Мне нередко доводилось думать о мертвых, долгими веками лежащих в своих гробах под этой землей – такой живой, такой шумной; об их вечном покое там, внизу, среди прогнивших досок, о той мрачной тишине, что лишь изредка нарушает упавший с головы волос или ползущий по остаткам плоти червь.

Гюстав Флобер. «Воспоминания сумасшедшего»

1

Джереми распахнул старую, с металлической решеткой дверь, в два прыжка пересек веранду, спрыгнул с лесенки, состоявшей из трех расшатанных деревянных ступенек, и успешно приземлился на пожелтевшую траву. Рот у него был вымазан шоколадом и сливочным мороженым. Он вытер его тыльной стороной руки, ладонь, в свою очередь, вытер о вылинявшие джинсы и с удовлетворением собственника окинул взглядом лежащий перед домом пустырь.

Проржавевшие местами останки разбитых машин поблескивали в лучах обжигающего солнца. На белом капоте старого «крайслера», водитель которого разбился насмерть два-

дцать лет назад в новогоднюю ночь, спал черный кот.

Джереми очень любил этот «крайслер», хоть и не было у того ни колес, ни лобового стекла: этот тип как раз через него и вылетел, наткнувшись на ствол поваленного дерева, – погода в ту зиму, говорят, была просто ужасная; «крайслер» нравился Джереми больше всего из-за конфетти. Целые горсти конфетти, обесцвеченные временем, намертво прилипли к полупровалившимся, изъеденным сыростью кожаным сиденьям. Самая подходящая тачка для такого страдающего снобизмом вампира. Лучи солнца косо били по корпусу, поэтому машина отбрасывала на землю невероятно длинную тень, увенчанную огромной шишкой, – то была тень свернувшегося в клубочек на капоте кота. Джереми удовлетворенно вздохнул. Все-таки здорово, когда дед у тебя – жестящик.

Однако, вспомнив про Деда, он тут же решил, что стоит, пожалуй, смотаться отсюда как можно скорее, иначе как пить дать придется заняться какой-нибудь нудной работой. Дед питал довольно странные идеи относительно того, чем следует заниматься Джереми, – к примеру, он был убежден в том, что двенадцатилетнему мальчишке куда полезнее чинить какую-нибудь старую пакость, чем носиться невесть где. А поскольку Дед в свои шестьдесят восемь был способен запросто голыми руками согнуть пополам железный прут, спорить с ним обычно как-то не хотелось.

Вот невезуха: только Джереми пустился бегом с пустыря,

как тут же раздался Дедов громоподобный голос:

– Джем! Куда это ты собрался?

– К Лори. Нам нужно уроки делать.

– Ты, видно, дураком меня считаешь: уроки! Как бы там ни было, в твоих интересах явиться домой к восьми, иначе без ужина останешься!

Джереми на бегу согласно кивнул. В любом случае, вряд ли можно по-настоящему считать, что он солгал: собрался-то он и в самом деле к Лори.

А Лори жил как раз по другую сторону кладбища – в небольшом, но очень красивом и современном доме, построенном по заказу ее отца. Потому что денег у отца Лори просто куры не клюют. Он торговый представитель фирмы, продающей стиральные машины. В гараже у них стоит сразу две тачки: одна – его, вторая – жены. А у Лори – шикарный велосипед. Восемнадцать скоростей. Типа «вездеход». У самого же Джереми – пара ног, и больше ничего. Бросив взгляд на свои старые кроссовки, он вздохнул. Может, если Дед вдруг умрет, родители Лори усыновят его? Хотя нет, вряд ли: он не умеет вести себя как следует за столом, да к тому же слишком уж белый. Зато моется не так уж часто – сэкономил бы им массу воды...

Так, поглощенный своими мыслями, Джереми добрался до свежесмытой кладбищенской стены. Отступив на несколько шагов, он вскарабкался на «свою» иву, затем прошел по толстой длинной ветке вперед и – совсем как Тарзан

– прыгнул вниз, оказавшись, таким образом, уже по другую сторону кладбищенской стены. Срезая путь через кладбище, он тратил на дорогу по крайней мере на десять минут меньше. К тому же тут было очень красиво. Большие деревья, ветви которых раскачивает ветер, ухоженная лужайка, могилы, украшенные роскошными цветами... Правда, не все, конечно. Но Джереми очень нравились и старые, заброшенные, невзрачные на вид могилы – с полустершимися эпитафиями, изъеденными мхом статуями и портретами множества людей, которых он никогда в жизни не увидит, которых, может быть, никто уже даже не помнит...

Особенно одна из них: она притягивала его как магнит. Джереми всегда делал небольшой крюк, чтобы пройти мимо нее. Во-первых, сделана она была в виде маленькой часовенки. Это была очень старая часовенка, выкрашенная изнутри в голубой цвет – точно такой же, как покрывало на гипсовой статуэтке Святой Девы, стоявшей на почетном месте в комнате Деда. Вход в часовенку был закрыт узорной решеткой. А внутри находился небольшой алтарь с двумя толстощековыми позолоченными ангелами. Один из ангелов давно упал и разбился. Голова его закатилась в угол, и ее полностью засыпало старыми опавшими листьями. Но Джереми знал, что она там, эта голова, с толстыми, как у ребенка, «употребляющего в пищу слишком много мучного», щеками – так непременно сказал бы мистер Симпсон, преподаватель естествознания, длинный и тощий как жердь, поклонник диетической пеп-

си-колы.

Джереми прислонился лицом к проржавевшей решетке. Из залепленной грязью вазы торчали скелеты давно засохших роз, стебли которых напоминали теперь колючую проволоку. Надпись над алтарем почти совсем стерлась, ее едва можно было разобрать: «... tiempo pa... resuer- do... q... da». Томми Уэйтс, здешний сторож, объяснил однажды Джереми, что это – одна из самых старых могил на кладбище. Она сохранилась еще с тех времен, когда Нью-Мексико был испанской территорией. И что надпись «El tiempo pasa, el recuerdo queda» означает: «Время идет, но память остается». Джереми взгляделся в полумрак часовенки. Ветер разбросал засохшие листья, и теперь голова ангела чуть поблескивала в углу. У мальчика мелькнула было мысль о том, что ее вполне можно подкатить поближе с помощью какой-нибудь палки, однако перспектива получить за это хороший пинок под зад от старика Томми быстро избавила его от этого искушения. Тем более что пора было двигаться дальше.

Едва отвернувшись от старинной могилы, он сразу же оказался перед вторым объектом, неизменно притягивавшим его в эту часть кладбища, – то бишь перед захоронением, расположенным как раз напротив. Оно являло собой большой параллелепипед черного мрамора, над которым возвышался внушительный позолоченный крест. Никаких цветов, украшений, фотографий. Лишь несколько строк в правом углу, выбитых на мраморе и позолоченных:

Френк Мартин 1951 – 1993

Хелен Мартин 1953 – 1993

Пол Мартин 1982-1993

Джереми два или три раза подряд перечитал эту надпись, и, как всегда, по телу у него пробежали мурашки. «Ниссан» семейства Мартинов разбился, налетев на кладбищенскую стену, в прошлом году, как раз в начале летних каникул.

В Джексонвилль они переехали за полгода до этого откуда-то из Северной Каролины и считали Нью-Мексико вонючей дырой, а местных жителей – деревенскими дураками. Пол постоянно трезвонил о том, что, как только его отец закончит свои исследования, они сразу же смуются отсюда на бешеной скорости. Френк Мартин был каким-то очень важным ученым-физиком, поэтому для работы ему требовалась тишина и полное уединение.

По крайней мере именно под этим предлогом они купили расположенное за городом старинное поместье, некогда принадлежавшее семейству Наварро. Однако взрослые иногда шептались о том, что полное уединение было им так необходимо не столько для научных исследований, сколько для того, чтобы без помех предаваться... Тут они обычно принимались говорить совсем тихо, так что Джиму практически ничего больше расслышать не удавалось – лишь отдельные полные возмущения восклицания типа «оргии» или «омерзительно», за которыми неизменно следовала одна и та же фраза: «Нет, вы можете себе представить?» – все это было

страшно интересно, ибо взрослые явно пребывали в ужасе.

Джереми, однако, не слишком-то верил в эти оргии, которым семейство Мартин могло предаваться разве что в обществе обитавших в местной пустыне койотов. Хелен Мартин была довольно высокомерной молодой женщиной с длинными черными волосами – впрочем, и муж ее тоже избытком любезности не отличался, – но вряд ли стоило из-за этого воображать ее чуть ли не порнозвездой... Что же до Пола, то он был – мягко выражаясь – весьма гнусным типом. Накануне своей смерти он, как всегда, строил из себя невесть что, расписывая всем в школе, на каких огромных медведей он будет охотиться во время каникул в Йосемитской Долине¹. А вместо медведей по совершенно непонятной причине получил белую кладбищенскую стену – прямо в морду. «Несчастный случай произошел вследствие того, что машина потеряла управление» – так записал в полицейском отчете шериф Уилкокс. Учитывая, что было всего лишь восемь утра, все это выглядит абсолютно необъяснимым. Вскрытие показало, что Френк Мартин был трезв как стеклышко. Может, ему стало плохо? Большинство обитателей городка склонялись к тому, что именно так все и произошло. Водитель внезапно почувствовал себя плохо, причем на довольно опасном повороте, где большинство машин тем не менее скорости обычно не снижало.

Джереми вновь увидел перед собой насмешливое лицо

¹ Одно из самых живописных мест национального парка в Калифорнии.

Пола, усыпанное веснушками, его маленькие любопытные глазки и вечно набитый жвачкой рот с очень красными губами. У него всегда была в запасе масса всяких фокусов. Настоящий хитрец. Правда, не слишком-то симпатичный – мягко выражаясь. Из тех чистеньких, аккуратно причесанных мальчиков, что, улыбаясь ангельской улыбкой, способны отрывать крылья у живой мухи. «Не очень симпатичный, но интересный», – подумал Джем, стоя перед сверкающим на солнце надгробием. Интересный, но мертвый. Мертвый на веки веков.

Для Джереми смерть являла собой нечто совершенно абстрактное. Когда ему было четыре года, его родители погибли в авиакатастрофе – тогда-то он и оказался у Деда. Леонард Ахилл, его дед по материнской линии – молчаливый, похожий на какую-то величественную статую гигант с потрясающей бородой, – уже двадцать лет как овдовел. Характер у него, конечно, не сахар, но зато он совсем не злой. Нужно просто уметь найти к нему подход. Они с Джемом прекрасно ладили – занимаясь каждый своим делом.

Вскоре после авиакатастрофы страховая компания прислала им пепел погибших родителей в малахитовой урне – Дед поставил ее на каминную полку. Когда Джем был совсем маленьким, он часами напролет разговаривал с урной в надежде на то, что его родители вот-вот выскочат оттуда – словно джинн из волшебной лампы Аладдина. Однако они так и остались там, внутри; Джем вырос, и теперь урна слу-

жила чем-то вроде подставки для фотографии, на которой был снят его класс.

Глядя на могилу, в которой покоились останки Пола, Джем всякий раз думал о смерти: подобно какой-то таинственной невидимой резинке она раз и навсегда стирает кого-то с лица земли, опрокидывая тем самым все твои представления об этом мире. Деду не нравится привычка Джема шляться по кладбищу. Он говорит, что живым там не место.

Джереми встряхнул головой. Если он собирается к Лори, то надо пошевеливаться. В последний раз глянув на сверкающий на солнце черный мрамор надгробия, он пустился бежать.

Дом Лори возвышался немного поодаль, как раз по другую сторону дороги; между ним и кладбищенскими магнолиями – с одной стороны, а с другой – станцией обслуживания Дака Роджерса лежало открытое пространство. Вихри пыли взвивались над асфальтовым покрытием, и Джем на мгновение представил себе банду Билли Кида, с ликующими воплями несущуюся во весь опор, стреляя во что ни попадя. *Ну нет, конечно же, это подло. Лучше так: среди белого дня – картина, подобная жуткому чуду: черная лошадь с пеной у рта скачет невесть откуда; вся грудь у нее – в кровавых следах, безумье – в от ужаса круглых глазах; она...*

Должно быть, он уже успел позвонить, ибо мать Лори стояла в дверях и на него смотрела. Джереми прочистил горло. – Здравствуйте, миссис Робсон. Лори дома?

– Ну конечно же; заходи, он у себя...

Когда Джему приходилось общаться с миссис Робсон, ему всегда делалось как-то не по себе. И вовсе не потому, что она когда-нибудь не слишком любезно с ним обошлась, нет – из-за ее лица. Создавалось впечатление, будто она каждый день буквально покрывает его слоем штукатурки. Не лицо, а какая-то маска из тонального крема с как попало размазанной по губам красной помадой. Джереми никак не мог взять в толк, почему бы мистеру Робсону не сказать жене, что такая вот физиономия разве что для карнавала годится. Но хуже всего – парик. Ну, или просто какая-то жуткая копна выющихся волос – ярко-рыжих, словно у девицы из телесериала. Да, конечно же, именно такой вид и хотела придать себе миссис Робсон – этакой героини телесериала, однако все старания ее явно шли коту под хвост: похожа она была всего лишь на малость чокнутую и порядком спившуюся цветную домохозяйку.

В том, что она алкоголичка, Джереми нисколько не сомневался. Говорила она всегда каким-то тягучим голосом, еле ворочая языком, – создавалось такое впечатление, будто она вот-вот вырубится, так и не закончив фразы.

Стерев несуществующее пятнышко со своего ярко-розового платья, она коричневой рукой указала на лестницу:

– Лори наверху... Пить хочешь? Могу предложить апельсинового напитка...

– Нет, спасибо; я ненадолго.

Прыгая через две ступеньки сразу, Джереми буквально взлетел вверх по лестнице. Он был уверен в том, что миссис Робсон – с глазами, как у мертвой рыбы, и безобразно размазанной вокруг рта губной помадой – так и стоит внизу, возле двери, следя за каждым его движением.

Лори сидел за компьютером. Ничего не видя и не слыша вокруг, он с увлечением стучал по клавишам; светящийся экран отбрасывал голубоватые отблески на темную кожу его лица. Джереми подошел поближе. Лори выводил на экран какие-то цифры. Длинные колонки цифр. В знак приветствия он лишь поднял два пальца вверх. Джереми, склонившись, взглянул на экран через плечо Лори:

– Что это?

– Небольшая попытка заняться нумерологией.

– Чем-чем?

– Нумерологией; это такое мистическое учение.

Джереми взгляделся в колонки цифр. В их классе он был единственным из белых, у кого не было домашнего компьютера. Даже Лори хоть и был черным, но компьютер имел. Однако Джереми, честно говоря, было на это почти что наплевать. Он давно уже заметил, что большинство мальчишек просто не в состоянии по-настоящему пользоваться этой штуковиной. Самое большее, на что они способны, так это играть в жалкие компьютерные игры, делая вид, будто открывают для себя некие совершенно новые чудесные миры. Так, самая обычная чепуха. Правильно, наверное, говорит

Дед: «Даже если всем этим балбесам дать лучший в мире компьютер, они все равно ни за что не сумели бы расписать Сикстинскую капеллу». У Деда есть книжка про Сикстинскую капеллу – более чем потрепанная; он выкопал ее среди хлама, оставшегося от одного старого фермера, – тот в свое время был художником-любителем, а когда он отдал концы, все оставшиеся после него довольно жалкие артистические пожитки его семейство вышвырнуло на помойку.

Внезапно Лори обернулся к Джему; его большие черные глаза сверкали от возбуждения.

– Когда ты родился?

– Зачем тебе это?

– Неважно! Вечно ты во всем подозреваешь какой-то подвох!

– Двадцать первого августа тысяча девятьсот восемьдесят второго.

Лори отстучал дату на клавиатуре, потом нажал еще какие-то кнопки и сказал:

– А я – семнадцатого марта.

– Ну и что дальше?

– Дальше ждем пару секунд и получаем определенную последовательность цифр. Сейчас посмотрим.

Джереми отвернулся. Мистические учения нисколько не интересовали его. Вовсе ни к чему знать будущее. Твое будущее всегда с тобой – в твоей собственной черепушке. Тут Лори торжествующе вскричал:

– Ну конечно же! Ты только взгляни! По две цифры в наших судьбах совпадают.

– Объясни-ка толком...

– В течение довольно большого промежутка времени наши с тобой судьбы будут полностью совпадать; то есть выходит так, что у нас с тобой судьбы-двойняшки.

Джереми подумал о том, что куда лучше было бы, будь они сами двойняшками – разъезжали бы себе на роскошных велосипедах, причем сейчас, а не в каком-то там непонятном, не исключено, что в довольно отвратном будущем. Ну точно – Лори вздохнул.

– Что там еще?

– Препятствия на нашем пути.

– Какие такие препятствия?

– Я точно не знаю, но очень большие испытания... подожди... Очень похоже на смерть; да, пожалуй, так оно и есть.

Джереми склонился над компьютером, и его светлые, давно не стриженные волосы коснулись клавиш.

– Мы что же – должны одновременно умереть?

– Вроде того.

– И когда?

– Слушай, Джем, это всего лишь компьютер!

– Когда?

– Но он ничего не говорит мне об этом; нумерология – мистическое учение, а не точная наука. Это вовсе не так, как если бы тебе вдруг позвонили по телефону и сказали: «При-

вет, мы хотим сообщить вам, что завтра, в восемь тридцать утра вы скончаетесь; какой предпочитаете гроб – дубовый или еловый?»

– Но если эта штука способна предсказывать будущее, то она непременно должна и сроки как-то определять.

– Конечно, дружище; но весьма и весьма приблизительно.

– До какой степени приблизительно?

– Ну, скажем, это может произойти... очень скоро.

– Значит, мы с тобой вот-вот загнемся на пару? И с чего вдруг?

– Понятия не имею. Может, от жратвы, которую приготовит твой Дед... – рассмеялся Лори, выключая компьютер.

Затем спросил:

– Ты шел сюда через кладбище?

– Да.

– И что?

– Черт побери, Лори, ну что там может быть особенного?

Хочешь – пойдем вместе и посмотрим!

– Да я и близко к нему подходить не хочу.

– Но тебе уже двенадцать, парень, и речь идет о самом обычном кладбище!

– Нет; именно там похоронен Пол Мартин.

Джереми вздохнул:

– Он умер, так что вряд ли способен что-либо тебе сделать.

– А ты помнишь, как в прошлом году, перед самыми ка-

никулами, мы подписали договор?

– Лори! Это была всего лишь игра!

– Да, но подписали мы его собственной кровью!

– Наплевать; никто из нас никогда не пойдет на эту встречу.

Лори вдруг зашептал – так, словно ему предстояло выдать секрет государственной важности:

– Слушай, Джем, а тебе не кажется странным, что мы решили тогда разграбить ту старую могилу и сразу же после этого Пол разбился в машине, причем похоронили его где? Возле той самой старой могилы. Значит, один из нас уже считай что пришел на эту встречу!

Тут снизу раздался тягучий голос миссис Робсон:

– Лооори... Я собираюсь накрывать на стол... Твой дружок с нами поужинает?

– Нет, спасибо, мэм; мне уже пора домой, – поспешно ответил Джереми.

По правде говоря, идея быть когда-либо усыновленным богатым семейством Робсонов казалась гораздо менее соблазнительной при мысли о том, что тогда придется считать миссис Робсон своей матерью. Джемму стоило лишь представить себе, как она склоняется над ним, собираясь своими красными вялыми губами поцеловать его на ночь, как на него тут же накатывал приступ тошноты. Уж куда лучше колючая, пахнущая джином Дедова борода.

Попрощавшись с Лори и его матерью, Джереми вышел и

сразу же оказался в красноватом свете заката. К дому на полной скорости подъезжал автомобиль мистера Робсона – отец Лори, высунув в окно свою огромную черную мускулистую руку, помахал Джиму в знак приветствия. Когда-то в молодости он был избран мистером Америка, но теперь Тоби Робсон так растолстел, что в двери мог проходить лишь боком. Поговаривали о том, что он – лучший в округе рассказчик анекдотов и знает их бесчисленное множество. Лори очень боялся с возрастом стать таким же толстым, как отец, но в то же время очень гордился его сходством с японскими борцами сумо. «У него только цвет кожи другой, – говорил он обычно по этому поводу, – а так вообще-то если бы папа сделал себе такую же прическу, как у них, то и отличить было бы невозможно...»; а Джим просто со смеху лопнуть был готов, представляя себе, как необъятный Тоби Робсон в крошечных плавочках и с кичкой из курчавых волос на голове этак спокойненько делает покупки в супермаркете.

На мгновение Джим замер на обочине шоссе, обводя взглядом окрестности, – худенькая светловолосая фигурка, окутанная пылью цвета охры. Слишком длинные волосы в порыве ветра хлестнули его по лицу, заслоняя глаза. Нужно непременно сходить в парикмахерскую, а то Дед, чего доброго, извлечет на свет Божий свою допотопную машинку для стрижки волос. Напротив, на заправочной станции, Дак Роджерс заливал горючее в старенький светло-голубой «шевроле».

Джереми помахал ему рукой; Дак – как всегда, не торопясь – ответил ему тем же. Дак все всегда делал очень медленно, а когда он что-то, говорил, люди обычно сами заканчивали за него фразы, чтобы хоть как-то ускорить процесс. Дед утверждал, будто Дак «умом не вышел». А старушка Аннабелла, которая работает на почте, говорила, что это вообще грех какой-то: такой красивый парень и так глуп. Насколько Джереми был способен судить, Дак и в самом деле был очень красив. Он здорово смахивал на Марлона Брандо в «Трамвае „Желание"», и почти любая из джексонвилльских девчонок с радостью согласилась бы с ним встречаться, стоило ему лишь пальчиком ее поманить.

Но Даку, похоже, абсолютно безразличны не только девчонки, но и вообще все, что своим видом не напоминает хоть сколько-нибудь железку на колесах. Он часами копался в грязных моторах, а когда с ним вдруг кто-то заговаривал, он поднимал свою красивую апатичную физиономию и бросал на собеседника взгляд, достойный разве что пигмея, впервые в жизни увидевшего представителя иной цивилизации. Дак производил впечатление... Джереми никак не мог найти подходящего слова... Точно, вот: Дак производил впечатление просто обескураживающее.

Без четверти восемь! Пожалуй, стоит поторопиться. Джереми набрал в легкие побольше воздуха и пустился бегом. Он вообще-то давно уже взял себе за правило передвигаться исключительно только бегом. Сотни прочитанных книг и

статей убедили его в том, что для будущего героя умение бегать – наиболее полезнейшее качество. Конечно, в идеале ему стоило бы потренироваться бегать с пулей 22-го калибра, зашевшей в плече, – ну, или что-то в этом роде, – однако Дед вряд ли оценит по достоинству такие подвиги. Поэтому иногда Джереми, чтобы хоть как-то компенсировать столь низкий уровень своих тренировок, пытался на бегу хромать.

Вскарабкавшись на кладбищенскую стену со стороны дома Лори, он спрыгнул вниз, приземлился на траву и быстро пустился бежать меж могил – зигзагами, чтобы сторож его не засек: кладбище закрывалось в половине восьмого. Наносить визит старине Полу Мартину теперь уже не было времени. Джем вскарабкался на гранитную плиту, вершина которой была украшена двумя каменными голубками, взобрался на голову одной из них, влез на верхушку резного креста – гордости семейства Пуэрта Теруэл – и благополучно приземлился уже по «свою» сторону кладбища.

Ровно в восемь порядком проголодавшийся Джереми уже распахнул решетчатую дверь веранды, явившись домой; был четверг, 29 июня.

На небе сияла полная луна. Ночь была спокойной и очень теплой.

Во тьме старинной часовенки едва заметно затрепетал один из опавших листков – так, словно он все еще жил своей жизнью на дереве. Похоже, его сдвинуло с места дуновение ветра, взметнувшее легкое облачко пыли. Внезапно листик

поднялся, на мгновение – под воздействием все того же легкого ветерка – завертелся в воздухе, а затем тихо и нежно опустился на глаза позолоченного ангелочка – словно не желая, чтобы он стал свидетелем того, что произойдет дальше. А снаружи, в теплой молочно-нежной ночи, все словно застыло – ни ветерка. Лишь какой-то глухой шепот.

В этот час просыпались обитатели кладбищ.

2

Девчонку нашел Биг Т. Бюргер. С утра пораньше он отправился порыбачить как всегда, предварительно сунув в рюкзак дюжину гамбургеров и – дабы не подавиться – такое же количество банок пива. Он решил зайти подальше, к самому шлюзу – там легче было отыскать тихое местечко, где бы не плавали окурки и презервативы, которыми местные подростки загадили чуть ли не всю округу.

В те далекие времена, когда Биг Тони Бюргер сам был подростком, никто даже понятия не имел о том, что такое презерватив, – все полагали, будто это некая разновидность невероятно шикарного непромокаемого плаща. Прозрел он на этот счет лишь в армии, когда ему – только что оторвавшемуся от материнской юбки в родном Техасе, остриженному «под ноль» здоровенному дурачине ростом метр восемьдесят шесть – в числе прочих капрал вручил целую упаковку этих «плащей». Впрочем, в те времена и звали его несколько иначе – отнюдь не Биг Бюргер, а просто Энтони Бюргер. Однако аппетит у него и тогда был просто-таки феноменальным. Подчас он даже задумывался о том, уж не потому ли его угораздило остаться на сверхсрочной службе и угодить в Корею и Вьетнам, что так, как в американской армии – до отвала, – не кормили нигде. Увы, в конце концов его со всеми надлежащими почестями и наградами отправили-таки в

отставку по возрасту, в утешение присвоив ему звание сержанта-инструктора.

Итак, этим утром – в то самое время, когда Лори и Джем в том превосходном настроении, что сопутствует обычно последнему учебному дню перед началом каникул, направились в колледж, – Биг Тони Бюргер, расположившись под ивой, мирно распаковывал свой рюкзак, предвкушая наслаждение от рыбной ловли, гамбургеров с пивом и сладкого послеобеденного сна, как вдруг в его много повидавший на своем веку нос ударил более чем неприятный запах. На мгновение старому вояке даже померещилось, будто он вновь оказался там – в джунглях, возле своего приятеля Джима, наравшегося на мину и напрочь выпотрошенного: все нутро у него аж по коленям тогда растеклось. Запах был в точности такой же – так вонять могут лишь вывернутые наружу внутренности. Биг Бюргер во мгновение ока обернулся вокруг своей оси; ничего подозрительного – лишь рой мух гудит в колючем кустарнике.

Схватившись за рукоятку своего армейского кинжала, с которым никогда не расставался, он подошел поближе к кустам. Похоже было, будто ветви слегка колышутся от легкого ветерка. «Зловонного ветерка», – успел подумать Биг Т. Бюргер, вынимая из ножен острое лезвие кинжала. На какой-то миг он едва не задохнулся: у него создалось такое впечатление, словно кто-то смрадно дохнул ему прямо в лицо; Биг Т. Бюргер невольно скривился, однако ощущение это тут

же рассеялось. *Что за чепуха?* Ветви больше не шевелились. Подобрал с земли камень, Биг Т. Бюргер изо всех сил, накопленных за семьдесят пять лет своей физически более чем активной жизни, швырнул его в кусты. Никакой реакции. Ничто там даже не шелохнулось.

Тогда он медленно и осторожно стал приближаться к кустам, мысленно напевая очень популярную в свое время песенку Долли Портон, – она всегда помогала ему войти в то состояние, когда тело начинает работать как бы на автопилоте. Запах усилился, стал почти осязаемым – запах крови, плоти, разложения. *Там лежит нечто дохлое. И довольно большое...* Он часто оглядывался, готовый отразить возможное нападение сзади, однако вокруг все выглядело вполне мирно. Пели птицы, какая-то лягушка принялась квакать во все горло. Собравшись с духом, Биг Т. Бюргер заглянул в кусты. Если его не вырвало, то лишь благодаря огромному опыту по части такого рода зрелищ; тем не менее он ощутил, как внезапно и резко в его старое узловатое тело бросилась изнутри бешеная струя адреналина. Ибо за кустами он обнаружил отнюдь не то, чего ожидал. А нечто гораздо худшее.

Меж колючих ветвей кустарника лежала девчонка – или, по крайней мере, то, что от нее осталось; один глаз – открыт, вместо другого – пустая глазница. *Абсолютно чистая. Этакая аккуратная дыра – словно кто-то с аппетитом съел этот глаз, вылизал дочиста, орудуя десертной ложечкой, – вот мерзость-то.* Руки и ноги у девчонки были отрубле-

ны, куски плоти – словно белье после какой-то дьявольской стирки – развешаны по колючим ветвям кустарника. Вместо грудей – кровавые раны, в разорванном животе копошится целая туча гудящих от несказанного удовольствия жирных мух.

Бит Т. Бюргер, сняв обвязанный вокруг лба по старой привычке десантника зеленый платок, прикрыл им лицо, дабы хоть как-то защитить свои легкие от этой жуткой вони. Он заметил, что все пальцы на правой руке девочки напрочь отрезаны. На левой не хватает только двух – среднего и безымянного. Форменное расчленение трупа. Он сделал еще шаг вперед и почувствовал, как подошва его башмака погрузилась во что-то мягкое, похожее на губку. Он осторожно приподнял ногу – выяснилось, что он наступил на внутренности девочки. К горлу мгновенно подкатила тошнота, а во рту стало горько: его чуть не вырвало желчью, прежде чем он успел развернуться и броситься бегом. Нужно было сообщить о происшедшем Уилкоксу.

Он так спешил, что позабыл про свои рыболовные принадлежности стоимостью в три сотни долларов и совсем еще горячие гамбургеры.

Шериф Уилкокс с наслаждением пил пиво, ожидая, когда Дак Роджерс наполнит горючим бак его машины. Общение с этим парнем всегда действовало на него успокаивающе: с Дакком не было ни малейшей нужды о чем-либо говорить. А все

прочие, стоило им только увидеть Уилкокка, считали чуть ли не своим долгом подойти к нему и тут же изложить все свои маленькие беды и несчастья, тогда как сам Уилкокк больше всего ценил в людях способность не приставать к нему со всякой ерундой. Он с довольным видом потянулся, отчего под бежевой рубашкой проступили его могучие мускулы. В молодости Уилкокк занимался кечем², а потому плечи у него казались непомерно широкими, что в сочетании с небольшим ростом лишний раз подчеркивало его сходство с таким недоверчиво-мрачным быком. Впрочем, когда он еще работал на ринге, его так и называли: «Толстый Бык».

Он с наслаждением отхлебнул свежего пива, так что на его широких, с проседью, усах осталось немножко пены. «Толстый Бык» давно уже канул в прошлое, вместе с эпохой тощих коров. Теперь, в свои сорок восемь, он занимал пост шефа полиции в этой старой славной вонючей дыре под названием Джексонвилль. Причем избрали его единогласно уже третий раз подряд – за отсутствием конкурентов. По правде говоря, он и сам до сих пор не понимал, почему согласился в свое время стать в этом Богом забытом уголке и шерифом, и начальником полиции одновременно. Может быть, просто потому, что он здесь родился. А Дед Леонард, например, утверждал, будто все оттого, что по сути своей он – идеалист, а стало быть, нуждается в том, чтобы как-то оправдать свое земное существование. У Леонарда на все есть в запасе

² Американская борьба.

какая-нибудь шутка.

День предвещал быть на редкость жарким; на горизонте, над вершинами гор, собирались тучи. Уилкоккс сдвинул на затылок свою ковбойскую шляпу и вытер платком лоб. По его лицу – с ярко выраженными индейскими чертами – буквально ручьями струился пот. Внезапно его внимание привлек раздавшийся где-то вдали знакомый звук, и густые брови шерифа невольно сдвинулись на переносице: то был явно звук мотора зеленого пикапа, принадлежащего Бигу Т. Бюргеру. Словно вырвавшись из ада, машина на бешеной скорости с лязгом подкатила к стоянке и резко – так что шины завизжали – затормозила прямо перед опешившим Уилкокксом. Из нее выскочил на себя не похожий Биг Т., и Уилкоккс мгновенно понял, что день будет безвозвратно испорчен.

Джереми позвонил в дверь Робсонов, и, слава Богу, открыл ему на этот раз сам Лори.

– Сибиллу Дженингс убили! – завопил Джереми чуть ли не с порога, так что Лори и дверь не успел за ним закрыть.

– Что?

– Сибиллу, ну – ту высокую рыженькую девчонку, что встречалась с Томом Прыщом, – так вот ее убили. Шеф Уилкоккс заходил к Деду выпить пива и сказал, что ее буквально на кусочки разрезали. Сегодня утром ее нашел в кустах Биг Бюргер, а Прыща теперь, наверное, арестуют.

Лори посмотрел на друга без особого энтузиазма:

– Ты шутишь или это правда?

– Правда! Даже доктор Льюис должен вот-вот к нам прийти – с отчетом Уилкоксу.

– А почему они не занимаются этим в полицейском участке?

– Потому что в полицейском участке сейчас работают эти типы из санитарной службы – ну, из-за нашествия тараканов. Черт возьми, Лори, да проснись же ты наконец!

– А у вас тоже тараканы?

– Нет; да и вообще, плевать я хотел на тараканов; ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Сибиллу Дженингс *убили*.

– А у нас на кухне их полно. Мама уехала за продуктами, а так все ругалась и ругалась из-за этого, когда я из школы пришел. Знаешь, то, что случилось с Сибиллой, не слишком-то меня удивляет.

Лори задумчиво почесал в голове. Джереми раздраженно переминался с ноги на ногу. Наконец Лори, решившись, выпалил на едином дыхании:

– Компьютер это предсказывал.

– Что?

– Да, компьютер.

– Врешь.

Лори помотал головой:

– Не стоит говорить так, я никогда никому не лгу. Да, компьютер и в самом деле это предсказал. Что сегодня должна умереть какая-то девушка. Белая. Так показали цифры.

Джереми пожал плечами:

– Ох, прекрати, мне это уже поднадоело. Может, зайдем лучше ко мне под предлогом пожрать? Заодно мы могли бы подслушать все, что будет говорить доктор Льюис.

Лори протер глаза:

– Я немного устал; все-таки целых два часа подряд разговаривал с Джимми.

– С Джимми?

– Так я называю свой компьютер; тебе кажется, что это не слишком подходящее для него имя?

– Да плевать мне на имя этой дурацкой машинки! Что с тобой в конце-то концов, Лори?!

– Похоже, мои родители собираются развестись.

– С чего ты это взял?

– Сегодня утром я слышал, как мама в ванной кричала: «Убирайся, убирайся вон, я не хочу больше тебя видеть, ты мне противен со своей вечной ложью, я ненавижу тебя!»; если бы ты только слышал, каким тоном она это сказала: «Я ненавижу тебя», – у меня мурашки по коже побежали.

– Может, она какую-нибудь театральную пьесу репетировала?

Лори с упреком посмотрел на друга:

– Ох, Джем, слушай, ты хоть бы иногда спускался с небес на землю!

– И это мне говоришь ты, Лори?

На подъездной аллее послышался звук колес; мальчи-

ки обернулись. На гравии возле дома остановился зеленый «форд», и миссис Робсон принялась извлекать оттуда целые кучи пакетов. Помада у нее на губах размазалась больше обычного, а парик, похоже, немного съехал набок. Она как-то косо глянула на Джема, и тот поспешил ретироваться:

– Ладно, уже поздно; мне пора... Мэм, может, вы разрешите Лори зайти сегодня ко мне поужинать, ведь теперь каникулы...

Миссис Робсон внимательно рассмотрела огромный баллон аэрозоля для уничтожения тараканов, слегка встряхнула его и лишь затем своим тягучим голосом ответила:

– Ну что ж, почему бы и нет; как ты на это смотришь, Лори; если ты согласен, я могла бы немного отдохнуть...

Джереми на мгновение представил себе отдых миссис Робсон в компании целого ящика виски. Лори вздохнул:

– О'кей, я постараюсь вернуться вовремя.

И они ушли, оставив миссис Робсон в одиночку сражаться с привезенной ею кучей пакетов; ее фигура на высоких каблуках слегка покачивалась в дверном проеме, словно некое мерцающее видение.

Дед приготовил на ужин кукурузное пюре с ветчиной, жареную картошку и кофе. Теперь, устроившись на прохладной веранде, он о чем-то беседовал с Уилкоксом. Джем и Лори, выудив из холодильника по бутылке кока-колы, устроились в кухне поужинать.

– Видишь ли, Леонард, не нравится мне все это. Не люблю я никаких убийств. Есть фараоны, которые чуть ли не наслаждаются ими. Такое не по мне. Лично я могу получить наслаждение, лишь наблюдая за восходом солнца. Меня очень огорчает, что эта девчонка умерла. Даже если она и в самом деле была распоследней из шлюх.

Джем с Лори дружно прыснули со смеху, чуть не подавившись кукурузным пюре. Это же просто гениально, что полицейский участок оккупировали полчища тараканов: им теперь доведется стать свидетелями самого настоящего расследования. И отнюдь не по делу о краже кур. По делу об убийстве!

– Ты виделся с ее родителями? – спросил Дед, теребя бороду.

– Что поделаешь: обязан был... Невелико удовольствие. Бедняга Уэс, похоже, с кулаками на меня готов был наброситься. Да и Эмма тоже оказалась не в лучшем состоянии. По их мнению, Сибилла ни с кем не гуляла, никаких наркотиков не принимала, не курила, не пила – ну разве что жвачку иногда жевала... Ни дать ни взять – нечто вроде Святой Девы. И что я мог им сказать? Что она каждую субботу вечером трахалась с кем-нибудь на заднем сиденье их собственного «бьюика»?

– А что этот парень – Том, как бишь его там?

– Хуган? Я допросил его. Утверждает, что весь вечер провел с приятелями в кинотеатре для автомобилистов. Прия-

тели это подтверждают, что, впрочем, ничего не доказывает. Два точно таких же засранца, как он, – вечно под кайфом. Их здесь прозвали «Три прыщекера» – из-за вечных прыщей. Мать его закатила мне самый настоящий скандал: она, мол, близкий друг нашего всеми любимого мэра и т. п. Я сказал ей, что мне очень жаль, но в отсутствие Руди единственным представителем власти являюсь именно я; а еще сказал, что не стоит слишком уж волноваться, по-моему, у этого парня вряд ли хватило бы пороху, чтобы выкинуть подобный номер. Он, конечно же, воображает себя очень крутым парнем, стоящим вне закона, – по той простой причине, что иногда курит «травку», но я лично не думаю, что он способен когда-либо зайти дальше этого. На всякий случай запретил ему выезжать из города. На данный момент главное – не нагнетать напряжения. И все же я предпочел бы, чтобы Руди был сейчас здесь – дабы несколько сгладить атмосферу.

Руди Джонсон, всеми любимый мэр Джексонвилля, накануне уехал в Юту – хоронить свою несчастную маму. Этим предлогом он воспользовался еще и для того, чтобы немного отдохнуть – порыбачить где-нибудь в полном одиночестве.

– Не нагнетать напряжения... Это будет не слишком просто, в такой-то дыре. Готов поспорить, что все в городе только об этом теперь и говорят... – покачав головой, заметил Леонард.

– Знаю. К счастью, я вполне могу рассчитывать на то, что Биг Бюргер не станет расписывать свою находку во всех де-

талях. И один Бог ведает, что...

Раздался автомобильный гудок, и какая-то машина затормозила, въехав во двор. Затем послышался вполне благовоспитанно звучащий голос:

– Добрый вечер, Леонард; добрый вечер, шериф; ну и жара, скорей бы зима наступила, что ли!

– Хотите пива, док?

– Нет, спасибо, спиртного я не пью; может, у вас найдется стакан холодной воды?

– Джем, принеси-ка воды со льдом доктору Льюису.

Джереми налил стакан воды, бухнул туда целую горсть льда и отнес доктору. Льюис был высоким, тощим и рыжим, с типично докторским лицом, всегда серьезным голосом и квадратными очками на носу. Джем подумал, что он, наверное, специально придает себе такой вот типично докторский вид, чтобы произвести неотразимое впечатление на свою клиентуру. Затем вспомнил о том, что доктор Льюис служит в местном морге, а стало быть, у клиентуры его нет другого выбора: ни один из его клиентов никогда его даже не *видел*. А чтобы не быть заподозренным в желании подслушивать чужие разговоры, Джем сразу же вернулся на кухню, где Лори накладывал себе уже вторую порцию кукурузного пюре.

– Скоро ты станешь таким, же толстым, как твой отец.

– Отцу моему чихать на тебя, сметанная рожа.

Тут через тонкую перегородку послышался хорошо по-

ставленный голос доктора Льюиса:

– Я обследовал тело; не знаю, могу ли я говорить об этом в присутствии Леонарда...

– Продолжайте, док; Леонард у нас глух, как тетерев.

Леонард вежливо улыбнулся, как бы подтверждая справедливость сказанного.

Льюис прочистил горло, а Джем подумал: «Ну и комедиант!»

– По правде говоря, такого за многие годы работы мне видеть еще не доводилось. Я имею в виду такой... звериной жестокости. Все внутренние органы изорваны и частично, я бы сказал... сожраны.

– Сожраны? Собакой, что ли?

– Трудно сказать, кто это сделал; одно ясно: на такое способен лишь разъяренный безумец. Руки и ноги оторваны, а по всему телу – следы укусов.

– Может быть, целая свора собак? Учитывая, что в городе есть целая куча болванов, которые заводят собак довольно опасных пород, вряд ли стоит удивляться, что... – сквозь зубы проговорил Уилкоккс.

Но хорошо поставленный голос доктора Льюиса перебил его, прозвучав при этом несколько тише, чем прежде:

– Я не склонен думать, что в этом повинны собаки, шериф, ибо... гм... следы укусов очень четкие и... гм... по моему мнению, речь может идти лишь о зубах, причем – бесспорно – человеческих.

Лори замер, так и не успев поднести очередную ложку с пюре ко рту. Джереми затаил дыхание. Тут послышался хриплый голос Деда:

– Вы хотите сказать, что несчастная девочка была *сожрана* человеческим существом?

— Да, именно это я и хочу сказать, Леонард. И помоему, *сожрана живьем*.

Лори медленно выплюнул назад в тарелку полупережеванное пюре с ветчиной.

– Черт возьми, Лори, да ты совсем белый стал!

– Не смешно! – возразил Лори, вытирая рот рукавом.

Раздался голос Уилкокса с характерным для него легким тягучим акцентом:

– Не нравится мне все это, совсем не нравится. Уж коли Биг Бюргер взялся жрать людей прямо так, сырьем...

В ответ Льюис возмущенно заметил:

– Я нисколько не шучу, шериф.

– Не сердитесь, доктор; жизнь и так слишком коротка для того, чтобы портить себе кровь, – вряд ли вы возьметесь утверждать обратное. Ладно; если я все правильно понял, нам придется иметь дело с каким-то чокнутым.

– Похоже, да... Ей буквально выскребли одну глазницу, Уилкоккс, дочиста выскребли.

– Может, этот тип еще и кусочком хлеба ее подтирал? – пробурчал Уилкоккс, отхлебывая пива, и в голосе его сильнее, чем когда-либо, проскользнули крестьянские интонации.

На мгновение воцарилась тишина; было слышно только, как Льюис нервно задвигал ногами по полу.

– Вам вовсе не обязательно корчить из себя словно сошедший с телеэкрана стандартный образец шерифа – этакого толстого болвана-алкоголика.

– Иначе тебе непременно придется обзавестись и черными очками, Герб, – вклинился в разговор Дед Леонард.

– Никогда в жизни их не носил; солнцу я предпочитаю смотреть прямо в лицо, как и всем, кто под ним ходит. Извините меня, Льюис; я, кажется, вас малость взвинтил, но такая уж у меня привычка: вечно болтаю всякую ерунду, не могу без шуток; как-то в «Космополитен» я вычитал, что это не что иное, как способ защиты от агрессивности окружающего мира.

Джереми едва сдержался, чтобы не захохотать во всю глотку, а за ним и Лори. Один ноль в пользу шефа Уилкокса.

Льюис откашлялся:

– Вот первый набросок моего отчета, шериф, я оставляю его вам; прошу извинить, но мне пора: у меня еще масса работы.

– Спасибо, док. И будьте осторожны, если вам вдруг попадется на пути субъект с клыками до колен. Да, кстати: никому ни слова обо всем этом, о'кей?

Льюис не счел даже нужным ответить – секунду спустя послышался звук отъезжавшей машины.

– Терпеть не могу этого засранца – стопроцентный амери-

канец, видишь ли, – проворчал Уилкоккс, и Лори с Джемом отчетливо слышали, как забулькала очередная порция пива, которую он опрокинул себе в глотку. – Всякого, кто не слишком уж чисто одет, считает за дерьмо койота. Ладно; мне тоже пора; должно быть, они там уже покончили с тараканьим геноцидом.

– Что же ты собираешься делать, Герб, со всей этой историей?

– Еще не знаю, Леонард, но, если Льюис не ошибся, нас, я думаю, ждет большая-пребольшая куча всяких гадостей... Ты можешь себе представить, как я явлюсь к Эмме и Уэсу да сообщу им, что их дочь сожрал живьем какой-то сумасшедший? Представляешь, во что мигом превратится город, когда все его добропорядочные граждане повытащат свои ружья из шкафов? Не могу я объявить во всеуслышание о подобной мерзости. Мне нужно подумать как следует.

Лестница заходила ходуном под тяжелыми шагами Уилкоккса, затем хлопнула дверца машины.

Джереми взглянул на Лори – тот допивал свою кока-колу. И, выпучив глаза, произнес:

– Сожрана живьем!

Лори поставил чашку и уставился на нее так, словно на дне ее надеялся прочесть будущее. Затем помотал кудрявой головой:

– Оставь свои шуточки. Забавно, но у меня такое ощущение, будто я уже пережил когда-то всю эту историю.

Джем вытер свою тарелку кусочком хлеба.

– Естественно: ни дать ни взять начало какой-нибудь очередной ужасовки по телику.

Тут вошел Дед Леонард и окинул их внимательным взглядом из-под кустистых бровей.

– Ну что, сопляки, неплохо повеселились, подслушивая разговоры взрослых?

– Дед, а разве и в самом деле существуют люди, способные на такое? Убить кого-то, а потом его съесть?

Дед пожал плечами:

– Не так уж давно все люди были каннибалами; не исключено, что кое-кто до сих пор сохранил вкус к такого рода трапезам... А ну-ка, быстренько уберите все это и брысь отсюда, мне еще поработать надо. И если я когда-нибудь узнаю, что вы кому-то об этом рассказали...

Леонард так и не закончил этой фразы, ибо продолжение ее Джем и Лори знали наизусть: «Я вам языки, глаза и яйца повыдеру» – в порядке вещей.

В полной тишине они вымыли тарелки, Джем вытер губкой клеенку, а Лори тем временем поставил посуду в сушилку. Дед уселся за кухонный стол, водрузив рядом с собой ящик со старыми, вышедшими из строя радиоприемниками. Старые радиоприемники были его страстью; он обожал их чинить, копаться в их проржавевших внутренностях, заново покрывать лаком их деревянные корпуса. Он вел тщательный учет своей коллекции, и самой большой радостью

для него было сообщить вам, что «Пате-Маркони» 1928 года только что поймал какую-то нью-йоркскую станцию или же «Торонто» 1932 года начал вдруг издавать какие-то звуки, весьма похожие на русский язык.

А снаружи было уже совсем темно.

3

В маленьком морге царила тишина и спокойствие. Сибилла Дженингс покоилась в выдвижном ящике холодильника – словно разобранный на части мотор в ожидании хорошего механика. Однако, каким бы классным специалистом ни был в своем деле доктор Льюис, все равно он никогда уже не сможет ей помочь. В данный момент он в сотый раз пытался понять, какая нелегкая занесла его вдруг в Нью-Мексико. Ему глубоко противен был и сам этот район, и здешний климат, и местные жители. Что за нелепая идея его в свое время одолела: поселиться в Джексонвилле, тогда как по-настоящему работать он мог лишь в Аламагордо. Там, по крайней мере, он располагал приборами самых высоких технологий, у него в подчинении работали четыре ассистента, в его распоряжении было новейшее компьютерное оборудование. А здесь... Льюис поднял голову, оставив на мгновение пластиковые пакеты с кровью и разного рода кусочками человеческой плоти, на которые он наклеивал этикетки для лаборатории, и оглядел довольно тесную комнатенку, под потолком которой гудел допотопный вентилятор. И надо же еще так случиться, что у Стэна – студента, работавшего на полставки его ассистентом, – как раз теперь отпуск! Ведь даже если компьютерными играми он интересовался куда больше, чем своей работой, все же он несколько облегчал Льюису жизнь,

хотя бы частично избавляя его от самой рутинной части их ремесла. Тяжело вздохнув, Льюис включил маленький портативный магнитофон и принялся диктовать:

– Дополнения к протоколу вскрытия 4Б22, Сибилла Дженингс. Следы спермы на бедрах и в лишенной глаза глазнице. Сперма направляется на анализ в лабораторию Альбукерка.

Тут он вдруг умолк. Ему почудился какой-то короткий стон. Склонив голову, он прислушался. Ну разумеется, это ветер. В этой вонючей дыре всегда дует ветер. Даже песчаные бури бывают. Да, конечно, за жилье здесь приходится платить вдвое меньше, чем в больших городах, и он вправе по мере необходимости сколько угодно занимать маленькое помещение морга и в сверхурочные часы, получая за это прибавку к не такой уж маленькой зарплате, но все же это отнюдь не Бостон. Ах, Бостон... Снедаемый ностальгией, Льюис в тоске покачал головой и вновь принялся диктовать:

– По всей вероятности, смерть наступила между двумя и тремя часами ночи. В отличие от прочих органов, явно оторванных от трупа, пальцы на руке выглядят отрубленными каким-то инструментом типа топора, ножа, лопаты и т. п., кроме того...

Опять какой-то стон. Теперь уже более протяжный. Похоже на тоскливый вой привязанной собаки. Доктор подошел к окну и взгляделся во тьму. Слева, метрах в двадцати, светились зарешеченные окна полицейского участка. Должно быть, Уилкокс, эта жирная свинья, изучает его предвари-

тельный отчет. Льюис нажал на магнитофоне кнопку «стоп», перемотал пленку назад, поднес было палец к другой кнопке, включающей запись, да так и замер. Огромный черный таракан медленно и неуклюже карабкался на аппарат: лапки его то и дело соскальзывали с гладкой пластиковой поверхности.

– Только этого, черт возьми, мне тут и не хватало... – вполголоса произнес Льюис.

К насекомым он испытывал отвращение, причем настолько болезненное, что был не в состоянии даже раздавить подобную тварь. Он отступил назад, не сводя с таракана глаз, – так, словно взору его вдруг предстал свирепый тигр. Черный панцирь сверкал, жирное брюшко поблескивало в ярком свете лампы. Льюис почувствовал, как по всему телу у него заструился пот. Он прекрасно знал, что со стороны человека, годами кромсавшего трупы, – ведь на такую работу способны лишь самые храбрые люди, – подобный страх перед насекомыми просто смешон, но ничего не мог с собой поделать. Ему было страшно. С тех пор как началось это тараканье нашествие на город, он с ужасом постоянно ждал такого вот явления и попросил уборщицу применять удвоенную дозу инсектицида.

Но похоже, этого толстого мерзавца с постоянно подрагивающими усиками ничем не проймешь. Страшно подумать: ведь эти дрожащие лапки могут начать карабкаться по его голой руке, касаясь ее этим полосатым брюшком, добраться

до шеи, а потом... Стоп! Таких ужасных вещей даже и вообразить нельзя. Доктор оглянулся в поисках какого-нибудь метательного снаряда. Регистрационная книга. Он тихо подкрался к ней – то была довольно увесистая штука в голубом переплете. Таракану тем временем удалось вскарабкаться на магнитофон, теперь он уже полз по клавишам. Льюис занес над головой регистрационную книгу и готов был уже обрушить ее на это чудовище – размером оно было несколько не меньше большого пальца у него на руке, – как вдруг насекомое резко развернулось в его сторону, нажав при этом своим заостренным задом на клавишу, включившую магнитофон. Пленка пришла в движение.

И в тиши маленького кабинета раздался протяжный стон. У Льюиса аж дыхание перехватило: значит, ему вовсе не почудилось! Стон был записан на пленке. Затем послышался второй – более отчетливый. И в нем явно звучала глубокая боль, – может быть, кто-то звал на помощь? Ладно, потом посмотрим; сначала нужно уничтожить это омерзительное насекомое. Доктор вновь взмахнул было книгой, но тут же опустил ее и замер в нерешительности, опасаясь вместе с этим ужасным монстром разнести на части и магнитофон. Таракан удобно устроился на клавишах, потирая короткими лапками и покачивая головой.

Внезапно Льюис осознал, что является свидетелем факта совершенно невероятного: от таракана исходил премерзкий запах. Тяжелый, смрадный запах разлагающихся в мусорном

бачке отбросов. И тут же мысленно выругал себя за это: такое невозможно, тараканы ничем не пахнут и уж тем более не способны издавать столь жуткую вонь. Но откуда же тогда так несет тухлятиной? Что-то случилось с морозильным шкафом?

Оставив на пару минут таракана в покое, доктор пошел проверить электрическое табло. Все в порядке. Но запах тем не менее преследовал его, становясь все более тошнотворным. Может быть, где-то валяетсядохлая крыса? Он повернулся к магнитофону и с удовлетворением отметил, что эта бродячая мерзость была уже на столе – забралась в одну из складок пластикового мешка, содержащего в себе печень Сибиллы Дженингс. Взмахнув регистрационной книгой, Льюис изо всех сил швырнул ее. Раздался чавкающий звук, и из мешка брызнула кровь – прямо на его белый халат. Ударив книгой по тому же месту еще раз, доктор наконец решил ее приподнять. Таракан был раздавлен, равно как и пластиковый мешок, содержимое которого растекалось по столу. Черный панцирь плавал на кусочке фиолетового оттенка плоти посреди забрызганного кровью стола.

Льюис глухо выругался, бросился к шкафу, где хранились швабры, вернулся со щеткой и ведром; затем, сморщив от отвращения нос, смел в ведро остатки печени вместе с тараканом. Он пребывал в крайне взвинченном состоянии, как после настоящей драки. Взглянув на часы – водонепроницаемый сверхплоский «Ролекс», – он с яростью увидел, что уже

двадцать минут первого. Дурацкое насекомое отняло у него уйму времени. Прежде чем уйти, он обильно облил всю комнату инсектицидом. По крайней мере этот гнусный запах исчез. Затем написал записку уборщице, пояснив ей, что порвался один из мешков, и, выйдя на улицу, с наслаждением втянул в легкие свежий ночной ветерок. О записанных на пленку таинственных столах он напрочь позабыл.

Биг Т. Бюргер намеревался уже вонзить свои мощные челюсти в огромный кусок сочного бифштекса, как вдруг услышал чей-то голос:

– Энтони!

Он в полном изумлении отложил вилку. Вот уже тридцать с лишним лет никто не называет его так – «Энтони». Старый вояка подошел к окну и оглядел заросший пожелтевшей травой квадрат, который он именовал своей лужайкой. Чертов прожектор, способный якобы противостоять любой непогоде, опять вышел из строя, и возле дома царил почти непроглядная тьма. Вновь раздался все тот же голос – нежный, певучий:

– Энтони...

Биг Т. Бюргер наполовину высунулся в окно – ночь казалась совершенно спокойной. Вдруг что-то шевельнулось справа, в траве. Повинуясь выработанному за долгие годы службы рефлексу, он мгновенно отскочил от окна – и тут ему почудилось, будто там, снаружи, раздался едва слыш-

ный, полный разочарования вздох. Бесшумно попятившись назад, вглубь комнаты, Биг Т. добрался до старого сундука, доверху набитого военными реликвиями, выудил оттуда длинноствольный карабин 22-го калибра, зарядил его, стараясь орудовать при этом как можно тише, и вернулся к окну.

Лужайка уже не выглядела безлюдной. В самом дальнем ее конце, на опушке леса, смутно виднелась какая-то фигура. Женская фигура. Вспомнив о жутком убийстве Сибиллы, Биг Бюргер подумал о том, что, может быть, этой женщине грозит опасность и поэтому она попыталась позвать его на помощь. Но откуда ей знать его имя?

– Энтони...

Голос звучал нежно, но настойчиво.

– Кто там?

– Ты не узнаешь меня? – прошептал голос, в нем звучала бесконечная нежность.

Биг Т. Бюргер вздрогнул. Не мог здесь сейчас звучать этот голос, ведь он умолк навеки почти тридцать пять лет назад. Что-то тут не так. Все чувства старого десантника мгновенно обострились до предела. Если это – шутка, то довольно мерзкая. Его мама давно умерла и покоится на кладбище в доброй тысяче километров отсюда. В мозгу старого вояки словно замигала светящаяся надпись:

«Западня». Он прицелился, причем запястье его оказалось снаружи, за окном.

– Немедленно сматывайтесь отсюда, или я стреляю. Счи-

таю до трех. Раз... два...

Совсем рядом тихо треснула сухая ветка. Биг Т. молниеносно развернулся вправо и выстрелил. Яркая вспышка выстрела на мгновение разорвала тьму: никого. Но Биг Бюргер почувствовал, как что-то холодное пробежало по коже, словно царапая ее. Он взглянул на руку. На левом запястье красовался длинный порез, из которого на кафель пола капала кровь. Женщина за окном со смехом не спеша растаяла во тьме, плавно покачивая бедрами. *Что еще за цирк, черт побери?* Несмотря на жару, он закрыл окно и в задумчивости медленно вернулся к столу.

Жирный черный таракан деловито ползал по бифштексу. Ни на секунду не задумываясь, Биг Т. Бюргер не спеша поднял ружье, прицелился и выстрелил. Таракан вместе с тарелкой разлетелся на мелкие кусочки – словно на стрельбище. В глубине души старый вояка испытал некоторое удовлетворение. Затем он взглянул на закрытое окно. Определенно, в городе творится что-то ненормальное. Сначала малышка Дженингс, а теперь еще и это. Спать этой ночью он решил не раздеваясь и не расставляя с оружием. На своем веку он пережил три войны. Не хватало еще, чтобы он попался на старости лет как какой-нибудь желторотый новобранец.

Шеф Уилкоккс, четвертый раз подряд перечитав доклад доктора Льюиса, наконец отложил его в сторону. *Созрела живьем... Уверен, что этот жалкий сопляк Том на та-*

кое не способен; нет, абсолютно исключено. Внезапно он вспомнил о том, что недавно вечером Мосс рассказал ему о каких-то полоумных мотоциклистах, пытавшихся устроить полный бардак в его заведении. Этакие волосатые, сплошь покрытые татуировкой «Адские Ангелы», направлявшиеся в Неваду. Почему бы не они? Уилкоккс записал на клочке бумаги: «пров. Нев.». Но даже до предела накачавшиеся наркотиками какие бы то ни было «Адские Ангелы» вряд ли стали бы *жрать* девчонку. Убить, изнасиловать, расчленив труп – да; но *сожрать*? Однако, как бы там ни было, ведь кто-то же сделал это – так почему бы не те самые мотоциклисты?

Он провел рукой по своим густым, серовато-металлического оттенка волосам, пригладил усы и направился к автомату, чтобы налить себе стаканчик кофе. Санитарная команда поработала на славу: в помещении до сих пор воняло инсектицидом, хотя все окна были распахнуты настежь. Санитары обнаружили здесь больше тысячи насекомых – они сожгли их в специальной переносной печи. Хорошенькое дело. Как будто лето и без того не предвещало быть достаточно тяжелым – так нет же, надо вдобавок к этому тараканье-му нашествию случиться. Эти твари в один прекрасный уик-энд просто-таки наводнили всю округу. И теперь кишмя кишели в кухнях, гаражах, погребах, карабкались по стенкам мусорных бачков, толпами лезли в коридоры и даже в спальни. Такое в здешних местах случалось не впервые – столь же внезапные нашествия город переживал два-три раза в столе-

тие, хотя явление это для всех оставалось полной загадкой. Впрочем, Сибилле Дженингс теперь уже глубоко наплевать на всех этих тараканов. Уилкоккс перелистал стопку записок, оставленных ему Бойлзом. Звонки возмущенных граждан, какие-то нелепые доносы – такое разве что в сортире сгодится. Дважды звонили родители Сибиллы, один раз – мать Тома Прыща, а Лесли Андерсон из муниципального совета даже лично нанес визит. Уилкоккс смял листки, скатал из них шарик и запустил его в корзину для бумаг. Дело дрянь. Ну что он может сказать этому болвану Лесли Андерсону?

Он быстро выпил кофе и посмотрел на часы: двадцать минут первого. Пора спать. Завтрашний день может оказаться и похуже. Да, да – это одно из тех правил, которые совсем нелишне вбить себе в башку: завтра всегда может быть еще хуже, чем сегодня. Герби Уилкоккс никогда не был оптимистом; должно быть, это у него от матери – будучи по своему происхождению из племени навахо, она работала проституткой; потом один славный парень – рабочий металлургического завода по имени Т. С. Уилкоккс – в конце концов женился на ней; полгода спустя, подарив миру младенца Герберта, она умерла, – наверное, для нее это было нечто вроде передозировки счастья.

А тем временем во мраке, в непроглядной ночи, голова ангела в старинной часоуенке тихонько покатилаь сама по себе. Проржавевшая решетка дрогнула, сотрясенная глухим

ударом. За ним последовал второй, сопровождавшийся каким-то металлическим смешком. Легкий ветерок поднялся и побежал меж тихих могил – насыщенный миазмами, слегка подрагивающий, похожий на чей-то насмешливый шепот. Золоченые буквы на надгробии Мартинов мигали в лунном свете, словно неоновая вывеска.

Никакой школы, никаких уроков! То была первая мысль, пришедшая Джемму в голову при пробуждении. Никаких уроков, а вдобавок еще Сибиллу Дженингс сожрали живьем. Он быстро вскочил с постели, как попало умылся и устремился в кухню. Дед сидел во дворе и читал газету, устроившись на старой чугунной печи, которую никто – даже какой-нибудь истосковавшийся по своим деревенским корням житель Нью-Йорка – ни за что не захотел бы купить.

Джем быстро проглотил завтрак, выпил стакан апельсинового сока и попытался было незаметно улизнуть через заднюю дверь. Однако голос Деда словно пригвоздил его к месту:

– Джем! Ты должен зайти к Даку: нужно заказать мазута. А еще я составил список покупок, так что бери мой велосипед и – вперед.

Джем с ненавистью глянул на старый облупившийся велосипед с обтрепанным сиденьем. С такой развалиной на гонки не сунешься. Прислонившись к газовой плите образца 1958 года, он просмотрел список покупок, сунул его в карман и

сел на велосипед. Ладно хоть Лори живет совсем рядом со станцией Дака, а Дед вовсе не приказывал вернуться тотчас же.

– И не шляйся где попало, теперь не самое подходящее время для этого, – не поднимая головы от газеты, добавил Дед.

– Я, может быть, только к Лори заскочу ненадолго, мы с ним собирались кое-что посмотреть.

– В «Плейбое» или «Пентхаузе»? – поинтересовался Дед, и его громкий смех раскатился по всему дому.

Дед намекал на тот случай, когда он застукал их с Лори однажды в сарае, – они втихаря просматривали журналы, которые им удалось незаметно стянуть у Тоби Робсона.

Дед тогда ничего не сказал, но оба они внезапно почувствовали себя до безобразия маленькими. Джем невольно покраснел и быстро уехал, изо всех сил нажимая на педали. В конце концов Дед был всего лишь стариком, причем плохо воспитанным – почти босяком каким-то, чудом сохранившимся обломком древних времен и ровным счетом ничего не мог понимать в душевных страданиях современной молодежи.

Июльское утро было просто прекрасным; Джема мигом охватила беспричинная радость. В воздухе витал аромат жимолости. Наконец-то каникулы: бесконечный бег по каньонам, купание в реке. Внезапно в душу Джема вкралось опасение, что в связи с *убийством* Сибиллы, *ужасным убий-*

ством, всякие игры в окрестностях реки будут запрещены. В задумчивости он забыл подать сигнал о повороте и тут же вздрогнул оттого, что совсем рядом кто-то яростно нажал на клаксон.

– Ты что, парень, совсем голову потерял? Я же чуть не раздавил тебя!

– Простите, мистер Джонс.

Мистер Джонс строго посмотрел на него, покачав смуглой головой с черной блестящей шапкой волос – такой черной и блестящей, что весь город был уверен, будто его мать, эта старая святоша, такая же бледная и белобрысая, как и ее покойный супруг, наверняка в свое время согрешила с одним из «ранчерос» Германа Моргенштейна.

– В городе и без того хватает бед, тебе не кажется? – продолжал мистер Джонс; будучи тренером баскетбольной команды, он, похоже, возомнил, что на него возложена высокая миссия наблюдения за моральным обликом молодежи вообще – особенно если речь шла о весьма мускулистых подростках; Джем тем временем мысленно напевал: «Отец твой был рогоносцем, а мать – лицемерка ужасная», а затем очень вежливо произнес:

– Да, мистер Джонс, я постараюсь быть повнимательнее...

Мистер Джонс наконец соизволил тронуться с места, на прощание погрозив Дjemu пальцем. Как только его старенький проржавевший грузовичок скрылся за поворотом, Джем самым неподобающим образом показал ему вслед язык, а

затем вновь принялся нажимать на педали. По пути ему частенько попадались небольшие группы взрослых – вид у них был чрезвычайно возбужденный; зажав в руках пакеты с продуктами, они тихонько что-то обсуждали, из чего было ясно, что весь город говорит об убийстве. Мужчины, выпятив грудь, размахивали руками, у женщин горели глаза. Джем подумал о том, что сорок процентов местных жителей – испанского происхождения, так что люди весьма горячих кровей в Джексонвилле не редкость; ему и самому нравилось иногда размышлять о жизни своих далеких предков: всякие там матадоры, фламенко, паэлья³.

И все же было бы совсем неплохо, если бы шеф Уилкокк поймал убийцу поскорее. Джем не думал, что все это сотворил Том Прыщ, – его так прозвали из-за вечных прыщей на лице. Конечно же, мозгов у Тома почти что нет, зато глоткой его Бог не обидел, но Джем ни на минуту не мог его представить *пожирающим* свою подружку. Пожирать он склонен был разве что молочные коктейли, отпуская при этом довольно грязные шуточки, смеяться над которыми был способен только он сам да его бездари-приятели с дурацкими гребешками из волос на голове. Но если люди не успокоятся, они ведь в конце концов способны запросто линчевать этого несчастного Тома...

Наконец станция обслуживания Дака – одиноким строением она вырисовывается на горизонте. Джем сбавил ско-

³ Паэлья – испанское блюдо из рыбы, мяса, риса и овощей.

рость и въехал на земляную площадку. Дак – с восхищением младенца, получившего вожаделенную бутылку с соской, – любовался набором каких-то грязных железяк.

– Привет, Дак; мне нужно заказать тебе мазута.

Дак ничего не ответил, ибо уже старательно чистил одно из своих «сокровищ».

– Эй, ты слышишь меня?

Дак едва заметно шевельнул губами:

– Мазут.

– Вот именно, мазут. Как всегда. Ты не забудешь?

Дак передвинул жвачку за другую щеку:

– Нет.

Джем, смирившись, покачал головой и вновь сел на велосипед. Теперь – к Лори. Покупки могут и подождать. И тут же едва не столкнулся с идеально чистой, сверкающей «тойотой» цвета морской волны, – она принадлежала доктору Льюису.

– Осторожнее, мальчик, так ведь можно и поранить кого-нибудь! – крикнул ему Льюис, которому его псевдоблагожелательный тон давался с явным трудом.

Выглядел он страшно усталым: бледный, а веки все время подрагивают, словно у него нервный тик.

– Прошу прощения... – сквозь зубы процедил Джем, нажимая на педали.

Он представил себе, как Льюис всю ночь, склонившись, возился с останками Сибиллы, и по телу у него пробежала

дрожь. Судебно-медицинский эксперт – это, пожалуй, даже покруче, чем агент ФБР.

Машина отца Лори стояла возле дома, именно он и открыл Джему дверь. Его необъятное тело, облаченное в ярко-желтый халат, занимало весь дверной проем. Тоби Робсон сощурил глаза, глядя прямо перед собой, прикидываясь, будто не понимает, кто же мог звонить в дверь; затем наконец, опустив взгляд, «увидел» Джема.

– А, так тут все-таки кто-то есть!

И рассмеялся, добродушно потрепав мальчика по голове.

– Заходи; Лори все еще сидит за своим дурацким компьютером. По-моему, скоро у него голова станет плоской, как дискета.

– Здравствуйте, мистер Робсон, – удалось наконец сказать Джему, – и когда же вы наконец разделаете в котлету Майка Тайсона?

Тоби Робсон громко захохотал, затем повернулся боком, чтобы Джем смог протиснуться между дверным косяком и трясущимся от смеха брюхом хозяина дома.

– Дорогу ты хорошо знаешь, так что извини, провожать не буду, а вернусь к своему завтраку. Кстати, хочешь блинчиков?

– Нет, спасибо, я уже поел.

Неспешной походкой бронтозавра Робсон удалился на кухню, а Джем, прыгая через две ступеньки сразу, бросился в комнату Лори.

Тихо гудел компьютер. Лори – в пижаме, непричесанный – не сводил глаз с экрана.

– В конце концов ты просто ослепнешь, – заявил Джем, входя в комнату.

– Знаешь, что такое квадратный корень числа 25 354?

– Понятия не имею...

– Квадратный корень числа 25 354 равен сумме цифр, составляющих дату рождения Сибиллы Дженингс, умноженный на сумму цифр даты полнолуния в этом месяце.

– Класс! И что с того?

Лори устало повернулся к Джимму:

– А то, что Джимми говорит, что число 25 354 – это число семейки Мартинов.

Джем постарался сдержать охватившее его раздражение. Ну угораздило же Лори спятить именно в такой момент!

– Послушай, Лори: компьютеры не разговаривают; они только обрабатывают информацию и проделывают заданные им операции, только и всего.

– Да, пока что дело обстоит именно так. Кстати, Джимми объяснил, почему ты мне не веришь: в твоих цифровых данных присутствует число скептицизма.

– То есть?

– Тройка.

Джем склонился к Лори:

– Лори, ты хочешь сказать, что эта куча японской пластмассы способна разговаривать с тобой обо мне?

Он помахал рукой перед экраном и, внезапно изменив голос, произнес:

– Привет, о достопочтенный Кисекисету!

Затем выждал некоторое время в надежде на то, что экран вдруг мигнет ему в ответ или хотя бы ехидно выдаст какую-нибудь надпись типа: «Здравствуй, Джем». Однако ничего подобного не произошло. И Джем вздохнул – уже куда спокойнее. Лори выглядел очень расстроенным. Он встал и пошел переодеваться.

– Ты пугаешь его. Потому что вечно над ним насмехаешься.

Джем предпочел не возражать. Лори всегда был несколько склонен к мистике, это пройдет само собой – нужно только немного подождать. И он растянулся на кровати, дожидаясь, когда Лори натянет шорты и футболку и попытается расчесать свою спутанную шевелюру.

– Я готов, – сказал Лори, доставая бейсбольную биту. По субботам они всегда немножко играли в бейсбол, дабы выглядеть настоящими американскими мальчишками – как в кино. Джем поднялся, и они спустились по лестнице.

– Подожди минутку, я сбегая за каскеткой!

Лори исчез, в прачечной. Джем остался один в коридоре возле маленькой двери, ведущей в погреб. Оттуда доносились какие-то неясные звуки. Он прислушался. Чей-то плач... Да, плач, чьи-то сдавленные рыдания... Затем – тягучий голос миссис Робсон: «Я не могу так больше, Тоби,

не могу...»; и – глухой голос Тоби Робсона: «Но назад вернуться невозможно, Тельма; мы никогда не сможем вернуться назад!»

Вот черт! Похоже, родители Лори и в самом деле собираются развестись? Хорошего мало, если так и случится. Тут внезапно совсем рядом с ним возник Лори, торжествующе размахивая каскеткой с вмонтированным в козырек крошечным радиоприемником.

– Вот так, приятель! Теперь мы с тобой будем постоянно в курсе всех новостей.

Спеша как можно скорее выйти из дома, чтобы Лори ненароком не услышал того, о чем говорят его родители, Джем изобразил на лице улыбку и быстро бросился на улицу, толкая Лори перед собой. Жара стояла невыносимая. Воздух дрожал так, что казалось, будто станция обслуживания Дака пляшет на бетонной площадке. Там, прислонившись к стене возле стоянки, стоял этот здоровенный мешок дерьма – Чевви Алонсо; он лениво переговаривался со своим приятелем – Б. 2, таким же точно засранцем. Они явно старались всячески привлечь всеобщее внимание, пытаясь изобразить из себя этаких «крутых» парней: татуировки, бритые головы. Лори с Джемом изо всех сил старались ни в коем случае не встретиться с ними взглядом: эти идиоты на что угодно способны. Например, «шутки ради» гнать их вдоль шоссе пинками своих остроносых ботинок со скошенными каблуками; нет, такие номера ребятам были вовсе не по вкусу.

Большой зеленый автобус с кондиционером, следующий из Гэллопа, величественно затормозил возле старенькой проржавевшей таблички с указанием остановки. Ему еще предстояло ехать, а точнее, тащиться аж до Сиудад-Хуарес, что по ту сторону границы. При виде него невольно хотелось забраться внутрь и месяцами подряд, ничего не делая, глядеть на проносящийся за окнами пейзаж – будучи таким типом в старой потертой джинсовой куртке, с реденькой бородкой и бутылкой виски в кармане. А еще – с коробком тех спичек, которые можно зажигать о подошву сапога или о стену какой-нибудь мексиканской таверны.

Автобус уехал. Вместо него на шоссе осталась лишь какая-то девушка; покачивая бедрами, с чемоданом в руке, она вышагивала вдоль дороги. На ней были джинсы в обтяжку, ярко-красная футболка и холщовые туфли на высоких каблуках, веревочки которых были обвязаны вокруг щиколоток. Светлые кудряшки развевались на ветру. Прервав то невнятное бурчание, что заменяло им разговор, Чеве Алонсо и Б. 2 дружно обернулись и многозначительно присвистнули. Девушка, нисколько не прибавив шагу, лишь в знак примирения спокойно подняла над головой тонкий пальчик.

– Как ты думаешь: это новое воплощение в жизни Мэрилин Монро? – шепнул Лори на ухо Джемму.

Девушка не спеша дошла до станции обслуживания Дака и свернула в сторону застекленной конторки, возле которой стоял автомат с напитками. Джем и Лори будто онемели, не

зная, что и сказать. Если эта девушка – всего лишь сон, то это чертовски интересный сон! Даже не взглянув на Дака, склонившегося над мотором какого-то фургончика, она опустила в автомат монетку, получила банку как следует охлажденного апельсинового напитка и принялась не спеша, но с явным наслаждением его пить.

Джем и Лори, стоявшие по другую сторону шоссе, напроць забыли не только о бейсболе, но даже о Сибилле Дженингс. Чеви Алонсо яростно чесал у себя в промежности, а Б. 2 смеялся, словно идиот, демонстрируя при этом полный набор гнилых зубов. Девушка выбросила пустую банку в мусорный бачок и двинулась дальше. А поскольку по пути ей попался с увлечением копавшийся в моторе наполовину торчавший из-под капота машины Дак, она посмотрела на него, а затем похлопала его по плечу. Джем и Лори видели, как он – с совершенно ошеломленным видом – выпрямился. Девушка что-то у него спросила. Дак, похоже, призадумался на некоторое время, затем указал ей на въезд в город, расположенный метрах в ста от станции.

– Она ищет мотель, – высказал предположение Лори.

Девушка поблагодарила Дака и пошла в указанном ей направлении, покачивая весьма аппетитными бедрами; футболка плотно обтягивала верхнюю часть ее тела, и было заметно, что она без лифчика. А Дак – кто бы мог подумать? – замороженно смотрел ей вслед, теребя в руках какую-то старую промасленную тряпку.

– Ты только взгляни на Дака: в кои-то веки на нормально-го человека стал похож! – воскликнул Джем, толкнув Лори локтем в бок.

Огромный дизельный грузовик, на сверкающем боку которого был изображен Кристофер Ли, с налитыми кровью глазами преследовавший какую-то блондинку, с оглушительным шумом проехал мимо мальчиков, окутав их удушающим облаком грязно-желтой пыли. Все очарование как рукой сняло. Джексонвилль вновь стал забытой провинциальной дырой, Чеви и Б. 2 – двумя жалкими деревенскими придурками, девушка – самой обычной приезжей, а Дак – неизлечимым идиотом.

Джем слегка взмахнул зажатой в руке битой:

– Так идем или нет? Мне еще целую кучу покупок нужно сделать для старика.

И они беззаботно пустились бегом, счастливые тем, что этот свободный от занятий день, благоухавший запахом жасмина, предвещал быть просто великолепным, – нисколько не подозревая о том, что последующие дни обернутся для них совсем иначе.

Льюис поправил на лице маску и выдвинул ящик с останками Сибиллы Дженингс. Уцелевший глаз девушки был открыт и пристально смотрел на него. Льюис намеревался проверить кое-что в полости живота. Ведь вполне возможно, что внутренности оттуда были вырваны с целью скрыть начальную стадию беременности... Зазвонил телефон. Ворча, док-

тор задвинул ящик назад, да так резко, что создалось впечатление, будто бы Сибилла покачала головой. Просто ужасно, что Стэна нет и все приходится делать самому! Он снял трубку:

– Доктор Льюис слушает.

– Простите? – переспросил собеседник на другом конце провода.

– Доктор Льюис слушает, – повторил он погромче, внешне осознав, что голос его звучит слишком глухо.

Ощущение было такое, словно губы у него вдруг стали картонными. Язык еле ворочается, пищеварение плохое – машинально отметил он, словно пытаясь поставить диагноз.

– Простите, доктор, вас плохо слышно, – произнес голос в трубке.

– С кем я разговариваю?

– Гарри Боунз, из лаборатории Альбукерка; я тут уже немножко посмотрел присланную вами сперму.

– А, здравствуйте, Гарри; ну и что новенького скажете по этому поводу?

– Это не сперма.

– Что?

Снова такое ощущение, будто рот набит ватой. В трубке – очень взволнованно – вновь зазвучал голос Боунза:

– Во всяком случае, таковой она уже не является.

– Объясните же толком...

Льюис начал нервничать. Он сильно вспотел. И уже раз-

мышлял о том, не подцепил ли он где-нибудь этакий «славненький» летний грипп.

– Речь, несомненно, идет о семенной жидкости, но принадлежит она субъекту уже умершему.

– Умершему? Вы хотите сказать, что она украдена из банка спермы?

– Нет, я хочу сказать, что эта сперма взята непосредственно от трупа. В ней нет ни единого живого элемента. Льюис, вы меня слышите?

– Да, просто призадумался немного. Вряд ли это упростит нам задачу.

Опять этот мерзкий запах. Определенно, где-то поблизости валяется какое-то дохлое животное. Сперма. Труп. Внезапная эякуляция у трупа? Или человек умер, едва успев сбросить семя? Что еще за фокусы?

– Вы совершенно уверены в том, что сказали?

– На все сто процентов. Должно быть, сперму извлекли из достаточно свежего трупа – такое объяснение представляется мне единственно возможным.

Извлекли. Легко сказать: извлекли. Но как? Льюис вздохнул. Ему никак не удавалось как следует сосредоточиться. По правде говоря, он испытывал довольно странное ощущение – словно с минуты на минуту и вовсе потеряет сознание. Тем не менее он сумел-таки проговорить в трубку:

– О'кей, Боунз, я сообщу об этом шерифу Уилкоксу. Спасибо за оперативность.

– Да не за что. Желаю удачи.

Боунз повесил трубку, спеша поскорее вернуться к своим пробиркам в чистенькой лаборатории Альбукерка, где, несомненно, работает кондиционер. Льюис бросил взгляд на вращавшийся под потолком огромный вентилятор. А почему бы не негр с пальмовой ветвью, коли на то пошло? Вся эта безнадежно тупая деревенщина упорно отказывается раскошелиться на какие-то жалкие гроши, чтобы снабдить его рабочее помещение кондиционером. Наверное, тот факт, что в городском морге есть морозильный шкаф, уже кажется им величайшим достижением цивилизации!

«Мертвая» сперма... Это невольно наводит на мысль о существовании еще одного трупа – безусловно, где-то совсем рядом, вдобавок порядком обезображенного, раз уж ему отрезали в низу живота все, что требовалось. Доктор вытер лоб бумажным платком, тупо посмотрел на оставшиеся на нем каштанового цвета пятна, затем скатал платок в шарик и сердито швырнул в корзину для бумаг. Чертова пыль, чертов городишко, чертовы тараканы, чертовы мерзкие трупы!

Дрожа с головы до ног, Льюис набрал номер Уилкокса. Как только он сообщит «приятные» новости этой жирной свинье, сразу же вернется домой и ляжет в постель.

Положив трубку на рычаг, Уилкоккс задумчиво почесал в голове. Сперма от мертвеца. Значит, где-то лежит еще один труп. Труп мужчины. Все это отнюдь не предвещает ниче-

го хорошего. Уилкоккс прекрасно знал, как именно ему следует поступать в подобных случаях. Он должен позвонить в ближайшее Управление государственной полиции и попросить помощи у этого старого идиота Базза Фостера. От одной лишь мысли о том, что ему придется встретиться с Баззом Фостером, Уилкоккс зубами был готов скрежетать. Мало того что старый негодяй был типичным продуктом штата Алабама, сделавшим себе карьеру, исключительно ломая кости и жизни неграм да индейцам, вдобавок между ними произошла в свое время та «премиленькая» история. Пусть с тех пор и прошло уже два десятка лет, это вряд ли что-то меняет.

Санта-Фе, 1973 год. В те времена Базз Фостер был всего лишь простым сержантом. А Герби Уилкоккс – ретивым двадцативосьмилетним полицейским; он тогда предпочел прекратить свои занятия кечем – пока мозги окончательно в кашу не превратились – и решил сделать карьеру в государственной полиции. Его включили в состав подразделения, которым командовал Базз Фостер, чем Фостер остался очень недоволен. Ведь до этого под его началом служили исключительно белые ребята – стопроцентно белые. Долгие месяцы Фостер только тем и развлекался, что всячески вставлял ему палки в колеса. А потом в один прекрасный вечер Фостер основательно напился – куда больше обычного. Они возвращались после патрулирования по городу. Фостеру явно хотелось выкинуть какой-нибудь гадкий номер; он задержал ка-

кого-то несчастного перепуганного чикано⁴, мирно возвращавшегося домой, и принялся бить его смертным боем под тем предлогом, что тот якобы не так на него посмотрел. Уилкоккс некоторое время молча наблюдал эту сцену. Затем положил оружие на заднее сиденье автомобиля, снял форменную куртку, схватил Фостера за яйца и как следует сжал их.

Тем вечером Базз Фостер хорошо поплатился за все свои идиотские «шуточки» с неграми и индейцами. Вспомнив об этом, Уилкоккс невольно улыбнулся, сидя в кресле. Ведь взбучка, которую получил от него этот засранец, была одним из тех поступков, что делают мужчину мужчиной. Теперь – в память о том самом вечере – Базз Фостер имеет вставную челюсть, но тем не менее служит уже в чине капитана. Тогда как карьера Уилкоккса на том и лопнула – с треском и скандалом; дальше он вынужден был долгие годы гнить в Джексонвилле. Но зато здесь он был просто-таки воплощением закона. Нет, черт возьми: все что угодно, только не сто десять кило этой свиньи Базза Фостера; не хватало еще, чтобы он топал из угла в угол по кабинету Уилкоккса и жевал свои вонючие сигары.

Есть ведь и другое решение проблемы: не ставя ни о чем в известность Фостера, через его голову напрямую обратиться в ФБР. Ну конечно – почему бы нет? Мотоциклистов для этого, правда, маловато, тем более что его звонок в Неваду ничего не дал: там ничего подобного не появлялось. Уилкоккс

⁴ Мексиканский эмигрант в США.

достал лежавшую за его спиной пачку старых газет, быстро просмотрел их и нашел именно то, что нужно. Да, вполне подходящий случай: некий тип, которого подозревают в совершении целой серии преступлений в Техасе. Он вполне мог пересечь границу штата. Уилкокс подумал о том, а не вызвать ли агентов ФБР немедленно, однако перспектива вынужденного общения с этими занудами в старомодных костюмах, с их вечными кондиционерами, чуть ли не в подштанники засунутыми, несколько развеяла его решимость. Лучше выждать еще сутки и посмотреть, что будет дальше. Если дело и впрямь примет дурной оборот, вот тогда он их и вызовет. А пока, хотя с его точки зрения это будет пустой тратой времени, он вновь пойдет повидаться с Томом Прыщом, дабы кое-что уточнить.

Внезапно дверь резко распахнулась и в комнату вкатился маленький человечек с непомерно огромной и почти квадратной головой – запыхавшийся и очень красный.

– Черт возьми, Уилкокс, что происходит? Вы до сих пор не арестовали Тома?

– Успокойтесь-ка, Лесли; у нас все-таки пока еще не банк ограбили...

Лесли Андерсон унаследовал в свое время пост директора «Саут энд Вестерн Бэнк», мраморный фасад которого наблюдал жизнь уже четырех поколений обитателей Джексонвилля. Лесли приосанился, выпятив нижнюю челюсть:

– Ваши «тонкие» шуточки способны позабавить лишь вас,

шериф. Произошло страшное убийство – убийство девочки, горячо любимой самыми выдающимися гражданами нашего города.

Если бы ты только знал, до какой степени страшное...

— Поэтому я решил прийти сюда, чтобы спросить, что же вы намерены делать дальше.

– Свою работу. С Тома взята подписка о невыезде. Не думаю, чтобы он оказался способен на такое преступление. С другой стороны, Мосс сообщил мне о какой-то банде накачавшихся наркотиками мотоциклистов – на днях они попытались учинить дебош в его заведении. А как раз такого рода парни и интересовали больше всего нашу покойную «святую деву».

– Да вы просто отвратительны. Не понимаю, как вполне разумные люди могли в свое время избрать вас на этот пост.

– Могу лишь заметить, Лесли, – на тот случай, если вы сами не обратили на это внимания, – это вовсе не город, а настоящий хлев... Прошу прощения, но меня ждет работа.

– Советую вам, Уилкокс, поживее пошевеливаться, не дожидаясь, пока кто-нибудь даст вам хорошего пинка под зад.

Дверь громко захлопнулась.

Уилкокс повернулся к Бойлзу, своему помощнику, с бешеной скоростью печатавшему на машинке какой-то протокол.

Стивен Бойлз с виду был вылитым офицером-эсэсовцем. Холодные голубые глаза, квадратный подбородок, бритая го-

лова и орлиный нос. Высокий, худой, с жесткими прямыми плечами, он всегда был одет в безупречно отутюженную форму с туго накрахмаленным галстуком; глаза его обычно были скрыты под черными поляризованными очками, ходил он очень быстро, а если вдруг окидывал вас взглядом, то создавалось такое впечатление, будто он решает, стоит вас отправить в крематорий сию же минуту или можно повременить.

В действительности же – что больше всего изумляло тех, кто не был с ним знаком и воображал, естественно, что по выходным он подвергает пыткам каких-нибудь несчастных проституток или же дрессирует злобных доберманов, – единственной страстью Брйльза была музыка. Он буквально помешался на джазе и обладал редчайшей коллекцией пластинок тридцатых – сороковых годов, вполне стоившей небольшого состояния. Он неплохо играл на трубе и охотно выступал со своей группой как на танцевальных вечерах местного клуба, так и в крошечных малоизвестных заведениях. В состав «Бойлз Хот Трио» входили: трубач Стивен Бойлз, пианист Чак Хамстер и Диззи Джиантс, игравший на контрабасе. Диззи был владельцем бакалейной лавочки в одной индейской деревне, а Чак работал дежурным администратором в довольно большом отеле в Хот-Спрингс.

Уилкоккс склонился к Стивену:

– Эй, мистер Паганини, мне тут нужно отлучиться на минутку. Будешь дежурить до моего возвращения.

Стивен лишь кивнул, продолжая печатать протокол – отчет об очередной ночной потасовке. Уилкоккс, стоя уже в дверях, произнес:

– Вообще-то та сперма, которую нашли в пустой глазнице девчонки, принадлежит какому-то покойнику.

Бойлз мгновенно поднял голову, прекратив печатать:

– Что?

Однако шериф Уилкоккс уже исчез за дверью – едва заметно улыбаясь.

Положив биту, Джем рухнул в пожелтевшую траву:

– Не могу больше! До смерти устал!

Лори, изобразив из себя само воплощение превосходства, насмешливо заметил:

– Белый малыш оказался совсем хлипким...

Джем одним прыжком вскочил на ноги:

– Хорошей взбучки захотел, макака несчастная?

Лори схватил его за плечи и с легкостью отбросил шагов на десять. Он прилежно проходил курс борьбы Вьет Во Дао с помощью видеокассет.

Поднявшись на ноги, Джем отвесил ему низкий поклон:

– Блаво, уважаемый малыш Лобсон, вы потлясающе сильны! О-ля-ля, ты видел, который час? А мне непременно нужно купить продукты, иначе Дед меня просто убьет!

– Ох, бедняга... Ладно; о'кей, приятель, не расстраивайся ты так, идем. В любом случае я собирался еще немного поработать с Джимми.

– Прекрати называть эту машину так, словно речь идет о человеке, это просто пугает меня.

– Не понимаю почему; ведь это не что иное, как вполне естественная тенденция к антропоцентризму, что облегчает мне работу, развивая творческие способности; ну как, приятель, – у тебя опять найдутся какие-нибудь возражения?

У Джема, видимо, таковых не нашлось, ибо он промолчал. Да и в конце-то концов, какое ему до этого дело?

Вторая половина дня пролетела почти незаметно – под хриплые звуки рэпа, перемежавшиеся передачами новостей, доносившимися из мини-радиоприемника Лори. Из-за гор передачи из Форт-Самнера, где расположена была ближайшая радиостанция, шли с большими помехами. Диктор говорил исключительно о волнениях на севере штата, о вводе во взбунтовавшиеся районы войск национальной гвардии и лишь вскользь упомянул об убийстве Сибиллы «в глухом местечке, в самом центре диких гор Сан-Матео».

Джем и Лори отправились побродить по берегу реки в поисках места преступления. Выяснилось, что та же мысль пришла в голову целой ораве мальчишек, – они перебрасывались шуточками, то и дело толкая друг друга локтем в бок. И все они уже толпились возле густых зарослей кустарника, вокруг которых, отмечая запретную для посторонних зону, был натянут толстый желтый канат. Вдобавок там же стоял на посту агент Мидли – полный кретин с плеером, из которого на полную мощность звучал голос Мадонны. Наотрез

отказавшись отвечать на какие-либо вопросы, он посоветовал им пойти поиграть куда-нибудь подальше. Болван болваном, к тому же совершенно невоспитанный, решил про себя Джем. Ему еще крупно повезло: настоящая пушка на поясе висит – иначе Лори непременно испытал бы на нем один из своих приемчиков...

На углу возле кладбищенской стены они расстались; Лори побежал домой, а Джем отправился к Даку за своим велосипедом. Дак рассортировывал по пластмассовым коробкам разных размеров болты. Прodelывал он эту работу с ловкостью настоящего фокусника. Джем, словно зачарованный, некоторое время за ним наблюдал. Никому бы в голову никогда не пришло, что вот эти огромные квадратные лапы могут орудовать с такой скоростью, да еще абсолютно точно. Джем откашлялся.

– А кто она, эта девушка?

Дак на какую-то долю секунды замешкался, прежде чем выхватить из общей кучи очередной болт. Однако движения его определенно замедлились.

– Она приехала сюда на каникулы?

Дак бросил трехсантиметровый болт в коробку с четырехсантиметровыми, затем вытащил его оттуда и сквозь зубы сказал:

– Ее зовут Френки. Остановилась в мотеле. Хочет отдохнуть.

– Что ж, здесь ее, надо думать, обслужат как следует! Во

всяком случае, девка совершенно потрясающая... У нее такие...

Дак внезапно поднял на Джема свои серые глаза:

– Да, эта молодая женщина полна очарования. А тебе не мешало бы немножко последить за своей речью.

Джем остолбенело уставился на него, но Дак уже вновь занялся своей работой. Вот тебе раз: Дак принялся вдруг говорить, да не просто, а как какой-нибудь профессор! Все еще находясь под воздействием внезапно полученного им шока, Джем тихонько, пятясь, добрался до велосипеда, сел на него и, машинально нажимая на педали, ничего не видя и не слыша вокруг, полностью погрузившись в размышления, доехал до магазина аптекарских, хозяйственных и продовольственных товаров Энди Эванса. Мир определенно сошел с ума: Сибиллу Дженингс разорвали на части, Дак Роджерс обрел дар речи, а в «Индийском мотеле» (единственном мотеле Джексонвилля), являющем собой кучку жалких, беленных известью бунгало, над которыми возвышалось огромное оперение индийского вождя, сделанное из разноцветного пластика, поселилась секс-бомба по имени Френки, приехавшая в эту дыру... отдохнуть.

Когда Джем наконец вернулся домой, солнце уже садилось. Дед копался в своих ненаглядных радиоприемниках и даже не обругал его ни за что. «Завтра – в воскресенье – будет нам веселье», – тихонько напевал Джем, готовя ужин: салат из помидоров, гуакамолы и такое. Назавтра они

с Лори задумали прогуляться в горах. И пусть этот самый Мидли хоть подавится своими кустами с засохшей на них кровью – ему это только на пользу пойдет.

4

Поправив юбку, Верна поднялась на ноги. Вся блузка у нее была в прилипших соломинках – ловкие, опытные руки Дуга тут же заскользили у нее по спине, снимая их одну за другой.

– Дуг! Хватит, прекрати! Мне уже пора.

Дуг с улыбкой склонился над ней; сошедшиеся на переносице брови в сочетании с орлиным носом придавали ему сходство с проголодавшимся волком.

– У тебя еще есть целых пять минут: Чарли никогда не возвращается раньше двух...

– Никогда ничего нельзя знать заранее; если я попадусь из-за каких-то несчастных пяти минут, это будет глупее некуда...

Дуг вздохнул. Этот болван Чарли, муж Верны, заканчивал работать в ночную смену в час сорок пять. Мерзкий и мелкий Чарли, уже начавший лысеть, – да дунь хотя бы Дуг на этого Чарли, тот и на ногах устоять бы не смог: сам-то Дуг – метр девяносто ростом, девяносто кило веса, причем ни капельки жира. Эта мерзость, Чарли, служит в заведении Мосса – «Бар, бильярд, кегли, игральные автоматы», – расположенном возле шоссе. Выпив кружку пива и пешком отправившись восвояси, Чарли всегда приходил домой лишь в два часа ночи.

Дуг с сожалением взглянул на полную, упругую грудь Верны. Вот если бы хоть одну ночь они могли провести вместе до самого утра! Но за те полгода, в течение которых Верна с Дугом наставляла его рога, болван Чарли всегда ночевал дома. Даже будучи в стельку пьян, он неизменно умудрялся дотащить туда. Создавалось даже такое ощущение, будто и живот-то он только ради того, чтобы портить им удовольствие. А Верна не хотела никаких скандалов. Ибо Мерзкий Чарли был все-таки мужем – настолько же ревнивым, насколько и щедрым. Дуг застегнул ширинку, затем достал из кармана модной джинсовой рубашки сигарету, с удовольствием при этом ощутив, как под кожей у него заиграли мощные бицепсы. Он молод, красив, вся жизнь у него еще впереди, и если Верна этого не понимает – тем хуже для нее. Через три месяца он уйдет в армию – тогда ему будет принадлежать весь мир и целая куча самых роскошных баб.

Что-то хрустнуло неподалеку от них, в темноте. Верна мгновенно вцепилась Дугу в предплечье, ощутив под пальцами его тугие мускулы.

– Дуг, ты слышал?

– Ерунда, какой-нибудь зверек пробежал.

Поднялся легкий ветерок – легкий, словно дыхание ребенка. Снаружи зашумела листва на деревьях. Верна подошла к порогу. Они всегда встречались в этой старой заброшенной риге. Двери у нее давно уже не было – лишь дверной проем, за которым стоял непроглядный мрак. В небе мерца-

ли звезды. Дуг подошел к ней. Она тесно к нему прижалась. Он был таким большим и сильным...

– Все-таки это очень красиво – звезды на небе...

– Угу, – отозвался Дуг, закуривая сигарету.

– А ты знаешь, где найти Большую Медведицу?

– К чему мне это, если я не прихватил с собой ружья... – насмешливо заметил Дуг, очень довольный своей шуткой.

– Да уж: от избытка романтизма ты явно не умрешь! – вздохнула Верна, уткнувшись лицом в могучую грудь любовника.

Ни слова не сказав, он вдруг резко прижал ее к себе. Она отнюдь не воспротивилась этому, ей было приятно, хотя лицо ее оказалось буквально вдавленным в его мощные обнаженные грудные мышцы. Руки Дуга, обнимавшие ее за плечи, принялись как-то странно сжиматься и разжиматься, и Верна подумала, что на него опять накатило одно из тех внезапных желаний немедленно заняться любовью, от которых он вдруг принимался дрожать; однако теперь у нее и в самом деле не было на это времени.

– Нет, Дуг, сейчас я должна уйти... – твердо сказала она, прижимаясь щекой к голой груди любовника.

И услышала, как колотится его сердце – бешено, возле самого ее уха.

Какая-то капля упала ей на волосы. Потом – еще одна. Странно: ведь на небе – ни тучки.

– Дуг, дождь начинается, нам пора уходить...

Руки любовника ослабили свою хватку, и он слегка покачнулся. Ну так и есть: сейчас он ей еще и очередную сцену закатит...

Внезапно у нее возникло такое ощущение, будто что-то не так. Тишина... Стало совсем тихо, исчез какой-то звук – но какой? Странное потрескивание где-то совсем рядом, запах горелого... Верна посмотрела вокруг. И тут она ее увидела. Сигарету Дуга. Она тихонько потрескивала, лежа на его голом предплечье. А запах исходил от его прожженной кожи.

Не веря собственным глазам, женщина слегка отстранилась от любовника, подняла голову и взвыла от ужаса.

Глядя прямо перед собой широко открытыми глазами, Дуг пошатывался, по-прежнему стоя на месте, а из горла у него торчала какая-то остро заточенная железка. Кровь рывками хлестала у него из носа и изо рта, ручьями стекая по груди и рубашке. Словно подрубленное дерево, он рухнул на колени, затем упал лицом вниз, вытянув руки вдоль тела. Когда его лицо ударилось об иссохшую землю, раздался глухой треск – от удара сломалась носовая кость. Он так и замер в полной неподвижности, лежа на животе. Из затылка у него торчал другой конец железного прута. Верна всхлипывала, кусая себе руки. Она вдруг поняла, что причина той странной тишины, встревожившей ее каких-нибудь две минуты назад, была очень проста: это перестало биться сердце Дуга. И то, что она приняла за очередные страстные объятия, *на самом деле было агонией.*

Его кто-то убил.

Вконец одурев от ужаса, Верна не сводила глаз с *мертвого* Дуга, а в голове у нее вертелись какие-то ничтожные мысли о том, что теперь ей ни за что не попасть домой к двум – *не просто мертвого, а убитого* – и Чарли узнает обо всем. Чарли... Да, по характеру он был человеком весьма подозрительным, *но горло, проткнутое железным прутом*, – для такого ему и роста-то не хватило бы; а озабоченность его по части собственной мужской силы подчас была просто комична. Верна старалась, как могла, развеять все его сомнения, хотя по вполне объективным причинам бедняге Чарли и в самом деле было очень далеко даже до какого-то подобия среднего уровня в этом вопросе, – *Боже, эта кровь*, – уж у нее-то хватило способностей убедиться в этом. Неужели Чарли выследил их и... Охваченная дурным предчувствием, она обернулась:

– Чарли?

Да конечно же, это сделал Чарли. Просто потому, что если не Чарли...

– Чарли?

Ни слова в ответ. Лишь какой-то тихий хрустальный звук, похожий на смех ребенка.

Неподвижное тело Дуга по-прежнему лежит перед ней, уткнувшись лицом в землю. А в ушах у нее до сих пор звучит тот сухой треск, с которым его нос ударился о землю.

Если это не Чарли...

Внезапно Верну охватило нечто гораздо сильнее страха, нечто, приказавшее ей бежать. Оно исходило из самых глубин ее существа и упорно требовало, чтобы она сейчас же пустилась бежать – как можно быстрее, как можно дальше отсюда; бежать, словно животное во время лесного пожара.

На какой-то момент ей показалось, что она не способна даже пошевелиться – до такой степени сковала ее внезапная дрожь; но затем вдруг она сдвинулась с места и побежала, не думая ни о чем, бежала, несмотря на то что на ногах у нее были туфли на высоких каблуках, – она, Верна Хоумер, ни разу так и не сумевшая во время учебы в лицее толком преодолеть до конца жалкую стометровку, – бежала так, словно всерьез готовилась к участию в Олимпийских играх.

Моля Всевышнего о том, чтобы он помог ей добраться до шоссе.

Внезапно ее окутал – словно опутал – какой-то необычный запах. Станный. Отвратительный. Густой. И какой-то плотный. Споткнувшись, Верна во весь рост растянулась на каменистой земле. Шоссе было совсем рядом, за чахлой живой изгородью. А неподалеку – спасительный свет уличного фонаря... Мерзкий запах буквально душил ее, вызывая неудержимую тошноту. Внезапный спазм скрутил ее, заставив согнуться пополам, – изо рта хлынула желчь, запачкав пышную юбку с воланами. Когда она подняла голову, они были рядом.

Три фигуры, смутно вырисовывавшиеся в темноте, пря-

мо напротив нее – две высоких и одна поменьше. Верна почему-то мгновенно поняла, что явились они отнюдь не для того, чтобы помочь ей. Быстро обернувшись, она увидела позади лишь труп Дуга. *Труп Дуга. Совсем близко. Но это же невозможно, она так долго бежала!* Три темных силуэта медленно двинулись по направлению к ней. Верна поспешно попятилась. Сердце буквально вырывалось у нее из груди. Запах снова настиг ее – тошнотворный, невыносимый, – и новый спазм заставил ее согнуться пополам. Она чуть не споткнулась обо что-то и тут же пронзительно вскрикнула. Потом резко развернулась, словно укушенная змеей. Рука Дуга! Но как такое возможно? Всего несколько секунд назад он лежал метрах в десяти от нее, даже больше...

Однако времени на размышления не было. Ибо то, что надвигалось на нее из темноты, по-прежнему приближалось.

Один из силуэтов несколько отделился от других, и Верна, несмотря на то почти безумное состояние, в котором она пребывала, поняла, что это – женщина. На ней было развевавшееся на ветру платье, с которого сыпалось нечто вроде белесых поблескивающих точек.

– Здравствуйте, как поживаете, надеюсь, хорошо, я тоже, вам бы нужно почаще заглядывать к нам, вам у нас очень понравится... – произнесла женщина тем особым монотонным голосом, которым обычно говорят куклы, имеющие в животе пленку с записью.

А затем она вдруг расхохоталась – грубо и хрипло, причем

изо рта у нее выпадали и мягко шмякались в траву какие-то совершенно непонятные штуки.

Верна, словно обезумевшая от ужаса лань, вращая глазами, быстро оглянулась по сторонам и вновь – изо всех сил – бросилась бежать. *Вон там, неподалеку, какой-то огонек. Наверное, чей-то дом. Нужно добежать до этого дома.*

И она почти добежала. *Оставалось лишь несколько метров. Каких-нибудь пара секунд.*

Они были здесь, перед ней. На лужайке. Все трое, абсолютно спокойные.

Верна на секунду закрыла глаза, изо всех сил моля Бога о том, чтобы все это оказалось лишь обычным кошмаром, привидевшимся во сне. Когда же она вновь открыла глаза, то увидела Дуга – он улыбался ей, истекая кровью, а сломанный нос у него жутко раздуло. *Но Дуг...* Он протянул руку к онемевшему от ужаса горлу Верны – *ведь он мертв*, – и последним, что она увидела, был его рот – весь облепленный сгустками черной запекшейся крови, он склонялся к ее губам.

Внезапно проснувшись, Льюис буквально подскочил на постели. Ему показалось, что звонит телефон. Включив лампу в изголовье кровати, он прислушался. Конечно же, этот звонок ему просто приснился. Он ведь так устал. Весь день чувствовал себя каким-то вялым, разбитым; едва вернувшись домой, сразу же лег в постель, но и сон – на редкость тяжелый, беспокойный – несколько не улучшил его состояния. Льюис собрался уже было выключить лампу и попы-

таться вновь заснуть, как вдруг опять подскочил и взвыл от ужаса.

Их было двое – прямо здесь, на кровати; два огромных черных таракана с подрагивающими усиками; они карабкались по белым складкам простыни. Саму возможность существования на свете таких огромных тараканов он раньше, наверное, и представить бы себе не смог. Льюис подумал, что вот сейчас у него просто-напросто остановится сердце; затем нервно сглотнул и быстро подтянул колени к подбородку. Одно из насекомых, потеряв равновесие, опрокинулось на спину и теперь отчаянно размахивало в воздухе короткими лапками, выставив на обозрение свое толстое брюшко. Это было уже слишком. Льюис поспешно вскочил с кровати, сорвал простыни и отбросил их подальше от себя. И тут же взвыл – да так, что, наверное, и стены задрожали: весь матрас был полон тараканов. Нет! Нет! Он, наверное, все еще спит!

Обезумевшим взглядом он окинул свои бледные ноги. Трое этих чудовищ – на редкость крупных – уже медленно карабкались по его щиколоткам, пробираясь меж белесых волосков. *Нет, это не сон, какой уж тут сон!* Продолжая выть не своим голосом, он принялся изо всех сил дрыгать ногами, словно, сумасшедший. Тараканы свалились; один из них тут же юркнул в его домашнюю тапочку. Льюис наконец умолк, переводя дыхание.

А на кровати тем временем черная шевелящаяся масса насекомых продолжала разрастаться, постепенно покрывая

собой всю поверхность матраса; особенно много их скопилось там, где остался отпечаток недавно лежавшего на кровати тела Льюиса. Они буквально набивались туда, и мало-помалу на постели вновь возникла словно бы фигура спящего Льюиса – но теперь уже черная, сверкающая, слегка колыхавшаяся от пробегавшей по ней зыби подрагивающих подкрыльев. Взобравшись на комод и скрючившись там, Льюис наблюдал, как число их растет и растет, – теперь уже на матрасе вполне ясно вырисовывались контуры ног, затем обозначился торс, руки и, наконец, голова, слегка повернутая набок, *в его сторону*, причем голова эта словно бы ухмылялась – белой складкой ткани, не заполненной тараканами.

Я схожу с ума, — подумал доктор Льюис – абсолютно голый, он, скрючившись, сидел на белом комодe, зажав в руке элегантнyю бежевую туфлю, – *в данный момент я безвозвратно схожу с ума*.

Он почувствовал, что ему холодно: все тело у него покрылось гусиной кожей. Масса тараканов, принявшая на кровати очертания тела Льюиса, продолжала расти – с беспрестанным шорохом скользящих по панцирям лапок она теперь вылепливала ему непомерно раздутое пузо. Льюис уже подумал было, что так и подохнет сейчас на этом самом комодe от сердечного приступа, как вдруг снаружи донесся какой-то нечеловеческий крик. И тут же оборвался – так резко, будто его ножом отрезало.

Масса тараканов на постели дрогнула, затем постепенно

рассеялась. Насекомые разбежались кто куда – большая их часть кубарем скатилась с кровати и принялась ползать повсюду. Некоторые начали взбираться на стены – огромные, одутловатые черные твари с невероятной скоростью засновали во всех направлениях. А кое-кто из них – как в самых кошмарных снах – с этим самым ужасным тихим шорохом лапок стал подбираться поближе к нему, и Льюис – уже четко представивший себе, как они побегут по его коже, начнут набиваться в рот, – тихонько заплакал, захлебываясь слезами ужаса и отвращения.

Однако, несмотря на весь свой страх, он внезапно осознал, что снаружи доносятся какие-то звуки. Такое впечатление, будто собака роется в мусорном бачке. Причем очень большая собака. Он поднял голову. Нечто вроде рычания животных, не поделивших кусок мяса. Целая стая больших собак? И запах. Опять этот жуткий запах падали. Что там такое происходит, кто там, снаружи, ест? *И что он там ест?* Льюис чувствовал, как по щекам у него бегут слезы, а из носа – сопли. Какое-то бледное лицо вдруг прикикло к оконному стеклу снаружи. Льюис взвыл и, подскочив от ужаса, изо всех сил швырнул в окно зажатую в руке туфлю. Стекло разлетелось вдребезги, на стены брызнула кровь, свет погас, и Льюис – под деловитый шорох тараканов, доносившийся со всех сторон, – потерял сознание.

Было, наверное, около семи утра, когда в то самое воскресенье в доме Герби Уилкокса зазвонил телефон. Шериф

спал, ему снился сон, и не просто сон, а Сони – как будто она вернулась и они занимаются с ней любовью на залитом солнцем поле; но тут какой-то сверчок принялся упорно стрекотать ему в ухо, а Сони вдруг стала как-то постепенно отдаляться от него... Глухо ворча, Уилкоккс приподнялся на постели. Назойливый звонок явно не собирался умолкнуть. Накануне вечером Уилкоккс выпил довольно много пива и теперь испытывал такое ощущение, словно под черепной коробкой у него расположилось настоящее стрельбище, на котором усердно упражняется целый взвод солдат. Он встал наконец с постели, потащился в гостиную, где рядом с большим цветным телевизором стоял телефон, снял трубку:

– Ну что?

– Это Бойлз, шеф. Нашли еще двоих.

– Двоих – кого?

– Покойников, шеф. И опять не в лучшем виде. Мне никак не удается дозвониться до доктора Льюиса.

– Где ты сейчас?

– В старой риге. Меня вызвали туристы; они тут решили прогуляться по каньонам и случайно наткнулись на все это. Настоящая бойня, шеф. Хорошо бы вы приехали, и как можно скорее.

– Сейчас буду.

Уилкоккс повесил трубку, быстро натянул порядком помятую форму, мысленно все еще пытаюсь уцепиться за обрывки своего чудесного сна. Сони. Ее полное, крепкое тело. Чер-

ные, словно гагат, волосы. Ее смех, вечные шуточки, которые она отпускала клиентам у Эванса вместе со сдачей.

Они прожили вместе четыре года, а потом она объявила, что с нее хватит. Единственная постоянная связь с женщиной в его жизни. Но он был всего лишь старый несносный медведь, и Сони уехала в Лос-Анджелес. По последним дошедшим до него сведениям, она стала там владелицей лавочки подержанной одежды, дела у нее шли совсем неплохо, к тому же она завела грандиозный роман с охранником одного большого магазина. Убежденная антимилитаристка, Сони крутила любовь исключительно с одетыми в униформу парнями. Ладно, хватит; не время сейчас горевать по былому.

Бриться вряд ли стоит – слишком долго. Уилкоккс ополоснул лицо холодной водой, открыл банку ледяной кока-колы и жадно выпил ее, проглотив остатки пиццы с испанской копченой колбасой. Теперь осталось только застегнуть пояс, проверить, заряжен ли револьвер, – и вот он уже забирается в порядке побитую и потрепанную патрульную машину. Размышляя о том, где черти носят Льюиса в семь утра, да еще в воскресенье.

Бойлз – прямой, словно кол проглотил, – стоял возле полицейской машины, сжимая в руке оружие; его черные очки в лучах солнца отбрасывали металлические отблески. Вид у него был совсем не усталый, хотя спал он не больше двух часов. Вчера вечером «Бойлз Хот Трио» играло в одном ночном ресторанчике в Кемадо, так что спать он, наверное, смог

завалиться никак не раньше пяти утра; но он был на двадцать три года моложе Уилкокса и выглядел так, словно проспал целую ночь.

Как только Уилкокс открыл дверцу, он подошел к нему и, щелкнув каблуками, доложил:

– Мидли охраняет тела, шеф. А Бен дежурит в комиссариате.

Бен Картер являл собой добровольного помощника сил полиции Джексонвилля. Это был маленький щуплый человечек лет пятидесяти с жидкими волосами, обладавший вдобавок небольшим дефектом речи: он слегка шепелявил. Свои обязанности помощника полиции он совмещал с работой в баптистской церкви, к которой принадлежал. Бен не пил, не курил, не играл в азартные игры, не шутил и не смеялся; знавшие его люди не раз заключали пари на предмет того, не был ли он к тому же и девственником, однако получить точный ответ на этот вопрос никто так и не сумел.

Уилкокс медленно направился к стоявшей неподалеку риге с полуразвалившейся крышей. Откуда-то из-под почерневших от времени балок вылетела малиновка и устремилась в небо, прямо к солнцу. Уилкокс краем глаза заметил, как Бойлз снял с предохранителя и винтовку, и пистолет.

– Ну и как это выглядит?

– Скверно. Такое ощущение, будто на них напала целая банда, вооруженная пилами.

– Личности ты установил?

Бойлз вздохнул:

– Верна Хоумер и Дуг Арройо.

Уилкоккс громко чертыхнулся. Верна давно уже успела осчастливить всех холостяков в округе; легенды об этой цветущей сорокалетней женщине докатились даже до ЭльПасо. Герби снял шляпу и мысленно почтил ее память добрым словом. Вряд ли ей можно было поставить в вину тот простой факт, что она очень любила все возможные радости жизни, равно как и то, что ей угораздило родиться в семье вконец опустившихся алкоголиков, единственным источником существования которых было пособие по бедности; что ей в свое время не довелось получить сколько-нибудь приличного образования, и в результате она совсем молоденькой вышла замуж за этого старого скрягу Чарли – он был на пятнадцать лет старше ее, зато жил в настоящем доме, а не в прожавевшем фургончике, со всех сторон продуваемом ветрами; нет, она нисколько не виновата в том, что наставляла ему рога с любым двуногим существом с поросшей волосами грудью в радиусе двухсот километров. Да упокоится ее душа с миром. Уилкоккс надел шляпу и последовал за Бойлзом; тот тем временем продолжал рассказывать:

– Ночью Чарли позвонил в участок. С ним разговаривал Бен. Чарли беспокоился о том, что жена не вернулась домой. Ну что мог на это ответить Бен? Он, естественно, решил, что Верна развлекается где-нибудь с очередным поклонником, и поэтому сказал Чарли, чтобы тот не тревожился понапрас-

ну: она обязательно вернется – наверняка отправилась на какую-нибудь сугубо дамскую пирушку с подругами. Чарли в ярости бросил трубку. Больше он не звонил, и Бен подумал, что Верна явилась-таки домой. И вдруг – вот это. Я сделал максимально возможное количество фотографий, – закончил он, кивнув на свой «поляроид».

Они уже дошли до того места, где, обливаясь потом, по стойке «смирно» стоял на посту Мидли, страшно похожий на бульдога, готового в любой момент вцепиться в глотку врагу.

– Вольно, приятель, – сказал Уилкоккс, похлопав его по плечу.

Мидли немного расслабился, снял свою ковбойскую шляпу, от которой воняло, как от старой подушки, отер катившийся со лба пот и убрал револьвер в кобуру – грязную, словно лапы какого-нибудь политического деятеля.

Шагах в пяти позади него лежал прикрытый солдатским одеялом труп. Земля вокруг была залита кровью, уже облепленной сотнями жирных зеленых мух, – не меньшее их количество с наслаждением присосалось к серому одеялу.

Уилкоккс остановился. У него не было никакого желания заглядывать под это одеяло. Ни малейшего. Поэтому он вновь вспомнил о Льюисе.

– Мидли, попытайся-ка еще раз дозвониться до доктора Льюиса.

Мидли, кивнув, бросился исполнять поручение – он был явно счастлив вернуться в машину, к своему привычному

радиотелефону.

Ну что ж, делать нечего.

Уилкоккс как следует вдохнул и приподнял одеяло.

Почти тут же он ощутил страшный спазм в желудке, а во рту – противный привкус желчи. Он сплюнул – как можно дальше. Бойлз молчал, как-то неестественно замерев, но сохраняя достоинство; его красивое лицо «типичного нациста», ярко освещенное почти обжигающим уже солнцем, даже не дрогнуло; «поляр oid» был по-прежнему у него под мышкой.

Перед ними бок о бок лежали два тела, точнее – два торса, сплошь покрытые глубокими царапинами и следами укусов. Голова Дуга, отрезанная от тела, откатилась и лежала чуть поодаль; глаза его были широко открыты. У Верны глаза были выколоты, а язык – вырван. Грудь – отрезана. Равно как и пенис и тестикулы Дуга. У обоих не было ни рук, ни ног – лишь из плеч и тазовой области торчали обломки костей. Все вокруг было усеяно мелкими кусками мяса. *Проклятая бойня. Невозможно поверить, что эти куски мяса когда-то были людьми.*

Внезапно Уилкоккс заметил, что в черных волосах на лобке Верны что-то пошевелилось. Он склонился над телом, прекрасно сознавая, что сам по себе факт столь внимательного разглядывания лобка зверски убитой женщины со стороны может показаться несколько комичным, но тут же с новой силой почувствовал прилив ненависти к Всевышнему, спо-

собному допускать столь жестокие вещи. Впрочем, отношения Уилкокса с Создателем всегда были довольно сложными.

На лобке Верны копошились черви. Маленькие белые червячки – таких можно увидеть на куске протухшего мяса. Или на человеческих трупах, когда они начинают разлагаться. Бойкие маленькие червячки, вылупившиеся из старательно отложенных мамой-мухой яиц. Они копошились в кудрявых черных волосках и уже развели нужный им путь, ибо дружно, вереницей потянулись к тому самой природой проделанному отверстию, что ведет внутрь живота.

Не в силах вымолвить ни слова, Уилкокс лишь кивнул Бойлзу – тот опустил на колени, чтобы получше рассмотреть. Бойлз тоже не смог произнести ни слова – даже если бы захотел. Из рта у него резко вырвался поток желтоватой рвоты, забрызгав ботинки. Он тотчас поднялся с колен, пристыженно вытер губы.

– Простите, шеф; никак не ожидал, что со мной такое может случиться...

Герби Уилкокс пожал плечами:

– Тут стыдиться нечего. А где остальные... – Уилкокс кашлянул. – Остальные... куски тел?

Бойлз пальцем ткнул в сторону риги:

– Я полагаю, что там. Туристов я отпустил, предварительно записав их показания. Пусть уж лучше разгуливают по горам, чем разносят слухи по городу.

– Хорошо. Как они на это наткнулись?

– Они пришли сюда около семи утра, собирались подняться на пик Луэра. Три парня и три девушки. Живут у Сокорро. Одному из них захотелось по малой нужде, вот он и отправился к старой риге, да по пути наткнулся на труп Арройо. Едва не спятил от ужаса. Предупредил остальных. Они не позволили девушкам смотреть на все это, а один из них бегом бросился к телефонной будке на шоссе. Вот и все.

– Значит, они даже не поняли, какого масштаба бойня здесь произошла?

– Нет, не думаю. Им вполне хватило и того, что они успели заметить.

Уилкокс в задумчивости поскреб небритую щеку:

– Личности их ты установил?

– Ну конечно, что за вопрос. Студенты, решившие прогуляться на каникулах. Все – члены клуба альпинистов... Я получил подтверждение из Сокорро.

Вернулся запыхавшийся Мидли:

– Телефон у доктора не отвечает.

– Прекрасно, – пробурчал Уилкокс, – два трупа, тридцать градусов жары в тени, и никакого тебе судебно-медицинского эксперта. Ладно, надо доставить их в морг. Стивен, ты, кажется, говорил, что все сфотографировал?

– Да, шеф.

– Тогда быстренько соберите все это, пока санитарная машина сюда добирается, – приказал Уилкокс, широким же-

стом обеда валявшиеся повсюду окровавленные куски мяса.

Мидли призадумался на мгновение, затем рысью бросился к машине и принес оттуда сверкающую новенькую лопату. Эта лопата и одеяло являли собой часть того арсенала предметов для оказания первой помощи пострадавшим, что постоянно хранился у них в багажнике.

– С помощью этой штуки мы быстренько подберем их, шеф, и завернем в одеяло, – с энтузиазмом немецкого крестьянина, собирающего полову, заверил он Уилкокса.

Тот устало кивнул. Злиться на Мидли – все равно что злиться на жизнь: пустая трата времени. А пока Бойлз с Мидли, стоя над покоившимся перед ними жутким грузом, завернутым в одеяло, дожидались санитарного фургона из Блэк-Рэндж, что в пятидесяти километрах отсюда, Уилкокс направился к риге.

Шел он медленно, в полной тоске, ибо перспектива опять наткнуться на изуродованные останки хорошо знакомых ему людей его отнюдь не радовала. Верна была на редкость веселым существом, она любила любовь, любила смеяться; даже если она и не обладала избытком благоразумия, то все равно вряд ли заслуживала такого вот конца. Что же до Дуга, то хоть и был он совершенно невыносимым дураком, мозги которого, наверное, величиной своей не превышали ногтя на мизинце, но когда Герби увидел его ногу, все еще затянутую в обрывки джинсовых штанов, он ощутил такую ярость, что

от возмущения сжал свои огромные узловатые кулаки.

Дальше, чуть в стороне, лежала рука без пальцев – женская рука. А потом – еще одна нога с обрывками джинсовой ткани. Дуг и Верна были буквально разорваны на куски. И частично съедены. Уилкоккс чувствовал, как по вискам у него струится пот; он тщетно пытался понять хоть что-то. *Съедены.* Такое ощущение, будто попал в какой-то лабиринт и теперь просто не имеешь права выйти, рискуя на каждом шагу наткнуться на совершенно невыносимые картинki, жуткие картинki, на которые глаза бы твои не глядели. *Лобок Верны, кишачий червями. Отрубленные головы. Следы укусов. Кто же их мог так жрать?* Он отер пот со лба. Никак нельзя все это так и оставить здесь; сюда вполне могут прийти поиграть мальчишки, и тогда...

Раздался автомобильный гудок. Приехал фургон. Оттуда выпрыгнули два жизнерадостных санитаря, однако при виде двух фараонов и чего-то прикрытого одеялом они несколько изменились в лице. Слегка побледнев, ни слова не говоря, они упаковали останки Верны и Дуга в специальные пластиковые мешки. Уилкоккс окликнул их:

– Эй, ребята, это еще не все, остальное – вон там...

Тот, что был повыше, подошел к нему:

– Омерзительная работенка, шеф. Что тут такое у вас творится?

– Если бы я сам это знал... – сквозь зубы буркнул Уилкоккс.

Затем, словно опомнившись, приказал:

– Отвезите все это в морг и прикажите Стэну засунуть в холодильный шкаф. Все! – решительно закончил он, указывая на разбросанные в риге руки и ноги трупов.

Высокого санитара передернуло, однако из-под маски, натянутой до самых глаз, не донеслось ни звука. Вооружившись целой стопкой герметически закрывающихся пластиковых пакетов, он принялся за работу; следом шел Бойлз, тщательно записывая местоположение каждого из найденных ими кусков и обводя мелом их контуры. На мгновение подняв голову, Бойлз глянул на Уилкокка:

– Наверное, нужно поставить в известность Управление полиции.

– Я сам знаю, что мне делать. Для начала заеду к Льюису, – заявил Уилкокк, садясь в машину. – Мидли, вернешься в участок и подождешь меня там. А вы, ребята, запомните: никаких мигалок и сирен; а если вам взбредет в голову хоть словечко кому-либо вякнуть о том, что случилось, я лично оторву вам яйца, о'кей?

Не дожидаясь ответа, он нажал на газ, и машина рванула с места; Бойлз вздохнул, сжимая в руке кусок мела.

– Тяжелый, видать, характер у этого парня, – покачав головой, сказал сквозь зубы маленький санитар.

– Будучи вынуждены жить среди пустыни, все они определенно приобретают сходство с кактусами, – усмехнулся тот, что был повыше.

– Тебе бы в философы податься, а не на труповозке развезать, – заметил Бойлз, вновь принимаясь за работу.

– Еще один идиот, – буркнул себе в маску длинный санитар, однако не так громко, чтобы быть услышанным.

Уилкоккс вел машину одной рукой, подставив лицо ветру. В некотором смысле даже неплохо, что у Дуга Арройо нет родственников. Он уже воображал себе, как убитый горем Чарли явится в полицейский участок, завывая на все лады, а жители города начнут осыпать его проклятиями и требовать, чтобы он немедленно что-то предпринял. Но что, черт побери, он может предпринять? Вчера он боялся худшего, а теперь оказалось, что хуже уже и быть не может. Словно подхваченная каким-то дьявольским ветром каравелла, Джек-сонвилль на полной скорости несся к некой жуткой катастрофе, а он, Герби Уилкоккс, его капитан, был абсолютно бессилен что-либо изменить.

Вилла Льюиса выглядела вполне мирно. На подъездной дорожке стояла синяя «тойота». Автоматическая дождевальная установка вращалась, осыпая водяными брызгами жалкого вида газон. «Вечно этим северянам приходят в голову совершенно идиотские затеи: газон в двух шагах от Мексики», – мысленно проворчал Уилкоккс, выбираясь из патрульной машины. Может, ему еще эскимосских собак здесь начать разводить или каток устроить? Медленно – очень медленно – он подошел к входной двери и долго звонил. Льюис не отзывался. Уилкоккс еще раз глянул на «тойоту» – с

ней явно все в порядке. Затем расстегнул кожаную кобуру на бедре и, положив руку на внушающую уверенность в себе рукоятку револьвера, решил обойти виллу вокруг.

Одно из окон с противоположной стороны фасада было разбито. Уилкоккс осторожно подошел поближе. Земля под окном была усыпана осколками стекла вперемешку с истоптанными ветками жасмина. В траве расплылась огромная лужа крови, наполовину уже впитавшейся в иссохшую землю; выбеленная стена дома тоже забрызгана кровью. Уилкоккс ощутил, как по спине у него пробежал холодок. Никаких следов. Но лужа крови. Или те, кто растерзал Дуга и Верну, побывали и здесь? И Льюиса постигла та же участь? К несчастью, узнать это можно лишь одним способом. Войти в дом. Шум воды, льющейся из дождевальной установки, наводил на мысли о веселом пикнике в разгаре дня. Однако словно забившаяся в угол неподвижная «тойота» чем-то напоминала замершее от ужаса животное. Уилкоккс вынул револьвер из кобуры, мысленно послал проклятие тому преступному главному режиссеру, что засел где-то в глубинах космоса, решительно шагнул к окну и заглянул внутрь.

Льюис лежал на полу – голый, весь в блевотине. Лицо его было мертвенно-бледным, глаза закрыты. Какая-то зеленоватая жидкость, вытекшая из носа, застыла у него на подбородке; похоже, он не дышал. В комнате больше никого не было; в изножье кровати комом валялись сдернутые с нее простыни. Никаких следов борьбы, если не считать разби-

того окна и кусков стекла на земле. Уилкокс перелез через подоконник и ступил на бежевый ковер.

Затем осторожно приблизился к Льюису, опустился на колени возле его тела и пощупал сонную артерию, проверяя, бьется ли сердце. Кожа доктора была холодной, пульс не прощупывался. Схватив одну из простыней, Уилкокс кое-как очистил рот и нос Льюиса и, защемив ему ноздри, раздвинул посиневшие губы, чтобы попытаться сделать искусственное дыхание, – учебник об оказании первой помощи, страница 34. Вдох – выдох. Вдох – выдох. Он приподнял голову. Никакой реакции. Преодолевая отвращение, Уилкокс вновь склонился над телом, намереваясь продолжить, но вдруг – когда рот его был уже в каком-нибудь сантиметре от губ распротертого на полу эскулапа – замер. Одна из щек Льюиса внезапно надулась – так, словно он жевал жвачку. *Нет, это не сон; я действительно вижу его, этот чертов толстый шарик за левой щекой. Чертов шевелящийся шарик. Что такое у него во рту? Или это он языком шевелит?* Пульс по-прежнему отсутствовал, руки и ноги – как у мертвого. Герби Уилкокс почувствовал, что пот у него по спине буквально льется потоками. Никаких посторонних звуков – лишь снаружи доносится шум дождевальнoй установки. Шарик за щекой Льюиса исчез так же внезапно, как и возник. Или он умер так давно, что уже началось выделение газов? Нет, такое невозможно. Уилкокс пристально взгляделся в неподвижное лицо лежавшего с закрытыми глазами доктора. Кожа во-

круг рта слегка подрагивала. Создавалось ощущение, будто Льюис едва удерживается от того, чтобы не рассмеяться. Капля пота, соскользнув вдоль правой брови Уилкокса, упала на гладкую, лишенную какой-либо растительности грудь Льюиса. Губы доктора дрожали, затем растянулись, словно в улыбке, раздвинулись... И что-то показалось между ними. Лапка. Маленькая, черная. Потом – вторая. Уилкоккс мгновенно разогнулся, наставив револьвер на этот странный рот, который, похоже, жил сам по себе, вне какой-либо зависимости от его владельца.

И тут из губ Льюиса вынырнула черная головка таракана, затем – его овальное тельце. Спокойно спустившись по подбородку, насекомое соскользнуло на ковер. Уилкоккс обернулся, глядя на него и не веря своим глазам. *Таракан, какой-то мерзкий таракан во рту Льюиса. И из-за этой твари я едва не помер со страху. Смерть от инфаркта в Джексонвилле, штат Нью-Мексико, 3842 жителя: грозный шериф Уилкоккс упал замертво при виде таракана. Я становлюсь полным идиотом.* Приподняв ногу в огромном ботинке, он тщательно растер мерзкую тварь толстой подошвой. И тут же чуть не подскочил от неожиданности: за спиной у него раздался какой-то хрип. Уилкоккс мигом развернулся, готовый выстрелить в любую секунду.

Глаза Льюиса были уже открыты, и он смотрел на него, а напугавшие Уилкоккса звуки, похожие на шум кузнечных мехов, испускала его неравномерно вздымавшаяся грудь.

– Спасибо! – воскликнул он, и из носа у него вновь потекло что-то зеленоватое.

Уилкоккс в полном ошеломлении посмотрел на него, затем, опомнившись, потрепал доктора по плечу:

– Господи, Льюис, я уж думал, что вы умерли...

– Я тоже... – выдавив из себя какое-то жалкое подобие улыбки, с трудом проговорил Льюис.

Герби Уилкоккс сходил в примыкавшую к спальне ванную, принес оттуда стакан воды и заставил доктора медленно выпить ее. *Этот парень был совсем зеленым, в глотке у него ползали тараканы, и...*

— Что случилось? – хриплым голосом спросил Льюис.

– Это вы мне должны рассказать, что случилось...

– Тараканы, повсюду были тараканы, и я потерял сознание...

Ну да, конечно; насекомое, должно быть, забралось к нему в рот, пока он лежал без сознания. И попало в дыхательное горло. Это похуже, чем рыбьей костью подавиться... *Но он и в самом деле выглядел как покойник...* Уилкоккс подобрал валявшиеся неподалеку футболку и бежевые шорты.

– Сейчас вы оденетесь и пойдете со мной, я не хочу оставлять вас здесь одного, уж больно страшные вещи сейчас творятся в городишке, док. По дороге расскажу. Идет?

Льюис пристально и как-то странно посмотрел на него – словно вовсе забыл, с кем разговаривает; затем, похоже, вдруг вспомнил и, с явным усилием выпрямившись, произ-

нес:

– Да, да, конечно, шериф, идемте.

– Что здесь случилось нынче ночью? – спросил Герби Уилкоккс, указывая пальцем на разбитое стекло.

Проследив взглядом за его жестом, Льюис еще сильнее побледнел.

– Значит, это был отнюдь не кошмарный сон... – вздохнул он. – Послушайте, шериф, мне, знаете ли, довольно сложно все это вам объяснить...

И он нерешительно принялся рассказывать о событиях ночи, а Уилкоккс тем временем помог ему одеться и, поддерживая, довел его до патрульной машины.

– Если я правильно понял, на вас напали тараканы, *ну это тебе, приятель, наверняка во сне привиделось*, а потом вы увидели в окне какое-то лицо, причем снаружи доносились крики и шум – «словно собаки что-то рвали на части», так?

– Точно. Я понимаю, что все это выглядит бредом сумасшедшего, но...

– Ну уж нет, Льюис, уверяю вас; вчера, может быть, и выглядело бы, но не сегодня... И еще: они что, даже не пытались забраться к вам в дом?

Нет, они не стали этого делать; если бы они пришли за тобой, ты был бы мертв, по-настоящему мертв, к тому же в комнате остались бы их следы. Тогда зачем же они приходили сюда? Может быть, Дуглас и Верна пытались от них сбежать? А убийцы поймали их и вновь отволокли

в старую ригу? Уилкокс потер себе виски. *Расслабься, Герби, расслабься.* Он открыл бардачок, извлек оттуда фляжку с джином, предложил глоток Льюису, но тот отказался: спиртного он никогда не употреблял.

– Ну тогда за ваше здоровье, – сказал Уилкокс, садясь за руль и щедро отхлебнув из фляжки дешевенького джина.

После такого-то воскресного утречка он вполне этого заслужил.

Когда Джем и Лори около девяти утра явились к старой риге, намереваясь начать свое воскресное веселье в каньонах, они были очень удивлены кипевшей там работой. Неподалеку от риги стоял санитарный фургон с распахнутыми задними дверцами; Мидли, подбоченившись, прохаживался туда-сюда, следя за порядком, два санитара возились с непрозрачными герметически закрывающимися мешками, следом за ними ходил Бойлз – лицо у него выглядело бледнее обычного. Едва заметив мальчишек, Мидли тут же принялся орать во всю глотку:

– А ну-ка мотайте отсюда, да поживей; посторонним здесь ходить запрещено!

– Но мы всего лишь хотим пройти в каньоны, – возразил Джем.

– Оглох ты, что ли? Сказано тебе: катись отсюда да не забудь прихватить с собой свою «шоколадку».

– Чтоб тебя какая-нибудь горилла трахнула... – сквозь зу-

бы тихо произнес Лори.

Тут к ним подошел Бойлз – его гладко выбритый череп сверкал в лучах солнца.

– Вам лучше пойти куда-нибудь в другое место, ребята; здесь сейчас ходить нельзя.

– А что случилось, мистер? – прикинувшись совершенным дурачком, спросил Джем, краешком глаза успевая при этом фиксировать и все передвижения санитаров, и их полные отвращения жесты.

– Ничего хорошего. Возвращайтесь домой,

– Здесь кого-то убили? – не унимался Джем.

Бойлз уставился на него своими черными сверкающими очками, за которыми не видно было глаз.

– Ну и ну, явно детектив будущий подрастает... Только, сдастся мне, ему еще расти да расти.

Тут в разговор встрял Лори:

– Что они там собирают? И что это за красные пятна на земле?

Однако беседу их прервал примчавшийся галопом Мидли:

– Шеф звонит; он отыскал Льюиса.

Бойлз тут же направился к машине, позабыв о мальчишках. А Мидли, жирная, красная от возбуждения физиономия которого буквально сверкала от пота, принялся толкать их назад, приговаривая при этом:

– Ну же, пошевеливайтесь; только таких мартышек нам и

не хватало на месте преступления.

– Здесь было совершено преступление, мистер полицейский? – «удивился» Джем, выпучив глаза.

– Не твое дело, мотай отсюда, пока вы мне тут не затоптали все улики; к тому же если вы наткнетесь на эти тухлые куски мяса, то блевотиной изойдетесь, а у меня нет ни малейшего желания еще и за вами убирать; ну же, проваливайтесь!

Поскольку к ним опять направился Бойлз, Мидли удвоил усилия, толкая их вон, – исполненный гордости оттого, что рьяно исполняет свой служебный долг.

Джем и Лори послушно двинулись прочь.

– Здесь произошло какое-то мерзкое убийство, – шепнул Лори, – влезем-ка вон туда, за поилку, и оттуда все подсмотрим.

– Точно; скорей, пока они нас не засекали. Он ведь сказал: «тухлые куски мяса» – представляешь! – произнес Джем, уже карабкаясь на скалу.

– Ну и debil же этот Мидли, мне лично стыдно было бы познакомиться с ним Джимми; нет, ты только подумай: он ведь, между прочим, тоже – представитель рода человеческого...

Лори гневно сплюнул на землю, стараясь при этом покрепче ухватиться за скалу. Эти гадкие обломки камней, стоит лишь на секунду ослабить внимание, имеют пренеприятнейшую тенденцию сыпаться тебе прямо в лицо. Зато взо-

бравшись наверх, можно оказаться возле старой поилки, которой сто лет уже никто не пользуется. А она расположена много выше долины, и оттуда открывается прекрасный вид на старую ригу – обычный отправной пункт любой экскурсии по каньонам. Время от времени мальчики оглядывались назад, дабы убедиться, что ни Бойлз, ни Мидли не раскусили их маневр. Густые заросли ежевики скрывали их от посторонних взглядов. Было еще только двадцать минут десятого, но солнце уже палило вовсю.

Сухое, обжигающе горячее дно бывшей поилки служило прибежищем доброму десятку великолепных сероголубых ящериц – довольно крупных, длиннее ладошки; заслышав шаги незваных гостей, они мгновенно бросились в разные стороны и исчезли. В любой другой день Джем и Лори непременно попытались бы поймать хоть парочку, но сегодня у них было дело посерьезнее. По-пластунски друзья доползли до каменного бортика поилки и рискнули осторожненько выглянуть.

Санитары грузили в фургон пластиковые мешки. Красный, обливающийся потом Мидли вытирал себе лоб. Бойлз что-то записывал в блокнот. Возле риги четко видно было большое красное пятно на земле и еще другие – поменьше, на некотором расстоянии друг от друга; вокруг них вились целые тучи мух. Голоса говоривших внизу долетали наверх лишь обрывками фраз, приносимых порывами ветра.

– Никогда еще ничего подобного не видел... – произнес тот из санитаров, что был повыше.

– ... бойня! Стоит мне подумать о том, какие их части, судя по всему, с удовольствием сожрали...

«Их»! Значит, произошло не одно убийство; Джем ущипнул Лори за руку, и тот закивал: да, мол, я тоже все понял.

Маленький санитар захлопнул тяжелые дверцы фургона,

и очень четко было слышно, как он при этом громко сказал:
– Ладно; сейчас отвезем все это в ваш морг – вам будет над чем повеселиться.

Бойлз с бесстрастным видом направился к патрульной машине. Санитар пустился было следом за ним:

– Вы имеете хоть малейшее представление о том, что здесь произошло?

– Это сверхсекретная информация, – сухо сказал Бойлз, опускаясь на раскаленное сиденье машины.

Мидли нажал на газ, рукавом рубашки отирая пот со своей красной морды. Патрульная машина уехала. Длинный санитар внимательно огляделся по сторонам:

– Надеюсь... мы тут ничего не забыли... Представить невозможно, кем нужно быть... чтобы наделать такое...

– Наверное... абсолютным психом – помнишь того парня, что по уши нагрузился ПСП⁵... да и изрубил топором всю свою семью... Девчонку просто по кускам собирали – тридцать четыре куска... Тридцать четыре!

Остальные его слова потонули в порыве ветра. Фургон тронулся с места и медленно уехал, увозя свой кошмарный груз.

Джем хотел было уже вскочить на ноги, как Лори вдруг удержал его, схватив за запястье:

– Смотри!

Взглянув в том направлении, куда указывал палец Лори,

⁵ П С П – фенциклидин, мощный наркотический препарат.

Джем заметил, что в траве, возле источенной червями стены риги, что-то блестит. Безусловно, какой-то металлический предмет – судя по тому, как он сияет на солнце.

Не сговариваясь, мальчишки дружно бросились вниз – то ступая ногами, то попросту съезжая вниз на попках, спровоцировав тем самым целый обвал мелких камешков.

Загадочный предмет, полускрытый листьями, продолжал то и дело поблескивать. По мере их приближения к риге гудение мух постепенно усиливалось. А воздух становился густым и каким-то липким. Дырявые прогнившие доски риги были залиты кровью. Внезапно Джем с Лори замерли на месте: им стало как-то не по себе.

Здесь убили людей. На этом самом месте. И всего каких-нибудь несколько часов назад. Взаправду убили. А не как в кино. Настоящих живых людей. И вот теперь они смотрят на доски, забрызганные *кровью*. Трудно поверить, что это – действительно кровь. А не обычная красная краска. Кровь, вытекшая из чьего-то тела. Тут поневоле станет не по себе. Да еще эти мерзкие мухи – упившиеся кровью, жирные, отяжелевшие, до отказа нагружившиеся кровью, словно какие-то жуткие бомбардировщики. Мерзость. Джем хотел уже было повернуть назад, однако, увидев, что Лори, набравшись храбрости, решительно шагнул вперед, последовал его примеру. При этом он то и дело – на всякий случай – оглядывался назад. Ведь убийца – или убийцы, если он не один, – вполне мог спрятаться на время в зарослях кустарника. И

дождаться, пока уедут полицейские, – размышлял Джем, хотя на самом деле он не слишком-то верил в это. *Сожранные заживо...* Он сглотнул слюну и поспешил к Лори, как раз склонившемуся над тем самым предметом, что привлек их внимание. Лори молча замер, открыв рот и выпучив глаза.

– Ну так что же это такое? Орудие убийства? – с деланой веселостью в голосе спросил Джем.

Лори глянул на него чуть не вылезавшими из орбит глазами и, ни слова не говоря, бросился бежать в сторону шоссе.

У Джема вдруг как-то сильно забилося сердце в груди, но он, в свою очередь, склонился над находкой. Металлический предмет сверкал на солнце, буквально ослепляя. Обычное обручальное кольцо. Но оно было на женском пальце, отрубленном у самого основания, почти совсем изжеванном, но сохранившем при этом длинный ноготок, старательно покрытый ярко-красным лаком. Мертвая плоть, мясо. Человеческое мясо, подумал Джем. Впервые в жизни он видел такое. Наверное, вот в это и превратились его родители после авиакатастрофы. И Пол Мартин тоже. Джем вдруг почувствовал такую слабость во всем теле, что решил уже было, что сейчас же рухнет в обморок. Но нет. *Только не здесь.* Внезапно у него возникло такое чувство, будто кто-то за ним подсматривает. Чьи-то злые глаза неотступно за ним следят. *Голодные* глаза.

Он поднял голову. Страшно воняло падалью. Самой настоящей падалью. И Джем, не раздумывая, бросился прочь –

к шоссе, к Лори, в яркий свет летнего утра. Запах рассеялся.

Лори ждал его; он сидел на обочине, невидящим взглядом уставившись на свои кроссовки. Джем согнулся пополам, пытаясь отдышаться. Лори поднял голову; губы у него дрожали.

– Это был палец какой-то женщины.

– Замужней женщины, – добавил Джем в перерыве между двумя глубокими вдохами.

– Это отвратительно, Джем. Ты же видел ту кучу мешков, которые они погрузили в фургоны? Черт возьми, старик, это что – «Возвращение живых мертвецов»?

– Не знаю, что это, но, по-моему, лучше бы нам не попадаться ему на пути.

Не сговариваясь, они вновь пустились бегом – теперь уже по вполне цивилизованному шоссе; мягкие удары кроссовок об асфальт действовали успокаивающе. Потом остановились – вконец запыхавшись и обливаясь потом. Джем вполне сознательно избегал разговора о старой риге, решив напрочь забыть об этом проклятом паль... нет; ни в коем случае нельзя вспоминать об этом; внезапно он услышал, что говорит, обращаясь к Лори: «Пойдем ко мне пострелять?» – он буквально выпалил эту фразу со скоростью автоматной очереди и увидел, как Лори – так же быстро и с заметным облегчением – кивнул.

Дед в свое время приволок с какой-то ярмарки жестяную мишень и подвесил ее на смоковнице, за кроличьей клеткой.

Джем тренировался на ней, стреляя из старого пневматического карабина. Игру можно было разнообразить, подбрасывая в воздух консервные банки. Ни о каком воскресном веселье в каньонах теперь уже и речи быть не может. Сегодня куда лучше играть в шерифа.

Когда Мидли и Бойлз вернулись в полицейский участок, Бен Картер старательно красивым округлым почерком писал какой-то отчет, а Уилкокс сидел за своим столом со стаканом пива в руке. Бен своим тоненьким писклявым голоском – в котором явственно слышался легкий оттенок упрека – уже рассказал ему о том, как он вынужден был врать Чарли ночью, добавив при этом, что Верна всегда искала всякого рода приключений – вот и допрыгалась, к тому же... «Прекрати, Бен, – оборвал его Уилкокс, – не время сейчас такое говорить». Бен пождал губы и занялся просмотром слишком долго залежавшихся папок. А Уилкокс решил, что больше всего на свете ему сейчас хочется свежего пива. Поэтому они так и сидели – каждый занимаясь своим делом, – когда вернулись остальные.

Бен при их появлении тотчас поднялся, поправил галстук и надел головной убор, с которым никогда не расставался. Выглядел он в нем довольно-таки странно: сорокапятилетний дяденька в темном строгом костюме и полотняном головном уборе матроса военно-морского флота США, но местные жители к этому давно привыкли, так что со смеху

при виде него подышали лишь приезжие, а их тут было негусто.

– Я ухожу, шеф, мне нужно еще на репетицию хора, – как бы извиняясь, произнес этот в общем-то славный человек.

– О'кей, Бен; пока.

Бен ушел – странная фигурка в плотно обтягивающей узкую грудь рубашке: нечто среднее между мужчиной и мальчиком. Бойлз подошел к кофеварке и, наливая кофе, спросил:

– Что с Льюисом?

– Он был все это время дома, – ответил Уилкоккс, допивая пиво, – просто ему внезапно стало плохо. Теперь, похоже, ему уже лучше. Он сейчас в морге, готов приступить к работе.

Так плохо, что он едва на тот свет не отправился. Уилкоккс до сих пор содрогался, вспоминая об этом. *Никогда в жизни мне не доводилось видеть живого субъекта, до такой степени похожего на труп.* А ведь Костлявая и в самом деле прошлась совсем рядом с ним. Вряд ли стоит посвящать Бойлза в излияния Льюиса относительно нападения на него целой армии тараканов. Наверняка галлюцинация. Но вот крики, чье-то белое лицо в окне, разбитое стекло и лужа крови... Уилкоккс попросил Льюиса взять образец этой крови на анализ. Если вдруг она совпадет по всем показателям с кровью Верны или Дуга – тогда, выходит, Льюис и в самом деле вполне мог мельком видеть убийц. В конце концов ста-

рая рига, если идти напрямик, через поля, находится всего в каких-нибудь двух сотнях метров от его дома.

– А что Чарли? – отхлебнув глоток густого черного кофе, продолжал расспрашивать Бойлз.

– Я сообщил ему о смерти жены. Он заходил сюда где-то с пол часа назад. Хотел увидеть тело. А еще – свернуть мне шею. Он был в стельку пьян. Я попросил доктора Флинна вколоть ему что-нибудь успокаивающее. Флинн отвез его домой, но, как только он очухается, непременно явится сюда опять.

Доктор Флинн имел репутацию превосходного ветеринара и одновременно – самого молчаливого человека во всей округе. Так что у них была некоторая надежда на то, что он не станет болтать, – особенно если ему действительно хочется, чтобы Уилкоккс избавил его от штрафа, который он схлопотал не так давно за превышение скорости.

– Если в городе узнают о том, что случилось... – произнес Бойлз, с мрачным видом усаживаясь за свой рабочий стол; Уилкоккс заметил, что он нервно постукивает ногтем по стопке протоколов.

Он вздохнул. Мешкать больше нельзя, нужно поставить в известность ФБР. Три трупа за каких-нибудь тридцать шесть часов – этого более чем достаточно. Пора устраивать этот цирк с вмешательством спецслужб. Уилкоккс направился к коммутатору и набрал номер. Лишенный не только какого-либо оттенка, но даже намека на принадлежность к муж-

скому или женскому полу голос любезно попросил его некоторое время подождать. Ну вот, пожалуйста, – первый контакт с миром этих пустобрехов и ослов.

– Ладно, а пока мы вот что сделаем, – сжимая в руке трубку, сказал он, обращаясь к Бойлзу. – Чарли будем по-прежнему держать в бессознательном состоянии, а о Дуге – ни слова. Дуг Арройо жив-здоров, о'кей? А в том, что касается дела Сибиллы, следует по-прежнему придерживаться версии с наркоманами-мотоциклистами.

– Так они что же – вернулись, чтобы укокошить и Верну, эти мотоциклисты? Такая версия никуда не годится.

– Черт возьми, Стивен, я прекрасно это понимаю, именно поэтому я и хочу, чтобы все помалкивали.

Завонил соседний телефон. Уилкоккс левой рукой снял трубку:

– Да?

– Шериф Герби Уилкоккс?

– Он самый.

– А я – Лу Гэррон, из Си-Би-Эн. У вас там, похоже, возникли проблемы?

– О каких проблемах речь?

– О девчонке, убитой в пятницу. Есть что-то новенькое?

– Нам бы очень хотелось отыскать и допросить группу мотоциклистов, болтавшихся тогда в наших краях.

– А! Да, конечно... Слушайте, я вам перезвоню, мне сейчас опять нужно выходить в прямой эфир: я освещаю здеш-

ние события, связанные с волнениями, тут у нас довольно шумно. Вы слышите?

Уилкокс уловил в трубке какой-то глухой гул, звуки автомобильных гудков, пожарные сирены.

– Да, обстановочка у вас там что надо! – произнес он в трубку, в сотый раз спрашивая себя, *кто* был способен с такой жестокостью разделаться с Верной и Дугом.

– И не говорите! Привет!

Гэррон повесил трубку.

– Алло? Алло?

Тут только Уилкокс заметил, что в другой трубке надрыгается какой-то женский голос.

– Да?

– Федеральное бюро расследований на линии, мистер.

Ну вот – пошло-поехало.

Льюис со вздохом задвинул ящик с табличкой «Верна Хоумер». Дела обстоят все хуже и хуже. Настоящая бойня. С такой жестокостью может действовать лишь дикое животное, опьяневшее от крови. Сам он с Верной никогда даже не разговаривал, но ему нередко случалось видеть ее. Красивая женщина. Любопытно все же: он так давно перестал интересоваться женщинами. Действительно – со времен того несчастного случая на дороге. Несчастный случай... Не надо о нем думать. Это – уже в прошлом.

Льюис медленно направился к письменному столу. К сча-

стью, завтра вернется из отпуска Стэн – с такой работенкой тяжело справляться в одиночку... Малейшее усилие давалось ему с величайшим трудом, вдобавок было такое ощущение, будто ноги стали свинцовыми. Непременно нужно съездить в Альбукерк – проконсультироваться с каким-нибудь врачом. Эта постоянная усталость, полукоматозное состояние, тараканы... *А в самом ли деле я видел их, этих проклятых тараканов?* Льюис тут же почувствовал, как по всему телу у него побежали мурашки, и решил думать о чем-нибудь другом. Отмахнулся от надоедливой мухи, постоянно норотившей сесть ему на лицо. Муха отлетела на некоторое время, затем вернулась и принялась вертеться возле его рта. Тогда, выждав, когда она наконец сядет, Льюис хлопнул себя по лицу и почувствовал, что достиг цели: раздавленное насекомое прилипло к подбородку. Он подошел к умывальнику и поспешно принялся мыть себе щеки, кисти рук, запястья. Затем обильно смочил водой затылок. Какой-то спазм в желудке – Льюис идентифицировал его как типичное проявление панического состояния. *На какую-то секунду мне страшно захотелось проглотить эту муху, почувствовать ее внутри себя летающей по кишкам; нет!* Льюис схватил со стола записную книжку, отыскал там номер телефона доктора Вонга, молодого врача, с которым познакомился на симпозиуме в Бостоне. Бостон... И что за черт дернул его в один прекрасный день уехать оттуда! Ответ сразу же возник в мозгу, словно надпись на экране компьютера: ему тогда хоте-

лось, чтобы тысячи километров пролегли между ним и воспоминаниями о Сандре. Между ним и гибелью Сандры, между ним и этим проклятым несчастным случаем, – нельзя ему было садиться за руль, будучи в стельку пьяным! Нет, думать обо всем этом нельзя ни в коем случае. Зазвонил телефон. Льюис медленно подошел к нему и снял трубку.

– Ну что? – раздался в ней усталый голос Уилкокса, даже не потрудившегося поприветствовать доктора.

– Все то же. Частично съедены. А та кровь, которую вы обнаружили у меня под окном, и в самом деле принадлежит Дугу и Берне.

– Значит, еще один налет Неопознанного Расчленяющего Объекта. Ладно, шутки в сторону. Я вызвал федеральных агентов. Завтра они сюда явятся.

– Но до завтра может произойти еще одно убийство, шериф.

– Осмелюсь заметить, Льюис, что вы сыплете мне соль на раны... Кстати, вы обратили внимание на то, что изволит копошиться в животе Верны? И каково ваше мнение по этому поводу?

Льюис почувствовал, что ему немедленно нужно сесть, – голова немного закружилась; он подтащил к себе металлический стул и тяжело на него опустился.

– Льюис, вы меня слушаете?

– Да, шериф. Конечно, я видел червей. И упаковал их в герметический мешок. Теперь нужно, чтобы кто-нибудь из

ваших ребят отвез их в Альбукерк. На первый взгляд самые обыкновенные черви. Из тех, что заводятся в трупах.

– Но Верна если и разложилась, то не до такой же степени.

– Ценю вашу деликатность, шериф. Нет, эти черви не могли завестись непосредственно в труп Верны.

Уилкокс умолк на мгновение. Льюису казалось, будто он слышит, как тот ворочает мозгами. Затем последовал очередной сарказм вполне в духе шерифа.

– Не исключено, конечно, что Дугласа с Верной укушил какой-нибудь рыбак, дабы иметь постоянный источник червей для наживки... Ибо если я не стану придерживаться этой гипотезы, Льюис, мне придется выписать ордер на арест некоего куса протухшего мяса с клыками до колен, а это тоже не лучший вариант...

– У меня много работы, шериф.

– Прошу прощения; но вы же знаете, что происходит с людьми, когда они достигают определенного возраста: заговариваться начинают. Ладно, пока.

Он повесил трубку. А Льюис на некоторое время замер, глядя на зажатую в руке трубку, затем принялся набирать номер доктора Вонга.

Когда в поле зрения мальчигов показалась станция обслуживания, Джем вдруг замер на месте.

– Черт побери, Лори, а вдруг там убили *eel*

– Секс-бомбу? Ты просто спятил, старина; ей на роду на-

писано жить да жить, чтобы под занавес выйти замуж за Прекрасного Принца.

Джем в ответ на это выдал ему целую серию тычков в бок, Лори со смехом увернулся, затем застыл на месте, приподняв одну ногу.

– Кто прибежит последним, тот заплатит за кока-колу.

– А ты часом не проворонил «Великую иллюзию», приятель?

– Раз, два, три!

Джем бросился бежать сломя голову, Лори кинулся за ним по пятам. Словно два зайца, они выкатились прямо под ноги Даку; тот – как всегда весь вымазанный машинным маслом – остался совершенно невозмутим, хотя они едва успели затормозить, чуть не врезавшись в него. Дак поднял на них свой прекрасный – и совершенно невыразительный – взгляд.

– Эй, Дак, у нас тут опять кого-то убили... – с ходу выпалил Лори, даже не отдышавшись.

Дак ничего не ответил, внимательно рассматривая огнеупорную головку цилиндра фирмы «Делко».

– Ты сегодня утром видел Френки? – обеспокоенно спросил запыхавшийся Джем.

– Почему ты меня ищешь, прелесть моя? – вдруг раздался в ответ хриловато-тягучий и, бесспорно, очень сексуальный голос.

Мальчишки разом обернулись. На них, спокойно облизывая вафельный рожок с мороженым, смотрела Френки в зе-

леном хлопчатобумажном платье в обтяжку.

– Это из-за убийств, – смущенно пробормотал Джем, совершенно позорно растерявшийся под взглядом ее зеленых миндалевидных глаз, – мы уже думали, мы боялись, что вдруг...

– Что вдруг это меня опустили...

– Опустили?

– Ну да, опустили – точно так же, как ты опускаешь ненужное тебе место на пластинке: пшш – и все; теперь слушаем другую песенку; должно быть, ты, малыш, не так уж часто бываешь на дискотеках.

– Да, нечасто, – согласился Джем, ни разу в жизни не переступавший порога дискотеки.

Тут в разговор вмешался Лори:

– А вы, наверное, не так уж часто бываете в кино: видок у вас такой, словно последних тридцати лет на свете вовсе не бывало...

Френки расхохоталась:

– Ты прав, малыш. Но мне так нравится. А я всегда делаю только то, что мне нравится.

Говоря это, Френки подошла к Даку – тот поспешно сосредоточил все свое внимание на какой-то возне с разводным ключом.

– А почему вы решили отдохнуть именно здесь? – спросил Джем. – Место-то у нас тут совершенно никудышное!

– Мне непременно нужно, чтобы в Вегасе обо мне и ду-

мать забыли. А для этого нужно уехать как раз в какую-нибудь Богом забытую дыру.

– Вам, что ли, фараоны на хвост сели? – спросил вдруг заинтересовавшийся Лори.

Да, подняв голову, бросил на него явно неодобрительный взгляд. А Френки, ни капельки не рассердившись, по-прежнему улыбалась.

– Любишь фисташковое мороженое?

Она протянула ему свой рожок:

– Ну бери же; оно тебя не укусит, к тому же СПИДа у меня нет. А на хвост мне, как ты говоришь, сели отнюдь не фараоны, а, увы, кое-кто похуже. Один дурак со стволом, вообразивший себя невесть каким мафиози. Видишь, до чего доводят дурные знакомства?

И она своей очень белой рукой обвела пыльное шоссе, мотель, аптеку-закусочную, небо – голубое и совершенно пустое, словно превратив их тем самым в какую-то жалкую опереточную декорацию.

Потом, промокнув бумажным носовым платком губы, спросила:

– Так, значит, в вашем милом городке бродит на свободе какой-то маньяк-убийца?

Да, решительным жестом захлопнул капот машины. Джем все-таки пренебрег этим внезапным вмешательством в их разговор:

– Ну да; старая рига вся залита кровью. И там полно фа-

раонов.

– А еще там лежит отрезанный палец с обручальным кольцом... – покраснев до ушей, «небрежно» добавил Лори.

Дак кашлянул:

– Хватит, ребята; кончайте докучать мисс Френки своей мрачной болтовней.

Лори остолбенел от изумления, ибо он-то впервые имел удовольствие лицезреть обновленного Дака. Френки прыснула со смеху, потрепав Дака по коротким вьющимся волосам:

– Вот уж чокнутый так чокнутый.

Возле стоянки резко затормозила машина. Из ее окна махнула в их сторону огромная рука мистера Робсона.

– Лори! Слушай, Лори, мы с твоей матерью совсем забыли, что должны съездить посмотреть кое-что в Лас-Крусес. Там сейчас торговая выставка. Так что мы туда сейчас и съездим, о'кей? А ты до вечера побудешь с Джемом; слушай, Джем, приюти на сегодня Лори, я не хочу, чтобы он торчал дома совсем один, когда в городе такое творится. Спасибо; увидимся вечером!

Он помахал своей огромной и черной, будто гагат, рукой, и тут же машина отъехала на полной скорости. Лори выглядел очень растерянным. И дураку было ясно, что отец навешал ему лапши на уши. Просто они с матерью отправились в какое-то такое место, куда не хотели брать его с собой. Джем обнял Лори за плечи:

– Ладно, пойдем постреляем по мишеням за клеткой с кроликами. Пока, Дак; пока, Френки.

– Пока, дорогие мои; смотрите будьте умницами, иначе запросто рискуете угодить в кастрюлю местного людоеда...
– сказала Френки, посылая им воздушный поцелуй.

Джем пожал плечами. Классная все же девчонка! Он по привычке направился к кладбищу, Лори – следом за ним. Сейчас они быстренько доберутся до дома, и, как только Лори начнет стрелять, он сразу же забудет все свои проблемы.

Однако, оказавшись перед ослепительно белой кладбищенской стеной, Лори внезапно застыл на месте:

– Я не хочу идти через кладбище!

– Слушай, Лори, мы сэкономим на этом добрых четверть часа; ну же, идем, нельзя быть таким трусом!

Лори замер в нерешительности. У него вдруг возникло такое ощущение, будто Френки смотрит ему в спину. А стало быть, придется лезть.

– Ладно, приятель, о'кей; где перелезаем?

– Вот здесь, – ответил Джем, цепляясь за свисавшую со стены ветку клена; буквально одним движением он подтянулся и мгновенно оказался на стене. Затем наклонился к Лори и помог ему тоже взобраться наверх.

Сидя верхом на кладбищенской стене, Лори со страхом смотрел на аккуратно подстриженную траву там, внизу. Что ни говори, а все же кладбище – это такое место, где полно мертвецов. А среди них, между прочим, и Пол Мартин. За-

крыв глаза, он спрыгнул вниз. Когда ноги его коснулись земли, он подумал, что это все равно, как если бы они коснулись трупов, лежащих под ней. Джем посмотрел на него в полном отчаянии:

– Так мы идем? Следуй за мной по пятам.

– Ну да, конечно.

Джем, пригнувшись, зигзагами пустился бежать меж надгробий, выступавших из земли словно расшатавшиеся от старости зубы какого-то великана. Лори бросился за ним. Вообще-то вот так нестись через кладбище было довольно забавно. Похоже на компьютерную игру. Заметив, что Джем вдруг засел за каким-то серым гранитным камнем, Лори буквально одним прыжком присоединился к нему.

Прямо перед ними возвышалось большое черное надгробие. Сверкающий параллелепипед с острыми гранями. Джем молча указал на него подбородком. Лори все тотчас понял:

– Он лежит там?

– Да; во всяком случае то, что от него осталось... – прошептал Джем.

Лори медленно подошел поближе и молча прочел позолоченную надпись. Со стороны баптистской церкви раздались звуки колокола, неспешно в тиши воскресного утра ударившего одиннадцать раз; затем их повторил колокол методистского храма, а потом – набор точно настроенных колоколов католической часовни исполнил свою механическую мелодию. Неожиданно поднялся горячий ветер, взметая в воздух

опавшие листья и клубы пыли на аллеях. Черное надгробие сверкало на солнце. В нем нет ничего... милосердного, подумал Лори; ничего такого, что навело бы на мысль о вечном покое. Он бы даже сказал, что речь здесь идет отнюдь не о могиле, в которой кто-то с миром упокоился, а о каком-то военном захоронении – этаким черном вместилище смерти, похожем на те саркофаги, с помощью которых производят захоронения ядерной энергии.

Джем похлопал его по плечу:

– Вот видишь, приятель, – могила как могила...

– Нет, – четко произнес Лори, – это не могила, это – бункер.

– Ну что ты такое плетешь?

– Да, бункер; бункер, который мешает Полу вылезти наружу и задушить нас с тобой. Вот что это мне напоминает. И я очень рад, что его там заперли.

– Пол, между прочим, УМЕР! Теперь это уже всего лишь жалкая кучка костей.

Джем схватил друга за плечи и яростно встряхнул его. Лори ничего ему больше не сказал – молча развернулся на сто восемьдесят градусов, оказавшись, таким образом, перед старинной могилой в виде часовенки.

Створка проржавевшей решетки слегка раскачивалась на ветру. Незапертая.

– Черт возьми, она же всегда была закрыта на ключ! – удивился Джем, подходя поближе.

И невольно вскрикнул от изумления.

Голова ангела бесследно исчезла. А некогда голубые стены часовенки были осквернены непристойными надписями и вымазаны страшно вонючими экскрементами. Бронзовое распятие на вершине маленького алтаря оказалось перевернутым вверх ногами – так что Иисус невидящими глазами смотрел на них снизу вверх. На всех стенах красной краской было намалевано одно и то же слово: «Зло». Десятки этих мерзких слов переплетались между собой, начертанные чьей-то резкой, но уверенной рукой.

Лори это явление сильно озадачило. Ведь тот, кто сделал такое, должно быть, был либо очень несчастен, либо охвачен жутким гневом. Однако в любом случае – что называется «не в себе». И он легонько потянул Джема за рукав.

– Пора нам уйти отсюда... – тонким голосом прошептал он.

Остолбеневший Джем кивнул. Кто же мог так разорить и загадить такую очаровательную древнюю могилу? Однако мысль о том, что их сейчас вполне могут застать возле нее и обвинить в содеянном тут безобразии, быстро привела его в чувства. Уже готовый вновь броситься бегом, он обернулся к Лори, но Лори смотрел на него как-то странно.

– Слушай, приятель, а ведь здесь пахнет вовсе не краской...

Лори, похоже, пребывал в состоянии транса, и Джем с каким-то странным ощущением ждал, что же он скажет даль-

ше, – словно заранее это знал, но вовсе не хотел услышать.

– Здесь пахнет кровью.

Джем мгновенно понял, что Лори прав. Этот отвратительней, какой-то металлический запах – не что иное, как запах свежей крови; голубые стены часовенки расписаны кровью – кровью пополам с дерьмом.

Не сговариваясь, они дружно вновь бросились бежать, в поистине рекордное время достигли кладбищенской стены и оказались уже снаружи, напротив того самого пустыря, где Дед хранил свои проржавевшие сокровища.

Солнце было в зените, и обломки старых машин сверкали всеми цветами радуги, издавая привычный запах раскаленного металла и почти плавившейся на жаре резины; в траве неумоимо стрекотали кузнечики – уж им-то было совершенно все равно, что там творится в Джексонвилле. Легкий, пахнущий жасмином ветерок взлохматил мальчишкам волосы, попутно осушая струившийся по их лицам пот, и Джем облегченно вздохнул. У него было такое ощущение, словно он вырвался из какого-то кошмарного сна и вновь обрел привычный ему мир. Где-то лаяла собака, а с веранды, на которой Дед копался со своими радиоприемниками, смутно доносились обрывки какой-то мелодии.

Друзья молча отправились на задворки, где, собственно, и располагалось их стрельбище. Мишень – совсем уже проржавевшую железную фигуру ковбоя – Дед повесил на ветку смоковницы; со скрипом и лязгом она раскачивалась на вет-

ру. Ковбой, на котором местами еще сохранилась красная и желтая краска, пристально смотрел на них безнадежно глупыми глазами, продырявленными сотнями пуль; он все еще потрясал зажатými в обеих руках револьверами, а на лице его играла полная ненависти улыбка. То место, где находилось сердце, было обведено черным кружком. Джем направился к дому:

– Схожу за карабином.

Оставшись один, Лори показал язык жестяному ковбою, успокоенно вздохнул, оглядев залитые солнцем задворки, затем наклонился к клетке с кроликами. Толстая крольчиха с постоянно подрагивающим розовым носиком смотрела на него, стоя в окружении своих малышей. Ее белая шкурка казалась очень мягкой, и Лори захотелось погладить ее. Он протянул крольчихе травинку, та осторожно приняла ее у него из рук. Лори улыбнулся:

– Ну что, толстушка, все в полном порядке?

– Ненавижу тебя, мерзкий негр, – ответила окруженная малышами крольчиха, поднимая на Лори горящие злобой глаза.

Пораженный, мальчик отскочил подальше от клетки. Крольчиху он явно больше не интересовал: теперь она мягкой лапкой раздавала тумачи своему потомству. Лори потер себе затылок. Кролики вообще-то обычно не разговаривают – разве что в «Алисе в стране чудес». Да и там они не произносят подобных вещей: «Ненавижу тебя», да еще так злобно.

Он обернулся, услышав, что возвращается Джереми с карабином и пулями. Джереми тоже склонился к клетке:

– Что, решил на досуге поболтать с Мэрилу? Привет, Мэрилу, все в порядке?

Лори хотел было оттащить его от клетки, однако ничего особенного не произошло. Мэрилу подставила сосочки своим малышам, в траве безмятежно стрекотали кузнечики, легкий ветерок осушал выступивший у него на лице пот. Он хотел было рассказать обо всем Джем, но тут же передумал. Даже Джем в такое поверить не сможет. Чтобы кролик вдруг принялся разговаривать – и конечно же только с ним, с Лори. Говорящий кролик. Кролик, исполненный ненависти. Он ощутил вдруг у себя в желудке какой-то тяжелый ком – признак тревоги. Да, стоит, пожалуй, сознаться хоть самому себе: эта четвероногая мамаша не на шутку напугала его.

Джем протянул другу карабин:

– Честь произвести первый выстрел предоставляется тебе!

Лори машинально приложил карабин к плечу. Ему было очень неприятно стоять спиной к Мэрилу, от этого все нервы у него собрались в комок. Он тщательно прицелился в болтавшуюся на ветке фигурку ковбоя, затем – в последний момент – резко развернулся, чтобы застать врасплох Мэрилу.

Крольчиха пристально смотрела на него своими красными глазами, *расплывшись в улыбке*, – так что стали видны ее длинные зубы, от которых исходила какая-то мерзкая вонь.

Не успев даже сообразить, что он такое делает, Лори выстрелил; пуля ударилась о решетку и отскочила в сторону, Мэрилу с крольчатами мигом устремились вглубь клетки, в ужасе сбившись там в кучу. Джем подскочил к Лори, быстро схватил карабин за ствол и пригнул его дулом к земле.

– Лори! Ты что – спятил?

Похоже, он сильно рассердился и совсем растерялся. Лори попытался было что-то сказать, но у него ничего не вышло. Ну как объяснить, что какому-то жалкому кролику удалось довести его до такого состояния? Внезапно он заплакал – навзрыд, захлебываясь слезами. Джем, бессильно опустив руки, смотрел на него в полном недоумении:

– Да что случилось, Лори?

Швырнув карабин на землю, Лори бросился бежать – заливаясь слезами и одновременно сгорая со стыда. Он бежал не разбирая дороги, прижав локти к бокам, а сердце у него в груди колотилось как бешеное. Так он бежал до самого дома; добежав до дверей, остановился, с трудом переводя дыхание. И только тогда вспомнил, что родители уехали, а у него нет ключей.

На цементной дорожке раздались чьи-то шаги. Это был Джем – он бежал следом за ним и теперь обливался потом. Джем молча замер в нескольких шагах от Лори. Тот уже не плакал; ему стало легче оттого, что он так долго бежал, – теперь уже его не мучил тот ужас, что охватил его возле клетки с кроликами. Он закрыл глаза и мысленно пообещал се-

бе никогда больше не думать о Мэрилу. Ну разве что в том случае, если из нее сделают рагу.

Лори так и стоял, закрыв глаза. Джем не знал, что и делать. Внезапно у него возникло такое ощущение, будто кто-то за ним следит, и он резко поднял голову. Наверху, в окне второго этажа, метнулась какая-то тень – это он точно успел заметить. Очертания ее весьма основательно напоминали фигуру миссис Робсон. Значит, родители Лори ему солгали. На самом деле они были там, в доме, только вот Лори им почему-то сейчас совсем не нужен. Да, Лори оказался прав: что-то у них в семье не ладится. Наверняка из-за этого он и нервничает так сильно.

Джем подошел к другу. Лори раздраженно вытер глаза и шмыгнул носом. Нужно срочно придумать что-то способное разрядить обстановку, подумал Джем.

– Хочешь мороженого? – веселым тоном спросил он.

Лори изо всех сил пнул ногой валявшийся перед домом камешек, затем произнес:

– Конечно; почему бы и нет?

И они отправились в центр города, дружно притворяясь, будто с интересом обсуждают предстоящий баскетбольный матч.

А тем временем в окне второго этажа некая тень – пристально, с бесконечной тоской – смотрела в их удалявшиеся спины.

Биг Т. Бюргер с недовольным видом осматривал свою ру-

ку. Царапина, которую он получил прошлой ночью, горела и страшно чесалась. Рана вздулась, почернела и сильно загноилась. Намного сильнее, чем это бывает с обычными порезами. Слегка нажав пальцами на кожу возле раны, он ощутил острую боль. Похоже, заражение – и оно охватило уже все предплечье. Пальцы раненой руки двигались с большим трудом. Биг Бюргер решил, что, наверное, эту рану нанесли ему каким-то ржавым предметом. Нельзя было допустить, чтобы инфекция распространялась и дальше.

Он отправился в ванную, взял обычную безопасную бритву и методично сделал множество надрезов вдоль всей раны. Оттуда мгновенно брызнула черная, пополам с гноем, кровь и крупными каплями закапала в белую раковину умывальника, а Биг Бюргер, ни малейшего внимания не обращая на боль, с силой стал надавливать на края раны, наблюдая, как оттуда толчками вырывается гной. Когда наконец рана показалась ему достаточно чистой, он промыл руку холодной водой, затем пошевелил пальцами. Их почти полная неподвижность совершенно прошла, сменившись хорошей, четкой болью. Опухоль с руки, похоже, спала, рана выглядела красной и чистой. Одной рукой он отвинтил пробку флакона с девяностоградусным спиртом, который хранил в своей аптечке, и решительным движением вылил на рану почти половину его содержимого – от острой боли закрыв глаза. От выпачканной гноем и черной кровью раковины исходил довольно мерзкий запах. Биг Т. Бюргер до отказа открыл кран

– мощная струя холодной воды быстро промыла раковину, и мерзкий запах исчез. Ну вот – дело сделано.

Он перевязал руку чистым бинтом, вернулся в гостиную и, решив прогуляться, дабы узнать, все ли в порядке в городе, натянул на седую голову старую зеленую каскетку.

Когда Биг Т. Бюргер ввалился в комиссариат, Уилкокс старательно заглатывал залитый студенистым соусом бутерброд, запивая его холодным пивом. Негромко бормотало радио – что-то очень сердитое по поводу столкновений манифестантов с силами порядка в пригороде Фармингтона. Слышно было, как шипят «коктейли Молотова». С грацией танка распахнув дверь, Биг Т., подбоченившись, навис над Уилкоксом и громоподобным сержантским голосом перекрыл звуки радио:

– В городе что-то не так, шеф?

– Не понимаю, о чем ты, – опасно вгрызаясь в кусок похожего на резину цыпленка, ответил Уилкокс.

– Я видел Мидли. Еще два убийства?

– У Мидли язык как помело. Хочешь кофе?

– Я хочу знать, что происходит.

Уилкокс вздохнул, разглядывая остатки выращенного на гормонах цыпленка под ломтиком помидора. Нет на свете людей упрямее отставных сержантов морской пехоты. Не иначе как их производят путем скрещивания с бульдогами. Он швырнул остатки сэндвича в мусорную корзину.

– Мы по уши в дерьме, Биг Т. Завтра явятся федеральные агенты.

Биг Т. едва не сплюнул на пол, но вовремя вспомнил, что

он в полицейском участке.

– Черт возьми, шеф, мы и сами сумели бы справиться!

– Тебе семьдесят пять, Биг Т., ты заштопан со всех сторон, меня тяготят мои сорок восемь и двадцать кило лишнего веса, а Бойлз в жизни ни в кого не стрелял. И ты считаешь, что мы – серьезная сила против этих психов? Пива хочешь?

Никак не отреагировав на это предложение, Биг Т. упрямо гнул свое:

– С чего вы взяли, что их много?

– Три убийства за тридцать шесть часов. В одиночку так не напакотишь. Их по меньшей мере двое.

Биг Т. Бюргер вздохнул:

– Я очень любил Верну. Забавная она была. Славная девочка.

Он замолк, увидев, что входит Бойлз. Тот механическим движением поприветствовал его, потом откашлялся:

– Что будем делать вечером, шеф?

– Не стоит сеять панику. Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь нервный гражданин пальнул в соседа по лестничной площадке, вышедшего прогулять свою псину. Ты поедешь на одной машине, Мидли – на другой. Патрулируйте всю ночь. Попроси Бена помочь вам. Я буду сидеть здесь.

– А Чарли Хоумер? – спросил Биг Т. – Как быть с ним?

– Пусть и дальше балдеет. С Флинном я договорился: на нем висит взыскание за превышение скорости. Мы его снимем. Я хочу, чтобы все это осталось между нами до приезда

фэбээровцев, о'кей? Так что скажи Мидли – пусть он этот штраф снимет, снизит до минимума, изорвет на мелкие кусочки – словом, пусть закроет это дело, если дорожит мундиром.

– Сокорро хотел знать, что происходит, а парни из больницы сразу же все разболтают.

– Черт возьми, Стивен, достать ты меня решил, что ли? Наговори Сокорро чего угодно, свали все на несуществующих юнцов-мотоциклистов, лишь бы выиграть время. Здешняя деревенщина вооружена до зубов, и малейшая паника запросто перерастет в гражданскую войну, сечешь? Прижать к ногтю ту сволочь – или сволочей, натворивших все это, мы сможем только в том случае, если удастся сохранить порядок в городе.

– Шеф, если нужно, я могу покружить по городу на своем грузовичке, – предложил Биг Т.

Уилкоккс улыбнулся – улыбка получилась усталой.

– Спасибо, Биг Т. Но выходить из машины запрещаю категорически. Ни под каким видом.

Биг Т. Бюргер порывисто пожал ему руку. Дело понемножку налаживалось. Он быстро ушел, спеша привести в порядок свой арсенал.

Уилкоккс подавил отрыжку. Цыпленок, мерзость инкубаторская. Вот уже два дня ему кусок в горло не идет. Нервы, тревога. Причиной тому, конечно, эти психи, разгуливающие на свободе, но ведь дело не только в них. Он словно

бы ждал чего-то; да, ждал – но чего? Уилкокс взял шляпу и направился к двери:

– Если меня будут спрашивать, я у Леонарда.

Бойлз кивнул, подождал, пока дверь закроется, и вытащил свою трубу. Накануне ему показалось, что один из пистонов плохо ходит.

Медленно, в каком-то всеобщем отупении, день катился к вечеру. Было душно – в такую жаркую влажную погоду обычно хочется хорошей грозы. Воздух дрожал над шоссе, творя миражи.

Гольшом растянувшись на кровати, Френки изнывала от жары. Листала кинематографический иллюстрированный журнал, размышляя о том, явится ли вовремя этот недотепа Дак, чтобы отвести ее в кино. Боже, до чего этот парень красив! И такой странный... Впрочем, все они тут странные в этом захолустье. Если бы она не боялась Эдди, уехала бы тотчас же. Но ведь что-то ей здесь не нравится. Атмосфера какая-то давящая. Зловещая. *Дело совсем не в Эдди*. Лето здесь будто пропахло падалью...

Она замерла, так и не перевернув до конца страницу. Странно, такое ощущение, будто в голове прозвучал чей-то голос. *Никогда тебе отсюда не уехать*. Она глубоко вздохнула и перевернула страницу. *Вспомни*. На какую-то долю секунды пальцы судорожно впились в журнальный лист. Это еще что за штучки? Теперь она от слуховых галлюцинаций

будет кайф ловить? Черт, покруче, чем от героина, что давал ей Эдди! Твердо решив прогнать черные мысли, она бросилась в ванную и встала под душ, до предела отвернув кран с холодной водой. И речи быть не должно о том, чтобы так распускаться. Берегись, Меланхоличный Дак!

Когда Уилкоккс пришел к Леонарду, Джем и Лори были уже там. Усевшись на землю под верандой, спинами прислонившись к стене комнаты Джема, они листали старые комиксы. На другом конце веранды Леонард за импровизированным длинным столом заканчивал покрывать лаком корпус приемника 1918 года выпуска – из красного дерева.

– Ну, что нового? – не поднимая головы от работы, спросил он.

– Верна Хоумер и Дуглас Арройо... их нашли за старой ригой, – коротко ответил Уилкоккс, покосившись в сторону ребятишек, – те, казалось, с головой ушли в чтение.

– И в результате?

– И в результате я вызвал федеральных агентов. Отвратительное дело, ты и представить себе не можешь, насколько отвратительное.

Микроскопическое количество лака пыталось подтечь – Леонард подхватил его кончиком кисти.

– Что вы имеете?

– Ровным счетом ничего. По-моему, здорово смахивает на работу накачавшихся ЛСД оригиналов – в духе Чарли Мэн-

сона с его бандой.

– Разве такие штуки все еще в моде? – как всегда спокойно спросил Дед.

Уилкоккс безрадостно усмехнулся:

– По статистике, наркоманы совершают в среднем одно убийство в час. Нет, из моды это еще не вышло. Так или иначе, но я не представляю, кто, кроме накачавшихся наркотиками парней, мог бы натворить такое; это невообразимо, Лен, – все вокруг... Бедная малышка Верна, если я поймаю этих негодяев...

Леонард выпрямился.

– Собираешься ввести комендантский час?

– Нет, я не хочу никого тревожить. Мы не стали разглашать происшедшее. Чарли напичкали снотворным, а о Дуге и беспокоиться некому. Парни, которые это натворили, сейчас, должно быть, укрылись где-нибудь в сьерре. Всю ночь мы будем патрулировать. Льюис считает, что они, возможно, некрофилы или что-то в этом роде, какая-нибудь секта идиотов... На телах обнаружили кое-что от какого-то трупа.

– Какого-то другого трупа? – спросил Леонард; глаза у него заблестели.

– Именно. Похоже, убийцы таскают с собой куски трупов. Зачем – черта с два тут что поймешь.

Джем и Лори одновременно перевернули очередную страницу с иллюстрациями. Картинки в журналах, казалось, совсем их заворожили. Может, они вообще не заметили, что

пришел Уилкокс?

«Удивительно, до чего же все-таки мальчишки способны отрешиться от внешнего мира», – подумал Уилкокс, вытирая пот на затылке. Леонард, положив кисть, прищурился и внимательно посмотрел на него:

– Налить тебе пива?

– Не откажусь...

Оба пошли на кухню, хлопнула дверца холодильника. Лори повернулся к Джему, они переглянулись.

– Скоро фэбээровцы приедут... – прошептал Джем. Это было даже лучше, чем какое-нибудь кино, – это было *взаправду*.

Послышались шаги мужчин – они возвращались на веранду; Лори поспешно перевернул страницу своей «Вампиреллы». Ему не терпелось посоветоваться с Джимми, вывести числа всех событий дня. Что бы там Джем ни говорил, Джимми все-таки неплохой советчик.

– Ладно, мне пора, спасибо за пиво, – резко сказал Уилкокс; он был явно озабочен.

– Не за что. Ты знаешь, что в любое время можешь сюда зайти.

– Ну да. Уэс и Эмма звонили, хотели узнать, когда можно будет похоронить девочку.

– И что?

– Я сказал, что сначала нужно закончить обследование. Было слышно, как Эмма изо всех сил старалась не разреветь-

ся. Господи, она ведь говорила о своей девчонке, Леонард, – о своей убитой девчонке, которую Льюис разделал в морге на кусочки.

– А как он поступил с мозгом?

– Что? Понятия не имею, с чего ты вдруг? Коллекцию, что ли, собираешь?

– Нет, просто подумал о том, разрушает ли он мозг, только и всего.

– Спроси у него самого. Ладно, я пошел.

После того как Уилкоккс ушел, мальчики долго сидели и тихонько что-то обсуждали. Потом внезапно перед ними возник Дед – стоял, уперев руки в бока.

– Уже поздно; Лори, тебе пора домой.

Джем вскочил:

– Я провожу его немножко.

– Хорошо, только нигде не задерживайся.

Когда они вышли, было еще светло, но теперь казалось, что сумерки сгущаются с каждой секундой. Город скрыли тучи – черные снизу. Джем и Лори быстро шли вдоль кладбищенской ограды.

– Сейчас дождь пойдет, – быстро произнес Джем.

Ничего не сказав об этом вслух, они решили сделать большой крюк, чтобы не пробираться меж могил, срезая путь.

Лори пошел быстрее. Родители, должно быть, ждут его. Вот лицемеры! Сколько бы они его ни целовали, он все равно прекрасно понимал, что все это – фальшь. Ничего он им не

расскажет про Верну и Дуга, не дождутся! Неудивительно, что отец хочет развестись: мать день ото дня опускается все сильнее, красится невесть как, болтает невесть что – на ногах уже почти не держится. Лори с тревогой размышлял о том, догадывается ли Джем, что мать пьет. Их семья была одной из немногих прижившихся в этих краях черных семей, и он очень дорожил ее репутацией.

Небо рассекла беззвучная молния, молочно-белая вспышка осветила дорогу. На вершине кладбищенской стены, метрах в двадцати сзади, шевельнулась какая-то тень. И прежде, чем дети успели заметить ее, исчезла с каким-то хрустальным звоном.

Лори не мог заставить себя не думать о Поле Мартине, лежащем в гробу по ту сторону этой проклятой белой стены.

Пол Мартин был злюкой. Лори прекрасно помнил его сверлящий взгляд, насмешливый голос, не забыл, как жестоко тот раздирал на части насекомых. Может, за эту злобу Бог его и покарал? Взял да и направил на него светящийся космической энергией перст, и вся семья Мартинов понеслась напрямиком на кладбищенскую стену? Лори раз и навсегда решил, что нет никаких оснований полагать, будто Бог – седой старик с белой бородой. И представлял его излучающим звездный свет металлоидным гигантом.

С головой уйдя в эти размышления, Лори споткнулся о пустую банку из-под пива, что заставило его поднять голову: Станция обслуживания была закрыта, неоновая вывеска

погашена. Обычно Дак редко закрывал раньше девяти-десяти вечера. Он жил один, в маленькой комнате над гаражом. Родственников у него не было – подкидыш, до совершеннолетия он жил в чужих семьях.

Старый Хосе Альфонсо, его последний приемный отец, научил его своему ремеслу механика, а потом умер, завещав гараж Даку.

Вторая молния расколола ночь пополам – совершенно беззвучно. Лори прибавил шагу. Джем, засунув руки в карманы, – шагал впереди. На пустынной улице шаги детей звучали гулко. Луна спряталась за тучами. Вереница огромных машин, обычно сновавших по шоссе в Мексику и обратно, внезапно исчезла – черная лента дороги сверкала, будто змеиная шкура. Вдруг где-то позади раздался свист – три ноты.

Джем обернулся:

– Ты свистел?

– Нет, это сзади.

Сзади не было никого. Свист раздался опять – слева, по ту сторону стены, *на кладбище*. Первые такты какой-то песенки – Лори узнал ее сразу.

– «Джингл Белл»! Там кто-то насвистывает «Джингл Белл»...

– Ну и что, это не запрещается, – хладнокровно заметил Джем и пошел еще быстрее.

Внезапно на пути у него возникла какая-то фигура – испуганно вскрикнув, он оттолкнул ее.

– Смотри, куда идешь, мальчик! – проворчала морщинистая рожа Томми Уэйтса, кладбищенского сторожа.

Старый Томми спокойно закрыл ворота и удалился, на свистывая. Жизнерадостный ритм «Джингл Белл» растаял во тьме вместе с ним.

Лори заметил, что у него бешено бьется сердце. Он сглотнул и двинулся вперед, следуя по пятам за Джемом. Сзади, шагах в десяти, ловко балансируя на гребне кладбищенской стены, бежало нечто – темное и быстрое. Джем обернулся так резко, что Лори налетел на него.

– Лори, тебе не кажется, что здесь воняет?

– Неподалеку свалка... когда дует ветер...

– Именно: ветер; по-твоему, это не странно?

– Ветер?

– Он дует, но листья на деревьях не шевелятся, – с вымученной улыбкой закончил свою мысль Джем.

Лори огляделся. Ветер принес какой-то едкий запах, он пробегает по волосам, словно быстрая рука, но ни один листик на деревьях не шевелится. «Джингл Белл»...

Дети разом обернулись. Кто же свистел? Их осветила вспышка молнии, прогремел гром. Нечто распласталось на стене – торчащие из нее острые бутылочные осколки ему ни почем. Неведома ему боль. Телесная боль. Меж растрескавшихся губ свистит ветер – нечто с трудом сдерживает смех. Оно исходит уже слюной при мысли о вкусной плоти мальчиков – и тут появляются незваные гости.

Поймав мальчиков в лучи света, патрульная машина Бойлза развернулась на шоссе, фары осветили белую стену чуть ниже того места, где затаилось нечто. Бойлз затормозил, высунул голову в окошко:

– И куда же вы направляетесь?

– Я провожаю Лори домой, мистер...

– Садитесь, я отвезу вас, дождь собирается...

– Спасибо, мистер!

Вот это да. Не так уж часто офицеры полиции предлагают подвезти тебя на полицейской тачке. Джем и Лори не сводили глаз с приборной доски, усеянной светящимися кнопочками, с прикрепленного рядом радиотелефона – он тихонько стрекотал.

Нечто на стене присвистнуло от злости. Заскрежетало зубами – точно пила. Очень хорошо заточенная пила.

Широко улыбаясь, отец Лори открыл дверь:

– Ну что, детки, вдоволь повеселились?

Заметив полицейскую машину, осекся.

Бойлз высунулся наружу:

– Гроза собирается нештучная, вот я и решил их подбросить.

– Очень любезно с вашей стороны. Входи, Лори. Джем, я провожу тебя домой...

– Не стоит, я отвезу его, – резко ответил Бойлз: он явно торопился. – Садись, Джем, поехали.

Джем распрощался и вернулся в машину – полицейский

автомобиль быстро скрылся из глаз. Как раз в тот момент, когда мистер Робсон закрывал дверь, хлынул дождь – с грохотом водопада потоки теплой воды обрушились на раскаленную землю.

Лори медленно поднимался по лестнице, все еще ощущая в носу тот зловонный запах. *«Джунгл Белл»*. *Это не мог быть Томми Уэйтс. Хватит об этом*. Не оборачиваясь, он спросил:

– А мама где?

– Спит, она устала. Похоже, подхватила грипп, – ответил стоявший сзади отец, и Лори не увидел странного выражения, исказившего его обычно любезное лицо.

Наверху, в комнате, ждал Джимми – надежный, послушный, не подвластный никаким настроениям. Лори включил его и, наморщив лоб, не обращая внимания на струившиеся по стеклам потоки воды и раскаты грома над городом, с головой ушел в расчеты. На какую-то секунду ему показалось, что на экране вырисовывается что-то с длинными ушами и большими зубами, но это был всего лишь оптический эффект. Никогда больше он и вспоминать не станет о Мэрилу. Никогда.

Под проливным дождем Бойлз доставил Джема домой. Дед Леонард смотрел на них с веранды – высокая фигура в ореоле седых волос: в свете лампы они были похожи на нимб. Шумел дождь, крупные капли, словно снаряды, били в землю; в воздухе стоял свежий запах травы. Дед взмахом руки

поблагодарил Бойлза и вернулся на кухню. Джем взбежал по лестнице; вода затекала за шиворот, и это было смешно; он не заметил, что в темной луже под окном шевелится кучка белых червяков.

Льюис потоптался на пороге. Он долго оттягивал момент возвращения домой, но так устал... Наконец решился – со всей осторожностью. Быстро огляделся, готовый в любую секунду заорать, но в доме, похоже, все было спокойно. Осталось лишь набраться храбрости и войти в спальню. Довольно долго он стоял под дверью, затем решительно вошел. Ковер на полу был усыпан осколками стекла. Как следует отдышавшись, он осторожно, кончиками пальцев, приподнял простыню. Ничего на ней не было – чистая белая простыня. Но здесь он уже не мог чувствовать себя в безопасности. Льюис решил уйти на ночь в комнату для гостей; погасил свет и вышел, заперев спальню на ключ. Завтра он встретится с Джоном Вонгом. Мысль об этом почему-то казалась утешительной. А пока – спать... Он открыл пузырек со снотворным, выпил две таблетки. Иначе всю ночь будет глаз не сомкнуть. Слишком страшно.

Уилкоккс выключил радио, разразившееся децибеллами тяжелого рока вперемежку со сводками «горячих» новостей, – Лу Гэррон, явно перевозбудившись, орал во всю глотку. Воцарилась гнетущая тишина. Бойлз, Бен, Мидли и Биг

Т. Бюргер каждые полчаса регулярно выходили на связь. Пока все тихо. Возможно, убийцы смотали удочки и уже в Мексике. Он взглянул на часы: два ночи. Плеснул себе кофе. Зажужжал коммутатор. Со стаканом в руке он поспешно нажал кнопку:

– Уилкокс на связи.

– Хочешь, пососу тебе, дорогой? – очень отчетливо произнес тонкий голосок Бена.

Уилкокс от неожиданности подскочил, пролив кофе себе на рубашку. Не веря своим ушам, прошептал:

– Бен?

– Или ты, толстячок, предпочитаешь, чтобы я всунул тебе кое-куда?

Это что – шутка? Но Бен – и такие шутки?!

Послышалось невероятно пронзительное хихиканье, потом голос Бена – на сей раз умоляющий и *словно бы искажившийся от боли*:

— Помогите! О Господи, помогите же!

И – тотчас – насмешливо:

– Ты просто в восторг придешь, вот увидишь...

Из динамика раздался душераздирающий вой, потом связь прервалась.

– Господи... – пробормотал Уилкокс, дрожащей рукой нажимая кнопку вызова.

Это не шутка. Только что произошло что-то ужасное. Он ощущал горячий кофе на груди, слышал шум вентилятора,

но будто во сне. Бен. Нет, невозможно, чтобы Бен Картер оказался способен на... *подобные вещи*. Внезапно раздался голос Бойлза – очень четкий на фоне джаза:

– Агент Бойлз. Слушаю.

– Слушай внимательно, Бойлз: я хочу, чтобы ты немедленно отыскал Бена, но к его машине не подходи, слышишь, – найдешь его, свяжешься со мной и жди; если хоть что-то шевельнется – стреляй. Я пошлю к тебе Мидли и Бига Т.

– Что-то случилось?

– Похоже, так.

Уилкокс отключил связь, застегнул тяжелую кожаную портупею. Увесистый «смит и vesson» касался бедра, вселяя уверенность. Уилкокс связался с остальными патрульными машинами:

– Все подразделения вызываю на связь, все подразделения...

– Мидли слушает, – возвестил веселый низкий голос. Никаких сомнений – это Мидли.

– Свяжись с Бойлзом и следуй его указаниям.

– Есть, шеф, хорошо, еду.

– А мне что делать? – раздался твердый голос Бига Т.

– То же самое. Ни под каким видом не выходите из машин.

Старый вояка не задал ни единого вопроса. Вызвать Бена Уилкокс не решился. Не хватало еще опять услышать тот приторный голосок. Бедняга Бен – чтобы он, да нес такие гнусности – просто ужас какой-то, – признался себе Уилкокс,

нервно потирая кофейное пятно на рубашке.

Зуммер. Уилкокс поспешно нажал кнопку. На связь вышел Бойлз:

– Я засек его тачку. На стоянке возле супермаркета. Фары погашены. Никаких признаков жизни, шеф. За рулем, похоже, никого – страшно хочется пойти взглянуть.

– Сиди и не рыпайся! – рявкнул Уилкокс. – Сейчас приеду.

Дождь прекратился, но молнии одна за другой с треском рвали небо. Уилкокс на всей скорости несся по пустынным улицам, то и дело пытаясь вызвать Бена, но тот не отвечал. Вдруг он резко затормозил. В кустах парка что-то шевельнулось. Положив руку на револьвер, он опустил стекло:

– Эй там, выходите!

В ответ резко отозвался хриплый насмешливый голос:

– Не стреляйте, сдаемся!

Из парка вынырнула парочка: потрясающая девчонка, а с ней – Тупица Дак. Уилкокс машинально отметил, что волосы у парня приглажены, а узел галстука безупречен. Дак в белой рубашке и галстуке в такую жару! Наверное, при иных обстоятельствах он бы от души улыбнулся. Мокрое платье девчонки прилипло к телу, подчеркивая роскошные формы. Но сейчас он лишь резко заметил:

– Не стоит бродить по городу нынче ночью, о'кей?

– Ясно, генерал, топаем домой, – быстро ответила девчонка, взяв Дака под руку.

Они неспешно удалились. Уилкокс покачал головой и дал газу. Нет у него возможности снабжать эскортом каждого прохожего.

Стоянка тонула во тьме – один-единственный галоидный фонарь отбрасывал на нее кружок голубоватого света. Под фонарем стояли три машины. Два черно-белых полицейских автомобиля и старый пикап. Бойлз, Мидли и Биг Т. Чуть дальше, во мраке – машина, на которой уехал Бен.

Биг Т. стоял возле своей машины – в левой руке карабин, указательный палец правой – на спусковом крючке. Замер, прислушиваясь. Уилкокс припарковался рядом с ним – дуло винчестера сразу же поймало на мушку его лицо, затем опустилось.

– Ну что?

– Ничего. В машине, похоже, пусто. Разве что он лежит на сиденье...

– Может, ему плохо стало, – предположил Мидли.

«Дьявольски плохо, – подумал Уилкокс – тот жуткий крик ему никогда теперь не забыть. – Хуже, наверное, не бывает...»

– Пойдем глянем. Бойлз, Мидли, прикройте нас.

Бойлз включил фары до максимума. Снова хлынул теплый дождь; патрульная машина – пустая и мокрая – блестела. Уилкокс двинулся вперед. Он обходил машину справа, Биг Т. – слева, чуть-чуть отставая. Дождь лил за ворот, стекал по лбу, смешиваясь с потом. Уилкокс боялся того, что он может

увидеть в машине. Да, он – Герби Уилкоккс, сам черт ему не брат – струхнул не на шутку. Те мерзости, да еще произнесенные сладким голоском Бена, нагнали на него страху куда больше, чем армада каких-нибудь сдвинутых по фазе «Адских Ангелов». Приплясывающая в глазах патрульная машина все ближе и ближе. Он отметил, что стекло со стороны водителя опущено. Спазм в желудке. Почему же Бен опустил стекло? Уилкоккс застыл, наступив на что-то мягкое. Медленно приподняв ногу, глянул: здоровенный таракан. Решительно растер башмаком уже раздавленную тварь и двинулся дальше; Биг Т. следовал за ним. Их шаги гулко звучали на цементном покрытии.

Метра за два до машины Уилкоккс остановился. Здесь вихрем кружился ветер, насыщенный запахом падали. Пару шагов назад никакого ветра не было и в помине – лишь частый липкий дождь, а теперь ветер сек по лицу. Уилкоккс отступил на шаг: полная тишь. Шаг вперед – зловонный порыв ветра ударил в лицо. Он обернулся к застывшему на месте Бигу Т.

– Воняет, шеф, – коротко заметил старик, наводя оружие на безжизненно замершую машину.

Уилкоккс почувствовал, как пот струится по пояснице, сбегает по бедрам. Запах был страшно поганый – помесь бойни с нечистотами; смрад пробежал по лицу, скользил по коже, щекотал за уши, трепал волосы, легонько касался губ. Уилкоккс вытащил револьвер из кобуры. И тогда машина принялась раскачиваться.

Она качалась, переваливаясь с боку на бок под дождем так, словно внутри какая-то парочка занималась любовью. Или прыгал разыгравшийся ребенок. Или невесть что издевалось над ним. Раздался смешок – короткий, серебристый. Уилкоккс направил револьвер на бак с горючим, палец на спусковом крючке напрягся, потом расслабился. Не мог он взорвать машину – вдруг там внутри Бен, да еще живой. Он позвал:

– Бен! Бен, ты здесь?

Машина замерла. Ветер стих – так же внезапно, как и поднялся. Запах усилился.

– Бен!

И тут в ночи раздался высокий голос Бена, в нем звучало неподдельное веселье:

– Они отгрызли мне яйца, шеф; мы тут так развлеклись – вам и не снилось...

Раздался выстрел, Уилкоккс вздрогнул. Стрелял Биг Т. – прямо в резервуар. Потек бензин. Биг Т. выстрелил еще раз – вдребезги разлетелось заднее стекло, за ним – переднее. Биг Т. левой рукой полез в карман своей военной куртки, вытащил оттуда зажигалку – старенькую помятую «зиппо» – и щелкнул ею, по-прежнему держа машину под прицелом.

– Плохо себя ведешь, зайчик мой, – захныкал голос Бена. – Мне придется сделать тебе очень больно, – проговорил он, уже даваясь от смеха...

– Получай, засранец! – рывкнул Биг Т., поджигая лужу

бензина.

Уилкокс отскочил на несколько шагов и бросился на землю, прикрыв голову руками. Невзирая на дождь, пламя побежало по земле, достигло бака с горючим, с оглушительным звуком взлетел в небо огненный столб. Патрульная машина взорвалась. Заплясало мощное сине-красное пламя, из разбитых окон выскакивали огненные языки.

Уилкокс поднялся – с неприятным чувством, будто играет в каком-то фильме, не зная роли. Взрывной волной его потрянуло, засыпало осколками стекла и кусками раскаленного металла. К нему спешили Бойлз и Мидли.

– Вы что, совсем спятили, – прорычал Мидли в адрес Бига Т., молча созерцавшего пожар, – вы же Бена взорвали!

– Это был не Бен, – не глядя на Мидли, молвил Уилкокс. – Не знаю, что это было такое, но во всяком случае не Бен.

Мидли уставился на него, открыл рот, потом закрыл. Бойлз застыл в растерянности. Вдали послышалась сирена пожарной машины. «Должно быть, кто-то из жителей соседних домов вызвал пожарных», – краешком сознания отметил Уилкокс, не сводя глаз с пылающей машины.

Ничто не пыталось выпрыгнуть из огня, никто не выл от боли. Смрадный запах исчез. Уилкокс с наслаждением вдыхал аромат дождя. Промокшие, они безвольно стояли, уставившись на огонь. Пронзительные вопли сирены постепенно приближались. Мокрая от дождя красная пожарная машина с визгом затормозила. Капитан – в каске и сапогах – крик-

нул, сложив руки рупором:

– Что происходит?

Уилкокс обернулся:

– Машина загорелась, в ней никого не было, так что ничего страшного.

Капитан вроде бы успокоился. Его подчиненные тем временем начали поливать машину из шлангов. Явно заинтригованный таким сборищем фараонов возле какой-то горячей тачки, капитан подошел поближе. Почерневший корпус машины дымился под мощными струями воды.

– Что тут случилось?

– Группа подгулявших юнцов попыталась развлечься... – с ходу сочинил Уилкокс.

«Было бы с чего корчить такую похоронную морду», – возвращаясь назад, подумал капитан.

Уилкокс повернулся к остальным:

– Мидли, Бойлз, отправляйтесь патрулировать, я не хочу лишний раз рисковать. И не опускайте стекло.

– Шеф, но мы ведь от жары подышаем, – возразил Мидли.

– Лучше подышать от жары, чем просто подохнуть, тебе не кажется?

Оба поспешно ушли. Биг Т. и Уилкокс стояли бок о бок, глядя на затухающий пожар. Уилкокс с ужасом ждал момента, когда пожарные подойдут поближе и заглянут внутрь. Железо раскалилось докрасна. Вдруг из кабины пожарной машины выскочил капитан:

– В ферму Миксов угодила молния! Нужно ехать немедленно! С этой тачкой порядок, шеф, – она в конце концов сама погаснет.

– Чертовски везет некоторым, – тихонько пробормотал Биг Т., учитывая, что неизвестно еще, что там внутри...

Пожарные торопливо собирали свою технику. Дождь прекратился, гроза откатилась вдаль. Металлическая обшивка дымилась, потрескивая. Пожарная машина отъехала на полной скорости. Уилкоккс и Биг Т. переглянулись и вместе подошли к обгоревшему каркасу.

Обуглившееся тело Бена – лицо было вполне узнаваемым – лежало на заднем сиденье. Наручниками его приковали за руки и за ноги к ручкам на дверцах. А на уровне пояса разрезали надвое. Между половинками трупа было расстояние по меньшей мере в добрых десять сантиметров. Верхняя часть распластана на сиденье, а пальцы ног задраны к потолку. Уилкоккс ощутил, как у него судорожно сжались руки в карманах. За несколько секунд до взрыва они слышали голос Бена. Куда исчез тот, кто его убил? А если Бен был уже мертв, то как он мог разговаривать?

– Я рад, что это сторело, – перекрестившись, произнес Биг Т.

Уилкоккс подошел к своему пикапу, вынул оттуда одеяло и накрыл труп.

– Найди машину техпомощи, эту тачку мы заберем с собой.

Биг Т., похоже, колебался. Уилкоккс похлопал по револьверу:

– Не беспокойся, я за себя постою.

Но против кого? Против типа, способного голыми руками разорвать надвое здорового парня? Уилкоккс услышал, как рванула с места машина Бига Т. Скоро начнет светать. Хорошенький же предстоит денек. А ведь и трех дней не прошло, как начался этот ад.

Останки автомобиля Бена покоились на задворках полицейского участка посреди огороженной площадки, обычно служившей стоянкой для машин. Стиснув зубы, Уилкоккс и Биг Т. перепилили наручники и перенесли в морг два почерневших куска, некогда являвших собой тело Бена. Накануне вечером Льюис предупредил Уилкоккса, что в первой половине дня он будет отсутствовать по состоянию здоровья. Поэтому пришлось иметь дело со Стэном, его ассистентом, высоким тощим рыжим парнем, – разбуженный телефонным звонком, он пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Разрубленный надвое обгорелый труп вряд ли мог поправить ему настроение. Не переставая ворчать, Стэн сунул покойника в один из отсеков холодильника, оставив его там дожидаться Льюиса.

После этого Уилкоккс всех отправил отдыхать. Усевшись за стол, поставив перед собой почти нетронутый стаканчик кофе, он скреб небритые щеки и размышлял. На ясном небе разгоралось утро. Уилкоккс взглянул на часы: семь. В бассейнах уже плескалась ребятня – слышны были радостные вопли. Город, не сознававший того, что в нем творится, оживал. Там, в жизнерадостной вселенной начинавшегося лета, поднимались железные шторы магазинов, пускали парок кофеварки, хлопали дверцы машин, развевались пижамы и

сотни страдающих ацидозом домохозяек, наливая витаминизированное молоко в кукурузные хлопья, кричали: «Завтрак на столе, дорогой!»

Ушедший в раздумья шериф даже не слышал, как с приглушенным звуком упала под дверь газета. Впервые в жизни Герби Уилкоккс чувствовал себя совершенно растерявшимся.

Джем вздрогнул и проснулся. Ему снилось, что за ним гонится черное блестящее существо с острыми, как у крокодила, зубами – помесь гигантского таракана с акулой, обдававшая его зловонным дыханием. Мокрый от пота, опутанный простынями, он сел на кровати. Было уже светло. Несколько секунд он, тяжело дыша, так и сидел, потом лег и попытался опять заснуть. Снаружи доносился какой-то шепот. Он прислушался: голос Деда. Неужели Дед в семь утра разговаривает сам с собой? Или что-то случилось? Джем бесшумно сполз с кровати, подкрался к перегородке и прижал ухо к доскам.

– Я ничем не могу помочь вам... – тихо, но твердо произнес Дед.

В ответ – ни слова. Лишь какой-то сдавленный звук, словно кто-то пытался подавить рыдания.

– Вам пора уйти, – продолжал Дед.

– Я хочу жить! – перебил его голос миссис Робсон; она, как всегда, еле ворочала языком.

У Джема аж дыхание перехватило. Он едва не бросился

к окну, но вовремя удержался. Судя по звукам, они, должно быть, стоят возле кроличьей клетки, и стоит ему только высунуть нос, как его засекут. Снова послышался сдавленный всхлип, потом Дед еще что-то сказал – слишком тихо, чтобы Джем смог разобрать. И больше ничего. Миссис Робсон, если, конечно, это была действительно она, ушла. Тяжелые шаги раздались в соседней комнате, скрипнули пружины – Дед лег в постель. Ошеломленный Джем растянулся на кровати, заложив руки за голову. Дед и миссис Робсон! В семь утра! Может, ее прохватил какой-нибудь этот гадский рак? А Дед – что-то вроде целителя? Размышляя, прикидывая так и этак, Джем уснул – беспокойным сном, в который вклинивались разные кошмары.

На ватных ногах Льюис вошел в кабинет доктора Вонга. Минут двадцать ему пришлось ждать в роскошной приемной под равнодушным взглядом аккуратно одетой, безупречно подкрашенной секретарши. Очевидно, практика Джона Вонга процветала. Льюис пересек толстый бежевый ковер и упал в гостеприимные объятия удобного кожаного кресла. Вонг сидел за большим письменным столом с инкрустированной поверхностью, на котором не было ничего, кроме блокнота, ручки с золотым пером и терминала компьютера. Когда Льюис вошел, доктор встал, обогнул стол и подошел пожать ему руку.

– Рад видеть вас, Льюис. Чем обязан?

Льюис посмотрел на восточное – словно точеное – здоровое лицо Вонга, встретившего его любезной улыбкой, и вздохнул:

– Я чувствую жуткую слабость. Позапрошлой ночью мне было плохо: вследствие галлюцинации я на несколько часов потерял сознание...

– Галлюцинации?

Льюис принялся рассказывать о трагических событиях той ночи. Вонг почти не прерывал его – лишь попросил уточнить некоторые моменты: размер тараканов, ощущения Льюиса и подробности пробуждения в результате вмешательства Уилкокса. Лицо его стало непроницаемым – перед Льюисом уже сидел бесстрастный профессионал.

– Полагаю, это серьезно, – бесцветным голосом, словно школьник сложив руки на коленях, закончил Льюис.

– Это мы еще посмотрим; разденьтесь, пожалуйста.

Льюис потащился к смотровому столу, и Вонгу пришлось помочь ему туда взобраться. Ему хотелось только одного – спать. Спать, спать и спать. Он закрыл глаза.

Когда он их открыл, Вонг склонился над ним с озабоченным видом, что, впрочем, тут же попытался развеять, заговорив жизнерадостным тоном:

– Прекрасно, прекрасно – сделаем парочку подробных анализов и посмотрим, как все это можно уладить.

Льюис сел.

– Но что-то ведь не так, правда? – Вонг мыл руки – над

восхитительной фарфоровой раковиной начала века.

– Вы истощены до крайности, и лучше будет, если мы сделаем все необходимые анализы... на всякий случай, – проговорил он не оборачиваясь.

– Вонг, не лгите мне, я ведь и сам – врач.

Прежде чем ответить, Вонг тщательно вытер ухоженные руки ослепительно белым полотенцем.

– Я крайне огорчен, Льюис, но...

– Сколько мне осталось жить? – лихорадочно перебил его Льюис.

– Не знаю, честно сказать, не знаю. Необходимо полное обследование.

Он поколебался, что-то нацарапал в блокноте, вырвал листок и протянул его Льюису:

– Внизу у нас лаборатория. Мы с ними сотрудничаем. Передайте эту записку доктору Стивенсону и сделайте анализ крови – у нас уже будет хотя бы это.

Льюис молча взял листок. Вонг встал, Льюис последовал его примеру – с некоторым опозданием. Любезное лицо молодого китайца как-то вдруг расплылось в глазах, потом зрение опять прояснилось; он пожал протянутую ему руку.

– Спасибо, Вонг, до скорого.

– Прошу вас, доктор. И не беспокойтесь – позвоню сразу же, как узнаю результаты.

Не беспокойтесь! Льюис – уже в лифте – подавил горький смешок. И в самом деле: о чем беспокоиться, если жить те-

бе осталось каких-нибудь пару месяцев? Лифт тихо зашипел и остановился, и Льюис оказался перед рифленой стеклянной дверью лаборатории – «Мейер и Стивенсон». Какое-то мгновение он так и стоял, потом храбро взялся за ручку.

Федеральный агент Марвин Хейс, стоя под палящим солнцем возле полицейского участка, осмотрелся: Нью-Мексико, Джексонвилль, 3842 жителя – превосходное местечко в самом центре каменистой пустыни, которая, в свою очередь, умудрилась расположиться в горах на высоте 3300 метров над уровнем моря; до ближайшего города – 150 километров, а добраться сюда можно лишь следующим образом: сначала – государственная автомагистраль № 60, потом – ответвление на местную дорогу № 67 – сплошные выбоины да крутые повороты вам гарантированы. Заехав в такого рода дыру, люди обычно молят Бога о том, чтобы машина паче чаяния не сломалась. Этого города ни в одном туристическом справочнике мира вы не отыщете. Три покойника за пару дней – именно то, чего здесь недоставало. И почему местный шериф не обратился в полицию? Тогда бы ему, Марвину Хейсу, не пришлось при 38° в тени плутать в этом скорпионьем раю под косыми взглядами здешних провинциалов. Ладно, хватит тянуть. Хейс решительно направился к зданию, на котором красовались слова: «Контора шерифа / Полицейский участок», и, распахнув дверь, остановился на пороге.

Чуть не касаясь головой косяка, он стоял, и его черная ко-

жа блестела от выступившего пота. Всего какой-то десяток метров – и полное ощущение, будто побывал в микроволновой печи. Несколько секунд глаза привыкали к полумраку конторы. В деревянном кресле развалясь сидит седой субъект с невероятно широкими плечами и типично индейскими чертами лица – похоже, спит без задних ног. Хейс огляделся: типичный для затерявшейся в южном захолустье дыры полицейский участок. Разве что тараканов не хватает.

Марвин Хейс родился тридцать пять лет назад в зажиточном негритянском квартале Чикаго. От текилы у него бывало страшное похмелье, а кукурузные лепешки он ненавидел всем нутром. И вообще: выполняя одно из заданий, он открыл в себе непреодолимую тягу к лесным просторам Севера и, когда изредка выпадали свободные дни, проводил их в тенистом прохладном Вермонте.

Небритый седовласый субъект открыл один глаз и смерил его взглядом. Хейс с улыбкой шагнул вперед. Он по опыту знал, что в краях, подобных этим, коренные жители частенько бывают настолько обидчивы, что расследование запросто может зайти в тупик из-за каких-нибудь глупых разногласий.

– Здравствуйте, я – федеральный агент Марвин Хейс, мы с коллегой только что прибыли.

Седовласый субъект обвел взглядом комнату в поисках упомянутого коллеги.

– Сэм в гараже; машина, которую мы взяли напрокат, похоже, не в порядке. Вы – шериф Уилкоккс?

– Прямо в яблочко, агент Хейс. Чашку кофе? – предложил Уилкоккс, ткнув пальцем в сторону кофеварки.

Марвин Хейс улыбнулся – блеснули безупречно белые зубы.

– Спасибо, с удовольствием.

Он подошел к кофеварке и, прежде чем нажать кнопку, незаметно удостоверился, что взятый им стаканчик достаточно чист. Седовласый субъект по-прежнему сидел в кресле. Под темными глазами набрякли мешки. Стаканчик наполнился. Хейс отпил глоток. Кофе был крепкий – так варят мексиканцы. Потом сердце будет колотиться как ненормальное. Уилкоккс наблюдал, как высокий негр с явным усилием глотает кофе. *Чертовски здоровенный парень этот Хейс – метра два как минимум, а то и два десять. Такому бы в баскетбол играть. Прекрасно сшитый бежевый летний костюм, кожаные темно-коричневые туфли, белые хлопчатобумажные носки, табачного цвета галстук. Элегантно, весьма элегантно... в городе он просто-таки фурор производит.* Марвин Хейс поставил недопитый кофе и хрустнул длинными тонкими пальцами.

– У вас тут, похоже, неприятности...

Уилкоккс резко поднялся:

– Сейчас покажу. Идемте со мной.

Хейс, несколько сбитый с толку, двинулся вслед за ним. Они вышли – снаружи все было раскалено, – прошли метров двадцать по выжженному солнцем газону к стоящему посре-

ди него большому бетонному кубу. Металлическая дверь и единственное окно зарешечены. Над дверью блестит позолоченная надпись: «Траурный зал».

– Не хотелось бы, чтобы мальчишки забрались сюда поиграть, – пояснил Уилкоккс, нажав кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий парень, тощий и загорелый. На нем был белый халат, надетый на голое тело, и зеленые шорты, из которых торчали худые волосатые ноги.

– Привет, Стэн. Мы пришли взглянуть на здешнюю коллекцию.

Скривив физиономию, Стэн молча посторонился. Внутри было жарко. Под потолком вращался большой вентилятор.

– Кондиционер есть лишь в той части здания, которая представляет собой собственно морг. На кондиционирование воздуха в кабинете эксперта фондов не выделили, и так пять лет пришлось доказывать, что если до ближайшего центра цивилизации три часа пути, то просто необходимо иметь свой морг, – сказал Уилкоккс.

Хейс рассеянно кивнул. Уилкоккс направился ко второй по счету металлической двери, Стэн отпер ее, орудуя двумя ключами. Хейсу, как и всегда в похоронных заведениях, стало немного не по себе. Ремесло полицейского он избрал отнюдь не из любви к острым ощущениям, а скорее из-за страстного увлечения логикой, благодаря которому и стал лучшим выпускником факультета криминалистики. Вид мертвецов, особенно убитых, выставленных на все-

общее обозрение, словно мясо на прилавке, всегда вызывал у него некоторое отвращение.

В ярко освещенном помещении морга было холодно. С высоты двух метров двух сантиметров Хейс, ощущая неловкость, возвышался над стоящими к нему спиной мужчинами. Он давно уже привык к тому, что постоянно видит макушки своих современников, и машинально отметил, что у молодого ассистента уже проклевывается многообещающая лысина. Стэн взялся за один из ящичков, потянул на себя металлическую пластину. Хейс, напустив на себя бесстрастный вид, с ужасом отметил, что содержимое ящика под зеленой простыней не слишком напоминает нормальные очертания человеческого тела. Сплошные шишки да впадины. Уилкокк взглянул на него – совсем спокойно:

– Предупреждаю – зрелище не из приятных.

– Показывайте, – сдерживая дыхание, ответил Марвин. Внезапно перед ним оказалось изуродованное лицо Сибиллы Дженингс с вырванной щекой и пустой глазницей. Простыня опустилась ниже, и он увидел остальное. Раскромсанное тело, изорванные внутренности, обломки конечностей с торчащими из них костями... Хейс почувствовал, как у него обмякли ноги. Старый прохиндей неплохо провел его своими чашечками кофе и патриаршим видом. Он заставил себя дышать глубже, потом повернулся к шерифу:

– Пока ничего мне не объясняйте, сначала я хотел бы просмотреть отчеты.

Уилкоккс в сердцах задвинул ящик на место:

– Таких еще трое, в том числе внештатный сотрудник полиции. Не хотите взглянуть?

– Ладно, только после завтрака, идет?

Уилкоккс повернулся к Стену:

– Спасибо, Стэн; до скорого.

– Надеюсь, не слишком скорого, – закрывая дверь, пробурчал Стэн – ему не терпелось поиграть на компьютере.

Они снова оказались на улице, и Хейс с наслаждением вдохнул густой аромат жасмина. Потом повернулся к Уилкокксу:

– Четыре трупа за семьдесят два часа, так? Я полагал, что речь идет о трех убийствах.

– Ну да, вчера так и было. И все трупы в жутком виде.

– И никакой паники в городе?

– По правде говоря, мы постарались пока по мере возможности не разглашать происшедшее. Это началось в пятницу, а сейчас еще только понедельник. Двое из погибших – холостяки, родственников у них нет. Я просто не стал трубить об их гибели. А что до девочки, которую вы видели, так родителям я сказал, будто тело отправили на экспертизу в Альбукерк и что я вызвал ФБР. То же сказал и мужу последней жертвы. Никакой связи между убийствами никто не заметил. Чарли Хоумер, муж одной из жертв, считает, что жену ухайдакал один из любовников. А родители девочки полагают, что ее убил из ревности кто-то из поклонников. К тому же

завтра праздник. Поэтому мысли у всех заняты прежде всего сосисками. Но разумеется, вряд ли мне долго удастся скрывать правду.

– Понятно.

«Четыре трупа в такой деревне – этакое долго не утаишь, старый шериф с лицом индейского вождя сильно рискует в один прекрасный момент наткнуться в своей конторе на разъяренную толпу», – покачав головой, подумал Марвин.

– Мэру следовало бы днями и ночами сидеть у вас в конторе...

– Не выйдет, он засел где-то в Юте; поехал хоронить мать, а заодно и отдохнуть. Мы никак не можем с ним связаться.

– А пресса?

– Какая пресса? Местная ежедневная газета сдохла пять лет назад, когда Эд Гарсиа – главный редактор и вся редакция в одном лице – прикрыл лавочку и уехал в Росвелл работать наборщиком. Разве что кто-то из иногородних газетчиков позвонит. Но сейчас вся страна следит за событиями в Фармингтоне – там взбунтовался квартал чикано и вся полиция поставлена на ноги. Ну что – впору уже при въезде в город плакат вывешивать: «Подышайте в Джексонвилле!» – да?

– Пожалуй, вы заслуживаете большего, нежели вторичное переизбрание на пост шерифа, – с утонченной вежливостью заметил Хейс.

Вернувшись в участок, они застали там коллегу Марвина.

– Знакомьтесь: федеральный агент Сэм Вестертон... – весьма церемонно объявил Хейс.

Рост – где-то метр семьдесят два. Рыжие волосы коротко подстрижены, полное динамизма энергичное лицо чуть смягчают огромные синие глаза, внося нотку чувственности. Опытным взглядом окинув агента, Уилкоккс про себя отметил, что грудь у нее просто великолепна.

– Саманта, – продолжил Хейс, – это шериф Уилкоккс, глава местной полиции.

– Рада познакомиться, – звонким мелодичным голосом ответила инспектор Вестертон.

– Жаль, что мы встретились при столь печальных обстоятельствах, – галантно заметил Уилкоккс, и девушка вежливо улыбнулась.

Пять минут спустя оба федеральных агента с головой ушли в изучение документов по делу.

Вернувшись в Джексонвилль, Льюис решил первым делом зайти к Уилкокксу. Медленно, ощущая себя дряхлым стариком, поднялся по ступенькам полицейского участка. Визит к Вонгу окончательно выбил его из колеи.

Уилкоккс был не один: в конторе сидели огромный негр и соблазнительная рыжеволосая женщина.

– А, Льюис, очень кстати! Это – агенты Федерального бюро Хейс и Вестертон. Они приехали нам помочь. В северной части Техаса, похоже, была совершена серия таких же убийств. Вполне вероятно, что преступники перешли грани-

цу штата и обосновались здесь.

Льюис рухнул на стул. Сколько ему еще осталось? Месяц? Два? Может быть, даже меньше. Он тупо повторил:

– Серия убийств?

– В округе Амарильо неподалеку от заброшенной фермы обнаружили груды изувеченных трупов. По меньшей мере десятков. Судя по отпечаткам зубов, можно предположить, что это пропавшая три года назад группа путешествовавших автостопом парней, склонных к гомосексуализму, – пояснила агент Вестертон; голос у нее был приятный.

«И как это женщина может заниматься такой работенкой», – подумал Льюис, внимательно ее разглядывая: прямой нос, полные губы, лучезарная улыбка. Поскольку он никак не отреагировал на сказанное, агент Вестертон нетерпеливо встряхнула копной рыжих волос, и Льюису пришлось поднатужиться, выдавливая из себя слово за словом:

– У нас тут автостопом никто не путешествует и пострадали лица обоих полов.

– Верно замечено; я тоже не склонен думать, что речь идет о том же убийце или убийцах, – вклинился в разговор Хейс, – но не стоит пренебрегать никакими версиями.

Уилкоккс, нервно крутя в толстых пальцах авторучку, сказал:

– Нынче ночью еще одного привезли...

Льюис кивнул, думая совсем о другом. Его мучило странное ощущение: будто внутри тела у него ползают какие-то

существа. Под кожей пробегают мурашки, в кишках что-то копошится. Уилкокс продолжал:

– На этот раз им попался Бен. Трудно понять как, но попался. Мне бы хотелось, чтобы вы взглянули на тело, и я попросил Стэна приготовить его. Льюис, вы меня слышите?

Слышите – не слышите, нет, я тебя не слышу, я сейчас содохну, внутри меня что-то ползает.

– Похоже, вы нездоровы, доктор, – мягко заметил Хейс, – хотите стакан воды?

– Да, спасибо, – ответил Льюис.

Ползает. Копошится. Он ясно ощущал, как под кожей что-то бежит. *Что-то с лапками. В горле. Ползет вверх, вы-ползает в рот и...* Хейс протянул стакан воды, Льюис с жадностью принялся пить. Вода показалась безвкусной, но благодаря ей удалось по меньшей мере протолкнуть эту штуку внутрь пищевода. Он просто завять был готов. Но вместо этого встал и какой-то неестественной походкой направился к двери:

– Пойду посмотрю Бена Картера. Пока.

Как только он вышел, Хейс повернулся к Уилкоксу:

– Что это с ним?

– С Льюисом? Не знаю. Станный тип. Совсем не переносит жары.

– По-моему, он серьезно болен; вы обратили внимание, какая у него кожа? Бледная до голубизны, почти синяя! – воскликнула Саманта.

– Кажется, как раз сегодня утром он ходил к врачу, – буркнул Уилкоккс.

Состояние здоровья Льюиса его сейчас интересовало меньше всего. Этих «стопроцентных» американцев вообще не разберешь. Но физиономия у бедолаги и в самом деле, скверная. Совсем паршивая – почти как в то утро, когда он принял его за покойника. Однако до конца довести эту мысль Уилкоккс не успел – распахнулась дверь и в комнату ураганом влетел краснорожий Лесли Андерсон.

– Решили предупредить компетентные органы!

– Рад видеть вас в добром здравии, Лесли. Знакомьтесь: агенты ФБР Хейс и Вестертон. Лесли Андерсон – директор нашего замечательного банка, претендент на пост нашего славного мэра, самый активный член Антиалкогольной лиги по эту сторону Скалистых гор.

– Оставьте свой сарказм, Уилкоккс; согласитесь, что в отсутствие Руди я просто обязан знать, как обстоят дела!

– Версия относительно банды рокеров подтверждается, – поистине арийским тоном произнес Хейс, поднимаясь во весь рост. – И вы прекрасно понимаете, что в данный момент мы не можем сообщить вам большего – исключительно в интересах следствия, но дело движется. По возможности непременно будем держать вас в курсе происходящего, мистер Андерсон.

Андерсон молча уставился в нависшее над ним – сантиметрах этак в сорока сверху – холодно-вежливое эбеновое

лицо, потом кашлянул:

– Ну хорошо.

– Прошу нас извинить – необходимо обсудить кое-какие детали...

– Да, конечно, понимаю. Я еще зайду. Удачи вам, господа... гм... дамы и господа, – спохватился он в последний момент, когда за ним уже захлопывалась дверь.

– И много у вас таких в запасе? – поинтересовался Марвин, с трудом сдерживая улыбку: в любом случае ему удалось выступить в роли бесподобного Марвина – ни дать ни взять домоправитель при английской королеве.

– Лесли неплохой парень, но любит корчить из себя важную персону... Узнай он, что в холодильнике еще три трупа... – пробормотал Уилкоккс.

Они вновь взялись за странички материалов следствия. Вестертон, похоже, что-то рисовала.

– Даже если Сибиллу Дженингс действительно убил этот парень, Том Хуган, – с озабоченным видом что-то записывая, произнес Хейс, – то у него не было ни малейших оснований приниматься за остальных. На данный момент единственной версией по-прежнему остаются пресловутые рокеры, растворившиеся в пространстве.

– Ничего особенного они не натворили; ну побузили немножко у Мосса, так он их сам, в одиночку кстати сказать, и вышвырнул.

– Да, ничего другого у нас нет. Я сейчас набросаю заклю-

чение по итогам расследования.

– Как угодно... Я всю ночь глаз не сомкнул, так что с вашего позволения сосну часок-другой в одной из камер, – заявил Уилкоккс и, не удержавшись, зевнул. – Мой помощник через десять минут будет здесь. Зовут его Бойлз, Стивен Бойлз. Он не хуже меня ответит на все ваши вопросы.

Не дожидаясь ответа, он вышел и направился напрямиком в одну из четырех клетушек, расположенных в задней части здания.

С наслаждением вытянулся на жесткой койке и, окинув взглядом надежные прутья решеток, тотчас уснул.

Солнце било отвесно – прямо на могильную плиту, и черный мрамор так ослепительно сверкал, что Джем пришлось зажмурить глаза. Идти через кладбище он решил не сразу, но что-то все-таки заставило его перелезть через ограду – что-то большее, нежели простое любопытство. В силу какой-то непреодолимой потребности он пошел-таки *посмотреть*. Протянув руку, коснулся гладкой поверхности могильного камня. Неприятное ощущение – напоминает холодный лягушачий живот. Джем осторожно отвел руку и наконец решился взглянуть на старинную часовенку. И с облегчением увидел, что она тщательно почищена. Видны были лишь полуразмытые надписи: «Зло».

Джем очень обрадовался, что Томми Уэйтс – старик сторож – все привел в порядок. Возле заржавелой оградки стояло ведро с мыльной водой. И старый Томми, наверное, где-

то неподалеку. Пригревшись на солнышке, Джем потянулся, обернулся и – заорал от ужаса. Старый Томми с метлой в руке смотрел на него налитыми кровью глазами.

– Что-то ты, Джереми, больно нервный нынче утром... – дружелюбно заметил он.

Джем уже было собирался что-нибудь ответить, как вдруг осознал, что ноги Томми *не касаются земли*. Да, господа. Ноги сторожа висели в воздухе, сантиметрах в двадцати над дорожкой. Как такое возможно?

– Надеюсь, не ты все там внутри изгадил, – продолжал Томми Уэйтс своим занудливым голосом, – ты же знаешь, как здесь поступают со злыми мальчиками?

Он улыбнулся – оскалив зубы и высунув язык. Джем, спотыкаясь, отшатнулся, смутно сознавая, что не бывает у людей таких острых и длинных языков. *Нет, я не могу этого видеть, не может Томми Уэйтс парить над землей с таким длинным красным языком*. Джем протер глаза. Когда он их открыл, Томми Уэйтса уже не было.

Со скоростью молнии Джем обернулся. Старик стоял в часовенке совершенно нормально – ногами на полу. Он опустил щетку в ведро, и на мгновение Джему показалось, что все в порядке. Но лишь на мгновение, ибо он понял, что Томми Уэйтс отнюдь не отмывает грязные слова, нет – он их пишет, макая щетку в густую ярко-красную жидкость, старательно выводит буквы: «Зл...»

– Мистер Уэйтс, – запинаясь, произнес Джем.

Сторож с удивленной улыбкой обернулся. Так, будто всю жизнь только этим и занимался – летал по воздуху да кровью живописал. Он шагнул вперед. Джем шарахнулся в сторону.

– Смотри-ка, я сейчас тебе кое-что покажу очень забавное, – объявил старина Уэйтс.

Он аккуратно прислонил щетку к ведру – *с кровью?* – и схватил метлу. Джем, приросши к месту, смотрел на него, думая о том, что нужно уйти отсюда, уйти сейчас же – но ноги будто в землю вросли. Широко улыбаясь, Томми Уэйтс поднял метлу, вставил ее палку себе в правое ухо и резко ткнул. Раздался хруст, из проткнутого уха хлынула кровь, но Томми Уэйтс все равно улыбался, длинным острым языком облизывая растрескавшиеся старческие губы.

Джем почувствовал, как в ладони ему что-то впилося – ногти, его собственные. Улыбаясь, словно фокусник на сцене, мистер Уэйтс все глубже и глубже вгонял себе в ухо палку от метлы. Опять раздался хруст. Кровь потекла по виску, и палка вылезла из левого уха. Потом кровь хлынула из носа, изо рта, из глаз. Но этого Джем уже не видел – он со всех ног бежал к воротам, повторяя: «Господи, выпусти меня отсюда, я всегда буду делать уроки. Господи, выпусти меня отсюда...»

Обернись он тогда – увидел бы, как старина Уэйтс, обливаясь кровью, парит над кладбищенской аллеей с метлой меж ушей и дурашливо приговаривает:

– Эй, куда же ты, малыш Джереми, тебе разве спектакль

не понравился?

В одну минуту Джем оказался уже в воротах. Высокая резная створка была распахнута – он вихрем вылетел наружу. По инерции пробежав еще сотню метров, остановился в изнеможении; во рту пересохло.

Несколько минут он стоял, тяжело дыша, опираясь на кладбищенскую стену, потом зашагал. Сердце просто выскакивало из груди. Высоко в небе сияло солнце. На стоянке возле супермаркета Чеви, Б. 2 и другие старшекласники, выпендриваясь, играли в баскетбол. Мисс Тини, первая в городе чернокожая, удостоенная чести быть библиотекарем, как обычно ехала на велосипеде за продуктами и весело помахала Дjemu пухлой коричневой рукой. Он машинально махнул в ответ – поминутно оборачиваясь и ожидая, что посреди тротуара увидит сейчас улыбающегося во весь рот Томми Уэйтса с метлой в башке, – но там было пусто. Немного успокоившись, Джем припустил вперед.

На бензоколонке Дак управлял бензином «форд» с номерами штата Флорида. Джем перешел через дорогу и направился к нему: нужно с кем-нибудь поговорить, хотя бы и с Даком. Кроме того, он умирал от жажды. Порылся в карманах в поисках денег, сунул пару монет в автомат и с наслаждением вскрыл банку содовой. Глоток за глотком ледяная вода снимала сердцебиение. Дак стоял, глядя вслед удалявшемуся «форду». Джем подошел.

– В отпуск, наверное, поехали, в Мексику, – жадно отхле-

бывая содовую, заметил он, чтобы как-то завязать разговор.

Дак молча направился к стоявшему с поднятым капотом черному «рэйнджроверу».

– Что-то я эту тачку не знаю, – заметил Джем, твердо решив таскаться за Даком до тех пор, пока не войдет в норму.

Дак покачал головой – ни дать ни взять придурок. Дজেма вдруг осенило.

– Чья она?

Дак, похоже, крепко призадумался, потом – как всегда, неспешно – ответил:

– Фараонов.

С Даком можно иметь дело лишь по методу «вопрос-ответ» – хоть и медленно, но все же эффективно. А тут Джем и спешить некуда. Он только этого и хотел: как можно дольше тут проторчать. Глотнув содовой, он спросил:

– Каких еще фараонов?

– Из ФБР.

– Приехали мужики из ФБР?

– Не мужики.

– А кто же тогда? Марсиане, что ли? – позволил себе съехидничать Джем, на секунду забыв о своих проблемах.

Дак почесал нос.

– Да нет, пожалуй.

– А почему тогда не мужики? – допытывался Джем, борясь с желанием выхватить у Дака разводной ключ и тюкнуть им его же по кумполу.

– Потому что это парень и девушка...

Девушка! Но откуда же Даку знать, что они – агенты ФБР? Джем имел все основания подозревать, что о таких вещах не кричат на всех перекрестках.

– С чего ты взял, что они – фараоны?

Дак безмятежно улыбнулся:

– Заглянул в сумочку девушки, пока она ходила в туалет.

И умолк, приходя в чувства после столь длинной фразы. Джем присвистнул:

– Черт побери, Дак, а ты, оказывается, отъявленный при- творщик – только прикидываешься, что тебе на все напле- вать!

Дак с невинным видом откручивал гайку. Джем какой-то момент размышлял о том, не стоит ли рассказать о проис- шедшем агентам ФБР. Он боялся оказаться в смешном по- ложении. В кино ведь всегда так: взрослые никогда не верят двенадцатилетним детям, которые пытаются предупредить о том, что город наводнен чудовищами.

Чудовищами. Джем вздрогнул, вспомнив Томми Уэйтса с метлой. *Такой длинный язык.* Заметив, что Дак наблюдает за ним, попытался улыбнуться пересохшими губами. Потом в голове мелькнула еще более жуткая мысль: вдруг все жители города стали *странными* – и Дак тоже... он быстро глянул вниз: ноги Дака в некогда белых кроссовках прочно стояли на иссохшей земле. Но ведь симптомом не обязательно мо- жет быть именно левитация. Вполне возможно, они летают,

только когда захотят. На плечо ему опустилась чья-то рука, и он подавился содовой.

– Прости, малыш, не хотела тебя испугать!

Френки – взлохмаченная белокурая Френки, затянутая в джинсовый жилет и такие же шорты, Френки с упругими загорелыми бедрами, – смеясь, ткнула его в бок.

– Ну что, ребятки, порядок? Да, местечко тут у вас не слишком веселое: стоит вечером выйти погулять – тут же схлопочешь выговор от фараонов; это вам не Лас-Вегас...

– Значит, ты, выходит, из Лас-Вегаса? – перебил ее Джем, протягивая ей банку содовой.

Френки отпила глоток:

– Спасибо, зайчик, ты очень мил. Ну да – из Лас-Вегаса. Выступала в «Сиркусе», а потом начались все эти неприятности с Эдди.

В иных обстоятельствах он вопил бы от восторга, узнав подобные новости. Девушка из «Сиркуса»! Самого обалденного казино Лас-Вегаса! Труппу «Сиркуса» показывали по телевизору: девушки висят в воздухе над игровыми автоматами, парни на мотоциклах вертятся в какой-то огромной центрифуге. *А теперь, дамы и господа, сенсационный, не виданный доселе номер: великий Томми Уэйтс со своей волшебной метлой!* Френки взъерошила ему волосы:

– У тебя странный вид, ты как будто не в себе.

На секунду Джем позволил себе роскошь удариться в фантазии – вообразил, что ему года два от роду, а Френки бе-

рет его на руки – как резиновую куклу – и прижимает к своей роскошной, благоухающей молоком и маслом для загара груди. Но ничего такого не произошло – он, бедняга, так и остался стоять столбом, по-дурацки перекатываясь на подошвах ног – точно больной медведь.

Френки уже потеряла к нему всякий интерес и повернулась к Даку, сражавшемуся с мотором «рэйндровера»:

– Известно ли тебе, Дак, что вид у тебя сейчас совершенно зверский?

Дак покраснел до корней волос, ничего не сказал и молча продолжал терзать мотор. Френки положила руку ему на плечо, и Джем увидел, как у парня напряглись мускулы под серой футболкой.

Внезапно он вспомнил о Лори. Лори – единственный человек, которому можно рассказать о том, что случилось. Лишь он способен понять. И может быть, если Лори согласится пойти с ним – может быть, он наберется храбрости поговорить с фараонами из ФБР. Может быть. И он бросился к другу, успев услышать, как Френки сказала Даку:

– Чудной какой-то мальчуган; ты не знаешь – может, у него что-то не в порядке?

Ответа Дака Джем не услышал.

Если бы только «что-то».

Джем благополучно добрался до дома Лори. Никаких изголодавшихся зомби, никто из мирных граждан не парит над раскаленным от жары тротуаром, втыкая в глаза шариковые

ручки и распевая при этом «Май Уэй». Джем нажал кнопку звонка. Немного подождал. Нажал еще раз. Внутри послышались тяжелые шаги, и мистер Робсон резко отворил дверь. Вид у него был запыхавшийся, будто ему пришлось долго бежать, волосы всклокочены, лицо в поту, белая рубашка порвана и выпачкана... *губной помадой?*

– А, это ты, Джем, – выдохнул Робсон, – извини: жена больна, я как раз укладывал ее в постель; Лори у себя...

Голос его звучал фальшиво, как у бесталанного актера. Джем представил себе, как миссис Робсон рвет когтями мужа, раздирая на части рубашку. Наверняка какой-нибудь жуткий приступ. Он уже собирался войти, как вдруг замер на месте, представив себе, как мистер Робсон хватает его своими эбенового цвета лапами и раздирает на кусочки.

Но Тоби Робсон улыбнулся – своей обычной дружеской улыбкой, так что Джем мысленно поставил ему «отлично».

Он бегом взлетел по лестнице, спиной ощущая взгляд отца Лори. Сам Лори явно прирос к стулу перед своим дурацким компьютером – чуть ли не в трансе.

– Лори, нам нужно поговорить.

– Прямо сейчас? Я, как видишь, немного занят, – не отрывая глаз от экрана, заметил Лори.

– На кладбище кое-что случилось.

Лори вскинул голову.

– С Полом? – прошептал он.

– Сейчас все объясню. Идем, – нервно сказал Джем.

– Черт возьми, старик, в твоих интересах, чтобы оказалось, что ради этого стоило отрывать меня от дела.

Лори выключил компьютер, и они двинулись вниз по лестнице. Внизу стоял мистер Робсон, массивным телом заслоняя дверь в погреб, откуда доносились едва различимые звуки – нечто похожее на стоны. Он натянуто улыбнулся:

– Желаю хорошо повеселиться!

– Папа, на что похожа твоя рубашка! – воскликнул Лори, увидев растерзанную, выпачканную рубашку отца.

– Я порезался, когда брился, ничего серьезного, – с сердечностью автоответчика молвил мистер Робсон.

Джем потянул Лори за руку. Что толку здесь торчать.

– Пока, мистер Робсон!

Они устремились по засаженной олеандрами аллее, и Джем замедлил шаги, лишь когда они добрались до шоссе.

– Что стряслось, в конце-то концов?

Лори, похоже, разозлился. Джем взял его за плечи:

– Слушай внимательно, Лори; как ты думаешь – я совсем дурак?

– Не просто дурак, а в квадрате, – вырываясь, заявил Лори.

– Да нет же, я серьезно; скажи, пожалуйста, я что – дурак?

– Что-то не врубаюсь, старик; вид у тебя не слишком глупый, а шуточки, похоже, – дурацкие...

Джем схватил Лори за плечи и тряхнул:

– Слушай, Лори: я видел, как старый Уэйтс, знаешь –

кладбищенский сторож, – так вот, он, он...

– Что он? И ради чего ты выволок меня из дому на полной скорости именно в тот момент, когда Джимми начал выдавать чертовски интересные штуки?

– Потому что этот самый Томми Уэйтс всунул себе в мозг метлу, проткнув башку от уха до уха – вот так, видишь: кр-р-ак, и при этом летал по воздуху и разговаривал со мной – это с метлой-то в башке, – и... Лори, я думаю, что на город бесы напали... – понизив голос, закончил наконец Джем.

Лори сплюнул на землю, чуть-чуть промазав – по обочине, переваливаясь с боку на бок, полз таракан, – затем исподлобья взглянул на Джема:

– Что-что ты сказал, старик – старый Томми Уэйтс, этот пьянчужка, проткнул себе башку метлой и в таком состоянии с тобой разговаривал? И он *летал по воздуху*?

– Видел, Лори, клянусь тебе – он висел сантиметрах в двадцати над землей; слушай, убийства и все остальное – ведь это ненормально, а теперь еще Томми Уэйтс и...

– Где? Где это произошло?

– Возле старой могилы.

Лори присвистнул:

– Я ведь знал, что все это из-за него...

– Из-за Уэйтса?

– Да нет же, Томми Уэйтс тут ни при чем, все из-за Пола.

– Пола Мартина?

Набежала какая-то тень, солнце скрылось, но, когда маль-

чки подняли головы, на небе не было ни облачка.

Лори, рассуждая, принялся ходить взад-вперед. Джем – за ним следом.

– Я чувствую, Джем, всем сердцем чувствую, что за все это в ответе Пол Мартин, паршивый гаденыш, это он все за-пакостил на старой могиле.

– Но он же умер!

– А мистер Уэйтс что – не умер? И не был мертвее некуда, когда с тобой беседовал?

Внезапно Лори побледнел:

– Джем, если Пол Мартин воскрешает мертвецов, тут у нас будет покруче, чем в «Сатанинских покойниках». Что же делать?

– Сообщить фараонам. К нам из ФБР приехали.

Лори окинул Джема презрительным взглядом:

– И ты в самом деле считаешь, что они нам поверят, что они кинутся за серебряными пулями, заточат осиновый кол и так прямо и откопают Пола, чтобы свернуть ему шею? Ты и впрямь как ребенок, Джем.

– В самом деле? А что вы нам предложите, маса Эйнштейн?

– Маса Эйнштейн плевать на тебя хотел, сопля белокожая; нужно подумать и составить план действий. Идем к тебе, там спокойнее.

Уилкоккс с трудом поднялся: на жестких деревянных нарах спина и поясница онемели. Во рту пересохло, болела голова. «Староват ты для такой работенки, – ворчал он сам на себя, поднимаясь, – на пенсию пора!»

В конторе Хейс и Вестертон что-то горячо обсуждали с Бойлзом. Черные очки Бойлза развернулись в сторону Уилкоккса, и все сразу замолчали.

– Продолжайте-продолжайте; я сейчас кофе себе налью...

Бойлз откашлялся:

– Понимаете, шеф, Вестертон составила территориальную схему, и получается, что...

– Территориальную? А астральную она не хочет составить?

Саманта быстро шагнула к нему и протянула листок бумаги с аккуратными пометками:

– Не прикидывайтесь совсем уж медведем, Уилкоккс, иначе я в конце концов решу, что вы относитесь к тому типу сердитых мужчин, что панически боятся женщин... Вот, смотрите...

Да, эта столичная девица за словом в карман не ползет! Уилкоккс, посмеиваясь в бороду, взял листок и взглянул на него. Там была обозначена стоянка возле супермаркета, река, на берегу которой нашли Сибиллу, старая рига, полицей-

ский участок, морг и дом Льюиса.

– Что вам сразу же бросается в глаза? – противным тоном школьной учительницы спросила Сэм.

Уилкоккс отхлебнул кофе.

– Угадаю – пять баллов поставите?

И, не дав ей возможности ответить, продолжил:

– Все стратегические пункты расположены вокруг одного объекта, и этот объект – кладбище. Верно?

– В яблочко, шеф! – улыбаясь, подтвердил Хейс. И добавил: – Такого типа пространственные схемы мы составляем в случаях повторяющихся убийств, дабы определить район деятельности преступника, увидеть на карте эту территорию и выйти, таким образом, на его пристанище. А в данном случае места, где были обнаружены жертвы, можно обвести почти круглой линией, и, похоже, в центре этого круга оказывается кладбище.

– Какая-нибудь чокнутая секта трупоедов? Что ж, сюда вполне вписывается сперма, извлеченная из трупа, о которой говорил Льюис.

– Именно. Исключая тот момент, что Джексонвилль, по моему, маловат для того, чтобы целая секта осталась незамеченной. С этим вполне могла справиться всего лишь пара сумасшедших, а то и вовсе псих-одиночка.

– И они, вы считаете, затаились на кладбище?

Хейс ослабил узел галстука. На рубашке у него расплылись пятна пота.

– Ничего я не считаю. Просто констатирую тот факт, что кладбище – центр, вокруг которого вершатся преступления. Может быть, это ритуал, и центр носит характер чисто символический.

Уилкоккс допил последнюю каплю кофе.

– Нужно допросить Уэйтса, кладбищенского сторожа.

– Не возбуждая никаких подозрений, – добавил Хейс.

– Этим займусь я, – решительно объявила Сэм Вестертон, – нежность – это по моей части.

– Как говаривал Джейк Ла Мотта, – бесстрастно прокомментировал Уилкоккс.

Агент Вестертон легонько ткнула его кулаком в плечо и взяла сумочку. Марвин Хейс надел куртку и поправил узел галстука.

– Прикрою тебя – на расстоянии. Никогда нельзя заранее знать, что может случиться.

Уилкоккс прикурил сигарету и глубоко затянулся, с наслаждением ощущая, как дым проникает в легкие.

– А вам никто никогда не говорил, что вы малость экстравагантная парочка?

– Это специально, – ответила Сэм, – ведь никому и в голову не придет, что ФБР настолько глупо, чтобы посылать с секретным заданием здорового негра на пару с рыжей девицей. Пошли.

Они вышли в раскаленный полуденный зной, чуть не столкнувшись с Бигом Т., – тот обернулся им вслед.

– Федералы работают незаметно, – заявил он, вваливаясь в контору. – Ну, что новенького?

Бойлз принялся вводить его в курс дела. Уилкоккс – похоже, задумавшись – молчал. Внезапно он спросил, указывая на забинтованную руку Бига Т.:

– А это что?

– Так, ерунда, – смутился старый вояка.

Ему не хотелось рассказывать о том, как он чуть не пал жертвой галлюцинации. Но раз уж оба товарища смотрели на него с вопросом в глазах, решил выложить карты на стол. Когда он закончил, Уилкоккс с шумом втянул в себя воздух:

– Если я правильно понял, женщина говорила голосом твоей матери...

– Ну да, а мать умерла в шестидесятом.

– И рана загноилась?

– Еще как! Я уже решил, что гангрены не миновать.

Уилкоккс вздохнул, звучно почесывая небритые щеки:

– А скажи-ка, Биг Т., как ты думаешь: могут мертвые возвращаться на землю?

– Надеюсь, нет, шеф, ведь если завтра мне придется встретиться нос к носу со всеми вьетнамцами, которых я отправил на тот свет...

Уилкоккс изобразил на лице улыбку. Бойлз принялся чистить револьвер, насвистывая «Госпел Трэйн».

Хейсу показалось, что он вот-вот расплавится. С минуту

поколебавшись, он все-таки снял куртку. Рубашка из шелка-сырца прилипла к телу, подчеркивая его удлиненные атлетические мускулы. Сэм, невзирая на жару, шагала очень быстро. И он в очередной раз задумался о том, способны ли вообще на нее повлиять какие-нибудь климатические явления. Равно как и пища, усталость или мужчины. Вот уже почти пять лет они работают вместе, а он о ней так ничего и не знает. Никакого тебе милого дружка, никаких явных хобби, никакой болтовни помимо службы. Личная жизнь агента Сэм Вестертона для всех была терра инкогнита.

В определенном смысле это и неплохо: Вильма, узнав о том, что у него теперь в напарниках женщина, было занервничала, но очень скоро успокоилась. Вильма... Сейчас она, должно быть, с детьми на озере. В вызывающем бикини, которое он подарил ей на день рождения. Сэм нетерпеливо обернулась, и он ускорил шаг, чтобы не отставать от нее. Что за нелепая идея – строить города в пустыне. Вдобавок попадавшиеся навстречу прохожие разглядывали их очень внимательно. Счастье еще, что прохожих здесь совсем немного.

За очередным поворотом город закончился, и перед ними возникла высокая стена кладбища. Они замедлили шаг. Хейс огляделся, но ничего особенного не заметил. Прекрасный июльский день, удушающая жара, типично американский городишко. Побеленная известью стена кладбища. Раскаленный воздух дрожит над ведущим в соседний штат шоссе №67. Старенькая заправочная станция. Мотель, над ним

– пластиковая вывеска. И какая разница, что на дворе 1994 год, – точно так же это выглядело бы и в 1934-м.

Решетка кладбищенских ворот была распахнута. Они вошли и беззаботно, будто прогуливаясь, направились по аллее, словно охотничьи собаки, втягивая в себя влажный воздух; пройдя с десятков шагов, разделились.

– Я останусь здесь, – решил Хейс, – буду нужен – свистнешь.

Он похлопал по могильному камню, возле которого стоял, – современный памятник в форме белого куба, без всяких там финтифлюшек. Сэм двинулась вглубь аллеи.

Какое-то время она шла, прислушиваясь к звуку собственных шагов по гравию. Какого черта ей вздумалось натянуть этот льняной костюм вместо того, чтобы надеть джинсы и футболку? Хотела, что ли, сразить наповал этого босяка, который здесь за шерифа? Сторож, должно быть, копается где-нибудь в уголке. Все выглядит так мирно. Трудно даже представить себе, чтобы какие-то там сатанисты имели привычку вершить тут свои обряды с жертвоприношениями. Весело чирикающая, взлетела птичка. Воздух вибрировал от пения кузнечиков.

Сэм замерла в нерешительности, потом свернула в аллею, ведущую направо. Могила черного мрамора сверкала тысячу огоньков, а бьющее в ее позолоченный крест солнце заставило девушку сощуриться. Напротив красовалась восхитительная старая могила в испанском стиле, украшенная ча-

совенкой. Возле оградки стояло ведро. Сэм подумала, что сторож, наверное, где-то рядом, и подошла поближе.

Ведро было наполнено красноватой пенистой жидкостью со странным запахом. *Металлическим*. Боковым зрением уловив какое-то движение, она быстро повернула голову: по обветшалому могильному камню неся огромный черный таракан. Проследив за ним взглядом – он скрылся за проржавевшим крестом, – она внезапно осознала, что они тут ползают десятками: снуют по белым могильным плитам, таются в трещинах; она подумала о том, что там, внизу, на истлевших костях, они кишмя кишат. Дурацкие мысли. Она вновь обратила к ведру холодно-синий взор. *Куда же девался сторож?* Экзотических размеров таракан внезапно возник прямо у нее под ногами. От неожиданности Сэм отпрыгнула в сторону и оказалась возле самой оградки. Рассердившись на себя за столь глупое поведение, машинально заглянула внутрь часовенки – какие-то доли секунды глаза привыкали к темноте. И чуть не взвыла от ужаса. Оттуда, из темноты, снизу, выпученными белыми глазами смотрел на нее Томми Уэйтс. Он был распят – вверх ногами – на испещренной совершенно безумными надписями стене. По обескровленному лицу сновали полчища жирных тараканов, непрерывной цепочкой заползая в рот и выползая оттуда; форма сторожа была вся в засохшей крови.

Тяжело дыша, Сэм открыла сумочку и достала оттуда свое оружие – «Револьвер-380» с двойным действием – штука

не толще сигареты, способная тем не менее с трех метров разнести вам череп на мелкие кусочки. Затем дважды громко свистнула, призывая Марвина на помощь. *Что же здесь происходит? Марвин, скорее!* Распятый человек пристально смотрел на нее мертвыми глазами, в чудовищной улыбке широко растянув губы. Непроизвольно отшатнувшись, она наткнулась на ведро; часть его содержимого выплеснулась, обдав ее брызгами. Почувствовав на голых икрах липкую красную жидкость, она передернулась от отвращения. Станный все-таки вид у этой штуки. *Кровь.* Сэм переключила внимание на распятый труп. Теперь, когда глаза привыкли к полумраку часовенки, она ясно видела длинные гвозди, вбитые в запястья и лодыжки. Сторож был прибит вниз головой к деревянному кресту в глубине ниши. На земле валялись осколки сброшенного и разбитого вдребезги бронзового Иисуса. Чья-то сумасшедшая рука исписала все стены часовни одним словом – «Зло», – да так, что надписи перекрывали одна другую. Глаза трупа открыты. И еще, отметила про себя Сэм, эта нескончаемая процессия насекомых: одна вереница – в рот, другая – обратно; удивительное все-таки явление. *Жуткое, ты хочешь сказать, старушка, – жуткое...*

Пристально разглядывая изуродованный труп, она вдруг осознала, что пахнет падалью и мочой. И – странное дело – смердило, похоже, отнюдь не распятое тело, а что-то *у нее за спиной.*

Сжав в руке револьвер, она резко развернулась – и пойма-

ла на мушку спешившего на помощь Хейса. Со вздохом облегчения она опустила руку. Он остановился, тяжело дыша:

– С трудом нашел тебя, тут столько дорожек... Что происходит?

Сэм молча кивнула в сторону часовенки. Он подошел, потом отшатнулся:

– Черт возьми, Сэм, тут и в самом деле центр! Тот, кто это сделал, возможно, все еще здесь...

Что-то как будто коснулось его лодыжки, и он опустил глаза. По белому носку усердно карабкался вверх таракан. Хейс сбросил его и растер подошвой. Сэм вдруг сказала:

– Парень на станции обслуживания говорил, что город последние две недели буквально наводнен тараканами. Из-за погоды. Я иду налево, ты – направо, – без всякой связи тут же добавила она.

Хейс кивнул. *Этот распятый субъект с тараканами во рту...* Они двинулись – каждый по своей дорожке меж могил. *Черт возьми, такое впечатление, будто он издевательски смеется. Никогда еще такого не видел.* Ветер зашумел в ветвях деревьев. *Их было по меньшей мере двое – в одиночку мужика вверх ногами не подвесишь.* Заслышав их шаги, сотни насекомых бросались врассыпную, заползая в темные трещины на могильных плитах. «Ну и расплодилась здесь эта нечисть», – подумал Хейс, стараясь ступать как можно тише. Слева раздался смех. Он резко развернулся, вытянув руку с оружием. Смех – похожий на серебристое журчание

фонтана – раздался справа. Он развернулся туда. Вдоль запястья стекал пот, рука стала влажной. Согнувшись пополам, Хейс осторожно двинулся вперед. Пронзительный крик – он вздрогнул и едва не нажал на спусковой крючок. Но вовремя опомнился. Пожилая дама в лиловых брюках и ярко-желтой майке с глубоким вырезом, крепко прижимая к груди сумочку и букет цветов, заверещала, выпучив глаза:

– Опустите это, сейчас же опустите оружие, иначе я позову полицию!

Хейс выпрямился, опустил руку, размышляя о том, как же теперь выбраться из этой переделки, но тут появилась Сэм – улыбающаяся, безупречная в своем бежевом костюме.

– Что-то случилось, миссис? – любезно осведомилась она, будто и не замечая оружия в руках Хейса.

Пожилая дама дрожащим пальцем указала в его сторону:
– Видите, вон там, какой-то чернокожий, у него пистолет, и он в меня целился; нужно сообщить в полицию – он, по моему, опасен.

Хейс приветливо улыбнулся:

– Я из полиции, мэм, не надо меня бояться, хотите, покажу удостоверение?

Сэм взглядом пригвоздила его к месту. Пожилая дама в полной растерянности смотрела то на одного, то на другого.

– Идемте, я провожу вас до ворот, – решительно взяв даму под руку, предложила Сэм.

Та повиновалась, через плечо встревоженно поглядывая

на Хейса.

– Лучше всего не обращать на него никакого внимания, и все будет хорошо... – продолжила Сэм ободряющим тоном и прибавила шагу.

Немедленно убраться отсюда эту старушку. Пожилая дама затараторила на всю аллею:

– Понимаете, я хожу сюда раз в неделю, сменить цветы бедному Хьюберту, вот уже пятнадцать лет как он покинул этот мир, и я лишь однажды не пришла – когда ездила в Миннесоту навестить сестру, вы знаете, где это – Миннесота? Бедняжка Хьюберт всю жизнь мучился печенью, и уверяю вас: кого тут я только не встречала, но на такого черного громилу нарвалась впервые за пятнадцать лет, представляете – скачет по аллеям, выставив пистолет; я думала – у меня сердце остановится. Мистер Уэйтс, здешний сторож, пожалуй, тоже уже староват стал... Впрочем, что-то не пойму, куда он подевался...

Сэм смущенно потупила глаза:

– Вот мы и пришли.

Пожилая дама вдруг встряхнула зажатый в руке букетом красных камелий:

– Но я же не поставила цветы!

– Право, миссис...

– Миралес. Рут Миралес. Зовите меня просто Рут.

– Право, Рут, я полагаю, что сегодня, пожалуй, лучше туда не возвращаться.

Рут уставилась на нее маленькими живыми глазками. Лиловый перманент колыхался на ветру. Быстро оглянувшись, она вдруг понизила голос:

– Из-за них, да?

Сэм почувствовала легкое покалывание в желудке – признак того, что она напала на след.

– Вы о ком, Рут?

– О новеньких; о новеньких, что появились тут, на кладбище, об этих Мартинах: с тех пор как они здесь, все пошло наперекосяк.

Сэм с трудом удавалось сохранять хладнокровие.

– Разве на кладбище живут какие-то люди?

Рут тихонько хихикнула:

– Да их здесь больше, чем в городе, вам не кажется? Во всяком случае, как их тут похоронили, так и начались все эти странные вещи...

Ну вот! Ложный след. Слава Богу, что, хоть рассуждая о странных вещах, миссис Миралес и не подозревает, до какой степени она права...

Довольная тем, что у нее нашелся собеседник, старушка продолжала.

– Тут несколько раз оскверняли могилы – если я говорю: «оскверняли», то я знаю, о чем говорю... – возбужденно сообщила она. – Вроде того объявления, что на прошлой неделе они вывесили на могиле Гонсалесов: «Сдается внаем: три спальных места, сад, канализация, все удобства плюс гам-

бургеры с червями», – это мне совсем не понравилось, а старик Уэйтс просто в ярость пришел. Сначала он решил было, что это дети – для теперешних детей ничего святого нет, – но я думаю, что вряд ли это их рук дело: не могут дети устроить так, чтобы цветы завяли по всему кладбищу, а из камней кровь потекла, правда?

– Что вы такое говорите?

Голос Рут Миралес звучал, казалось, все пронзительнее, глаза сверкали все ярче, а Сэм как-то обмякла, и взять себя в руки ей стоило немалого труда.

– Говорю то, что есть: из камней иногда идет кровь, как-то раз вся могила Мартинов была кровью залита, а в другой раз цветы на кладбище завяли, вот так: фьюить – за одну ночь, – вы считаете, что это нормально, а?

«Да где уж там, – подумала Саманта, ничего так и не ответив. – Кровь на могилах? Человеческие жертвоприношения? Во всяком случае, по кладбищу кто-то рыскает. И этот кто-то способен распять старика. – Она тотчас подумала о том, что Хейс прочесывает там сейчас аллеи совсем один. – Да, здесь, несомненно, творится нечто чертовски поганое... »

Она наклонилась к Рут – та продолжала что-то говорить – да так и замерла: черный блестящий таракан, быстро пробегая по волнистой лиловой пряди волос, устремился ко лбу старушки.

– Простите, – перебила ее Сэм.

– *Заткнись, шлюха!*

Сэм содрогнулась.

– Понимаете, я так говорю вовсе не потому, что они были приездими, – продолжала Рут, схватив ее за руку.

Сэм вздрогнула, услышав серебристый смешок за спиной. Освободилась от вцепившейся в нее Рут, что-бы обернуться. Смех раздался с другой стороны. Сэм повернулась к Рут – та смотрела на нее в полной растерянности. Сэм хотела было улыбнуться ей, но в лицо вдруг ударила вонь – вроде той, что была возле старой могилы. На мгновение ей показалось, что черты лица Рут расплываются, смешиваясь, – словно какая-то невидимая рука тянула их в разные стороны, заставляя старушку корчить самые невероятные гримасы. Пахло отвратительно. Разложившимся трупом. Жуткая вонь. Таракан, стараясь сохранить равновесие на лиловой пряди волос, пошевелил одной лапкой, потом – другой. Сэм, не раздумывая, быстро смахнула его рукой. Рут испуганно вскрикнула. Таракан свалился на землю, и Сэм с яростью раздавила его, с наслаждением услышав, как лопнул под подошвой его панцирь. Рут сконфуженно улыбнулась:

– Мне показалось, что вы хотели дать мне пощечину. Ну что за мерзкая тварь! Их сейчас везде полно, мне даже пришлось обрызгать инсектицидом могилу Хьюберта – они там так и ползали, стыд какой. Нужно непременно сказать об этом Томми Уэйтсу.

«А что толку – бедолага уже ничем помочь не сможет, – подумала Сэм, с отвращением сморщив нос. – Вонь. Вонь

повсюду. Словно какая-то порочная рука, она гладит лицо, губы. Нужно уходить. *Уходить немедленно*». Эта фраза, мигающая, светилась где-то в подсознании. Не дожидаясь, когда Рут перестанет тараторить, Сэм толкнула старушку к выходу. Воздух стал каким-то странным: густым, тяжелым, тягучим, и каждый шаг давался с трудом.

– Как жарко, – вдруг сказала Рут, – может, нам прилечь на минутку? – продолжила она, указывая на две ближайšie могильные плиты, сплошь покрытые замершими в неподвижности черными насекомыми.

«Господи, – подумала Сэм, – Господи, помоги мне». Из носа старушки хлынула кровь, на глаза набежали красные слезы. Сэм сделала шаг, потом – другой.

– Я так устала, – сказала Рут.

Вонь пыталась заползти в рот, Сэм изо всех сил сжала губы. Старушка повисла у нее на руке; Сэм, опустив глаза, увидела, что тараканы уже карабкаются по лодыжкам Рут. *Выбраться из этой западни.*

Ухватив поудобнее свою ношу, она бросилась вперед. Ворота были совсем рядом. Там с ревом проносились машины, внутри которых на всю катушку орало радио, что-то дернуло ее за волосы. *Не оборачивайся, Сэм, смотри только вперед, ты должна сделать этот проклятый последний шаг к этим треклятым воротам... старушке стало плохо, ты тоже не лучшим образом себя чувствуешь, только и всего; ну же, шагай!*

В отчаянии Сэм изо всех сил вышвырнула Рут за ворота и последовала за ней – свернувшись в клубок, как на тренировках. Тяжелая створка ворот захлопнулась за ними, хотя не было ни малейшего ветерка. С визгом затормозил грузовик, Сэм встала на ноги, – из машины высунулся ошеломленный шофер:

– Вам плохо, милочка?

– Нет, нет; все в порядке, спасибо, я просто споткнулась...

Шофер скептически покачал головой и включил сцепление. Очередная страдающая чувством неудовлетворенности дамочка накачалась невесть чем в четыре часа пополудни.

Рут стояла, прислонившись к пожарному крану. Кровь из носа больше не шла, но старушка, похоже, была в шоке. Сэм подошла к ней:

– Как вы, Рут?

– Сейчас пройдет, все из-за этой жары, сейчас пройдет...

– с отсутствующим видом ответила она, машинально поправляя лиловые кудряшки.

Засохшие ручейки крови под носом были похожи на смешные усики. *Марвин!* Сэм повернулась в сторону кладбища. *Марвин там, за стеной!* Она положила руку Рут на плечо:

– Послушайте: вам нужно перейти на ту сторону шоссе и дойти до станции обслуживания, что напротив. Попросите у тамошнего парня стакан воды – вам станет лучше. Я подойду чуть погодя.

Рут кивнула – не слишком уверенно. Ее била дрожь. Сэм глубоко вздохнула и подошла к тяжелой, черной с золотом, узорчатой створке ворот. Толкнула ее, покрутила ручку – все напрасно, решетка даже не шелохнулась. Сэм чувствовала, как по всему телу у нее течет пот. За спиной раздался голос Рут – на грани истерики:

– Не ходите туда! Туда нельзя!

Сэм посмотрела ей прямо в глаза:

– Делайте то, что я сказала, – ступайте на станцию обслуживания и ждите меня там; прошу вас, Рут, это очень важно.

Она сбросила туфли, задрала юбку и принялась карабкаться вверх по решетке, время от времени оглядываясь через плечо. Рут, сотрясаясь от рыданий, семенила к станции обслуживания. *Прекрасно. Теперь речь идет лишь о нас двоих.* Взобравшись наверх, она замерла, оглядывая залитое солнцем кладбище. Хейса нигде не видно. Все тихо, никакого движения. При мысли о том, что придется сейчас прыгнуть туда, она почувствовала резкий спазм в желудке. И еще сильнее – при мысли о том, что могло случиться с Марвином. Теперь уже не до конспирации – она крикнула:

– Хейс! Марвин! Марвин, ты меня слышишь?

В ответ раздалось лишь насмешливое щебетание птиц. Она представила себе Марвина – распятого на какой-нибудь могиле, отданного на съедение тараканам – и шлепнулась на гравий по ту сторону решетки, развернув колени и вытянув лодыжки, как учил их сержант Рэндалл во время бесконеч-

но долгих тренировок. Раздался смешок. Детский – очень четкий и ясный. «Слуховые и зрительные галлюцинации могут происходить из-за ржаной спорыньи или иного растения, способного вызывать галлюцинации, – прилежно твердила она самой себе, одергивая юбку, – как, например, в деле о вилльямстонских ведьмах...»

– СЭМ!

Марвин, Господи, это же Марвин, голос донесся из аллеи справа; так кричат в полном отчаянии. Сжав в руке оружие, Сэм бросилась бегом; гравий больно впивался в голые ступни. Внезапно небо потемнело, покрыв ее мраком. Сэм продолжала бежать, не обращая на это внимания, потом вдруг осознала, что могилы вокруг нее по-прежнему залиты солнцем. Тень сконцентрировалась где-то над головой, передвигаясь вместе с Сэм, как если бы между нею и солнцем стояло какое-то препятствие... Она подняла голову и прямо перед собой увидела лицо сторожа Уэйтса – улыбаясь, оно висело в воздухе. Глаза дико вращались, а белая как мел кожа была покрыта какими-то кровавистыми кратерами. Он показал ей язык – длинный красный свистящий язык потянулся к ее волосам. Непроизвольно – исключительно от ужаса – Сэм разрядила всю обойму в широко разинутый старческий рот трупа и тут же споткнулась о какой-то корень. Упала, стукнулась головой о могильную плиту и – все еще прижимая палец к спусковому крючку – потеряла сознание.

Они склонились над ней, их сверкающие острые клыки го-

товы были вонзиться ей в глаза, щеки; похотливо посмеиваясь, они заламывали кисти рук, а она увязла в их слюне, словно какое-то насекомое, угодившее в паутину, и не могла сопротивляться; их щупальца подрагивали, производя при этом какой-то всасывающий звук...

– Сэм! Сэм!

Хейс пытался освободить ее; раздвигал острые как бритва нити слюны – руки у него кровоточили, отталкивал чудовищ в хитиновых панцирях, уклоняясь от полчищ острых клыков, растирал подошвой панцири, но их было так много – вот-вот, шипя от удовольствия, они схватят его, проглотят, сожрут живьем.

– Сэм! Проснись! Прошу тебя, проснись!

С невероятным усилием инспектор Вестертон приоткрыла глаза. Перед ней возникло темное лицо Марвина – расплывчатое, искаженное, залитое кровью. *Марвин. Неужели Марвин тоже мертв?* Она уже собиралась опять закрыть глаза, но Марвин с силой тряс ее:

– Агент Вестертон! Откройте глаза! Это приказ!

Сэм вновь подняла веки и внезапно поняла, что перед ней действительно Марвин Хейс – из плоти и крови – и он трясет ее, пытаясь привести в чувства. Чуть повернув голову, она узнала знакомый тротуар возле шоссе. С помощью Хейса Сэм приподнялась, и ей удалось сесть. Пошупав висок, обнаружила там шишку величиной с голубиное яйцо. Взглянула на Марвина. Все лицо у него залито кровью; сначала она бы-

ло решила, что это ее кровь, но почти тут же увидела порезы – нечто вроде длинных царапин на лбу и на щеках, – заметила, что рукава его нарядного костюма изодраны в клочья и тоже в крови – словно все черти ада пытались затащить его к себе...

– Что произошло?

Хейс помог ей встать на ноги – ему, похоже, хотелось поскорее уйти отсюда. И тогда только она заметила, что одежда на Марвине изодрана вся, а тело покрыто ранами – чернее его черной кожи.

– Марвин! Тебе нужно к врачу...

– Потом. Ты можешь идти?

– Думаю, да; Марвин, скажи все-таки, что произошло?

Он развернул ее лицом к себе и посмотрел ей прямо в глаза:

– Сам ни черта не пойму.

Впервые она слышала из уст Марвина такие грубые слова. Возле них остановилась какая-то машина. Сэм чуть было не крикнула: «Проваливайте отсюда!» – но вовремя заметила сине-белые полоски – полиция. Дверца распахнулась, и внутри они увидели Уилкокса с Бойлзом.

– Нас вызвал Дак; какая-то старушка сказала ему, что здесь драка и... Черт возьми, что с вами случилось? – с искаженным вдруг лицом спросил он.

– Не здесь, – коротко ответил Хейс.

Уилкокс схватил Сэм за плечи и помог ей сесть в машину.

На какой-то миг она прижалась к нему, и сквозь рубашку он почувствовал, как она дрожит. Совсем не к месту подумал о том, что у нее очень нежная кожа. Как будто у них было время на подобные глупости. *У парня такой вид, словно его стервятники когтями рвали.* Он кивнул в сторону станции обслуживания:

– Подождите меня пару минут, схожу узнаю, что там со старушкой. Бойлз, встань возле ворот, никого не впускай и не выпускай. И стреляй после первого предупреждения.

Он быстро перешел дорогу – *спасибо жаре, чертовски повезло: никто этого не видит,* – переговорил с Даком и Рут и двинулся обратно. Хейс, достав из перчаточного ящика бумажные носовые платки, промокал кровь на щеках, Сэм сидела молча. Бойлз украдкой поглядывал на них, стоя на посту и тихонько отбивая ногой ритм никому не слышной мелодии. Вернувшись, Уилкоккс, ни слова не говоря, сел за руль – машина тронулась с места. Глянул в зеркальце заднего вида. Сэм Вестертон выглядела уже почти спокойной – причесывалась, как ни в чем не бывало. Должно быть, эта девица просто каучуковая. Он ткнул пальцем в сторону станции обслуживания:

– Я сказал им, что Хейс – наркоман в самом что ни на есть кризисном состоянии. Рут на все лады расхваливает вас, Вестертон. Я посоветовал ей вернуться домой, принять что-либо успокоительное и завалиться в постель либо устроиться перед телевизором. С ней все будет в порядке. А теперь мне

бы очень хотелось узнать, что же все-таки с вами стряслось...

Сэм коротко изложила факты, избегая впасть в подробности относительно испытанных ею весьма своеобразных ощущений. Лишенным эмоций голосом упомянув о висевшем в воздухе прямо над ней теле сторожа, она заметила на лице Уилкокса откровенно скептическое выражение. Как только Сэм закончила, заговорил Марвин Хейс:

– А я какое-то время шел и шел по кладбищу, причем чувство было такое, что иду все по одной и той же аллее, а потом сразу увидел их.

– Кого?

Едва ли Уилкокс действительно повысил голос – просто в нем зазвучало сильное внутреннее напряжение.

– Не знаю. Их было трое. Они стояли под деревом, в тени. Мужчина, женщина и ребенок. Они... сидели и что-то жевали – как на пикнике. Мне это показалось странным, и я окликнул их. Они обернулись. Солнце било мне в глаза, я не мог их как следует разглядеть; было слишком далеко, но я видел, что они улыбаются. Потом ребенок что-то бросил в мою сторону – то, что перед этим грыз. Оно покатилось ко мне и замерло на гравии. Это была ступня. Ступня белого человека, с пучком светлых волос на толстом большом пальце. А они поднялись и двинулись в мою сторону. Я услышал выстрелы и решил, что Сэм тоже попала в переделку. Как и положено, я сделал предупреждение – дважды. Они по-прежнему шли на меня. Я выстрелил. Попал – в каждого

из этой троицы, в яблочко, Уилкокс, в этом я уверен.

– И что?

– А то, что из них пошла кровь, я видел дырки у них в груди; женщина, смеясь, даже показала мне на это место: *сунула руку в каждую из ран* — а вы знаете, на что способен «Магнум-44», — и, представьте себе, сказала: «И в какую из этих дырок тебе хотелось бы сунуть свою толстую черную штуку, дядя Том?»

Они услышали, как Сэм на заднем сиденье громко сглотнула; Уилкокс, делая левый поворот, тормознул чуть позже, чем положено. Хейс провел рукой по лбу и продолжил:

– И тогда я... я, понимаете ли, попросту рванул от них — повернулся и со всех ног бросился бежать — этакий новый «черный метеор», с большим преимуществом побивший рекорд Карла Льюиса; за очередным поворотом увидел Сэм — она лежала на земле, усеянная тараканами. Они кишмя на тебе кишели, Сэм; пытались забраться в рот, в нос. Я бросился к тебе — в нескольких метрах поодаль лежал изрешеченный пулями труп сторожа, лицо — сплошная каша. Я... я пытался разогнать тараканов, но они не хотели уходить; они... они резали мне руки — они были острые как бритвы, Уилкокс, они порезали меня...

Голос его сорвался. Пронзительно взвизгнули шины — Уилкокс остановил машину возле полицейского участка.

– Продолжайте.

– Черт возьми, Уилкокс, не корчите вы из себя такого

хладнокровного индейского вождя – вы что, не видите, что они со мной сделали?

Он вытянул свои порезанные руки. Сэм, наклонившись вперед, потрепала его по плечу:

– Выпьем кофе, Марвин, и хорошенько все обдумаем, идет?

Уилкоккс несколько не дрогнул под безумным взглядом Хейса.

– И как вам удалось выбраться?

– Я... взвалил Сэм на спину и бросился к воротам. Я слышал, как они – мужчина, женщина и ребенок – хихикали где-то сзади; воздух был густым, липким, идти вперед оказалось очень трудно, я думал уже, что нам крышка. А потом вдруг воздух стал нормальным – так резко, что я едва не упал; тухлым мясом больше не пахло; я бросился к воротам, распахнул их и положил Сэм на тротуар, Створка ворот за спиной захлопнулась. Я обернулся. Никого. Ни тараканов, ни оживших трупов – лишь трава, могильные плиты да солнце.

Уилкоккс открыл дверцу и вышел из машины.

– Сейчас отправлю Бойлзу подкрепление. Идемте.

Как только они вошли в контору, он достал из шкафа бежевую полицейскую форму и протянул ее Хейсу:

– Держите, это форма Мидли, она должна вам подойти – хотя бы рубашка. Рядом с камерами есть душ.

Мидли смотрел на них, от удивления разинув рот, – он печатал на машинке, да так и застыл, занеся палец над кла-

вишей.

– Мидли, поезжай к Бойлзу на кладбище, и ждите там дальнейших распоряжений.

Мидли – от возбуждения его обычно румяное лицо стало просто-таки пунцовым – коротко кивнул и бросился вниз по лестнице с грацией динозавра, укушенного осой. Уилкокс ткнул пальцем в сторону Бига Т. Бюргера – тот возился возле кофеварки:

– Биг Т. Бюргер, один из моих добровольных помощников. Агенты Марвин Хейс и Саманта Вестертон.

Сэм с удивлением разглядывала старого вояку: военная форма, короткая стрижка, резкие черты лица, повязка поперек лба и карабин за плечом.

– Дедушка Рэмбо, надо полагать? – нежным голосом спросила она.

Биг Т. улыбнулся – блеснули крепкие белые зубы.

– А вы как раз играете в «Ширли Тамплъ против завоевателей»?.. Хотите кофе?

– С удовольствием, спасибо, Ширли Тамплъ сейчас больше всего нуждается именно в канцерогенном кофеине.

Она залпом осушила стаканчик. Уилкокс сидел на краешке заваленного бумажным хламом письменного стола и на кончике пальца вертел свою ковбойскую шляпу. Было слышно, как в душе шумит вода.

Он повернулся к Сэм:

– С Хейсом все в порядке?

– С Марвином? Без проблем. С Марвином вообще проблем не бывает. Разве что чуть слишком эмоционален.

На какой-то миг Уилкоксу захотелось сорвать маску с инспектора Вестертона, дабы увидеть, каким образом им так хорошо удается изображать из себя человеческие существа. Он вскинул бровь:

– Нужно сообщить об этом туда, в Вашингтон...

– О чем именно?

– Что они перепутали ваши компьютерные схемы со схемой какой-то магнитной торпеды – у вас схожие состояния души.

Сэм невольно расхохоталась, потом смутилась:

– Простите, это нервы.

Биг Т. протянул Уилкоксу стаканчик кофе и спросил:

– Мне можно узнать, что там случилось, или это Государственная Тайна?

Потягивая кофе, Уилкокс повернулся к Сэм:

– Биг Т. входит в дополнительный состав сил охраны порядка Джексонавилля. И с самого начала работает со мной над этим делом.

Затем вновь повернулся к Бигу Т. и кратко изложил происшедшее, не опустив при этом, однако, ничего важного.

Где-то вдали раздавались звуки духового оркестра – шла репетиция.

9

Джем и Лори долго шептались, усевшись под верандой и попивая колу. Дед был занят делом: разбирал на части разбитый «шевроле», отбирая еще пригодные детали мотора. Джем ткнул в его сторону пальцем и спросил Лори:

– Как думаешь, нужно ему рассказать?

Лори с большим сомнением посмотрел на него:

– По-моему, результат может быть только один: на нас наорут. Не хочу тебя обижать, но он, я полагаю, скорее наплюет на нас и выпьет целый ящик пива, чем бросится на кладбище раскапывать известную тебе могилу.

– Тогда что же нам делать? Сесть в автобус и укатить в Мексику?

– Спятил ты, что ли? Да будет тебе известно: я намерен готовиться к поступлению в Гарвард, а отнюдь не сражаться с двумя с половиной тысячами припадочных латино за честь надраивать башмаки толстым злобным белым старухам, которые при этом еще и хлещут текилу пополам с земляными червями.

Джем сорвал травинку и принялся ее нервно грызть.

– Хорошо, тогда пошли к фараонам. Нельзя же так и сидеть, Лори; нужно рассказать им, что я видел, как старина Уэйтс...

– Жаль, парень: перед тобой открывалось такое будущее,

а ты возьмешь да и угодишь в психушку....

Джем встал, заправил рубашку в штаны.

– Ладно, пошли.

Лори с явным сожалением поднялся, допил свою колу, потом выбросил бутылку в мусорное ведро.

– Ты и в самом деле хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Джем молча двинулся в путь. Лори тотчас последовал за ним.

– Ты что, подождать меня не можешь? Известно ли тебе, старик, что у тебя чертовски развиты параноидальные тенденции?

Они быстро шли по раскаленному тротуару, и Лори мысленно поклялся ни слова – пусть его хоть пытаются – не говорить о кроличьей клетке и Мэрилу.

Со скальпелем в руке доктор Льюис застыл над обуглившимся телом Бена Картера. Стэн повторил:

– Вас просит к телефону доктор Вронг.

– Вонг, а не Вронг, – поправил его Льюис, складывая инструменты в ящичек из нержавеющей стали.

Он вышел из холодной покойницкой, прикрыл за собой дверь, снял с левой руки запачканную резиновую перчатку и взял трубку. Льюис был взволнован, но сердце у него почему-то билось еле-еле. Прежде чем заговорить, он удостоверился, что Стэн сидит на месте и заполняет карточки.

– Алло?

– Льюис?

Вальяжный голос Вонга зазвенел в ухе, и Льюис сильнее сжал трубку:

– Да, это я.

– Номер вашего страхового свидетельства – 258 НУ309, так? В УМБ?

– Да, все правильно.

– Тогда, должно быть, они там что-то напутали, потому что, когда я им позвонил и попросил вашу медицинскую карту, они... у них таковой не оказалось.

– Простите, как же так? Ничего не понимаю.

Льюис почувствовал, как ноги у него делаются ватными, и на какой-то миг испугался, что сейчас ему придется сесть прямо на кафельный пол. Стэн посмотрел на него с любопытством.

В трубке вновь раздался голос Вонга – растерянный:

– У них нет свидетельства с таким номером. Обещали поискать в Центральной картотеке. Буду держать вас в курсе дела.

– Подождите минутку!

Льюис порылся в бумажнике, извлек оттуда свое страховое свидетельство. Под пластиковой обложкой крупным шрифтом четко отпечатан номер. 258 НУ309.

– Слушайте, Вонг, свидетельство сейчас у меня перед носом, и номер на нем именно тот, что я назвал; эти болваны невесть чего вам наболтали.

На секунду у него вдруг возникло ощущение, будто что-то щекочет барабанную перепонку, пытаясь вылезти наружу; он сильно шлепнул себя трубкой по уху – в голове раздался оглушительный шум: что-то устремилось назад, забираясь поглубже.

Откуда-то издалека послышался голос Вонга:

– Я им сейчас перезвоню. Буду держать вас в курсе.

Вонг повесил трубку. Льюис тоже – и сразу же зажал рукой ухо, опасаясь, что оттуда что-нибудь выскочит. Поймал на себе любопытный взгляд ассистента – тот поспешно уткнулся в свои карточки. Зажимая рукой ухо, одеревенелой походкой Льюис вернулся в покойницкую. Всякое щекотание, ощущение, будто что-то *живое* копошится в слуховом канале, исчезли. Он с облегчением убрал руку. Ну и болваны работают в УМБ! Взялся за скальпель – щека нервно подергивалась – и вновь склонился над почерневшим телом, от которого несло жареным мясом. *Взять отпуск. Вот что нужно сделать. Взять отпуск. Бросить к черту этот ополоумевший городишко – пусть Уилкокс сам тут разбирается со своим кровавым сериалом – и на недельку закатиться куда-нибудь на Аляску или в любое другое прохладное местечко.*

Форма Мидли Хейсу оказалась маловата: рукава рубашки кончались чуть ниже локтей, штанины брюк доходили до половины икры; зато он вымылся, одежда была сухой – а это

главное. Не пахло больше ни потом, ни кровью. Если бы ему так уж нравилась кровь, он, наверное, подался бы в криминальную полицию, а не в отдел обработки информации ФБР.

Один за другим он осушил несколько стаканов воды и чувствовал себя теперь определенно лучше. Порезы на лице больше не кровоточили. Он перестал протирать их смоченной антисептиком ваткой, которую дал ему Уилкоккс. Подумал о том, какое лицо сделалось бы у Вильмы, увидь она его в таком состоянии. Насилие Вильма ненавидит еще больше, чем он. Вспомнив жену, свой дом в Вашингтоне, он вздохнул: там сейчас, наверное, тихо мурлычет кондиционер, а трое мальчишек развалились перед телевизором и жуют пиццу от Луиджи. Он выбросил окровавленную ватку в ведро под умывальником и присоединился к остальным.

Они сидели кружком возле стола Уилкоккса и что-то обсуждали. Сэм – аккуратно причесанная и заново подкрашенная – выглядела так элегантно, словно собиралась поужинать где-нибудь в городе. Зато Уилкоккс являл собой само воплощение усталости: лицо осунулось, черты его заострились, глаза стали красными от недосыпания. Биг Т. Бургер – уж он-то выглядел самым лучшим образом – осмотрел красные полосы на лице Хейса и заявил:

– Знаете что? Вы теперь очень похожи на воина племени масаи.

Хейс подумал о том, что его воинственность никогда не заходила дальше игры в бридж, и вздохнул. В Африке он ни

разу не был, да и желания такого не испытывал и, поскольку его предки были в числе первых привезенных в страну рабов, ощущал себя американцем в куда большей степени, нежели добрых три четверти его знакомых – эмигрантов во втором или третьем поколении.

– Знаете что, Биг Т.? Мой прадедущка прислуживал за столом Скарлетт О'Хара, тогда как ваш в те времена еще только учился подтирать себе задницу чем-нибудь более подходящим, чем собственный палец.

Тут вмешался Уилкоккс:

– Слушайте, мы здесь не для того собрались, чтобы поиграть в «кто кого переорет». Да, все мы взвинчены. Но все-таки, может, делом займемся, а?

Саманта подняла пальчик:

– Я думаю, мы стали жертвами сенсорных и зрительных галлюцинаций, причиной которых является пыльца какого-нибудь растения.

Биг Т. Бюргер пожал плечами. Ну конечно же – пыльца! Нашествие Гигантских Маргариток! Он поерзал на стуле. Да плевать ему с высокого дерева на все эти причины, знать бы только, по какой цели тут стрелять. Хейс отхлебнул воды и сказал:

– Если ты намекаешь на вилльямстонский случай, то это все же исключение.

– Вилльямстонский случай?

Уилкоккс, похоже, живо заинтересовался.

– В тысяча девятьсот семьдесят девятом году, – вновь заговорила Сэм, – в городишке под названием Вилльямстон, штат Айдахо, три мирно собравшихся попить чайку домохозяйки поубивали друг дружку, пустив при этом в ход кухонную сечку, вилки, ножи – короче, все, что попало под руку, – по ходу дела изрубив в капусту двух детишек одной из них. Уцелела только одна, миссис Франклин, она упорно твердила потом, что на них напали адские чудовища. Следствием было установлено, что ее бред любопытнейшим образом совпадает с видениями на почве приема наркотиков типа ЛСД или фенциклидина, – весьма распространенной причины многих убийств и самоубийств. Новейшая разновидность *delirium tremens*, только в тысячу раз сильнее обычного.

– Фенциклидин? Что это?

– Он больше известен под названием ПСП, изначально предназначался для использования в стоматологии в качестве анестезии, что повлекло за собой сотни тяжелых несчастных случаев. Что же до миссис Франклин, то она доживает свой век в лечебнице, для душевнобольных. Теперь считают, что они тогда надышались какой-нибудь пылью или она попала в чай – дурман или что-то подобное; из-за необычной погоды, что стояла той весной – сушь и сильный ветер, а потом долгий период дождей, – концентрация пылицы могла достичь крайней степени. Кроме того, в *меса* – на пустынных плато – дурман, как известно, растение очень распространенное, и индейцы частенько используют

его в ходе религиозных обрядов.

Уилкоккс откашлялся. Гипотеза с пылью, безусловно, хороша: сводит на нет наличие нечистой силы. Чертовски убедительно; беда только в том, что Уилкоккс имел обыкновенные крайне скептически воспринимать все, что звучит убедительно.

– Простите, но я не думаю, чтобы моего помощника Бена Картера разорвала надвое именно пыльца, даже если бы она и помешалась на каких-нибудь «Зубах моря»... Я знаю, что индейцы частенько жуют дурман, чтобы впасть в транс, – продолжал он, – но никогда не слышал, чтобы кто-то от этого принялся убивать людей. Проще всего свалить все убийства на выходцев из резервации, тем более что среди присутствующих индеец только один – я.

Марвин махнул рукой, успокаивая его:

– Об этом и речи не было, шеф; Сэм лишь хотела сказать, что на кладбище, возможно, имеется в наличии какое-то токсичное вещество, способное вызывать чудовищные галлюцинации, и что именно оно – потребляемое намеренно или случайно – и является причиной происшедших здесь убийств...

Уилкоккс призадумался:

– А как вы объясните тот факт, что ни одна из старушек, что каждый день ходят на кладбище, ни разу не впала в бредовое состояние?

Хейс с сомнением покачал головой:

– Данный феномен мог возникнуть совсем недавно. Какое-то химическое вещество – почему бы нет? По прямой отсюда не так уж далеко до военной базы в Форт-Блисс. Всегда может случиться авария. Как, например, в деле Паркер против штата Колорадо. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году Джон Паркер служил в Пойнт-Джанкшн – это экспериментальная база химического оружия, совершенно засекреченная. В одном из контейнеров произошла утечка. Паркер, как всегда, вернулся домой, а там вдруг отрубил себе топором левую руку, а потом вогнал вышеупомянутый топор себе в череп. Вдова обратилась в суд, и выяснилось, что он надышался газом, вызывающим крайнюю тоску и галлюцинации.

Биг Т., жевавший жвачку, передвинул ее языком из-за правой щеки за левую.

– И нынче же вечером мы все, может быть, умрем; значит, надо пошевелиться, не дожидаясь, пока город превратится в гигантский гамбургер с хорошо выдержанным мясом.

– А что вы предлагаете? – холодно спросил Хейс.

– Обработать кладбище напалмом. Все «может быть» там и сгорят.

– А если речь идет о веществе, способном вступить в реакцию из-за высокой температуры и пламени? Если это, скажем, газ? – возразила Сэм, покусывая карандаш.

– В этом случае весь город взлетит на воздух, – заключил Уилкоккс. – Глубоко сожалею, Биг Т., но такой риск я взять на себя не могу.

Биг Т. поднялся:

– Но, черт возьми, вам не кажется, что сидя сложа руки мы рискуем куда больше? И сколько трупов у нас будет сегодня же вечером?

– Успокойтесь, ваш город не первый, в котором произошла серия убийств, и обычно проблемы такого рода решают отнюдь не с помощью эскадрильи бомбардировщиков... С другой стороны, коль скоро тут была упомянута армия, нелишним, наверное, будет подумать о том, не может ли все это иметь отношения к Центру атомных исследований в Лос-Аламосе, – заметила Сэм.

– Здесь первую бомбу взорвали в сорок пятом, шестнадцатого июля, я точно помню. Если бы это оказало какое-то влияние на психику людей, то, надо полагать, мы бы уже заметили... – возразил Уилкоккс.

– Генетические мутации могут развиваться очень медленно и...

Хейс умолк, ибо дверь в контору распахнулась.

В дверном проеме, как в рамке, в явном смущении замерло двое мальчишек – белый и черный. Белый был светловолос, тощ и грязен. И основательно нуждался в хорошей стрижке. Черный – покруглее, одет с иголочки и коротко подстрижен. Учащенное дыхание, блестящие глаза, на верхней губе у обоих выступил пот, – отметила про себя Сэм.

Уилкоккс удивленно вскинул брови:

– Если вы ищете детский сад, то ошиблись дверью, ребят-

ки.

Встряхнув светлыми вихрами, свисавшими на вспотевший лоб, Джем шагнул вперед:

– Мне нужно бы переговорить с федеральными агентами. Голос чуть дрожал, но был полон решимости.

Сэм заговорила самым что ни на есть учительским тоном:

– Полицию по пустякам не беспокоят. Зачем тебе понадобились федеральные агенты?

– Это из-за кладбища...

– Сторож там мертвый! – горячо воскликнул Лори.

Хейс вздохнул. Ну вот и началось. Сейчас население ударится в панику, и это еще больше осложнит работу. Почему стоящие на посту полицейские позволили мальчишкам шляться по этому дерьмовочертодьявольскому кладбищу?

Уилкокс ткнул пальцем в сторону парнишек:

– Дамы и господа, знакомьтесь: Джереми Хокинз и Лорел Робсон, одни из самых выдающихся граждан нашего города.

Сэм внимательно посмотрела на них. Лорел был поменьше ростом, на круглом лице выделялись огромные – черные и очень встревоженные – глаза. Он часто облизывал губы, у корней коротких, черных как смоль кудряшек блестели капельки пота. Явно не по себе было и второму парнишке, Джереми, – тот был повыше и потоньше, с пшеничного цвета волосами. Уилкокс наклонился к замершим под перекрестным огнем взглядов ребятам:

– Так, значит, вы были на кладбище?

Джем кивнул головой:

– Ну да, в полдень. И сторож был мертвый, но не совсем.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила шикарная рыжая женщина.

– А то, что он был мертв, но говорил – вот что он хочет сказать; а поскольку вы ни за что нам не поверите, то мы пошли, – объявил Лори.

Черный гигант, одетый в явно севшую после стирки форму, взглянул на них умиротворяюще:

– Сторож еще не совсем умер, вы это имели в виду?

– Понятия не имею, может, мертвецам и положено летать над землей и вовсе не обязательно человек умирает, проткнув себе башку метлой, но одно я знаю точно: все это здорово смахивает на какую-то дурацкую сценку из фильма ужасов, – на едином дыхании выпалил Джем.

Рыжеволосая женщина потрепала его по плечу, словно какого-нибудь малыша, и у него пропало всякое желание с ними разговаривать. Она почувствовала это и тут же убрала руку.

– Слушай, можешь ты нам все объяснить по порядку? Начиная с начала, во всех подробностях и без грубых словечек?

Джем глянул на нее недоверчиво. Почему-то его не выкидывают отсюда под зад коленом. Значит, положение настолько серьезно, что даже взрослые в курсе дела. И тогда, ощутив всю важность своей миссии, он начал рассказывать.

Лори размышлял о том, специально ли черного гиган-

та вырядили подобным образом. Или просто на него не нашлось формы – росту в нем, наверное, добрых два двадцать. Вдобавок все лицо и руки у него изрезаны. На мгновение Лори вспомнил отца, его выпачканную чем-то красным рубашку и царапины на щеке, но тотчас прогнал эти мысли, сосредоточившись на том, что рассказывал Джем.

Когда Джереми умолк, взрослые переглянулись; рыжеволосая женщина перечитывала свои записи. Герби Уилкокк вздохнул:

– Хорошо, сейчас мы ваши показания отпечатаем, а вы немного погодя опять зайдете сюда и подпишете их, о'кей? Слушай, Джереми, и ты, Лорел Робсон, тоже: мы думаем, что на кладбище скопился какой-то таинственный газ, – люди от него сходят с ума; погодите, дайте сказать, ничего большего я вам сообщить не могу – это строго секретно, поняли? И я хочу, чтобы вы об этом не говорили НИКОМУ, ни под каким видом; я рассчитываю на вас, ребята, – и на тебя, Джем, и на тебя, Лори, – вы не станете сеять в городе панику. О'кей? Мы ведь тут, никуда не делись, вот мы-то этим и займемся, и все опять будет в порядке.

Джем и Лори чинно кивнули и направились к выходу.

– А пока могут случиться и другие убийства? – уже в дверях спросил Джем.

– Не волнуйся, парень, мы контролируем ситуацию, – уверенно солгал Уилкокк, – кладбище охраняется. Сидите дома, и все будет хорошо. Передавай привет дедушке. Как только

выпадет свободная минутка, я сам к нему зайду.

Джем и Лори шагнули за порог и оказались на улице – до глупого обычной.

– Наркотический газ! Представляешь, Джем, если мы им дышим – я вдруг возьму да как запихаю себе в ноздри руль от велосипеда...

– Ничего, ноздри у тебя достаточно широкие, – вяло заметил Джем.

Вид у него был озабоченный. Лори потянул его за рукав:

– Думаешь, они нам наврали?

– Да нет, думаю, что они просто не понимают.

– Но ведь это вполне может служить объяснением...

Лори вдруг умолк – не хотел он говорить о Мэрилу, даже с Джемом. Стоило вспомнить плотоядную ухмылку крольчихи, как его охватывало отвращение, родственное тому чувству, что испытал Уилкокс в те минуты, когда малыш Бен стал вдруг делать ему непристойные предложения.

– Я провожу тебя домой, – решительно заявил Джем. Некоторое время они шли молча. Солнце опускалось за горизонт, скоро его красный диск совсем исчезнет за скалистыми отрогами сьерры.

– Как ты думаешь, все и в самом деле будет нормально?

Лори произнес это шепотом, словно опасаясь сойти за предателя.

– Без понятия. Но доверять им мы обязаны.

Внезапно Джем подумал о матери Лори. Может быть, и

она нанюхалась этого газа... Перед глазами вновь возник мистер Робсон – он спиной заслоняет дверь в погреб.

Стоны в погребе. Но может быть, все это ему почудилось, как привиделся парящий над могилами Томми Уэйтс. Он просто надышался газом. Вне всяких сомнений. А когда воздействие газа пройдет, он забудет все это, и город вновь станет нормальным. Хотя город-то как раз и был нормальным. Это у него самого голова не в порядке.

Они прошли мимо станции обслуживания. Дак чинил старый «харлей-дэвидсон», о чем-то оживленно разговаривая с Френки. В сумерках создавалось такое впечатление, будто от девушки исходит золотое сияние, и Джемму вдруг показалось, что ее вообще нет – всего лишь видение. Словно почувствовав на себе их взгляды, она обернулась, и Лори вдруг пискнул, как заяц. Джем повернулся к нему, сердце в груди колотилось как бешеное.

– В чем дело? Соплю проглотил, что ли?

– Нет-нет, ничего; просто ты чуть не вляпался в собачье дерьмо.

Джем ничего на это не сказал, но все понял – понял, что Лори видел то же самое, что и он. У Френки словно бы не было лица: лишь мертвенно-бледное пятно, по которому расплывались два огромных темных круга. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Ну и чертов же газ!

Уилкоккс отправил Бига Т. сменить Бойлза на кладбище. Вроде все было спокойно. Люди делали покупки ко Дню

Независимости, украшали город флагами. С полудня до самого вечера девочки под звуки духового оркестра репетировали праздничное шествие.

Стоя на пороге конторы, Хейс наблюдал за происходящим на улице.

– Скоро солнце сядет.

Бойлз прекратил мурлыкать себе под нос какую-то песенку и повернулся к Уилкоксу – тот старательно смазывал кольт 45-го калибра образца 1911 года, входивший в состав его личной коллекции оружия.

– Программа на вечер, шеф?

– Всю ночь будем следить за кладбищем, будь оно неладно. И с ходу палить по всем галлюцинациям, что соизволят оттуда выползти.

– Такая программа вполне придется по душе вашему приятелю-ветерану, – заметила Сэм.

– Можете предложить что-нибудь получше? – поднял голову Уилкоккс.

– Нет. Ладно, тогда попытаюсь получить от Вашингтона сведения о проводимых сейчас в этих краях исследованиях в области вооружений. А вы и в самом деле индеец?

– На пятьдесят процентов. Мать у меня – навахо. Если вас это интересует, могу показать резервации – Навахолэнд и все такое прочее. Но не рассчитывайте на меня по части исполнения «Танца дождя».

– Тем лучше, я не питаю особого интереса к фольклору.

– Скажите, вы замужем?

Саманта замерла, так и не набрав телефонный номер.

– А вы, великий вождь? Вы женаты?

– Чуть не женился. Но она удрала в Лос-Анджелес.

– И со мной та же история. Чуть было не вышла замуж, но удрала в Лос-Анджелес.

Она быстро набрала номер. Уилкокс про себя улыбнулся.

Хейс одернул смехотворно короткие рукава рубашки

Мидли:

– Пойду переоденусь, а потом, наверное, поеду с вами патрулировать, шеф.

– Спасибо, Марвин.

Хейс с удовлетворением отметил, что Великий Вождь Уилкокс больше не держит его за явившегося с севера дурачка-новобранца.

Бросив взгляд на опускавшиеся над городом сумерки в фиолетовых разводах, Уилкокс произнес:

– Знаете, как называют Нью-Мексико? *«Колдовской край»*. Роковое имечко, да?

Девятнадцать тридцать. Разлив по небу пламенеющий пожар, солнце закатилось за голую скалу. Френки обняла Дака за шею и шепнула ему на ухо:

– Тебе не надоело рыться в моторах? Ты когда-нибудь пытался занять руки чем-нибудь другим?

Дак покраснел до корней волос, адамово яблоко у него на шее приподнялось и опустилось, издав при этом какой-то

странный звук. Руки у Френки были очень холодными, но прикосновение губ к щеке Дака оказалось очень нежным. Он положил инструменты, потом принялся их тщательно вытирать. Френки вздохнула, потрепала его по волосам:

– Так мы идем в кино? Или есть мороженое? Или сыграем хорошую партию в «Меккано»?⁶

Дак уставился на свои запачканные машинным маслом кроссовки.

– Ты знаешь про белое озеро?

Френки забавно фыркнула:

– Белое озеро? Это что – сорт пудры?

– Это соляное озеро. Ночью при луне оно сверкает разноцветными искорками.

Френки, отступив на шаг, посмотрела на него очень внимательно. Дак, прочистив горло, заговорил снова:

– Но если ты хочешь в кино...

– Нет, я очень хочу увидеть белое озеро. Думаю, с тобой мне там будет очень хорошо.

Парень опустил голову – лицо его стало совсем пунцовым – и, явно не соображая, что делает, принялся заворачивать разобранные детали машины в старые газеты. На одной из них – он, не глядя, завернул в нее пару свечей – красовался крупный заголовок: «Юная наркоманка убита тремя выстрелами в спину. Жертва – служащая „Сиркуса" ... » Упаковав как следует свечи, Дак выпрямился, машинально отер руки о

⁶ Нечто вроде металлического конструктора.

задубевшие от машинного масла джинсы. Френки тихо стояла, наблюдая за ним, лицо ее было скрыто мраком.

Девятнадцать тридцать. Зазвонил телефон; доктор Льюис нервно вздрогнул, пролив минеральную воду на разложенные перед ним на столе записи. Дрожащей рукой снял трубку. В ней раздался голос Вонга – теперь он звучал уже не слишком вальяжно:

– Льюис?

– Да. Ну что, нашли они эту проклятую карточку?

Вонг прочистил горло, и Льюис почувствовал, как по вискам сбежали две холодные струйки пота. Пролитая вода растекалась по бумаге, размывая черные, написанные золотым «ватерманом» буквы, – протокол вскрытия тела Бена постепенно превращался в какой-то мерзкий пруд, где, словно куски человеческого тела, плавают буквы.

– Льюис, вы слышите меня?

– Виноват?

Левой рукой массируя лоб, под которым нарастала боль, он пытался привести себя в нормальное состояние.

– Я говорил о том, что произошла какая-то ошибка. Они твердят, что обладатель страхового свидетельства 258 NY309 умер еще в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. Автокатастрофа. Карточка была сдана в архив. Я полагаю, вся беда в том, что вы однофамильцы.

– Виноват? – опять как-то глупо квакнул Льюис.

Вонг заговорил теперь тем тоном, к которому вынуждены бывают прибегнуть профессора, беседуя с совсем уж тупыми студентами, – чуть ли не по буквам произнося каждое слово:

– У него была та же фамилия, что и у вас. Л. Б. Ю. И. С. И карточки, должно быть, перепутали. Как бы там ни было, завтра Стивенсон получит результаты ваших анализов. Я вам перезвоню.

– Вонг! Подождите! Это же невозможно...

– Прекрасно понимаю, что невозможно. Вам следует принять пару рюмок спиртного и лечь в постель. Доброй ночи.

Вонг повесил трубку. «Эта цветущая желтая макака не желает иметь ничего общего с усохшим и падшим белым субъектом», – швырнув трубку на рычаг, гневно подумал Льюис. Он сердито закусил губу и почувствовал, как она лопнула; хлынула черная вонючая кровь. Бумажной салфеткой Льюис промокнул ранку. Возникло вдруг такое ощущение, будто в штанах стало мокро, – он приподнялся со стула и на пластиковом сиденье увидел коричневатое, похожее на жидкую грязь пятно.

– Господи, под себя наделал, – прошептал Льюис и заплакал крупными слезами пополам с зеленоватой слизью – капля за каплей они падали на протокол вскрытия.

Обхватив голову руками, он – на свое счастье – потерял сознание.

Девятнадцать тридцать. Круглая довольная луна уже ви-

села высоко в небе. Джереми заканчивал кормить кроликов. Мэрилу, похоже, нервничала – выкатывала глаза и скалила зубы. Джем протянул руку, собираясь ее погладить, – она приоткрыла рот, – но замер, услышав голос Деда:

– Джем, ужинать!

– Спокойной ночи, Мэрилу!

Он послал толстой крольчихе воздушный поцелуй и побегал домой. Красные глаза Мэрилу следили за ним из темноты; черный таракан, проскользнув меж оскаленных желтых зубов, выбрался наружу и забегал по клетке.

Дед Леонард выглядел озабоченным. Сел за стол и, ни слова не говоря, принялся есть капустный салат, жадно запивая его пивом; Джем выдвинул стул и положил себе на тарелку ужин: капуста, сосиски, кетчуп.

– Ты пойдешь завтра на фейерверк? – чтобы что-то сказать, спросил Джем.

– Завтра? – Дед как-то зловеще улыбнулся. – В данный момент я не слишком склонен строить планы на завтра, – продолжил он, не переставая жевать; его глаза, похожие на пару серебряных монет, были прикованы к стакану с пивом.

Он поднял голову, и у Джема возникло такое чувство, будто его пригвоздили к стулу.

– Скажи, Джереми, ты веришь, что мир реален?

Ну вот – и Деда проняло.

– Кто знает, Дед; может быть, я сейчас просто сплю или кому-нибудь снюсь; ты же слышал о таких штуках...

– Но ты *чувствуешь*, что он реален?

– Ну, наверное. Даже если я и воображаю что-то другое, я чувствую, что он реален.

– Потому что чувствуешь реальным самого себя, да?

Джему стало не по себе; он поерзал на стуле, нацепил на вилку кусок сосиски и поболтал ею в воздухе. Может, за всем этим последует хорошая оплеуха? Или Дед тоже уже созрел? Взгляд Джереми осторожно скользнул в сторону двери, распахнутой в усеянную звездами тьму, откуда круглой мордой смотрела на него луна. Если Дед явно вознамерится схватиться за нож, ему останется только одно – шариком скатиться вниз по ступенькам.

– А можешь ты мне сказать, Джем, как ты себя почувствуешь, если вдруг перестанешь ощущать свою реальность?

– Не знаю. Как во сне, наверное.

– И тебе любой ценой захочется быть настоящим. Ты ощутишь, что распадаешься на ниточки, и попытаешься любым способом уцепиться за настоящую жизнь, и это будет ужасно – разве нет?

– Ну да, конечно же ужасно.

Не упускать из виду дверь и Дедовы руки.

– Ладно, парень, нам ведь на все это плевать – мы то живы, верно?

Сказав это, Дед расхохотался и залпом допил пиво. Джереми салфеткой промокнул лоб.

– Ты ничего не ешь, сынок?

– Да нет же, ем, – буркнул Джем, машинально отправив в рот кусок сосиски.

Лишь бы только они поскорее нашли какое-нибудь противоядие от этого мерзкого газа. Джем решил просунуть ножку стула в дверную ручку – так всегда делают в кино. И спать одетым. А может быть, даже взять с собой в постель охотничий нож, который Дед подарил ему на последний день рождения – чтобы он мог играть в Рэмбо, бегая по холмам.

Дед снова налил себе пива и опять выпил его залпом. Резким движением он наполнил вдруг стакан Джема.

– Пей, сынок; может, и тебя скоро кто-нибудь выпьет! – и опять дико захохотал.

Джем в нерешительности взглянул на него. Пиво? Дед предлагает ему выпить пива? Он поднес стакан к губам и вспомнил о тех юношах-ацтеках, которых поили допьяна, прежде чем вонзить в них жертвенный нож, – так говорила миссис Мюррей, преподавательница истории.

– Ну что же ты не пьешь? – Голос Деда уже гремел, его серебряные глаза сверкали, как чешуя рыбы-луны.

Закрыв глаза, Джем выпил. Горько, зато освежает. Он снова открыл глаза. Дед стоял в дверях, глядя во тьму – словно ему там что-то послышалось.

Какое-то жужжание. Невнятные слова. Шипение. Джем наконец узнал характерный звук одного из радиоприемников и успокоился. Почему только Дед его не выключит? Старые приемники, до блеска надраенные, рядом стояли на

длинном столе под крышей веранды. Джем засек среди них один включенный – здоровенная, как телевизор, старая штука. Оттуда донесся женский голос, но слов было не разобрать – они тонули в каком-то бульканье.

– Пожалуйста! – вдруг отчетливо крикнула женщина, но ее голос тут же перекрыл симфонический оркестр.

– Что это играют?

– Девятую симфонию Бетховена – был такой немецкий композитор, – не отводя глаз от приемника, ответил Дед.

– Знаю я про Бетховена, – оскорбленно возмутился Джем, – совершенно невозможный глухо-психованный тип. А еще его музыку всегда включают в конце фильмов про войну.

Голос женщины – явно негритянки – перекрыл бурные звуки «Гимна радости»:

– Я не могу!

– Две передачи одновременно пустили, – заметил Джем.

– Но почему, почему! – вопила женщина.

– Забавно, точь-в-точь голос миссис Робсон...

Дед подошел к столу и повернул ручку приемника. Джем заметил, как на обратном пути он раздавил что-то на полу. По небу разлилось молочно-белое сияние.

– Скоро будет гроза, – заявил Дед и взял в руки старый номер «Нэшнл Джеогрэфик».

Он растянулся в кресле-качалке и принялся медленно раскачиваться.

Джереми встал, сполоснул тарелки и исчез в своей комнате. Раз уж мир перевернулся, то остается лишь сидеть перед телевизором – чудом не разобранным на запчасти древним ящиком семидесятых годов, который отреставрировал для него Дед.

Он включил его, и по экрану, шевеля картонными челюстями, дружным шагом двинулись гигантские муравьи. Здорово, сейчас все черные мысли сразу выветрятся!

Тоби Робсон неподвижно сидел перед телевизором; на экране Дубина Джо Барнет душил Дорожный Каток Миннесоты, Буффало Джонса. Две огромные туши, тяжело дыша, перемещались по рингу. Робсон, расслабившись, сидел на широком кожаном диване со стаканом виски в руке, устремив пустой взгляд на экран. Он был страстным любителем кеча и никогда не пропускал важных матчей. Но сегодня целиком ушел в свои мысли и словно ослеп.

Лори тронул его за плечо. Тоби подскочил от неожиданности и, словно защищаясь, взмахнул было своей гигантской лапой. Увидев перед собой Лори, опомнился и изобразил на лице улыбку.

– Ты уже вернулся? В холодильнике пицца для тебя.

– Кто выигрывает?

– А?

– Кто выигрывает? – повторил Лори, кивком указывая на борцов.

– А! М-м-м... Кажется, Дорожный Каток.

– А мама где?

– Спит. Знаешь, этот грипп...

Лори уже спешил вверх по лестнице – к Джимми. Тоби Робсон, так и не притронувшись к виски, опять пустыми глазами уставился на экран.

Возле высокой решетки кладбищенских ворот дежурил Мидли: приоткрыв рот, словно бульдог, сидел в патрульной машине, сжимая в руке автоматический пистолет. Биг Т. Бюргер, с зеленой повязкой на лбу, сидел рядом, указательным пальцем любовно поглаживая теплую сталь своей «М-16». Он привез ее из последней командировки – разобрал на части, тщательно смазал и запрятал на самое дно рюкзака. В отличие от Мидли он не потел и не шевелился – замер, как ящерица; в нем проснулся старый инстинкт охотника. В семьдесят пять – сорок два из них в армии – совсем невредно перезарядиться.

Мидли ерзал на сиденье. Со скуки сдохнуть можно. Полчаса назад этот болтун Чеву Алонсо и его кореш, Б. 2 – ну и дурацкое же имечко, разве что для бомбардировщика годится, эти инородцы и в самом деле совсем придурки, – вроде бы направлялись сюда, но при виде полицейской машины быстренько ретировались. Жаль, можно было бы потребовать у них документы, обыскать их в поисках наркотиков, чтобы хоть как-то скоротать время. Он плюнул через окно и сказал, мотнув головой в сторону закрытой станции обслуживания, где автомат с напитками работал круглосуточно:

– Пойду принесу пару бутылок содовой, от жажды сдохнуть можно. В любом случае с этого чертова кладбища некогда ждать – там одни покойники.

Биг Т. не ответил, лишь с презрением глянул на него.

– Содовую будете?

– Принеси мне пива.

– Пива? На службе? Это же нарушение устава, – возмутился Мидли, отирая пот на шее.

– Я вот уже шестьдесят лет как ничего, кроме пива, не пью, парень. Ты что, убить меня решил своей содовой?

Мидли пошевелил своими толстыми извилинами, но, так и не придумав ничего путного, пожал плечами:

– В конце концов вы вроде бы и не совсем фараон... Он выбрался из машины и тяжеловесной походкой направился через дорогу к станции обслуживания, рукой придерживая револьвер. *Бул Мидли не настолько глуп, чтобы понасться на дурачка и так вот просто дать себя располовинить, как этот недоносок Бен, мир праху его.*

Проводив глазами удаляющуюся вразвалку грузную фигуру Мидли, Биг Т. перевел свой цепкий взгляд на блестящую решетку ворот, и сердце в груди громко стукнуло. Из-за решетки на него смотрела женщина – она стояла неподвижно, лишь длинные черные волосы развевались над плечами. У Бига Т. пересохло во рту, он нажал кнопку вызова на приборной доске. На женщине было розовое летнее платье в цветочек, вокруг нее посверкивали какие-то белые точки – словно звездная пыль. Она по-прежнему не двигалась – стояла метрах в пяти от него, будто школьница, благовоспитанно сложив руки за спиной; лица в темноте было не разглядеть.

– Уилкоккс. Слушаю.

Биг Т. вздрогнул от неожиданности. Стараясь не шевелиться и говорить как можно тише, словно боясь спугнуть дикую кошку, он произнес:

– Шеф... За воротами стоит женщина...

– Кто она?

– Не знаю. Молодая. Длинные черные волосы. Розовое платье.

– Что она делает?

– Ничего. Смотрит на меня.

– Вели ей назвать себя, поднять руки вверх и подойти – но не подпускай ближе чем на три метра. Мидли пусть тебя прикроет.

– Он пошел за содовой. От жажды сдохнуть можно.

– Черт! Давай, зови ее; Бойлз и остальные сейчас подъедут. Только не упusti, Биг Т., это наш единственный след. И говори, все время говори со мной.

Биг Т. с величайшей осторожностью открыл дверцу. Женщина стояла там же. Словно напевая что-то нежное, плавно покачивала бедрами. Он направил на нее винтовку:

– Эй, вы там!

Она не откликнулась.

– А ну выходите! На свет!

Она тихонько усмехнулась, и волна жуткой вони ударила в лицо Бига Т. Он прицепил переговорное устройство к ремню, соединив себя с машиной его витым пластиковым проводом, и выпрямился во весь рост. Голос Уилкокса у него на

животе подсказал:

– Теперь, как положено, предупреди ее!

– Немедленно выходите! После третьего предупреждения буду стрелять!

Женщина лениво потянулась, и у Бига Т. возникло ощущение, будто он видел, как длинный красный язык выскочил у нее изо рта и лизнул ночь. Он сощурил глаза.

– Ну и работенка!

На секунду его внимание отвлек жизнерадостный голос Мидли, и, когда он вновь взглянул на решетку, женщины уже не было.

– Черт, исчезла!

– Возвращайтесь в машину, поднимите все стекла, – приказал голос Уилкокса.

Озадаченный Мидли склонился к переднему сиденью, размахивая банкой пива:

– Что происходит?

– Слышал? Закрой дверцу.

Мидли послушно сел в машину. Биг Т. уселся рядом и с яростью захлопнул дверцу. Поднял стекло. Духота страшная. И вонь стоит все еще ужасная – они заперли ее вместе с собой в машине. Он машинально взял банку пива – этот болван Мидли уже открыл ее. Но пить не решался, вглядываясь во мрак. Никого. Растворилась во мраке. Он прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. Поганый запах ласкал затылок.

– Ну и вонища!

– А я ничего не чувствую, – заявил Мидли.

Биг Т. с трудом удержался от нелюбезных комментариев. *Может, она спряталась под машиной и вот-вот выскочит как черт из табакерки и бросится на стекло.* Одеревневшими пальцами он понадежнее взялся за ружейный приклад. Мидли подавил отрыжку. И тут он увидел ее. Словно балерина раскинув руки, она танцевала на гребне кладбищенской стены. Он открыл дверцу, шагнул вперед и взял ее на прицел:

– Стоять! Спускайтесь вниз! Полицейский контроль! На стене уже никого не было. *Или она свалилась вниз, по ту сторону стены? Но тогда бы я увидел...* Бойлз и остальные вот-вот должны приехать, стоит их дожждаться. Он рукавом отер пот со лба, наклонился, достал из машины уже открытую банку пива и поднес ее к губам.

Едва не подавился и тотчас все выплюнул – густая красная жидкость брызнула на корпус машины. *Кровь, это же кровь!* Брезгливо держа банку в вытянутой руке, он застыл в недоумении. Мидли с интересом посмотрел на него:

– Что, несвежее оказалось?

– Черт, это кровь! Кровь в пивной банке!

Он вздрогнул, услышав повелительный голос Уилкокса:

– Выброси ее. И возвращайся в машину.

Биг Т. уже забыл, что на поясе у него висит переговорное устройство. Уилкокс постоянно был на связи и внимательно

следил за событиями.

Мидли слегка наклонился, его толстое красное лицо расплылось в хитрой улыбке.

– Я-то думал, что такому вояке, как вы, это должно понравиться – кровь...

– Спятил, что ли? Тебе смешно? Уймись и подвинься!

Мидли воздел вверх толстый, как сосиска, палец:

– Вон она!

Биг Т. резко развернулся – разрывные пули брызнули в пустоту. Никого. Он уже утратил свое обычное хладнокровие. *Ну и придурок этот Мидли, я ему сейчас...*

Мидли уже вышел из машины и шагал к воротам.

– Ты куда? Вернись!

– Лично меня эта баба не пугает. Я с удовольствием ею займусь!

– Мидли! Стой!

Мидли замер в двух метрах от него, стоя к нему спиной, – здоровенные руки спокойно висели вдоль тела, «смит и вессон» лежал в кобуре.

Биг Т. с облегчением вздохнул. Когда таким вот здоровенным буйволам приходит в голову закусить удила, остановить их бывает совсем непросто. Он открыл было рот, но тут же закрыл его. Что-то не так. Хотя вроде бы все нормально: форма, колбасообразные руки, бычья шея. Может, все оттого, что этот здоровенный телок так тихо стоит?

Тишину разорвал металлический голос Уилкокса:

– Что происходит?

– Не знаю, какое-то у меня странное чувство.

Биг Т. быстро окинул взглядом белую стену, решетку ворот, вновь посмотрел на Мидли – тот стоял все так же неподвижно, словно оловянный солдатик. И тут он увидел их. Туфли. Дамские модельные туфли на высоких каблуках; вполне приличные женские туфли – если не считать того, что они на Мидли.

– Дьявол!

– В чем дело?

– Мидли... на нем бабьи туфли... Должно быть, из-за проклятого газа у меня начались галлюцинации.

– Бабьи туфли?

– Вот именно: этикие штучки на высоких каблуках, так странно...

Вдали показалась машина; она неслась на полной скорости, так что шины визжали. В ночи раздался низкий голос Мидли – тот по-прежнему стоял спиной; вонь накатила такая, что Бига Т. чуть не вырвало. Как от груды сгнивших трупов.

– Что – завидно стало, ты хотел бы такие же из кожи вьетнамца? Надо было заказать – из кожи той девчонки, той самой, которую ты взорвал гранатой; ей от роду не больше семи было – тоже мне, враг!

Внезапно их осветили фары. Старое сердце Бига Т. бешено колотилось – он вновь увидел перед собой искаженное

болью личико девчонки, выскочившей из охваченной пламенем хижины, – весь живот у нее был разворочен. По щекам текли слезы пополам с кровью. Тогда он впервые в своей взрослой жизни заплакал.

Звучавший на поясе голос Уилкокса вернул его к действительности – он надрывно орал, и, должно быть, уже давно.

– Стреляй! Стреляй же, черт тебя дери!

– Что?

Голова Мидли грациозно развернулась на сто восемьдесят градусов – он решил оглянуться; толстые губы расплылись в блаженной улыбке. Биг Т. отчетливо слышал, как с треском сломались шейные позвонки, но Мидли, похоже, все было нипочем. Он смотрел на Бига Т., маленькие свинячьи глазки горели почти фосфоресцирующим светом, ступни – параллельно друг дружке – стояли носками к воротам, а голова была вывернута назад.

– Ты, приятель, похоже, удивлен – «Колдуна» не смотрел, что ли? – издевался Мидли. – Ты, хрен старый, должно быть, неплохо поразвлекся с той вьетнамской девчонкой – наверное, прямо в живот, поглубже в горячие внутренности?

– Нет!

Биг Т. взвыл: перед ним проплыли воспоминания о том, как его боевые товарищи насильовали визжащих малолетних девчонок; он сотрясался, как от пощечин; воспоминания о накачавшихся наркотиками солдатах, отрезавших девичьи груди.

В динамике надрывался голос Уилкокса:

– Ну стреляй же! Стреляй, черт возьми!

Хлопнули дверцы машины. К нему кто-то бежал. Оскалив зубы, головой вперед Мидли двинулся на Бига Т. , буквально волоча за собой тело, словно какуюто сброшенную шкуру, каблуки скребли по земле.

Уилкокс орал:

– Стреляй, сержант, засранец чертов, стреляй же!

Биг Т. поднял руку и выстрелил. Разрывная пуля угодила прямо в голову Мидли, превратив ее в кровавую кашу из мяса и костей.

Мидли по-прежнему шел вперед; из кровавой дыры, прежде бывшей его ртом, доносился какой-то замогильный голос:

– Знаешь, я ведь тоже очень люблю косоглазых дурачков – тебе не кажется, что нам не мешало бы почаще встречаться...

За спиной Бига Т. раздался сдавленный крик ужаса – рядом с ним появился Хейс и встал в боевую позицию, сжимая в руке револьвер.

Подбежал Бойлз и встал шагах в десяти по другую сторону от него.

Сэм опустила руку на плечо Бига Т. , но он даже не взглянул в ее сторону и опять нажал на спуск. Пуля попала Мидли в брюхо, пробив дыру величиной с тарелку; оттуда на землю стали вываливаться кишки. Мидли, усмехаясь, по-прежнему

шел вперед.

– Черт возьми!

Растерявшийся Хейс не решался стрелять. Бойлз с потерянными видом наблюдал за происходящим.

Внезапно Мидли споткнулся и упал.

– Ногами во внутренностях запутался, – бесцветным голосом произнесла Сэм.

Невероятного вида каша, некогда бывшая Мидли, дергалась на земле, запутавшись в собственных кишках, и хриплым голосом продолжала рычать:

– Биг Т. Бургер, иди ко мне, я тебя так люблю, о-о-о!

– Заткнись! – взревел Биг Т., вновь нажимая на гашетку.

Ошметки плоти полетели на кладбищенскую стену, на решетку ворот, брызги крови попали на подошедшего поближе Бойлза.

Все вздрогнули – раздался рев мотора.

Полицейская машина тронулась с места!

Ошеломленные, они стояли и смотрели, как она рванулась вперед. Сидевший за рулем мальчишка с усмешкой глянул на них и надавил на газ.

Бига Т. швырнуло на землю: он был соединен с машиной проводом рации; в тот же миг Хейс выстрелил и попал в одну из задних покрышек. Машина – с вертящейся мигалкой и зажженными фарами – пошла зигзагом; за ней по бетонному покрытию волочило Бига Т. Хейс выстрелил еще раз, целясь в голову водителя. Ветровое стекло разлетелось вдребезги,

машина понеслась прямо на кладбищенскую стену и с жутким железным лязгом врезалась в нее.

Бойлз, Саманта и Хейс, сжимая оружие, одновременно бросились вперед. Сэм остановилась возле Бига Т. и помогла ему подняться. Старик ободрал всю кожу о дорожное покрытие, тело его было изранено, из носа сильно шла кровь. Сэм вынула из кармана носовой платок и протянула ему. Он молча взял его и, запрокинув голову, приложил к носу.

Хейс и Бойлз кинулись к машине – из мотора валил дым – и одновременно направили револьверы на сиденье водителя.

Сиденье было пусто.

Полувывранный из приборной доски радиотелефон тихонько потрескивал.

– За рулем сидел мальчишка, – окидывая взглядом окрестности, заметил Бойлз.

Марвин Хейс покачал головой:

– За рулем машины сидело *ничто*.

Быстро, своей баскетбольной походкой он направился к размазанному по бетону телу Мидли; Бойлз последовал за ним. Головы у Мидли больше не было, сквозь остов грудной клетки был виден бетон дорожного покрытия. Пули Бига Т. раздробили ему колени и в куски разнесли сердце. Но толстые колбасообразные пальцы судорожно бились о землю.

– Он еще жив... – сглотнув, проговорил Бойлз.

– У этого человека больше нет сердца, – отрезал Марвин Хейс, рукавом отирая со лба пот.

– Он шевелится... – упрямо продолжал Бойлз.

Марвин Хейс с трудом сдержался: ему хотелось раздавить эти дергающиеся пальцы, как если бы это были какие-то вредные насекомые. Кровавая бесформенная куча шевелилась. Это было вне всяких сомнений. И совершенно невероятно. К ним, поддерживая Бига Т., подошла Саманта.

– Радио полетело к черту, и шеф, должно быть, ломает голову над тем, что тут происходит, – вяло заметил Бойлз.

Увидев дергающиеся пальцы, Саманта спокойно объявила:

– По-моему, у меня галлюцинация.

– Тогда у нас у всех галлюцинация, причем одна и та же, – сказал Хейс.

Внезапно руки Мидли парализовало: пальцы потянулись в последнем усилии, словно пытаясь что-то схватить, и бес- сильно упали.

Бойлз невольно вздохнул.

Он вернулся к своей машине и вызвал Уилкокса.

– Ну? – тотчас взревел тот.

– Пришлось убрать Мидли, шеф.

– Что с Бигом Т.?

– Цел. Поцарапало только. Но Мидли...

– Что?

– Он не хотел умирать, шеф. Бигу Т. Бюргеру пришлось выпустить в него всю обойму. И даже после этого... у него все равно двигались пальцы!

– Об этом потом. Я пришлю вам труповозку.

Уилкоккс, покусывая большой палец, быстро набрал номер погребальной конторы.

Стивен Бойлз, прихватив одеяло из багажника, вернулся к остальным. Слышавшие выстрелы жители соседних домов пытались подойти поближе, но Хейс, используя преимущества своего положения и весьма впечатляющей внешности, держал их на расстоянии. Сэм поспешно накрыла одеялом изуродованное тело. Бойлз направился на подмогу Хейсу. Никто не испытывал желания о чем-либо говорить. Лишь Саманта, взглянув на часы, заметила:

– Еще и одиннадцати нет.

Через десять минут приехал фургон, оттуда выпрыгнули те двое санитаров, которым пришлось в свое время собирать жуткие останки возле старой риги.

– В вашей деревне это определенно становится традицией! – разворачивая носилки, проворчал тот, что повыше. – Если и дальше так пойдет, придется расширять кладбище...

– Знаешь анекдот про парня, который потерял работу из-за того, что очень любил поболтать? – спросил Бойлз; вид у него был не слишком дружелюбный.

Санитар насупился.

– Вот всегда так... надо полагать, для вас в вашем Нахалвилле «свобода слова» – это нечто покруче китайской грамоты, – пробормотал он себе под нос, поправляя маску.

Санитар поменьше ткнул его локтем в бок. Бойлз сделал

вид, будто ничего не слышал.

Зеваки горячо обсуждали случившееся. Хейс выдал им «официальную» версию происшедшего: сведение счетов между дельцами наркобизнеса. Дельцы наркобизнеса в Джексонвилле! А три дня назад убили Сибиллу, а еще Чарли якобы утверждает, что Верну убил Дуг Арройо, – в этих краях определенно становится беспокойно; и куда только, черт возьми, полиция смотрит? А шериф Уилкокс что – дожидается, пока всех не перебыют?

– Шериф Уилкокс проинформировал компетентные органы. Мы сейчас ждем подкрепления. А пока будем вам очень благодарны, если вы спокойно разойдетесь по домам. Мы прекрасно контролируем ситуацию, вам совершенно не о чем беспокоиться, – объяснял Марвин всем по очереди.

Санитары уже запихали тело в большой пластиковый мешок и теперь заносили его в машину. При виде неподвижной белой массы зеваки невольно попятились, сразу воцарилась тишина. Длинный санитар высунулся из окна и помахал Бойлзу рукой:

– Странно, у меня такое чувство, что мы с вами скоро увидимся!

Бойлз пожал плечами и поправил темные очки, с которыми никогда не расставался – даже когда «Бойлз Хот Трио» выступало на публике. Фургон неспешно двинулся в путь. Толпа разочарованно разбрелась, намереваясь разойтись по домам. Пора было ложиться спать.

– Что будем делать? – спросил Марвин, взглянув на Саманту.

Впервые за те пять лет, что они работали вместе, она выглядела растерянной.

– Я... я не знаю, Марвин. Думаю, нужно связаться с Бюро. Случай далеко не типичный.

– Мягко выражаясь, не типичный, – проворчал Биг Т.; судя по всему, он уже пришел в себя. – И я что-то не понимаю, чем тут может помочь кучка федеральных фараонов с контактными линзами и карманными магнитофонами. Зовите уж тогда морскую пехоту.

Саманта, резко развернувшись, ожгла его взглядом зеленых глаз.

– Если бы все вопросы решались простым нажатием на гашетку, мы бы сейчас с вами пили в каком-нибудь салуне, мистер Бюргер. Но устройство человеческого мозга отличается одной специфической чертой: существует такое понятие, как разум, в силу наличия которого человек и старается как можно реже прибегать к помощи холодного и огнестрельного оружия. И я не думаю, что проявление двойственного, отрицательно направленного рассудка – лучший способ решения нашей проблемы.

– Ладно заливать-то, – буркнул Бюргер и пошел прочь от нее, прижимая к носу окровавленный платок.

Он вспомнил, как голова Мидли повернулась вокруг своей оси, прижал платок еще сильнее и поклялся себе, что, слу-

чись с ним подобная штука еще раз, он просто пустит себе пулю в лоб. Такую же клятву он дал себе во Вьетнаме, тридцать лет тому назад, – на случай плена.

Саманта какое-то время смотрела ему вслед, потом повернулась к Хейсу:

– Нет смысла здесь торчать. Если убийца – или убийцы – прячутся на кладбище, они, разумеется, не пойдут через центральные ворота. А если мы стали жертвами какого-то химического феномена, то, оставаясь здесь, подвергаем себя бессмысленному риску. Пример: Мидли. Единственное, что стоит сделать, так это попросить жителей города сидеть по домам до тех пор, пока мы не овладеем ситуацией.

– Документ 23 Б параграф 8? – спросил Марвин, одергивая рукава.

– О чем речь? – поинтересовался подошедший к ним Бойлз.

Очки с металлическим отблеском, впалые, забрызганные кровью щеки и бледная кожа придавали ему сходство с вампиром.

– «В случае, если невозможность восстановления общественного порядка влечет за собой угрозу всему населению или какой-то его части, можно и должно прибегнуть к вмешательству вооруженных сил», – рассеянно процитировала Саманта.

– Это очень порадует Бига Т., – только и сказал на это Бойлз, – я, наверное, все же поеду патрулировать по городу.

Вас подбросить до конторы?

Десять минут спустя они уже снова сидели в душной комнате – не хватало лишь Бойлза, уехавшего патрулировать. Подперев руками подбородок, Уилкоккс молча выслушал Бига Т., потом – Хейса. Труп Мидли был уже в море, в компании Сибиллы Дженингс, Верны Хоумер, Дугласа Арройо и Бена Картера.

– Тело Томми Уэйтса все еще на кладбище, – устало проговорил Уилкоккс, как только Хейс умолк.

– Решетка ворот заперта на висячий замок, туда никто войти не сможет, – заметила Саманта.

– Вот именно. А кто запер ворота? Ключи есть только у Томми, но я не думаю, что после всего, что вы мне тут рассказали, его сколько-нибудь заботили ворота. К тому же мне известно, что мальчишки, чтобы не терять лишнего времени, обычно срезают дорогу и бегают через кладбище. Оцепить квартал у меня людей не хватит, и я не могу допустить, чтобы нашли еще один труп, – никоим образом, если хочу избежать повального безумия. Черт возьми, понедельник едва только наступил, а у нас уже шесть жертв! Если об этом узнает Андерсон, он же меня на электрическом стуле изжарит!

Уилкоккс провел рукой по волосам и вздохнул. Впервые в жизни он вынужден будет просить о помощи. А чутье подсказывало ему, что это скорее всего ни к чему не приведет.

Хрустнув суставами, Хейс выпрямился во весь рост.

– Нам следует запросить помощь. По-моему, мы в безвы-

ходном положении.

Инспектор Вестертон уже сняла трубку и набирала номер. Поспешно назвала себя и попросила дежурного офицера. Ей велели немного подождать. Как приятно было слышать на другом конце линии энергичный интеллигентный голос, шум компьютеров, гудение ксероксов, легкий шелест кондиционеров – все эти звуки цивилизованного, нормального человеческого мира, где можно сидеть в чистой отутюженной одежде, пить декофеинизированный кофе, просматривать документы, в которых речь идет о смерти, и никогда при этом не ощущать ее невыносимого запаха.

– Джеймс Болдуин. Слушаю вас.

Высокий мужчина с великолепными манерами, обладатель приятного баритона, большой любитель оперы и французской кухни, Болдуин являл собой эталон интеллектуала-компьютерщика, в силу своей фантастической памяти и аналитических способностей приглашенного на службу в ФБР. Именно он в свое время, предав их досье суду своего компьютера на предмет персональной совместимости, подал идею объединить в пару Саманту и Марвина и обычно при выполнении заданий предоставлял им полную свободу действий.

– Агент Вестертон. Я хотела бы переговорить с вами по очень срочному вопросу.

– Минуточку. Хорошо, говорите.

Сэм уточнила географические координаты местности, за-

тем стала описывать события дня. Не прошло и полсуток с момента ее приезда! Кто сказал, что в провинции живут припеваючи? Огоньки мигали, гасли, снова зажигались.

– Алло? Алло!

Сэм уже принялась нервно встряхивать трубку, когда снова послышался голос Болдуина:

– Я вас очень плохо слышу, Вестертон. Начните сначала.

Сэм снова принялась все объяснять. На линии шли помехи, Болдуин заставлял по десять раз повторять одно и то же.

– Разве у нас гроза, а не у вас?

Сэм глянула в окно. Ночь была тихой.

– Нет у нас никакой грозы. Мне нужна помощь, мистер Болдуин, я настоятельно прошу применения параграфа 8 документа 23 Б.

– Я перезвоню вам через пять минут.

Он повесил трубку. Уилкоккс стоял и массировал себе область желудка. Биг Т., по-турецки устроившись прямо на полу, похоже, погрузился в глубокую медитацию. Хейс заправлял кофеварку.

Пять минут прошли в полной тишине. Было слышно, как шелестят листья на деревьях. Саманта так и осталась сидеть на месте, не отводя глаз от телефонного диска. Хейс врубил кофеварку – Уилкоккс вздрогнул от неожиданности. И мысленно обругал себя: определенно нервы у него сейчас как у престарелой дамы.

Какая-то машина медленно объехала квартал, и Уилкоккс

узнал звук мотора патрульного автомобиля. Нажал кнопку вызова:

– Все в порядке, Стивен?

– Без проблем. Велел Моссу закрывать, потому что поступило сообщение о том, что некая шайка в стельку пьяных хулиганов бродит в поисках приключений. Он выгнал публику и запер заведение.

«ББК» (Бильярд-Бар-Кегельбан) Мосса, где работал Чарли Хоумер, несчастный муж Верны, был единственным заведением, открытым после полуночи. Уилкокс почувствовал некоторое облегчение оттого, что никто этой ночью по улицам шляться не будет. Бойлз продолжал:

– Он сказал мне, что Чарли не явился на работу; он звонил ему, но Чарли, похоже, был сильно пьян, что-то бормотал – якобы Верна мертва, – и Мосс хотел узнать, правда ли это; я сказал, что правда и что, вероятно, ее убил Дуг, выясняя с ней отношения, и что Дуг ударился в бега. Я подумал, что этим можно объяснить отсутствие Дуга в городе...

– Неплохая идея, Стивен. Совсем неплохая. А что сказал Мосс?

– Он, само собой, просто обалдел. Ведь он, как и все, очень любил Верну. Больше ничего примечательного.

– О'кей, пока.

Уилкокс отключил связь. Бойлз сделал именно то, что нужно. Все резко обернулись – раздался залиvistый храп. Биг Т. уснул – сидя, уронив голову на грудь. Зазвонил те-

лефон. Биг Т. резко вскинул голову и схватился за оружие, встревоженно хлопая глазами. Уилкокс потрепал его по плечу:

– Спи, солдат, это всего лишь телефон.

Саманта сняла трубку.

– Уилкокс?

– Нет. Кто его спрашивает?

– Лу Гэррон, Си-Ви-Эн.

– Это вас, Лу Гэррон из Си-Би-Эн.

Уилкокс вздохнул и взял трубку:

– Да?

– Что за девушка со мной говорила? – игривым тоном спросил Гэррон.

– Мой секретарь.

– Вот счастливчик! Ладно, что новенького?

– А ничего. Поиски продолжаются.

– Я вовсе не это хотел услышать; говорят, вы там здорово подзалетели.

– Подзалетают девицы, Лу. Спокойной ночи.

– Вы отказываетесь мне отвечать? Вы же знаете, что информировать слушателей – мой долг!

– Хотите, чтобы я сказал вам правду, Лу? Хорошо; так вот: мы тут схватились с бандой оборотней – они проникли в город и пожирают моих избирателей; годится?

– Не издевайтесь надо мной, Уилкокс, руки у меня достаточно длинные и...

Уилкоккс бросил трубку – пусть Гэррон ругается сам с собой. Почти тотчас телефон опять зазвонил. Вконец измученный, он взял трубку и брякнул:

– А шли бы вы!..

И услышал звучный баритон Болдуина:

– С удовольствием; но будьте добры, нельзя ли мне сначала поговорить с агентом Вестертон?

– О черт, извините... это вас, Сэм...

Сэм взяла трубку, шепнув Уилкокксу:

– Я в восторге от вашей манеры разговаривать с моим начальством, Герби... Алло, агент Вестертон слушает.

– Я дал зеленый свет...

Конец фразы потонул в какой-то невероятной каше, потом голос Болдуина стал опять слышен четко:

– Они будут у вас через несколько часов. Старший офицер – капитан Строберри. А пока, если можно так выразиться, прикиньтесь мертвыми.

Снова раздался какой-то треск. Саманта повысила голос:

– Мистер Болдуин? Вы слышите меня? Вашингтон передал вам сведения по химическому оружию? Мистер Болдуин?

Связь прервалась. Все молча смотрели на онемевшую трубку. Саманта положила ее на аппарат.

– Попытаюсь отправить факс.

Она взяла чистый листок и быстро стала составлять текст:

«С. Вестертон Дж. Болдуину. Срочно.

Совершенно необходимы сведения о последних операциях, проведенных или проводимых в зоне Лос-Аламоса. Есть вероятность химической интоксикации или генетических мутаций».

Она зашифровала письмо, вставила его в аппарат, набрала номер, а Хейс тем временем сжег черновик. Замигала надпись: «Номер занят». Сэм в отчаянии хрустнула пальцами:

– Черт!

– Думаю, лучшее, что мы сейчас можем сделать, так это немножко отдохнуть в камерах. До приезда солдат будем дежурить по очереди, – решил Уилкоккс. – А пока я сменю Стивена.

Он взял шляпу и вышел.

Марвин вертел в пальцах карандаш и смотрел на него в глубокой задумчивости.

– Чего я никак не могу понять... – начал он.

– Да? – коротко отозвалась Сэм, все еще склонившись над факсом.

– Так это что происходит с тараканами.

– А что с тараканами?

– Они порезали меня, Сэм; ты видела когда-нибудь тараканов, способных кого-то порезать? И в пять минут оккупировать целое кладбище?

– Наверное, они просто переродились. Лос-Аламос вполне может оказаться тайным Чернобылем...

– Есть индейская легенда о том, что тараканы – не насеко-

мые, а пятнышки мрака... – сказал вдруг бесшумно вошедший Бойлз.

Марвин и Саманта разом обернулись.

– Простите?

– Я говорил о том, что одна индейская легенда гласит, что тараканы – вовсе не насекомые, а рассеянные по всему миру кусочки мрака. Мне рассказал ее старый Леонард. Согласно легенде, в небесах некогда произошла страшная битва между богом Света – Солнцем, влюбленным в богиню Жизни, и богом Тьмы, Луной, влюбленным в богиню Смерти, – каждый считал себя блистательнее и важнее другого. Бог Тьмы проиграл битву и рухнул в хаос, вызвав тем самым настоящий обвал мрака. Коснувшись земли, мрак разбился на мельчайшие кусочки – из них и родились тараканы. Они – глаза и уши бога Тьмы, посланники несчастья, ибо с момента своего падения бог Тьмы, пребывая в хаосе, беспрестанно стремится уничтожить мир, созданный богом Света. От его любовных утех с богиней Смерти родились вампиры, призраки и прочие существа, выходящие за грань понятия «человек».

– Красивая легенда и очень кстати в данной ситуации; ну спасибо, Стивен, хорошо ж вы нас утешили!

– Простите, мисс; вечно я болтаю лишнее.

– А как звучит имя бога Тьмы? – спросил Марвин; легенда явно заинтересовала его.

– Его имя на индейском наречии означает «Тот Кто Про-

тиводействует», ученые переводят это словом «Версус».

– «Версус»... Может, он числится в картотеке Интерпола? – с невинным видом предположил Марвин.

– Ой, как смешно, Марвин! Так вот, если вы еще не совсем утратили интерес к научным фактам, могу сообщить, что тараканы – это ночные прямокрылые, и во многих языках мира их название восходит к нидерландскому «kakkerlak», что, в свою очередь, происходит от латинского «cancer» – «канцер», то есть «рак». Ну и кто же дежурит первым?

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Бойлз расстегнул портупею.

– Вот это и в самом деле звучит совсем неутешительно – какого, спрашивается, черта этих тварей окрестили «раком»?

– Наверное, потому, что они плодятся и расползаются совсем незаметно... – задумчиво предположил Хейс.

Френки споткнулась и ухватилась за Дака. Почувствовала, как его горячая рука обхватила ее запястье, и оба они невольно прижались друг к дружке. Он молча шел вперед, освещая путь во тьме карманным фонариком.

– Еще далеко? – спросила Френки; ее бил озноб.

– Нет.

Они шагали по голому каменистому плато, усеянному высокими, вертикально стоящими скалами цвета охры. Френки потрогала пальчиком одну из них.

– Обалдеть, до чего эротичны. Значит, это сюда ты ходишь с подружками?

Туча закрыла луну, и не было видно, как Дак покраснел. Он пожал плечами. До чего же странный парнишка, подумала Френки. Ничего общего с той шпаной, которую она обычно цепляла себе на хвост. Никаких приступов ярости, никакой дерготни, истерик, оплеух по губам – когда слишком уж развыступаешься, – никаких мерзких объятий на продавленных кроватях, усыпанных пеплом от сигарет. Нет, этот парень если уж ведет тебя куда-то, то исключительно чтобы показать тебе озеро под луной. А вовсе не затем, чтобы предложить дозу кокаина на заднем сиденье какой-нибудь грязной тачки и там же потом тебя натрахать. Ей бы следовало встретить его раньше. *А теперь – к чему все это?* Она вздрогнула. Ну что за мысли? И что за истина вертится у нее на грани сознания?

Дак повернулся к ней:

– Почти пришли. Ты не устала?

– Я? С чего вдруг? Да я вообще чемпион по части пеших прогулок. Куда это ты уставился?

– На твои волосы. Когда светит луна, от них исходит серебряное сияние. Они светятся. Ты словно ангел, спустившийся из мрака.

– Фу, куда тебя понесло; ты меня пугаешь.

Дак улыбнулся, они прошли еще несколько шагов, и внезапно оно оказалось прямо перед ними. Соляное озеро.

Сверкающее разноцветными искорками в молочно-белых лунных лучах – словно покрытое инеем зеркало посреди каменной пустыни.

– Как красиво, – прошептала Френки, – будто огромная нетронутая упаковка суперчистой пудры!

– Мне бы хотелось кататься с тобой на коньках, – тихо проговорил Дак, – всю долгую летнюю ночь – как на чемпионате мира, – мы бы вальсировали в пустыне, а в зрительном зале сидели бы хамелеоны и смотрели на нас.

– Мне так хорошо здесь с тобой...

Она прижалась к нему. Он погладил ее волосы:

– Знаешь, ты и вправду похожа на ангела. Мой ангел. Спустившийся на землю только ради меня. Чтобы взять с собой в Королевство Любви.

– Не говори так, не то я, черт возьми, разревусь.

Глаза у нее были закрыты. Дак вдохнул поглубже, набираясь храбрости, склонился к ней и коснулся губами ее губ. Они были холодными и нежными. Он весь горел. Она ответила на поцелуй поцелуем, потом вдруг резко отшатнулась от него:

– Но разуй же глаза, Утенок Дак, ты что, не видишь, что я – шлюха распоследняя? Не видишь, что я наркотой пропиталась по самые уши, без дозы уже и уснуть не могу, что я – жалкая дрянь? На что ты надеешься? Ничего у нас с тобой не получится, ничего!

Слезы застилали ей глаза, она вырвалась и бросилась бе-

жать. Дак кинулся за ней. Спотыкаясь о камни, она беспрестанно ругалась. Он рванулся вперед, ухватил ее за майку, почувствовал, как треснула ткань. Френки взвыла, несколько раз стукнула его носком туфли и опять побежала – с голой грудью; ее белая кожа светилась в лунном сиянии, словно соляное озеро, словно она и озеро состояли из одного вещества, были едины, связаны узами родства с ночью и тьмой.

На белой коже спины выделялись три темных пятна, и, когда луна коснулась их, они засветились. Три звезды, выбитые на коже его любимой. На какой-то момент он замер в растерянности, глядя на зажатую в руке майку, затем опомнился, швырнул ее на землю и рванул со всех ног.

Слишком поздно. Рев мотора разнесся над пустыней, разрывая тишину. Ящерица испуганно метнулась ему под ноги. На мгновение его осветили фары – и двинулись в направлении шоссе. Ему оставалось лишь отправиться пешком. Он понюхал руки: они все еще хранили запах ее духов. Она считает себя недостаточно чистой, недостойной счастья. Он сумеет ей объяснить. Неважно, чем она там занималась. Прошлое не имеет значения. Прошлое умерло, и Дак Роджерс стоит в пылающих вратах будущего. И хочет шагнуть туда вместе с ней.

Вторник, 4 июля. Занялся рассвет – радостный. Красный диск солнца, четко вырисовываясь на еще мерцающем всеми звездами небе, всплыл над горизонтом.

Саманта проснулась, открыла глаза. Перламутровое пред-рассветное небо перечеркивали черные прутья тюремной решетки. Первая ночь за решеткой! Она зевнула, села. Сейчас бы душ принять в каком-нибудь хорошем отеле. А потом – полдюжины тостов; с мармеладом; омлет и парочку блинчиков. Чтобы прийти в норму, нет ничего лучше хорошего завтрака. Она сглотнула слюну – во рту пересохло от жары и усталости – и спустила ноги на кафельный пол. *Ладно, правило номер один гласит: не распускаться.* Она открыла сумочку, достала щетку для волос, зеркальце и маленькую косметичку. Румяна оказались на самом дне – закатились под рукоятку пистолета. Она достала их, выудила из-под кровати с железной сеткой чемодан и решительно направилась к умывальнику в углу камеры.

У Хейса от усталости покраснели глаза. Он снял персикового цвета рубашку, пропахшую табаком, потом и кровью, и надел чистую – из тонкого желтого полотна. Прикосновение свежей, хорошо выглаженной ткани немного взбодрило. Саманта дежурила до двух, потом Биг Т. – до четырех, а Хейсу пришлось дежурить до шести. Уилкоккс с Бойлзом всю ночь

сменяли друг друга за рулем патрульной машины. Ничего не случилось. Оба только что вернулись и без сил рухнули на койки в свободных камерах. «Самый спартанский мотель страны, – с иронией подумал Хейс. – Вдали от расслабляющего городского комфорта вы сможете получить уникальный опыт, о чем длинными зимними вечерами будете потом рассказывать друзьям». Он тщательно осмотрел свои раны. Никаких подозрительных припухлостей. Легко зарубцуются, останутся только тонкие следы вроде кошачьих царапин. Он повернулся к кофеварке с таким чувством, словно вновь обрел доброго старого друга, и нажал кнопку.

Погода, кажется, будет хорошей. Он распахнул дверь и встал на пороге, наблюдая, как городишко просыпается. Жара пока была терпимой, воздух – прозрачным. Двое здоровенных парней в спецовках, оживленно обсуждая достоинства некоей Стеллы, заканчивали украшать улицу транспарантами и бумажными фонариками. Весело взвизгнула железная штора кофейни, и на пороге появился ее владелец, Сэмми Санчес, – заспанный, небритый, с сигарой в зубах. Искоса глянул на Хейса и, как ни в чем не бывало, сплюнул на землю. Хейс про себя улыбнулся: все в порядке, мы в Америке. На всей скорости промчался мальчишка на велосипеде, с потрясающей точностью бросая под каждую дверь свернутую в трубочку газету. Залаяла собака, за ней – другая. Все было спокойно. Так спокойно. У него возникло ощущение, будто вчерашние события он видел во сне. *Неужели*

мы действительно вызвали солдат? Хорошо же мы будем выглядеть, когда они приедут.

Юный расклейщик афиш развешивал большие красно-белые щиты, на которых синими, усеянными белыми звездочками, буквами было написано: «БОЛЬШОЙ ПАРАД В 15 ЧАСОВ». День Независимости. Самый любимый праздник во всех пятидесяти двух штатах. Великий праздник белых, подумал Марвин. Отмену рабства никто не празднует. А если и празднует, то без особой помпы. Хейс помассировал себе затылок и, отгоняя праздные мысли, вернулся в контору. Саманта сидела перед телефоном – свежая, безупречно одетая: бежевая юбка, атласная блузка без рукавов. С сосредоточенным видом она что-то записывала. Появился Биг Т. Бюргер – весь в синяках, небритый. Нос его вдвое вырос в размерах. При виде его Хейс сразу спустился с небес на землю. Нет, это был не сон. Отнюдь не все спокойно в данном королевстве.

Доктор Льюис проснулся со страшной головной болью. Сощурил глаза – вокруг белые стены. Он не у себя в спальне, и это не предвещает ничего хорошего. Где же он, черт возьми? Льюис попытался подняться – в глазах потемнело; он снова лег. Через несколько минут опять приподнялся – теперь уже медленнее. В поле зрения попал письменный стол, заваленный бумагами, – его стол. Он в морге! От беспредельного ужаса схватило живот, да так, что он тупо уставился на него, ожидая увидеть рваную рану. Живот был цел. Заметил,

что на нем белый халат, а сам он лежит на носилках. Его внимание привлекла записка – на самом виду, рядом с диктофоном. Он медленно поднялся и семенящей, старческой походкой направился к столу. Это он-то – а ведь в свое время выдавал неплохие результаты в соревнованиях по теннису! И ему нет даже пятидесяти! Серой рукой Льюис потянулся за запиской и прочел:

«Сегодня ночью опять кого-то привезли. Питера Мидли. По крайней мере так они сказали. Поскольку вид у вас был совсем больной, я решил, что это может подождать до утра, и не стал вас будить.

Стэн».

Льюис не помнил, как уснул в кабинете. Единственным, что он помнил, был тот сволочный стул, вымазанный чем-то коричневым... Он наклонился так резко, что едва не упал. Белый пластик сиденья был абсолютно чист.

С тоской подумал о том, что некоторые расстройства рас­судка сопровождаются галлюцинациями. И обмороками. Он провел рукой по волосам и остолбенел. В пальцах остались целые пряди светлых волос. Какое-то мгновение доктору Льюису хотелось зверем завывать, но хорошее бостонское воспитание не позволило ему этого сделать; тяжелым шагом он направился в мертвецкую.

На привязанном к ящику № 5 ярлычке значилось: «Питер Мидли. 43 года. Кавказской национальности. Вероятная причина смерти: 12 выстрелов из боевой винтовки».

Льюис вздохнул. Пальцы у него окоченели, во рту стоял привкус тухлого яйца. Он выдвинул металлический ящик – там лежало тело. Снял запятнанную кровью простыню и тихонько присвистнул. Вот чертова работенка! Головы нет, в груди дыры размером с авианосец, ноги на уровне коленных чашечек наполовину оторваны... Вскрытие тут, пожалуй, и ни к чему. Он задвинул ящик на место и вернулся в кабинет. Нужно позвонить этому темниле Уилкоксу и спросить, что это еще за цирк. Пальцем в синих прожилках набрал номер.

Трубку тут же сняла какая-то женщина. Сначала он подумал, что ошибся номером, потом вспомнил об агентах ФБР.

– Да? – нетерпеливо повторила женщина.

Льюис кашлянул, прочищая горло, – на диск полетели куски зеленой слизи.

– Доктор Льюис беспокоит. Я бы хотел поговорить с шерифом Уилкоксом.

– Он спит. Здравствуйте, доктор. Я – агент Вестертон. Вы смогли осмотреть тело Питера Мидли?

– Послушайте, Вестертон, Мидли, судя по всему, пал жертвой какого-то охотника на слонов. Что же еще вы хотите от меня услышать по этому поводу?

– Вы видели его туфли?

– Простите?

– Как выглядят его туфли?

У Льюиса вдруг закружилась голова, он уцепился за край стола. Его собственные туфли были заляпаны чем-то корич-

НЕВЫМ.

– Доктор Льюис? Это очень важно.

– Да. Не вешайте трубку.

Что же с ними такое, с этими туфлями? Он потащился к ящику, где покоились останки Питера Мидли, и снова приподнял краешек простыни. И замер, разинув рот. Массивные ступни Мидли с квадратными пальцами были втиснуты в элегантные дамские лодочки. А если приглядеться, то оказывалось, что это уже не здоровенные ступни, а изящные бледные ножки. Резким движением Льюис сорвал простыню.

– Ку-ку, – сказала женщина, поднимаясь; ее черные волосы свисали по обеим сторонам мертвенно-бледного лица.

Он взвыл и упал навзничь. Женщина повернула к нему голову и улыбнулась. У него возникло ощущение, будто зубы у нее шевелятся, извиваясь, как толстые белые черви.

– Добро пожаловать, доктор Льюис, – произнесла она монотонным голосом.

Уцепившись за металлические ручки ящика, он попытался подняться. Женщина повернула голову, и он увидел ее изуродованный, продавленный профиль: скула и нижняя челюсть отсутствовали, кости черепа обнажены. Она подняла руку к искаленной голове, аккуратно отломала кусочек черепной кости и принялась ковырять им в зубах.

Льюис семнадцать лет проработал судебно-медицинским экспертом. Поэтому его не вырвало – он лишь подумал о том, выдержит ли это зрелище его сердце. Женщина отброси-

ла в сторону кусочек кости и прыгнула на пол. Он съежился, почувствовал, как от ужаса у него аж яйца внутрь втянулись. Она прошла мимо, взялась за ручку двери, опять обернулась и, обнажив в улыбке свои копошащиеся зубы, молвила:

– Я не ем мертвого мяса, это вредно для здоровья.

И исчезла в сиянии июльского дня. А в ящике вновь оказался обезглавленный труп Мидли – он сидел, вытянув массивные волосатые ноги со втиснутыми в дамские лодочки ступнями.

В телефонной трубке кто-то кричал. Льюис попытался подняться, но ноги не слушались. Вены на руках жутко вздулись. Вглядевшись в идущую от запястья до большого пальца вену, он ясно увидел, как внутри нее пробежал какой-то маленький подрагивающий шарик, и почувствовал, как он щекочет. Льюис сжал руку в кулак – вена непомерно раздулась, кожа лопнула, и из трещины высунулись тонкие черные лапки. Он взвыл и опять потерял сознание, благодаря чему, на свое счастье, не увидел, как из его руки, шевеля лапками, вылезла некая тварь.

Было семь часов пятнадцать минут. В городе царил покойствие.

Джем открыл глаза. Всю ночь он проспал, положив руку на футляр с ножом, и убрал ее лишь после того, как убедился, что в комнате все в порядке. Было слышно, как снаружи туда-сюда ходит Дед. Джем прыгнул с кровати, натянул

джинсы, совсем только чуть-чуть вымазанную персиковым соком белую майку и отправился навстречу судьбе.

Семь часов шестнадцать минут. Хейс бежал к моргу, рукой придерживая пистолет. Саманта все еще кричала в трубку:

– Доктор Льюис? Вы слышите меня?

Биг Т. – с холодным компрессом на распухшем носу – замер в полной боевой готовности.

Хейс подбежал к двери и повернул ручку. Дверь не открывалась.

– Заперто! – вслух возмутился он.

Обогнув здание, сунулся было в окно – на окнах решетки. В лицо ему ударил зловонный запах, он резко обернулся – точно безумный. Никого – лишь из щели в стене один за другим вылезают тараканы. *Посланники тьмы. Глупости какие. Тараканы, и точка.* Легкий ветерок всколыхнул ветви деревьев. Внезапно Хейс осознал, что вокруг царит полная тишина. Не слышно ни птиц, ни кузнечиков, ни ос, ни мух. *Все будто вымерло. Повисло в пустоте.* Запах развеялся. Хейс вернулся к двери и принялся ее трясти, стуча по ней кулаками.

– Льюис! Что случилось? Льюис!

Внезапно он почувствовал нечто странное – ноги у него как будто промокли – и глянул вниз. Его роскошные башмаки, купленные за две сотни долларов, омывал ручеек чер-

ной густой жидкости, вытекающей из-под двери. Он отпрыгнул назад. Это что еще за мерзость? От отвращения сморщив нос, он наклонился, стараясь разглядеть получше. Какая-то липкая жижа растекалась по коротко подстриженной траве, мгновенно впитываясь в жаждущую влаги землю. *Воняет. Можно подумать, что...* Хейс поднял голову. Только что за дверью раздался смех. *Неужели я утопаю в дерьме? Ведь это пахнет как дерьмо.* Он опять, еще сильнее, толкнул дверь. *И тараканы тоже воняют, никогда не слышал, чтобы тараканы воняли, и...*

Дверь открылась.

Хейс замер, глядя, как она отворяется. Потом, сжимая в руке пистолет, он очень осторожно шагнул вперед.

Льюис, улыбаясь, сидел за письменным столом. Черный поток, бегущий по комнате, начинался под его стулом.

Черт возьми, это и в самом деле дерьмо. Хейс удостоверился, что за дверью никто не прячется. Было слышно, как в телефонной трубке надывается голос Сэм. Льюис поднес трубку к уху и хриплым голосом электронной игрушки произнес: «Ка-кой хо-ро-ший день!»

Дверь в покойницкую была распахнута, и Хейс увидел, что на металлическом ложе, безвольно свесив руки и повернув в его сторону безголовую шею, сидит труп Мидли. *Сидит – почему вдруг сидит?* Он убедился, что ни руки, ни ноги у Мидли не дергаются, и вновь взглянул на Льюиса.

Станным – каким-то прерывистым – движением Льюис

положил трубку на аппарат – голос Сэм оборвался на полуслове – и поднял взгляд на Хейса с самым любезным выражением лица: рад-вас-видеть-как-поживаете? Хейс сглотнул и мягко спросил:

– Доктор, с вами все в порядке?

И сделал еще шаг вперед, спасаясь от затекавшей под ноги черной жижи. Из этого человека вот-вот все нутро вытечет!

– Доктор, вы меня слышите?

– Плооохо. У меняааа чтооо-то в ууухе, – продолжая улыбаться, все с тем же учтивым видом ответил Льюис.

Хейсу показалось, что по щеке доктора, под кожей, пробежал какой-то шарик. Он подумал о том, как бы извлечь его оттуда, не сделав Льюису больно. Раздался телефонный звонок – судебно-медицинский эксперт никак на него не отреагировал.

Хейс – по-прежнему сжимая в руке пистолет – проскользнул к столу и снял трубку, будучи уверен в том, что звонит Сэм. Однако услышал совсем другой голос – холодно-вежливый:

– Льюис?

– Нет. Кто его спрашивает?

– Доктор Джон Вонг. По срочному делу.

Стараясь не касаться Льюиса, Хейс протянул ему трубку:

– Это вас, доктор Вонг.

Льюис ничего не ответил – все так же, с застывшей на лице широченной улыбкой он смотрел на Хейса, руки его покои-

лись где-то под столом. Под серой кожей металось уже множество шариков, похожих на целую серию распухших лимфатических узелочков. При этом Льюис с невинным видом издал целую серию совершенно неприличных и громких кишечных звуков. Коричневая рука Хейса вцепилась в телефонную трубку с такой силой, словно это была полицейская дубинка. Он тихо сказал:

– Доктор Льюис не может поговорить с вами.

– Простите, а не подскажете ли вы мне номер телефона вашего полицейского участка?

– С вами говорит агент ФБР Марвин Хейс. Слушаю вас.

– Очень хорошо, я... это касается непосредственно Льюиса. Он слышит наш разговор?

– Не знаю. Я, честно говоря, думаю, что он утратил рас-судок, – молвил Хейс, глядя на расплывшегося в младенческой улыбке Льюиса.

– Инспектор, – послышалось в трубке, – я вообще-то кит-айского происхождения, а китайцы – большие прагматики. У меня собственный консультационный кабинет в Альбукерке, мне тридцать восемь лет, я играю в поло, у меня жена и трое детей, и никогда в жизни я не нарушал закона...

– У меня мало времени, доктор Вонг.

– Все это было сказано для того, чтобы вы поверили, что я – человек серьезный. Понимаете?

– Вполне.

– Ну так вот, как на ваш взгляд, доктор Льюис – нормаль-

ный человек? Я имею в виду – физически?

– Нет.

– У него серая кожа, так?

Хейс решил, что имеет дело еще с одним сумасшедшим.

Вонг продолжал:

– Серая, с красными прожилками.

– Доктор Вонг, сейчас доктор Льюис сидит напротив и с улыбкой на меня смотрит; он весь в каких-то узлах, а из-под стула, на котором он сидит, течет нечто черное, поэтому очень вас прошу: ближе к делу.

Льюис одобрительно закивал, словно был согласен с тем, что говорил Хейс. На другом конце линии послышался вздох:

– Хорошо. Доктор Льюис мертв, инспектор.

– Что вы такое говорите?

– Четверть часа назад я просмотрел результаты его анализов. Доктор Льюис мертв.

– Мертв?

– Мертв, МЕРТВ, скончался; доктор Льюис – труп...

Голос Вонга сорвался на крик. Хейс сглотнул, он чувствовал себя как во сне. Да так, наверное, оно и есть: он спит, сейчас зазвонит будильник, заворчит Вильма, переворачиваясь на другой бок, и ее дивная попка прижмется к его животу...

– Он мертв, мертвее некуда, его вообще не должно быть!

Вы понимаете, о чем я говорю? – кричал в трубке Вонг.

– Вы понимаете, о чем я говорю? – с любезным видом по-

вторил за ним Льюис, и тут его начало рвать: по улыбавшимся губам, по подбородку полилось дерьмо.

Хейс бросил трубку и выбежал вон.

На пороге наткнулся на Бига Т. – тот шел в морг.

– Что происходит?

– Не ходите туда, закройте эту проклятую дверь! – приказным тоном рявкнул Хейс.

Биг Т. толкнул дверь, и она захлопнулась. И увидел на земле поток черной жижи.

– Что это?

– Содержимое доктора Льюиса.

– Не понял.

– Доктор Льюис сейчас напрочь смертельно истекает, но это уже не важно, потому что он давно мертв, о'кей?

Биг Т. окинул его холодным взглядом:

– Это что – черный юмор?

– Черт возьми, Биг Т., не будь вы старой развалиной...

Что-нибудь известно о солдатах, которых мы ждем?

– Ничего. Вестертон пытается связаться с вашим начальником, но телефон, похоже, совсем вышел из строя.

– Тем не менее сюда только что звонили...

Биг Т. пожал плечами. Он-то чем тут может помочь? Его снедало любопытство: хотелось посмотреть, что там творится внутри этого проклятого морга, будь он неладен. Ожившие трупы, что ли, трахаются? Или доктор Льюис в разобранном на кусочки виде покоится на том самом столе, где

некогда кромсал мертвецов? Глаза у Хейса вылезли из орбит, лицо налилось кровью, но он уже взял себя в руки.

– Доктор Льюис сейчас... пребывает в весьма специфическом состоянии. Никто не должен сюда входить. Идемте, я все вам объясню.

Они вошли в контору; Саманта вскочила с места:

– Я пыталась перезвонить, но все время было занято...

– Где Уилкокс?

– Все еще спит. Поскольку все было спокойно, я не стала будить их с Бойлзом.

– Их надо позвать.

Биг Т. – он был уже возле камер – во всю глотку заорал:

– Шеф, есть новости!

Послышалась возня, раздалось ворчание. Затем, держась за поясицу, появился Уилкокс в распахнутой рубашке, из которой виднелась мощная, заросшая серебристой шерстью грудь. «Потрясающе смахивает на бизона», – подумала Саманта. Но тотчас одернула себя: не время сейчас размышлять о том, нравится ей Уилкокс совсем немножко или всерьез. Следом за шерифом шел Бойлз – с опухшим со сна лицом, на ходу нацепляя свои неизменные черные очки. Саманта с беспокойством посмотрела на Хейса. Таким Марвина она еще не видела, даже в самые худшие моменты их совместной работы. Безусловно случилось нечто ужасное.

Уилкокс налил себе кофе, хлебнул горькой горячей жидкости и спросил:

– Ну?

– Сядьте, – кивнув, сказал Хейс.

– Да меня вроде пока еще ноги держат. Валяйте.

Хейс хрустнул суставами пальцев и откашлялся.

– По поводу доктора Льюиса.

– Он мертв?

– В некотором роде.

Саманту передернуло. Ну вот. Теперь мы в центре циклона. На улице какой-то мальчишка тренькал звонком велосипеда. Люди обсуждали меню на предстоящий праздник. Донесся взволнованный женский голос:

– Тогда я ему говорю: зачем ты опять купил этот крокет, Ральф терпеть его не может. Ведь прекрасно знает, что Ральф вообще не ест продуктов для животных, он очень прихотливая киса...

Голоса удалились. Хейс взял в руки канцелярскую скрепку, старательно согнул ее, потом разогнул и только после этого вновь заговорил:

– Четверть часа назад Саманта позвонила Льюису и попросила его проверить, действительно ли на ногах у Мидли женские туфли. Он пошел в мертвецкую, но к телефону так и не вернулся. Я отправился узнать, что же там случилось. Льюис как ни в чем не бывало сидел за столом, а из-под него текла какая-то черная жижа – вытекала из него и расплзлась по полу.

Бойлз, сластивший в этот момент кофе, выронил в стакан

кусок сахара, забрызгав себе рубашку.

– Льюис посмотрел на меня и повесил трубку. Я подошел ближе. Тут зазвонил телефон. Звонил некий доктор Вонг. Я объяснил, что Льюис не в состоянии с ним разговаривать.

– Почему?

– Потому что он сидел как истукан и, улыбаясь, смотрел на меня. В полной отключке. Тогда Вонг спросил у меня номер телефона здешнего полицейского участка. Я представился, и он сказал...

– Что?

Уилкоккс машинально запустил руку в свою пышную шевелюру.

– Что доктор Льюис мертв.

Уилкоккс так и замер с рукой в волосах.

– Мертв?

Раздался голос Саманты, в нем сквозило откровенное недоверие:

– Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с подставным лицом?

– Я хочу сказать, что он *мертв*. Вонг заставил его сделать все анализы. Доктор Льюис – бродячий труп.

– Нужно проверить в центральной картотеке.

– Проверить что?

Саманта уже набирала номер:

– Смотрите-ка, похоже, заработал. Проверить, действительно ли Льюис – это Льюис.

– Сэм, речь идет вовсе не об этом, – возразил Хейс, но она жестом просила его подождать: на другом конце провода уже сняли трубку.

Хейс раздраженно вздохнул. Сэм задавала вопросы – сухо и четко. Уилкокс молча и неспешно пил кофе. Бойлз машинально перелистывал странички своего отчета по делу о стычке между семействами Нельсонов и Райзов, происшедшей из-за изгороди, разделявшей их владения, – то было в иной вселенной, вселенной мирных газонокосилок и чистеньких Томов Коллинзов. Саманта повесила трубку.

– Обещали перезвонить. Болдуин сейчас на совещании. Френк ему все передаст.

– Сэм! Дело не в том, Льюис он или нет, а в том, что, кем бы он ни был, он – *труп*, и этот *труп* способен ходить и разговаривать!

Повисла тишина. Уилкокс допил кофе, выбросил пластиковый стаканчик в предназначенную специально для этой цели корзину, застегнул рубашку и, склонившись к Хейсу, проговорил, тщательно произнося каждое слово:

– Если я вас правильно понял, доктор Льюис – живой труп? Вы это имели в виду?

– Доктор Льюис – живой труп, и сейчас он разлагается, сидя за своим письменным столом, – именно это я и имел в виду.

– Просто с возрастом я стал хуже слышать, – заметил Уилкокс, поднимаясь с места.

Он надел свою старую ковбойскую шляпу и продолжил:

– Думаю, пора мне пойти перекусить. Кто-нибудь из вас чего-нибудь хочет?

Возмущенный Хейс замотал было головой, уверенный в том, что ему кусок в горло не полезет, но тут же осознал, что в животе уже урчит от голода, и попросил принести сэндвич – пастроми⁷ с помидорами. Саманта – хотя в столь тяжелой ситуации кому-то это и могло бы показаться неприличным – тоже призналась, что умирает с голоду, и, как и Бойлз, попросила сэндвич с ветчиной и цыпленком. *По крайней мере, пока речь шла о сэндвичах, можно было не говорить о Льюисе. И обо всем остальном.*

— Я зайду домой, мне там нужно взять кое-что, – заявил Биг Т. и тоже вышел.

Бойлз, сославшись на необходимость подышать свежим воздухом, последовал за ним.

По поводу рассказанного Марвином никто не сказал ни слова.

Саманта посмотрела Хейсу прямо в глаза:

– Твое мнение?

– Мы имеем дело с чем-то, что выше нашего разумения, Сэм. Ты прекрасно знаешь, что я отнюдь не помешан на потустороннем мире, но...

– Марвин! Только не говори мне о том, будто ты веришь, что тут во всех Дьявол вселился, или что-нибудь вроде того!

⁷ Копченая говядина.

Должно же быть какое-то РАЗУМНОЕ объяснение.

– Сэм, то, что случилось с Льюисом, я видел собственными глазами, и...

Зазвонил телефон.

– Агент Вестертон, кодовый номер 2. 1. 3/25. Да, спасибо. Давай, записываю. Ты смог переговорить с Болдуином? Хорошо, спасибо.

Она долго что-то записывала, потом повесила трубку.

– Ну вот: Льюис Майкл Теодор, родился тринадцатого марта тысяча девятьсот сорок девятого года в Бостоне, умер четвертого апреля тысяча девятьсот восемьдесят третьего года вместе с женой Сандрой. Автокатастрофа. Потеряли управление и рухнули с отвесной скалы в море. Возвращались с вечеринки, где порядком подвыпили. Обгоревшее тело жены обнаружено в машине. Его тела так и не нашли. Решили, что унесло в океан. Стало быть, никаких материальных доказательств его гибели нет. Нужно перезвонить этому Вонгу.

– Сэм, я видел, как этого типа дерьмом рвало, а он смеялся. Видел, как из него вся кровь вытекла. А ты видела, как Мидли отвинтил себе голову. И как старина Уэйтс летал по небу. Не надо мне говорить, что тут мы имеем дело с каким-то наркотическим газом или радиоактивными осадками!

– Но это единственное приемлемое объяснение.

– Черт возьми, да до каких же пор ты будешь закрывать

глаза на правду!

Резким движением он снял телефонную трубку; послышался голос телефонистки.

– Алло... Да, пожалуйста, соедините меня с доктором Вонгом в Альбукерке. Нет, я подожду... Спасибо.

Секретарша мгновенно соединила его с Вонгом.

– Ах, инспектор, я тщетно пытаюсь дозвониться до вас, что случилось?

Хейс молча протянул трубку Сэм.

Рут Миралес распахнула окна. Какой прекрасный день! Напевая, она вытерла пыль с коллекции тихоокеанских кораллов, потом решила вымыть окна в гостиной. Летом на них так быстро скапливается пыль! Она расставила стремянку и уже начала распылять специальную жидкость для мытья окон, как вдруг увидела женщину с мальчиком. Они стояли возле калитки в лучах утреннего солнца. Лицо женщины наполовину было скрыто длинными черными волосами, мальчик был одет в черный костюм.

Рут покачала головой: ну зачем так тепло одевать ребенка в разгаре лета! Разве что в церковь собрались? На свадьбу или крестины... Она вновь увидела себя невестой на пороге церкви и улыбнулась своим воспоминаниям. Станным, бесцветным голосом женщина сказала:

– Здравствуйте, миссис Миралес.

Ни дать ни взять – школьница на уроке.

– Простите, солнце бьет мне прямо в глаза, что-то я вас никак не припомню, – любезно отозвалась Рут.

– Мы с вами соседи, – сказала женщина, а мальчик как-то противно хихикнул.

Рут замерла в недоумении. Соседи? Ее единственными соседями были Фишеры, а они уехали куда-то на Север ловить рыбу – они каждый год туда ездят. Опасаясь, что имеет дело с жуликами, она спустилась со стремянки и закрыла окно. Мальчик распахнул белую калитку и по хорошо подстриженной лужайке подошел ближе. Рут направилась к телефону. Определенно – мальчик расстегнул ширинку и занялся онанизмом. Открыв рот от изумления, Рут в шоке уставилась на него. Мальчик яростно работал рукой, глаза у него горели как головешки.

– Господи помилуй, – прошептала Рут, – в такой хороший летний день...

Женщина запустила руку в волосы и, похоже, принялась скрести голову. Извлекла оттуда что-то, с интересом рассмотрела, потом положила в рот.

Мальчик выдавил сперму на лужайку и исчез, крикнув ей: – Привет тебе от Герберта, шлюха старая!

Голос его она слышала так четко, словно он стоял совсем рядом, а ведь она закрыла окна. Женщина взяла мальчика за руку, и они спокойно удалились. Рут осознала, что стоит разинув рот, и закрыла его. Да, мир, мягко выражаясь, лучше не становится! Мальчишке и двенадцати еще нет! А мать –

женщина настолько лишенная достоинства, что... *Нет, вот только этого мне и не хватало!* Скрипя, как несмазанная телега, по окну полз жирный черный таракан. Сквозь стекло видно было его мерзкое полосатое брюхо. Хотя Рут всю жизнь прожила в деревне, к насекомым она питала непреодолимое отвращение. Готовясь нанести контрудар, она отложила тряпку в сторону. Таракан поскользнулся на гладкой поверхности и свалился вниз. *Уфф. Ладно, самое время сейчас приготовить хорошего холодного чая с мятой. Да, именно это нужно сделать, чтобы успокоить свое старое больное сердце. Хороший охлажденный мятный чай – и все опять будет в порядке.*

Она повернулась, открывая дверь в кухню, и почувствовала, как ее старое сердце просто оборвалось.

Они ползали там тысячами. По стенам, по полу, по дверям. Миллиардами. Да так плотно, что не видно было ни стен, ни черно-белого кафеля. *Невероятно.* Волнистая подрагивающая черная масса. Сотни тысяч лапок, челюстей, блестящих панцирей, торчащих усиков. Рут отшатнулась. *Их не может быть так много.* Они покрывали собой все, вплоть до входной двери, причем не переваливая через край.

Рут отступила вглубь комнаты. Они копошились все там же. Они ждали ее. Да – поджидали, когда она войдет в кухню, чтобы наброситься, покрыть ее своими отвратительными поцелуями, забегать по коже, по шее, забраться в рот... *Если бы Герберт был рядом! Он бы... а и правда: что бы он сделал?*

Она представила себе Герберта: он бы велел ей попросту выскочить через застекленную дверь и позвать кого-нибудь на помощь. *Почему в комнате так темно?* Она медленно попятилась, рукой нащупала за спиной дверь. Потом обернулась, намереваясь распахнуть ее. Стекол на двери больше не было видно. Тысячи черных глазок-бусинок жадно смотрели на нее, мерзкие брюшка подрагивали. *Так вот почему. Они закрыли собой солнце.* Путь к отступлению был отрезан. И разумеется, через пару минут они рванутся вперед, захватят гостиную, начнут ползать по обитому бежевой кожей чиппендейлу, влезут в телевизор, покроют собой весь ковер, и их поток волной обрушится на саму Рут! Она невольно поднесла руки к горлу, как бы защищаясь. Это конец. Старое сердце билось неровно, по старой коже побежали мурашки.

– Не хочу я так умереть, Боже Милосердный, ну пожалуйста, не хочу я умереть, задавленная тоннами тараканов!

Швабра. Герберт взял бы швабру и потихонечку, осторожно открыл бы ею дверь. Нет, это слишком рискованно. Если они бросятся вперед всей толпой... Она почувствовала, что щеки стали мокрыми, и поняла, что плачет. *Черт возьми, Рут, стоит ли плакать из-за каких-то мерзких тварей! Выбегай отсюда скорее – чего ты их боишься? Это всего лишь насекомые, и они совершенно неопасны. Не съедят же они тебя!*

— Но их тут миллионы! – к собственному изумлению, во весь голос закричала она.

Стены прихожей дрогнули – их словно толкнуло вперед, к гостиной. Рут поспешно прикрыла себе рот рукой, чтобы больше не кричать. Они замерли. Черные лапки уже нервно теребили дверной косяк. В нетерпении. Рут вновь увидела Герберта. Герберт со шваброй – он изо всех сил ударяет по застекленной двери, створки распахиваются, и он выпрыгивает в сад. *Да, но Герберту при этом сорок, ну пусть пятьдесят, пусть даже шестьдесят лет. Но не семьдесят восемь. И он не страдает артрозом бедра. Но в конце-то концов, старушка, чем же ты рискуешь? Сломать себе что-нибудь? Так тебя в два счета починят, в наше время все что угодно починить могут, даже такую старую развалину. Боишься, что не успеешь выпрыгнуть достаточно быстро? Но послушай: прыгать даже вовсе не обязательно, достаточно просто выбежать. Бежать-то ты еще можешь или нет? Нет. Ну попробайся. Нет. Но не будут же они вечно так и сидеть на стене. Им нужна ты. Нет. Да. И молчок!*

Рут потянулась за прислоненной к стене метлой. Раздался какой-то глухой гул. Они жутко закопошились на стекле у нее за спиной. Внезапно она почувствовала запах. Невыносимый запах протухшего мяса. Гул усилился, перешел в такой пронзительный звук, что показалось – вот-вот стекла лопнут. Дрожащими пальцами она осторожно – миллиметр за миллиметром – повернула металлическую ручку двери, чуть отступила назад и нацелила швабру на дверной наличник. Резкий удар – и створки распахнулись, открывая про-

ход. Рут Миралес выставила перед собой швабру – словно средневековый рыцарь копьё. Гул, выпускаемый насекомыми, перерос в какой-то дребезжащий смех – смех заржавленного механизма. Затем этот смех стал переходить в какую-то мелодию. Свободной рукой Рут перекрестилась.

Они пели. Миллионы огромных тараканов сгрудились на стенах и полу ее прихожей и *пели*. Узнав мелодию, она содрогнулась от возмущения.

Миллионы тараканов, устроившись на стенах, издевались над ней, распевая национальный гимн!

Внезапно она поняла, что они и в самом деле пришли за ней. Здесь они совсем не случайно, нет, они – посланники Сатаны! Покрепче ухватив швабру, Рут бросилась в атаку. Изо всех сил саданув щеткой по оконному переплету, она увидела, как створки распахнулись и масса тараканов, отчаянно суча лапками, рухнула вниз, в траву. Рут бросилась вперед.

Сзади слышалось какое-то шипение – как если бы кто-то гневно сопел, – но она, не оборачиваясь, не выпуская из рук швабры, бросилась вперед, к распахнутой калитке, не обращая внимания ни на стрекотание миллионов усиков, все еще исполнявших гимн, ни на пробежавших по ногам или попадавшим под тонкие фетровые подошвы тварей (дома она всегда ходила в мягких тапках), задыхаясь, вылетела на улицу и – все еще выставив перед собой швабру – словно марафонец на фи нише, побежала к супермаркету...

На углу улицы Рут совсем обессилела и замедлила шаги. Ее дом превратился в какую-то черную тучу; стены его шевелились от гроздьями висевших на них тараканов. Извиваясь, словно облепившие дом змеиные языки, они скрипели от ярости.

И чего эта безумная старуха в тапочках размахивает шваброй, стоя посреди улицы? Джо Нельсон потянул за поводок, и Синди – его доберман, – икнув от возмущения, замерла на месте. Нельсон подошел к миссис Миралес, таща за собой упиравшуюся Синди:

– Рут? Что с вами?

Она повернулась к нему, скривив рот, и он подумал что у нее приступ.

– Дом...

– А что с домом?

Он перевел взгляд на ее дом и рухнул в обморок, Синди замерла, озадаченно глядя на него. Дом исчез пол кучей насекомых, облепленный блестящими на солнце панцирями; дом шевелился, как нечто живое; дом превратился в какую-то дьявольскую тварь, испускавшую омерзительный запах. Рут посмотрела на лежащего бег сознания чернокожего мужчину – Синди, поскуливая обнюхивала его – и двинулась дальше. Нужно предупредить полицию.

Джереми зашел в аптеку, купил жвачки. Теперь, внимательно вглядываясь во вполне мирную улицу, он возвращался назад, собираясь зайти к Лори. Никаких буйнопомешанных. Висят плакаты – парад начнется в три, – грузовичок с громкоговорителем разносит эту новость по всему городу. Навстречу попалась Дебби Фернандес, очень довольная, в короткой белой юбочке с блестками, украшенной лазурными помпончиками, – она шла репетировать с девочками праздничное шествие. Ну и дура же эта Дебби.

Вечно размалевывает себе лицо и ломается на все лады, отбрасывая назад жирные бесцветные волосы.

На улице было много взрослых – улыбающиеся, чисто одетые, они спешили за покупками, собираясь достойно отметить славный День Независимости; многие несли под мышкой целые упаковки пива. Общественное мнение относилось теперь к убийству Сибиллы на счет некоей шайки накачавшихся наркотиками рокеров, а в смерти Верны винили Дуга Арройо. Слухи расходятся быстро – теперь им аж до Рождества будет о чем языки почесать. А о самом Дуге Арройо, о Томми Уэйтсе, Пите Мидли и Бене Картере никто еще ничего не знал.

Джем внимательно рассматривал каждого прохожего, особое внимание обращая на ноги – прочно ли они стоят на зем-

ле – и на голову – не торчит ли из нее что-нибудь. И вдруг так и замер на месте.

Пожилая дама в домашнем платье в оранжевый горошек и домашних тапочках, выставив перед собой швабру, чуть ли не бегом бежала через дорогу. На голове подпрыгивали розовые бигуди. Она бежала прямо на него, и он поспешно отскочил в сторону. Рут окликнула его:

– Джереми Хокинз! Иди-ка сюда!

Он узнал старую миссис Миралес. Иногда она заходила к Деду купить «какую-нибудь добрую старую вещицу, еще способную послужить». Джем метнул на нее подозрительный взгляд. Штуки с метлами мы уже проходили. Старая дама просто кипела от возбуждения и негодования.

– Нужно предупредить полицию! Беги за шерифом Уилкоксом! Поторопись, мальчик мой, слышишь! Позор, какой позор!

Слово «полиция» несколько успокоило Джема.

– Что случилось?

– Случилось то, что этот город летит к чертям в ад! Посмотри, ты только посмотри, что они сделали с моим домом! Посмотри!

Джем повернул голову в том направлении, куда она ткнула шваброй, и заметил небольшой особнячок – он был совершенно черным.

– Они выкрасили его в черный цвет?

Швабра взметнулась, Джем быстро нащупал рукой нож в

кармане шортов.

– Они захватили его, сантиметр за сантиметром, они его захватили, а теперь празднуют победу – смотри, как они разгуливают по стенам, и знаешь, что они при этом делают? Поют! Издеваются, распевая своими ужасными дьявольскими голосами! И это в праздничный день – какой позор! Беги скорее, малыш!

– Но о ком вы говорите?

– О тараканах! Разве ты не видишь их? Не видишь, как они пожирают дом?

Джем сощурил глаза и почувствовал словно бы легкий толчок в солнечное сплетение. Дом не был *выкрашен* в черный цвет, он был *покрыт* черными копошащимися тварями; создавалось такое впечатление, будто изнутри его колышет легкий ветерок, заставляя стены шевелиться. Тут уже нет смысла бежать за инсектицидной бомбой. Тут разве что настоящая бомба сгодится... Он огляделся, размышляя о том, как поступить, потом махнул в сторону капота стоящей рядом машины:

– Присядьте сюда на пару минут, я сбегаяю за фараонами.

– Поторопись! Если они доберутся до меня...

Джем уже не слушал – он бросился бежать. Голос старой дамы прокричал ему вслед:

– И будь осторожен: если встретишь женщину с сынишкой, не открывай им дверь!

Какую дверь? Он же не черепаха, чтобы таскать на спине

свой дом. А если старушка спятила и он побеспокоит Уилкокса зазря? Хуже всего то, что Уилкоккс – вылитый Дед. Он обернулся, взглянул на дом – весь, до самого основания, он ходил ходуном, будто плясал. Нет, она совсем не спятила. Джем пустился быстрее.

На пустынной стоянке возле городской библиотеки он заметил грузовик. Мотор выключен, из-за опущенного брезента не видно, что там внутри. Джем пулей несся вперед, искоса разглядывая машину. Это, конечно же, обещанное подкрепление – солдаты приехали из-за проклятого отравляющего газа! Но сами-то они где? Тут он обо что-то споткнулся и упал. Вскочил – коленки ободраны – и со злостью глянул вниз – посмотреть, обо что же споткнулся. На земле лежала винтовка и вцепившаяся в нее рука. Большая белая рука с квадратными ногтями и обручальным кольцом на среднем пальце. Поросшая рыжими волосами. На запястье висел огрызок рукава военной формы.

Джереми остолбенело уставился на руку. Он даже не испытывал отвращения. Прекрасно видел, что это – настоящая человеческая рука, но никак не мог ощутить, казалось бы, неизбежного в таких случаях ужаса. «Шоковое состояние», – констатировал он, неотрывно глядя на руку. Рука солдата. Он поднял глаза на грузовик. Сзади брезент приподняло ветром. Он сощурил глаза. Брезент снова приподнялся, оттуда высунулась какая-то рука – на сей раз вполне живая – и по-манила его. Женская рука. Мелькнули длинные черные во-

лосы и палец, который манил его. Ведьма – это о ней предупредила его миссис Миралес! Он повернулся, собираясь убежать.

– Привет, Джереми.

На него, ухмыляясь, смотрел Пол Мартин – губы вымазаны свежей кровью, темный костюм порван, белая рубашка уляпана красными, розовыми, коричневыми пятнами. На шее болтаются связанные между собой шнурками ботинки. Из них торчат куски посиневших лодыжек.

Этого не может быть. Пол мертв. Джереми сжал в руке нож.

– Я прекрасно знаю, что ты – галлюцинация! Пошел вон!

– Ты все такой же дурак, Джем; если я – галлюцинация, то почему ты меня боишься?

У Джереми возникло ощущение, будто его собственный мозг замигал, словно пораженный вирусом компьютер. «Галлюцинация» смотрела на него злыми красными глазками, от «галлюцинации» разило какой-то гниющей гадостью. Он твердил себе, что Пол Мартин не может быть реальностью, – он ведь умер, и его закопали в землю, а значит, перед ним сейчас нет ничего, кроме его собственного страха, – совсем как в серии книжонок «Героическая фантастика». Или эти атомные штучки перевернули весь жизненный процесс?

Пол Мартин выплюнул застрявший меж желтых зубов кусочек мяса. Ногти у него были черные, запачканные землей. Кожа на лице имела мерзкий оттенок перезревшего банана.

– Вот увидишь: на кладбище жить просто классно. Тебе понравится быть мертвым, – тонким девчоночьим голоском объявил он.

– На кладбищах не живут, – возразил Джем весьма нерешительно, ибо сознавал, что несет невесть что.

– Как это не живут? А мы, по-твоему, кто? Крысиное дерьмо, что ли? Огорчаешь ты меня, Джем, ох как огорчаешь. Мы, обитатели кладбищ, не слишком любим, когда нас огорчают. Мы, знаешь ли, очень чувствительны.

Он засунул палец в нос, извлек оттуда жирного белого червя и раздавил его большим и указательным пальцами.

– Не представляешь, до чего эти твари достали...

– Ты – видение, паршивое видение, и стал еще паршивее, чем был при жизни!

Но вообще-то ты не так уж похож на видение. Пол рассмеялся – странным перекатистым смехом.

– Из твоей смерти мы сделаем настоящий бум; зажжем все блуждающие огоньки, блуждающие огоньки у нас вместо прожекторов; во всех склепах будут танцевать – как в Париже в Сен-Жермен-де-Пре! Мы вообще любим танцевать. Компанейские традиции храним свято... Знаешь что, дурень, сейчас я тебя поимею! – заявил он вдруг, улыбнувшись во весь рот, так что стали видны обнаженные кости десен.

Какие острые у него зубы! И еще этот тонкий длинный красный язык, которым он облизывает лицо... Галлюцина-

ция или нет, но Джем вытащил нож и, запинаясь, проговорил, самым плачевным образом пытаясь изобразить из себя какого-то главаря банды:

– Мотай отсюда, а то порежу!

– Ну это уж слишком, Джем, это уж слишком!

Пол смеялся, но его красные, неподвижные, похожие на кончики зажженных сигарет глаза совсем не смеялись и пристально смотрели на Джема.

Слева раздался какой-то шум. Краем глаза Джем увидел, что под грузовиком ползет женщина с черными волосами. Ее розовое с белым летнее платье было грязным и почти утратило свой цвет. *Я сейчас умру.* Он резко отскочил в сторону. Пол яростно взвизгнул, выбросил вперед руку, и длинные обнаженные кости пальцев царапнули плечо Джема. Джем почувствовал, как разорвалась кожа и брызнула кровь. Разве галлюцинации царапаются?

– Давай, Пол, давай, – взывала женщина и принялась швыряться кусками человеческих тел; потом схватила попавшееся под руку мускулистое бедро и устроилась на корточках под грузовиком, занявшись своей добычей.

Я не могу умереть, потому что Пола на самом деле нет. Я не могу умереть. Вместо того чтобы попытаться убежать, Джем отскочил в сторону и, схватив болтавшиеся на шее Пола ботинки, изо всех сил их стянул, пытаясь его придушить, одновременно молотя противника коленом в живот. Пол отрыгнул – куча червей пополам со слизью полетела прямо в

лицо Джему.

По идее Джем, наверное, должен был потерять сознание. Но вместо этого, не выпуская из рук «галлюцинации», он лишь помотал головой, стряхивая с себя налипшую дрянь, и продолжал тянуть за ботинки; он видел, как шнурки вонзились в шею Пола, похожую на плоть мертвого цыпленка, – желтая кожа внезапно лопнула, а из дыры валом повалили вонючие тараканы. *Тараканы! Так, значит, они вылезают из мертвецов!* Отрезанная голова Пола покатила по бетонному покрытию стоянки – рот был разинут в яростном вое. Услышав вой, женщина перестала грызть бедро и подняла голову; потом бросила свою добычу и кинулась к детям. Джем со всех ног бросился прочь.

За спиной Пол Мартин, изрыгая проклятия, в ярости гонял по бетону собственную голову.

– Ох, поймею я тебя, Джем, ох поймею, затолкаю еще тебе что-нибудь в твою хорошенькую глотку, подпевала ты этакий; все вы скоро подохнете, слышишь! Все!

Джем бежал по улицам, а в ушах все еще звенел невероятно пронзительный голос Пола. Локти – к корпусу, колени – выше, раз-два, раз-два – Джем несся со скоростью Толстого Котенка, которому привязали к хвосту динамит. И едва не растянулся, со всего размаху налетев на Чеву Алонсо, – тот шел со своим неразлучным приятелем Б. 2.

– Слеп ты, засранец, что ли? – зарычал Чеву, отпустив ему затрещину.

– Не ходите туда, ребята! – задыхаясь, крикнул Джем.

– А с чего это вдруг, а, засранец? Мы с Б. 2 как раз туда и собирались...

– Там мертвецы бродят, – в отчаянии проговорил Джем.

– Как же, идиот, так мы тебе и поверили! Сейчас мы тебя издеваться-то над нами научим; Б. 2, держи его.

– Нет! – взвыл Джем, изо всех сил двинул Б. 2 ногой в пах и сломя голову бросился бежать.

– Ну, идиотина, мы тебя еще за это прибьем! – заорал Чевви, поддерживая Б. 2, – тот, согнувшись пополам, ревел, как младенец.

Да уж, конечно. Черт, я стал уже настоящим убийцей. Брюсом Ли Джексономвилля; ну, берегитесь, ребята, я вас предупредил; вот черт – когда они нарвутся на Пола... Быстрее спринтера он вылетел на главную улицу; в легких будто огонь горел. Господи! Миссис Миралес! Одна посреди улицы, и защитит никому. Джем взлетел по ступенькам, ведущим в полицейский участок, даже не постучав, толкнул плечом дверь и, бледный как смерть, задыхаясь, ввалился внутрь.

Восемь пар глаз вопросительно уставились на него в полной тишине. Схватившись за бок, он попытался отдышаться. Никогда в жизни ему не приходилось бегать с такой скоростью... Шериф Уилкокс сидел за письменным столом; перед ним лежал недоеденный сэндвич. Женщина-фараон и черный гигант с озадаченным видом стояли по обеим сторонам стола. Еще в конторе был Стивен Бойлз – сидел за пишу-

щей машинкой и смотрел на него своими черными очками – ну вылитый садист. И тощий мускулистый тип, затянутый в форму коммандос, – тот стоял спиной.

– Ну, Джереми, что случилось? – с видом Всевышнего – но очень усталого и нетерпеливого Всевышнего – спросил Герби Уилкоккс, взглянув при этом в окно, куда-то во двор.

– Я по поводу миссис Миралес и еще... Пола Мартина.

– То есть?

Джем забормотал с бешеной скоростью, прекрасно понимая, что выглядит сумасшедшим. Когда он закончил, повисла тишина – просто невероятная. Потом Уилкоккс повернулся к военному:

– Вот с такого рода проблемами нам приходится иметь дело, капитан. Нужно, чтобы вы попытались навести здесь хоть относительный порядок. Если пронюхает пресса, то получится сумасшедший дом похлеще Перл-Харбора.

– С прессой проблем не будет. Я приказал закрыть город санитарным кордоном. Теперь ни въехать, ни выехать никто не сможет. Государственный секрет, операция оборонного характера. Мы разобьем территорию на квадраты и быстро выясним, что тут происходит. Или выявим то, что за этим кроется. А пока, как вы понимаете, – полный карантин.

Саманта удивленно спросила:

– В бюро полагают, что мы можем заразиться?

– Не знаю, мисс. Я всего лишь выполняю приказ. Санитарный кордон, комендантский час, законы военного време-

ни – пока не восстановится общественный порядок. Джек-сонвилль объявлен зоной ограниченного передвижения. Если позволите, я пойду – мне надо проинструктировать подчиненных.

– А как же миссис Миралес? – не удержался Джем.

Капитан взглянул на него холодными черными глазами:

– Не беспокойся, мы сделаем все необходимое, если отыщем ее.

– Капитан Строберри прислан нам в подкрепление, – пояснил Уилкокс; очевидная попытка придать голосу побольше энтузиазма успехом явно не увенчалась.

Джем, запинаясь, пробормотал:

– Но ведь вы же не поняли: грузовик, солдаты, они...

Капитан Строберри потрепал его по голове жесткой, словно железка, рукой:

– Любишь пофантазировать, а?

Он пошлепал по рации на поясе:

– Я постоянно поддерживаю связь с сержантом Уилкинсоном. Если бы что-то случилось, я бы уже об этом знал. Через час – собрание в штабе. До встречи, дамы и господа!

Он галантно откланялся и повернулся к Джемму. Орлиный нос, черные волосы, тонкие усики и стройная прямая фигура придавали ему сходство с тореадором. Джем смешался. Капитан Строберри стоял спиной ко всем, и лишь Джемму было видно его лицо. Капитан сделал следующее: подмигнул правым глазом, вытряхнул из носа пару белых червей и подхва-

тил их кончиком языка. А потом проглотил, с удовлетворением прищелкнув языком. Изумленный Джем, не веря своим глазам, ткнул в сторону капитана пальцем, но не смог выдать из себя ни звука.

А капитан был уже на улице – оттуда доносился звук его шагов по раскаленному асфальту. Уилкоккс, взлохматив свою тронутую сединой шевелюру, вздохнул:

– Ну и сухарь этот Строберри.

Он тоскливо взглянул на настенный календарь, где обнаженная девушка любовно оглаживала японский садово-огородный трактор.

– И подумать только, всего лишь пару дней назад всего и забот было, что решить, где же все-таки выпить пива: у Сэмми или у Мосса... «Заражение». «Закрывать карантином». Не знаю, как вам, но мне все это здорово напоминает какую-то сценку из кино – что-нибудь на предмет «радиоактивного заражения».

Джем изо всех сил старался успокоиться и быстро все обдумать. Судя по всему, капитан Строберри заодно с этой шайкой трупов. Но как убедить в этом остальных?

Саманта опять пыталась набрать какой-то номер. Нетерпеливо стучала пальцами по кнопкам.

– Опять ничего не слышно. Не понимаю, что случилось, – Болдуин мог бы и перезвонить. Черт возьми, у вас тут даже информационной системы нет!

– Знаете, здесь ведь самая задница Америки. Оплот циви-

лизации посреди пустыни. В окружении индейских резерваций, одурманенных Санта ТВ. А вопрос об информационной системе включен в повестку дня следующего муниципально-го собрания.

– Кстати, может, имеет смысл созвать его сейчас, это муниципальное собрание? – спросил Хейс.

– А чем оно сможет помочь? Поставит на голосование закон о введении запрета на сумасшествие? У меня и так уже Андерсон в печенках сидит – этого за глаза и за уши достаточно. Вы отдаете себе отчет в том, что все это началось каких-то четыре дня назад?

– Успокойтесь, Великий Вождь, если и дальше будете так нервничать, вас кондрашка хватит, – язвительно бросила Саманта.

Покраснев как рак, Уилкоккс развернулся к ней, потом коротко сказал:

– Будь я на двадцать лет помоложе!..

– И не мечтайте, товарищ шериф, что вам удастся разве-сти здесь дискриминацию женщин! – парировала Саманта.

Вдруг она, похоже, вспомнила о существовании Джема – он стоял неестественно тихо, с расширенными от ужаса зрач-ками.

– Капитан Строберри позаботится о миссис Миралес. Знаешь, а я ведь с ней знакома – очень милая старая дама.

– Она не сумасшедшая...

– А я и не говорю, что она...

– Да уж – капитан о ней позаботится, все солдаты погибли, а вы не понимаете, что он со всеми этими заодно!

Все два метра Хейса разом повернулись к нему.

– То есть?

– Капитан тоже из этих! Убьет он ее, вот и все!

– Ну-ка успокойся, Джем, – вмешался Уилкоккс, – мы все тут устали. Возвращайся и сиди дома, о'кей? А мы всем этим займемся.

– Вчера вы то же самое говорили! А Пол Мартин вылез из могилы! И тараканы чуть не убили миссис Миралес. А я не хочу, чтобы меня съели! Вы что, не видите, что вокруг полно зомби?

Джем как с цепи сорвался. Все накопившееся за три дня напряжение внезапно вылилось в безудержный словесный взрыв. Он чувствовал, что вот-вот заплачет, и изо всех сил старался сдержать слезы.

Саманта встала, подошла к нему, но он гневно шарахнулся от нее.

– Слушай, малыш, ты должен нам доверять, – примирительно сказал Хейс. – Ни о каких зомби и речи нет. Понимаешь, это все – галлюцинации. Скоро приедут военные специалисты. Район очистят, и все опять будет нормально.

– Да что вы понимаете? Где они, ваши военные? Где специалисты?

– Джереми! Прекрати сейчас же!

В голосе Уилкоккса ясно слышался гнев.

– Нам и без тебя тут неприятностей хватает. Ступай домой. Пожалуйста. Мы делаем все, что можем, понимаешь? Все, что можем, а большего здесь и не сделаешь.

Джем взгляделся в окружавшие его осунувшиеся, усталые, напряженные лица и понял, что они из последних сил стараются держаться. Последний оплот на пути страшного безумия, которое вот-вот захлестнет Джексонвилль. И оплот не слишком крепкий. Крошечный колеблющийся огонек среди нарастающей тьмы. Но они ошибаются. Даже если зомби на самом деле и не существует, их тем не менее в городе полно.

Джем молча вышел, оставив их тешить себя иллюзиями. Жар со всех сторон охватил его, словно он попал в сауну. Ни ветерка. На клумбах засыхают цветы. Кондиционеры работают на полную мощность, из них на тротуар падают капельки воды. Прохожих мало – час обеда, по всему городу разносится запах жареного мяса. Как следует поджаренные отбивные, веселое праздничное шествие, а потом – добрая пьянка – так представляет себе сегодняшний день подавляющее большинство жителей Джексонвилля. О случившихся убийствах сейчас и вовсе забыли или, по крайней мере, отложили все это до понедельника.

Джем смотрел, как через дорогу неспешно переходят мистер и миссис Херрера: Хосе Херрера все еще сильной рукой поддерживал жену; длинные седые волосы миссис Херрера, как всегда, стянуты в узел на затылке; оба вежливо раскланиваются с Тони Ллойдом – тот сидит за рулем своего «уни-

версала», набитого светловолосой ребятней. Машина удаляется, вместе с ней – грохочущие ритмы рэпа.

Джереми попытался совместить свое восприятие мирного, улыбающегося, залитого солнцем Джексонвилля с образами Томми Уэйтса, миссис Миралес, Пола Мартина и всем прочим, но одно с другим никак не сочеталось. Он потер виски, с силой надавил на глаза, до крови укусил себя за большой палец. Ничего тут не поделаешь. У него было такое ощущение, будто мерзкий запах Пола Мартина вьелся в кожу и отравляет все вокруг. В плече пульсировала острая боль, и он чуть не свернул себе шею, пытаясь разглядеть рану. По футболке расплылось темное пятно, но кровь, похоже, больше не шла. Тем не менее мысль о том, что когти Пола – *ну и чудеса – когти Пола* – вонзились в его тело, наполняла его отвращением. Не мешало бы продезинфицировать рану. Джем стянул с себя футболку – она была омерзительно грязной – и, невзирая на боль, сильно сдавил края раны – оттуда снова пошла кровь; он направился к украшенному языческим божком фонтану в центре площади и принялся старательно промывать рану.

– Ты поранился, Джереми?

О черт. Мистер Джонс в своем бесподобном тренировочном костюме из полиамида ярко-фиолетового цвета.

– Да нет, ерунда.

– Но ведь кровь идет сильно. Надо это обработать каким-нибудь антисептиком, ты ведь знаешь, что это опасно:

раны необходимо дезинфицировать.

– Да, мистер Джонс. – *Спокойнее, Джем, спокойнее.* – Я сейчас пойду домой и смажу ее меркурохромом.

– Подожди, у меня с собой есть как раз то, что нужно.

Ох нет, катился бы ты отсюда!

Мистер Джонс порылся в маленькой сумочке на поясе и вытащил оттуда антисептик и бинт.

– Я всегда ношу с собой все, что необходимо для оказания первой помощи, никогда не знаешь, что может случиться...

Джем терпеливо ждал, пока его перевяжут, – пальцы мистера Джонса двигались слишком уж нежно и мягко... *Ну что ж, хоть какая-то от тебя польза, жалкий старикан...*

— Ну вот, готово.

– Большое спасибо, мистер Джонс, до свидания, мистер Джонс.

Шел бы ты к черту, мистер Джонс.

— Джем! Эта гадкая футболка – твоя?

Голос Джонса сорвался на петушиный крик.

Я сейчас убью его, еще одна минута – и просто убью... ладно, сматываюсь.

— Ничего страшного, мистер Джонс, ее просто один мертвец заблевал... – невинно объяснил Джем и со всех ног бросился прочь.

– Джем! Дерзить себе я не позволю, слышишь!

Но Джем был уже далеко. *Весьма сожалею, мистер Джонс, но, поскольку все эти зомби решили прогуляться,*

мне и в самом деле некогда вести с вами беседы, понимаете? На ходу натягивая чертову футболку – она и вправду совсем загвазданная, — он бежал к тому месту, где должна была его ждать Рут Миралес. Нужно предупредить ее, чтобы спряталась куда-нибудь. С ребятами Рут всегда была в хороших отношениях – не то что те тетеньки, что поднимают жуткий визг из-за закатившегося на их лужайку мяча. Этот болван Джонс отнял у него массу времени. На бегу Джем искоса оглядывал каждого прохожего, ожидая самого худшего. Но в настоящий момент Джексонвилль был совершенно нормальным городом.

Рут на месте не оказалось. Джем подошел к старенькому «бьюику», возле которого оставил ее, и огляделся. Ушла. Он вздохнул. Лишь бы только не к себе домой! Отчаявшись, он уже собирался уйти, как вдруг увидел, что на пыльном ветровом стекле что-то написано. Неужели она оставила ему записку? Он встал на цыпочки и прочитал: «Они повсюду. Спасайся». Джем огляделся еще раз. Откуда ему знать: вдруг это вовсе и не Рут написала?

Внезапно ему в голову пришла жуткая мысль, от которой желудок перевернулся: а что, если она лежит внутри, на сиденье – со вспоротым животом, разорванная на кусочки. Он закрыл глаза и прислонился лбом к стеклу, готовясь к худшему. Сосчитал до трех и открыл глаза. В машине было пусто. Должно быть, Рут куда-то убежала и спряталась. Если, конечно, есть еще в этом городе место, где можно спрятаться.

Какое-то мгновение он раздумывал, потом рысцой пустился к дому Лори. Этой доброй надежной рожи ему сейчас очень не хватало.

Когда Рут, обернувшись, увидела, что, безупречным движением козырнув, ее приветствуют двое солдат с пустыми, полными тараканов глазницами, она поняла, что город уже целиком во власти Дьявола. Она поспешно написала записку Джему и, не выпуская швабры из рук, кинулась бежать – насколько позволяли старые ноги.

Навстречу то и дело попадались знакомые – завидев ее, они сторонились. Она бежала мимо, не отвечая на их вопросы и даже не пытаясь разглядеть, нормальные они или уже одержимы Дьяволом. Добежала до церкви – старой католической церкви, где в свое время венчалась, – со шваброй в руке быстро поднялась по истертым ступенькам и лишь в центральном нефе, перед слабо освещенным алтарем, замедлила шаги. Сквозь старинный испанский витраж струился голубоватый умиротворяющий свет.

Рут буквально рухнула на некрашеную деревянную скамью и стала ждать, когда наконец успокоится ее старое сердце. В церкви было так тихо. Так спокойно. Из скрытого динамика лилась негромкая божественная мелодия. Рут и не заметила, как глаза у нее закрылись и она уснула, чувствуя себя под надежной охраной огромного распятия над алтарем.

Джем уже подходил к дому Лори, как вдруг жирный бежевый голубь, насмешливо что-то проворковав, взлетел и ляпнул ему на голову добрую порцию дерьма. Джем кое-как вытерся, проклиная всех голубей на свете, – эти летающие крысы вполне заслуживают того, чтобы завершить свой жизненный путь рубленным бифштексом посреди шоссе.

Из дома Лори не доносилось ни звука. Почему-то вдруг дом показался Джемму куда больше, выше и уже, чем обычно. Он как будто склонился над ним. Констатировав про себя, что становится уже законченным идиотом, Джем позвонил. Дверь почти тотчас отворилась. На него молча и пристально смотрел мистер Робсон. У Джема по всему телу пробежала ледяная дрожь. Может, мистер Робсон тоже... Он заставил себя взглянуть в черные глаза Робсона. Они были совсем не злыми, нет; они выглядели скорее... потерянными. Но это еще ничего не значит. Джем был уверен в том, что здесь что-то не так.

– Заходи, Джем, заходи, мальчик мой, – каким-то механическим голосом проговорил Тоби Робсон.

В лицо ударил запах помойного ведра, и Джем подумал о том, что миссис Робсон, должно быть, и в самом деле пьяница, раз даже и уборкой не занимается. Пьяница или... Джем почувствовал, что обливается холодным потом. Проходя мимо мистера Робсона, он подумал о том, что ни в коем случае нельзя подавать виду, что что-то подозреваешь. Сначала нужно вытащить отсюда Лори. Немедленно. А там видно

будет.

Без всякой видимой причины мистер Робсон огляделся и сказал:

– Ладно тебе, иди.

Он уже не улыбался и выглядел очень усталым, грустным и измученным. Но Джем, даже не взглянув на него, прыгая через две ступеньки, взлетел наверх и ввалился к Лори.

– Привет, Джем, у нас тут с Джимми разговорчик получается просто фантастический!

– Там погода обалденная, прогуляться не хочешь? – громко, так, чтобы слышал весь дом, спросил Джереми.

Лори изумленно уставился на него:

– Сейчас? Слушай, Джимми выдает мне потрясные штуки; представляешь, он хочет, чтобы я сбежал отсюда!

Джем бросился к компьютеру:

– Как это? Покажи!

– Я всего-то хотел позабавиться и решил составить свой гороскоп на сегодняшней день – ввел свои цифровые данные и уравнение, соответствующее положению звезд, ведь Джимми, знаешь ли, умеет мыслить только математически, и вот...

– Лори!

– Ну что ты за торопыга! Вот, смотри.

На экране мигала цепочка цифр. Джем встряхнул Лори:

– Переведи!

Лори нажал какую-то кнопку, и серия цифр превратилась

в мигающие буквы:

Б. Е. Г. С. Т. В. О.

Джем провел рукой по взмокшему лбу:

– Спроси у него почему.

Лори поднял глаза:

– Но, Джем, ты же сам говорил, что он – всего лишь машина; откуда же, по-твоему, ему знать такие вещи...

Джем вцепился рукой в плечо Лори:

– Спроси у него почему; нет, постой – набери Джексонвилль и положение звезд на сегодня.

Лори послушно принялся набирать. Его пальцы быстро бегали по кнопкам. Компьютер пискнул, и на зеленом экране появилась новая серия цифр.

– Черт возьми... – прошептал Лори.

– Что? Что там?

Пальцы Джема изо всех сил впились в плечо Лори, а тот опять нажимал на какие-то кнопки; наконец на экране замигало слово:

М. Р. А. К.

– Господи, – прошептал Джем, – Господи, Лори, мне нужно рассказать тебе кое-что... но здесь я не могу говорить.

– Дееети, что вы там дееелаете?

Хриплый, плывущий голос миссис Робсон.

– Мы с Лори собираемся пойти поиграть в бейсбол, миссис... – откликнулся Джем.

М. Р. А. К.

Под тяжелыми шагами ходуном заходила лестница.

– Все в порядке?

Опять голос миссис Робсон. Теперь уже ближе и... как-то иначе звучит.

М. Р. А. К.

Джем уткнулся губами в ухо Лори:

– Лори, слушай меня внимательно: мы сбежим через окно, о'кей – ничего не говори, вставай и иди за мной.

Лори покрутил пальцем у виска. Ненормально тяжелыми шагами Тельма Робсон поднялась еще на пару ступенек; одновременно раздались другие шаги – кто-то спешил за ней по лестнице, затем послышалось нечто очень похожее на звуки ожесточенной схватки. Лори принялся кашлять, а Джем уже сидел верхом на подоконнике и отчаянно жестикулировал. *Что они там делают? Неужели папа с мамой дерутся? Нужно пойти посмотреть.*

— Лори! У нас нет времени! Я все тебе потом объясню! – прошипел с подоконника Джем; одна нога у него уже висела в пространстве.

Лори стоял, безвольно опустив руки, и в нерешительности вертел головой, глядя то на Джема, то в сторону лестницы, откуда доносилось глухое рычание. В последний раз повернув голову к Джему, который знаками показывал, что надо поторапливаться, потом – к двери, за которой творилось Бог знает что, – *неужели они дерутся?* — он наконец принял решение. И крикнул:

– Все в порядке, мам, мы играем с Джимми...

М. Р. А. К.

Скрипнула еще одна ступенька. Послышался глухой голос Тоби Робсона – вполне отчетливо – он говорил: «Нет, Тельма, я запрещаю тебе делать это, ради всех святых!» – а Тельма при этом дико хихикала. Лори схватил Джимми, сунул под мышку и одним прыжком подскочил к окну. Уселся на подоконник и посмотрел вниз – в четырех метрах под ними проходила бетонная дорожка.

– Мы переломаем себе ноги...

– Нужно постараться упасть на крышу машины.

– Это же машина моего отца – ты что, спятил?

– Лори, если кто-то тут и спятил, то уж не я!

Дверь резко распахнулась, обдав их волной зловония, и необыкновенно хриплый, запыхавшийся и *алчущий* женский голос зашептал:

– Кууу-кууу, дееети, а вооот и я...

— Мама?

Лори хотел обернуться, но Джем изо всех сил резко двинул ему в спину, и он с криком полетел вниз. Почувствовал, как проломилась под ногами крыша машины, подскочил и скатился на землю, раздавив Джимми и поранив себе бока. Перед глазами мелькнули исцарапанные ноги Джема. Из комнаты наверху послышался вой. Лори вскочил на ноги:

– Джем, это же мама, с ней что-то случилось!

– Нет! Бежим!

Джем изо всех сил потянул его за руку.

– Постой, а Джимми... – упирался Лори.

Разбитый компьютер покоился на засыпанной гравием площадке, его вывалившиеся внутренности поблескивали в лучах солнца. Распахнулась входная дверь, на пороге возник мистер Робсон – в растерзанной рубашке, с расцарапанными, кровоточащими щеками – и закричал:

– Лори, прости ее, Лори...

Нечто – наполовину скрытое кисейными занавесками – высунулось из окна наверху, и зловонный запах волной покатился во двор. Джем затолкал Лори в машину, нажал кнопку зажигания и надавил на газ, одновременно включая устройство, которое автоматически запирало все дверцы. У него было такое ощущение, будто всю жизнь он только этим и занимался, – словно попал в один из тех фильмов, которых за свои несчастные двенадцать лет существования на земле ему пришлось проглотить многие сотни.

Машина взвыла и рванулась вперед, едва не раздавив бежавшего к ней мистера Робсона. Перед Лори мелькнуло залитое слезами лицо отца – тот ухватился за дверцу. Сцепив зубы, он закрыл глаза. Джем, чуть ли не стоя на педали газа, прибавил скорость. Тоби Робсон отпустил дверцу и упал на колени на засыпанную гравием площадку, схватившись руками за голову. Лори закрыл ладонями лицо. Позади остался загубленный Джимми – он тем не менее продолжал мигать, неустанно вырисовывая на разбитом экране одни и те

же знаки: три точки, три тире, три точки, три тире...

Джему не хватало роста на те, чтобы как следует видеть дорогу через ветровое стекло. Он вел машину слишком быстро, слишком резко поворачивал руль. Снес добрую половину изгороди, опрокинул пару мусорных бачков, раздавил чей-то трехколесный велосипед, на скорости восемьдесят километров в час вылетел на шоссе, резко развернулся перед огромным дизельным грузовиком – тот отчаянно сигналил – и замер в нескольких сантиметрах от кладбищенской стены, уже просто стоя на тормозах. По другую сторону шоссе стояли Дак и Френки и, разинув рты, смотрели на них.

Джем вытолкал Лори наружу:

– Быстро, бежим ко мне!

Бросив машину как есть – поперек обочины, – они пустились бежать, не обращая внимания на Дака, который им что-то кричал.

На веранде никого не было. На дверях висела записка Деда: «Вернусь к семи».

Ни слова не говоря, оба бросились на землю.

Джем толкнул дверь – ее никогда не запирали, – они устремились в его комнату и рухнули там на пол.

– Мы пропали, подохнем, как какие-то ничтожества, так и не познав любви...

– Черт возьми, Лори, время ли сейчас для шуточек?

– Что могу, то и говорю; могу завывать, если тебе это больше понравится, и выть не переставая. Как ты думаешь, Джимми

можно будет починить?

Джем не ответил – встав на четвереньки, он осторожно выглянул в окно. Никого. Никаких зомби не видно. Полное спокойствие.

– Никого нет.

Они немножко приободрились, и Джем осмелел настолько, что дополз до холодильника и приволок оттуда бутылку апельсинового сока.

– Как же я пить-то, оказывается, хотел, старик, – прошептал Лори.

Потом без перехода добавил:

– Фараоны убьют моих родителей?

Джем подавился соком. Ну что он мог ответить? Кто кого убьет – это еще вопрос. Лори свернулся калачиком, закрыв руками лицо, и замолчал.

Внезапно раздался резкий звонок. Оба разом в ужасе вскочили. Потом Джем облегченно вздохнул:

– Это один из приемников...

Что-то затрещало, затем послышался умоляющий голос:

– Я ничего плохого не сделала, ничего плохого, клянусь! Дайте мне еще немножко времени!

– Это мисс Аннабелла с почты, я узнал ее голос, – запинаясь, проговорил Лори.

– И как же, по-твоему, голос мисс Аннабеллы вдруг оказался в приемнике?

– Говорю тебе, это она! Слушай, старик, твой Дед, навер-

ное, вмонтировал туда настоящий пользователь частотных полос, и, наверное, он имеет какое-то отношение ко всему происходящему – может, шпион или что-то вроде того...

– Извини, а ты случайно не прошляпил известие о крушении блока социалистических государств?

– Если учесть то, что мы знаем, то он вполне может работать и на внеземную цивилизацию...

– Ну, приехали; браво, Лори, это что-то новенькое...

– Прошу вас, – сквозь потрескивание приемника прокричал голос, – ведь меня сейчас разорвет...

Раздался странный звук – будто рвали на части ткань, – потом послышалось какое-то бульканье – и все. Радио «Вера» умолкло.

– Слушай, пойдем посмотрим, – шепнул Джем.

Согнувшись пополам, они вышли. Любовно отлакированные старые приемники сверкали. Лори коснулся одного из них и тут же с воплем отдернул руку:

– Черт, горячий!

Джем взял другой и повернул его – внутренности выглядели совершенно обыкновенно для старой, вышедшей из строя штуковины. Он внимательно осмотрел темное нутро приемника, хитро переплетающиеся металлические детальки, кусочки проводов. Протянул было палец, но передумал – духу не хватало поковыряться в этой чертовой машинке. Лори выглядывал у него из-за плеча.

– Обычный старый приемник; нужно заглянуть в другие.

В тот же миг опять послышалось бульканье – именно из того приемника, что держал в руках Джереми. Ребята отшатнулись, будто эта штука могла их укусить. Ручка настройки быстро повернулась, словно по мановению невидимой руки, и сквозь помехи раздался голос:

– Я не нарушила ни одной заповеди, вы должны сделать что-нибудь, я не могу больше показываться на улице и вынуждена прятаться дома... Теперь я все вспомнила, Лен, все...

– Как видишь, обычная для радиолюбителя штука, – шепнул Лори.

– Но там же ничего не работает, – возразил Джереми; он был очень бледен.

– А что это там выгравировано?

Лори указал на маленькую медную пластинку на внутренней стенке приемника.

– Имя изготовителя, что же еще.

– Может, это фирма, которая специализируется на магии...

Джереми пожал плечами. Радио умолкло. Он быстро провел пальцем по пластинке, стирая пыль. Там было всего одно слово, выгравированное явно вручную: «Аннабелла».

И чуть не закричал – так сильно Лори сжал ему предплечье.

– Говорил я тебе, старик! Давай скорее посмотрим в остальных!

Они набросились на старые приемники, поворачивая их один за другим. В некоторых ничего не было. А штук тридцать оказалось с пластинками. На одной из них было выгравировано: «Тельма» – *конечно же, Тельма Робсон*, – Джем поспешно развернулся к Лори, но тот задумчиво поглаживал огромный транзистор с надписью «Льюис». Лори поднял голову:

– Как ты думаешь, Джем: твой Дед сделал порчу на всех этих людей? Что-то вроде тех штук, что устраивают колдуны вуду, а?

Не зная, что сказать в ответ, и думая только о том, как бы увести Лори подальше от приемника по имени Тельма, Джем взял Лори за руку и повел к очень красивому маленькому радио черного дерева и показал, что на нем написано. На пластинке – новенькой и блестящей – позолоченными буквами значилось: «Френки». Лори задумчиво провел пальцем по приемнику:

– Старик, у меня такое впечатление, что мы по уши в дерьме...

– Ничего, кожа у тебя от этого темнее не станет, Пень Горелый... – заявил вдруг какой-то шипящий голос.

– Мэрилу! – заорал Лори, оборачиваясь.

На верхней ступеньке лестницы стояла крольчиха – прижав уши и оскалив зубы, она смотрела на них. Шерсть у нее стояла дыбом, а глаза горели рубиновым огнем.

– Мэрилу? – тихо повторил Джем.

Она саркастически улыбнулась и спросила:

– Знаете сказку про Пасхального Кролика, который решил угостить себя праздничным обедом?

Джем, разинув рот, повернулся к Лори и с большим трудом проговорил:

– Это что – фокус с чревовещанием?

Лори помотал головой:

– Нет, она сама говорит, такое с ней уже случалось.

– Как тебе понравится, если я зафитилю тебе морковку в зад, зайчик мой? – с какой-то похабной гримасой, сощуривая красные глазки, предложила Мэрилу и разразилась громким сальным смехом, что было уже совсем неожиданно, ведь вообще-то она – всего лишь хорошенький белый кролик.

– Изыди во ад! – взвыл Лори и, схватив один из приемников, запустил им в Мэрилу.

Прочный деревянный корпус обрушился на череп крольчихи и проломил его – глаза у нее выскочили из орбит, покапались по щекам и, как на ниточках, повисли на зрительных нервах. Пасть невероятно широко разинулась, и оттуда, извиваясь будто змея, выскочил красный язык. Длинные желтоватые зубы превратились в сверкающие клыки, и мальчишки увидели, как напрягаются белые лапки, явно готовясь к прыжку. Теперь Джем схватил один из приемников и швырнул в то, что прежде было Мэрилу. Раздался лязг металла, треск дерева и ломающихся костей. Затем все стихло. Лишь из-под тяжеленного приемника торчала белая лапка – она

дергалась и чудовищно напоминала при этом Пан-Пана, веселого товарища Бэмби.

– Готова... – не своим голосом сказал Джем.

– А кто это был?

– Ты о ком?

– Приемник, которым ты запустил, это был кто? Какое там стояло имя?

Джем скроил идиотскую морду и сощурил глаза.

По трухлявому полу расплывалось темное пятно крови. Белая лапка перестала дергаться. Джем сделал вид, что вспомнил:

– Аннабелла...

– Нужно туда сходить, Джем, нужно зайти к ней; она, может, умерла!

– Я полагаю, Лори, она давно уже умерла. В городе, я думаю, полно живых трупов, а Дед – их главарь...

– Тем более надо отсюда сматываться. А еще нужно предупредить Дака.

– Тогда поедем на велосипеде – быстрее получится.

Джем оседлал старенький велосипед, Лори примостился сзади, и они поехали – Джем изо всех сил жал на педали. Они и не заметили, что к дому шел Дед; вид у него был озабоченный.

Дом Аннабеллы Уилкис стоял на другом конце города. Древнее суровое жилище, построенное еще дедом старой дамы, – в те времена, когда еще не было автоматической свя-

зи, там размещалась телефонная станция. Все детство, молодость и последующие годы Аннабелла Уилкис провела в Джексонвилле, если не считать короткого пребывания в Вайоминге. В 1974 году, весело отметив свое сорокапятилетие неисправимой старой девы, она вдруг не смогла устоять перед мужскими чарами некоего скотовода и сочеталась с ним законным браком. Спустя полгода она вернулась в Джексонвилль, и никто никогда так и не узнал, что же произошло. Как будто почтенного Чарли Вустера и вовсе не было. Аннабелла Вустер опять жила под девичьей фамилией – Уилкис – и снова работала на своей ненаглядной почте. Но несколько изменилась: совсем перестала улыбаться, словно под маской черствой неуживчивой женщины скрывала какую-то тайную драму.

Взвизгнули несмазанные тормоза – Джем остановил велосипед возле большого дома. На третьем этаже билась распахнутая створка окна. Джем поднял голову: надвигалась гроза, большие черные тучи быстро набегали друг на друга. Лори уже сошел с велосипеда и, стоя на тротуаре, недоверчиво оглядывал дом. Они робко подошли к массивной дубовой двери. Одна из створок была приоткрыта. Лори позвонил. Никакой реакции. Он позвонил еще раз – с тем же успехом. Джем, ткнув его локтем в бок, попытался разрядить атмосферу:

– Граф Дракула ждет нас...

Он тихонько толкнул дверь, ожидая, что она самым чудо-

вищным образом заскрипит, но дверь растворилась совершенно бесшумно. Гостиная Уилкисов оказалась просто забитой самыми разнообразными безделушками – пыль с них была тщательно стерта. Большой – на двенадцать приборов – круглый стол был застелен ручной работы кружевной скатертью, на нем – ваза с огромным букетом белых роз. Со стены сурово взирал портрет мистера Уилкиса, отца Аннабеллы. Лори показал ему язык: будучи сторонником расовой сегрегации, старик всю жизнь во всеуслышание рьяно отстаивал свои убеждения.

Кухня была обставлена в традиционном американском сельском стиле. Джем машинально открыл дверцу холодильника – внутри оказалось пусто, если не считать какого-то блюдечка. Он достал его. На блюде лежал прогорклый кусок масла и три большие синие мухи с подрагивающими крылышками. Блюде выскользнуло из рук и разбилось о черно-белый кафель пола. Лори молча посмотрел на мух, потом раздавил их подошвой кроссовки. Они вышли из кухни, обследовали библиотеку, где самая современная книга оказалась чуть ли не столетней давности, и двинулись вверх по весьма внушительной лестнице. Дойдя до площадки второго этажа, замерли в нерешительности. И тут услышали голоса. Детский – он что-то противно канючил. И мужской – серьезный и властный.

Переглянувшись, они на цыпочках направились к двери, за которой раздавались голоса. Детский голос ныл:

– Не могу больше ждать, я есть хочу!

– Прекрати! Сначала нужно заняться этими документами.

Мы должны попытаться склонить на свои позиции остальных.

– Но, папа, это же деревенщина, они слишком тупы!

Противный тонкий ноющий голосок, бесспорно, принадлежал Полу Мартину. Друзья переглянулись, и Джем рискнул заглянуть в замочную скважину.

Комната, наверное, когда-то была детской. Пол – или призрак Пола – сидит верхом на голубой детской качалке-лошадке с облупившейся краской. Голова у него уже на месте, только чуть набок. Стены комнаты оклеены пожелтевшими выцветшими обоями в розовый цветочек. На этажерках теснятся деревянные игрушки. Стоящий у окна мужчина держит в руках плюшевого медвежонка со вспоротым животом, набитым газетными вырезками и какими-то пожелтевшими листками.

Мужчина – высокий, темноволосый, с худым лицом и напряженными черными глазами – по пояс раздет и до такой степени исполосован шрамами, что торс его напоминает какую-то головоломку. Нездорового вида белое тело было одутловатым, а кожа на лице местами как-то странно натянулась. Носа у него не было. Лишь две блестящих дырки посреди лица. Несмотря на это, Джем узнал Френка Мартина, отца Пола. Самодовольный тип, всегда стоявший особняком в маленьком обществе Джексонавилля. В данный момент

Френк Мартин торопливо читал газетные вырезки. С худых бедер лохмотьями свисали серые брюки, сквозь дыры в них виднелось тело – местами лопнувшее до костей.

Лори оттолкнул Джема, чтобы тоже взглянуть, затем в недоумении отшатнулся. И медленно перекрестился, стоя в коридоре, где приятно пахло пчелиным воском.

Джем снова приник к замочной скважине. В детской кроватке с решетчатыми белыми бортиками лежало нечто вроде закутанной в тряпки большой куклы. Вдруг Пол Мартин вскочил с деревянной лошадки и, нахмурившись, принялся:

– Пап, мясом пахнет!

– Пол, ты меня раздражаешь... Лучше помоги все это вытащить. Если кто-нибудь найдет эти бумаги...

– Папа! Никому и в голову не придет их искать! Здесь же просто средневековье какое-то.

Он опять принялся:

– Говорю тебе: мясом пахнет! Где мама?

– Не знаю. Она, кажется, собиралась зайти к Моссу...

Джем был поражен. Ну и зрелище: мертвые самым натуральным образом рассуждают о том о сем! Внезапно мерзкая желтая голова Пола молниеносным движением гремучей змеи повернулась в сторону двери.

Джем отскочил, схватил Лори за руку, и едва они успели заскочить в комнату напротив детской и забраться в стенной шкаф, как в коридоре раздался пронзительный, насмешли-

вый голос Пола. Он напевал, изображая из себя Большого Злого Волка:

– Я нацепил свои большие башмаки...

Сдерживая дыхание, Лори тихонько повернул ключ, запирая изнутри шкаф, и они забились в самую его глубину, под платья мисс Уилкис.

– Я нацепил свои большие когти...

Они поняли, что Пол уже в комнате – не столько по звуку шагов, сколько по запаху.

– Я нацепил свои большие зубы...

Лори впился ногтями в руку Джема, а тот почувствовал, как волосы на голове встали дыбом.

Запах шел прямо на них. Он проник в шкаф, ощупал их лица, руки, ноздри, приподнял атласные нижние юбки мисс Уилкис. И тут снаружи что-то зарычало. То было глухое рычание голодного зверя.

Джем закрыл глаза и вверил душу Господу.

Нечто ухватило за ручку стенового шкафа, и дверца дрогнула.

– Это вы, дорогуши? Мои любимые конфетки? – севшим от вожделения голосом просипело нечто. – Вы наконец явились на свидание? Лори, помнишь тот пакт – мы еще скрепили его своей кровью? Эх, наконец-то я вас достал, паршивцы!

Дети взяли за руки, глаза их от ужаса сделались совсем огромными.

В тот же миг с первого этажа вдруг донесся властный голос:

– Френк Мартин, я знаю, что ты здесь!

Мощный голос Деда! Лори вытащил изо рта лифчик, в который от отчаяния вцепился было зубами. Джем перестал дышать. Что Дед здесь делает? Дверь шкафа уже не сотрясалась.

Кто-то пронесся галопом по коридору, затем послышался торопливый голос Френка Мартина:

– Пол! Иди сюда, скорее!

– Я знаю, что ты здесь, Френк Мартин, а ты знаешь, что должен подойти ко мне! – самым грозным голосом прогремел Дед.

У Джема было такое ощущение, будто он сто тысяч лет не

дышал. Раздался странный звук, похожий на кастаньеты, – это стучали его зубы. Лори в полумраке сердито посмотрел на него, Джем ответил ему скорбным взглядом. По ту сторону двери было тихо. Или то, что когда-то было Полом, все-таки ушло, подчинившись приказу отца? Лори уже почти уверовал в это, как дверь вдруг содрогнулась от резкого удара – сердце Лори бешено заколотилось – и слащавый голос Пола прошептал:

– Все равно я вас достану, клянусь, достану!

В порыве ужаса дети судорожно вцепились друг в друга, но Пол уже удалялся, унося с собой чудовищный запах разложения.

– Твой Дед здесь... – шепнул Лори.

– Не стоит сразу вылезать отсюда, лучше немного выждать, – заметил Джем.

Ничто в мире не было ему сейчас милее этого старого шкафа с темным нутром, доброй старой прочной дверью и надежным старинным замком.

Кто-то решительными шагами поднимался по лестнице.

– Френк Мартин! Выходи, я приказываю тебе! Вечно ты скрываться не можешь!

– Как ты – вечно искать меня, человек! – возразил сиплый голос Френка Мартина и почти тотчас добавил: – Идем, Пол!

Послышался шум борьбы, яростный хрип, частые глухие удары – словно по стенам молотили тюфяком. Джем потянулся к ключу:

– Они сейчас убьют Деда!

– Нет же, слушай! – удерживая его, шепнул Лори.

– Властью Хси и властью Хо, властью Великого Закона приказываю тебе вернуться в землю, из которой ты вышел, ибо ты нарушил закон, и я должен уничтожить тебя! – монотонно, нараспев изрек Дед.

По всему дому разнесся яростный вой, потом кто-то завизжал от ужаса.

– Отпусти! Отпусти моего сына! – кричал Френк Мартин не своим голосом – в нем звучала ненависть и... страх – так, по крайней мере, показалось Джему; да, этому зомби стало страшно!

– Папа! – полузадушенно мяукнул Пол.

Опять послышался удар – словно Майк Тайсон ударил по мешку с песком; затем – бешеная гонка.

– Вернитесь! Вернитесь! – прокричал Дед и тоже бросился бегом.

Джем повернул ключ.

Все стихло. Он осторожно толкнул дверь. Никакой вони. Джем выскользнул наружу, за ним – Лори; оба тихонько добрались до двери в коридор и рискнули выглянуть.

Стены и пол были заляпаны кровью. Кровью и какими-то темными, густыми, вязкими пятнами. К лужам крови прилипли клочья волос. Джем узнал седые волосы Деда. А еще там были другие волосы – черные, вьющиеся, грубые, как звериная шерсть. Клочья кожи и заскорузлые куски мяса.

Дверь в детскую была приоткрыта. Лори толкнул ее, и она со скрипом отворилась. Они осторожно шагнули в темноту. В детской никого не было. Плюшевый медведь был разодран на части какими-то ужасными когтями. Пожелтевшие газетные вырезки и исписанные мелким почерком листочки порхали по пыльной комнате.

Лори принялся:

– Все еще воняет...

Джем опустился на колени и стал собирать газетные вырезки. Лори выглядывал у него из-за плеча.

«Ковбой оказался Синей Бородой! Гарри Вустер, безработный ковбой, убил, похоже, с десяток женщин, чтобы унаследовать их имущество. Прежде чем умереть, последняя из жертв успела выстрелить ему в грудь! Вустер выдавал себя за богатого скотовода из Вайоминга доверчивым старым дедам. Сразу же после заключения брака „супруги“ отправлялись с ним в свадебное путешествие и никогда уже оттуда не возвращались. Подозревают, что Вустер орудовал чуть ли не в пятнадцати штатах. Полиция, получившая от новоиспеченной супруги письмо, в котором она делилась своими подозрениями относительно личности „мужа“, приехала, увы, слишком поздно для того, чтобы предотвратить последнее преступление: несчастная уже покоилась в болоте. Бедная женщина, будучи в агонии, нашла в себе силы дважды в упор выстрелить Вустеру в грудь и лишь затем рухнула в воду и умерла. Вустер вследствие полученных ранений скончался

по дороге в больницу, успев перед этим сознаться в содеянном».

К статье была приклеена маленькая заметка:

«Загадочное происшествие в морге. Исчез труп! Сегодня утром служащий морга с немалым удивлением обнаружил, что тело Аннабеллы Вустер-Уилкис, последней из жертв Гарри Вустера, накануне вытащенной из болота, исчезло. В помещении обнаружены влажные следы, ведущие к служебному лифту. Похоже, тут поработали какие-то злые шутники... »

Джем смотрел, как дрожит у него в руке газетная вырезка. Лори присвистнул и взял ее у него, чтобы перечитать.

– Черт возьми, Джем, все это время она была мертва! Тряпичная кукла у них за спиной открыла глаза.

Джем нагнулся, поднял другой аккуратно вырезанный листок. Текст был коротким.

«Чикаго. Гангстеры опять сводят между собой счеты! Пять трупов в „Дронзе" (от нашего корреспондента Джона Джилза).

„Дронз" – ночное заведение, где собираются чернокожие заправилы наркобизнеса. Четверо в смокингах, выйдя из взятого напрокат лимузина, убили Тобиаса Робсона, швейцара, и, проникнув в заведение, открыли огонь по столику, за которым сидел Джой Натс – состоящий на заметке у полиции торговец героином. Выполнив свою задачу, убийцы скрылись, оставив после себя пять трупов: Джоя Натса,

троих его пособников и ни в чем не повинной официантки, Тельмы Робсон – жены швейцара. Тельма Робсон была матерью трехлетнего малыша».

С бьющимся сердцем Джем смял заметку в кулаке и – как раз в тот момент, когда Лори поднял голову, – сунул ее в карман.

– Ну?

– Ничего интересного, возьми какую-нибудь другую...

Лори подобрал какой-то клочок бумаги. У Джема перед глазами стояла миссис Робсон: вялые губы, вымазанное косметикой лицо, движения сомнамбулы; он представлял себе, как этот живой труп сжимает Лори в своих объятиях, целует его, рассказывает ему на ночь сказку... И содрогнулся от отвращения. Лори ткнул его локтем в бок:

– Ты только послушай... «В драке убит музыкант. Вчера вечером между двумя молодежными группировками завязалась драка, в ходе которой погиб молодой трубач. Пытаюсь примирить враждующие стороны, Стивен Бойлз, уроженец Джексонавилля, штат Нью-Мексико, получил смертельный удар ножом в правый глаз...»

– Что? Так выходит, тут весь город замешан!

– А газета от восемнадцатого сентября тысяча девятьсот восьмидесятого года! Больше десяти лет уже прошло, старик! В сущности, я готов согласиться с твоей идеей убежать в Мексику... Что же с нами будет, Джем?

Сзади них кукла села в кровать, широко улыбаясь. Рот

у нее был разрезан от уха до уха, кожа с головы наполовину сорвана, а сама голова свешивалась набок. За бледными губами сверкали клыки.

Джереми вспомнил о спрятанном в кармане клочке бумаги и пришел в полную растерянность. Нужно отыскать Деда. Похоже, только он знает, что же тут на самом деле творится. Да, нужно именно так и сделать – отыскать Деда и не отходить от него ни на шаг. Стивен Бойлз! Лучшего полицейского в Джексонвилле и не бывало... Засовывая в карман горсть газетных вырезок, он повернулся к Лори:

– Пойдем к Деду. Он защитит нас.

– Но нужно идти через весь город! А у нас ни чеснока, ни креста – ничего, нас тут же на клочки разорвут! Ой, посмотри-ка!

Лори поднял с пола перевязанную голубой лентой пачку листов. «Дневник Аннабеллы Уилкис, написанный ею самой».

– Это тоже нужно прихватить, – сказал он, засовывая сверток за пояс шорт. – Ну, пойдем.

– Есть хочу, – сказала кукла голосом маленькой девочки. – Белла очень проголодалась, Белла хочет ням-ням...

Ребята разом обернулись, задохнувшись от ужаса. Кукла сидела в детской кровати. И длинными изогнутыми когтями сжимала прутья решетки. Желтовато-серая старческая кожа местами слезла клочьями, открывая взору разлагающуюся плоть. Глазницы ее были пусты, волосы свисали кло-

чьями; она улыбалась детям огромным ртом.

– Слепенькая стала Белла. Но мясо-то чувствует... Мясо – это вкусно. Идите поцелуйте Беллу.

Время, похоже, остановилось. Разинув рты, Джем и Лори замерли, глядя на зловещую куклу. Джем размышлял о том, сможет ли его рассудок выдержать эту череду страшных событий и – если, конечно, предположить, что удастся выжить, – не станет ли он потом одним из тех двуногих овощей, что выползают по воскресеньям на ухоженные лужайки так называемых домов отдыха.

Существо с разорванным ртом и пустыми глазницами уже вставало с кровати. На нем было платье цвета морской волны, измазанное блевотиной, а возле ворота – странное дело – приколот хорошо знакомый Лори значок – отец в свое время принес ему такой же – с надписью «Телефон – это здорово».

– Мисс Уилкис!

– Нету ее, нету больше, есть только Белла... – дергаясь, произнесла кукла и вдруг резко бросилась вперед, так что ее клыки чуть не скользнули по лицу Джема – тот отскочил назад.

– И она с удовольствием разорвет вас сейчас на кусочки, сопляки поганые... – громовым голосом продолжила кукла.

И разразилась каким-то судорожным смехом, отчего изо рта у нее потоком хлынула кровь со сгустками, а затем спрыгнула с кровати.

Лори схватил качалку-лошадку и швырнул ей в ноги –

старческие ноги с расширенными венами. Аннабелла споткнулась, но успела мощными когтями хватить Лори по щеке – кожа разъехалась, как бумага под ножницами. Он взвыл и одним прыжком оказался возле двери. Джем поднял с пола одну из валявшихся там деревянных кеглей и обрушил ее на череп старой ведьмы. Послышался треск ломающихся костей, кегля погрузилась во что-то мягкое, и голова старой девы съежилась, будто проколотый воздушный шарик.

Джем быстро ретировался, присоединившись к Лори. Мисс Уилкис кругами ходила по детской – ноги ее были выпачканы экскрементами, из проломленной головы торчала кегля, – восторженно напевая старинную детскую считалку.

Мальчики скатились вниз по лестнице.

– Почему она не преследует нас? – прыгая через две ступеньки сразу, прокричал Лори.

– Ты же видел: с ума сошла, в детство впала...

– Прости, Джем, но то, что она впала в детство, почему-то нисколько не мешает ей иметь клыки длиной сантиметра как минимум три!

Они стремглав вылетели на улицу, и Лори тотчас потянул Джема за рукав:

– Стоп! Нельзя обращать на себя внимания. Слушай внимательно, старик: до сих пор мы жили бок о бок со всеми этими покойниками, и вроде бы все было нормально. Значит, если мы будем вести себя как ни в чем не бывало, им, может быть, и в голову не придет, что нам что-то известно,

и мы сможем добраться до Деда или шерифа Уилкокса.

– Уилкокс с ними заодно – и с Бойлзом, и с тем капитаном, которого я видел... У тебя кровь идет со страшной силой...

Лори поднес руку к разодранной щеке и сразу же почувствовал, как по пальцам потекла теплая кровь. С горем пополам промокнул ее рукавом джемпера.

– На кого же я похож?

– На пигмея, только что подравшегося с тигром.

– Спасибо, Джем, ты всегда находишь нужные слова, чтобы вернуть человека в нормальное расположение духа. Ладно, не стоит нам здесь торчать.

Лори взялся за руль старенького велосипеда и сел в седло. Джем устроился сзади.

Они двинулись в путь – чувствуя себя при этом очень маленькими и незащищенными, грустными и потерянными, уязвимыми и *аппетитными*. Город словно опустел. Дома выглядели нежилыми. Они уже не были уверены в том, что, кроме них, здесь есть хоть одна живая душа. И вдруг грянул веселый военный марш, а вслед за тем – гром аплодисментов.

– Парад! Они же все на параде! – затормозив, вскричал Лори.

Он спрыгнул с велосипеда и бросился туда – в толпу, в шум, в жизнь.

Джем устремился за ним, и вскоре они уже были на главной улице.

Все население Джексонвилля, напялив бумажные колпачки, размахивая разноцветными лентами серпантина и флажками – государственными и штата, – выстроилось в плотные ряды. Малышня, сидя на плечах у отцов, оглушительно вопила. На центральной трибуне, под транспарантом, приглашающим посетить грядущую сельскохозяйственную ярмарку, восседал Лесли Андерсон – красный как рак в не по сезону теплом жемчужно-сером костюме. Музыканты духового оркестра маршировали в такт мелодии вслед за наряженными в форму девочками. Многие из зрителей были одеты в традиционные для Юга костюмы – ковбоев, индейцев, федеральных солдат, мексиканских батраков и т. п. Лори и Джем, не обращая внимания на возмущенные возгласы, пробрались в первый ряд.

– Ты только посмотри на толстуху Дебби – вот уж ничтожество! – шепнул Лори, всю орудя локтями.

Дебби училась с ними в одном классе и всегда третировала их, считая недостойной внимания мелюзгой. Она прогуливалась по городу с парнями много старше себя и из кожи вон лезла, стараясь быть похожей на роковую женщину с телеэкрана – прямо из «Санта-Барбары». А сейчас она с величайшим энтузиазмом, проникнувшись сознанием собственной важности, высоко вскидывала ноги – из-под сине-белого кепи торчали измученные химической завивкой белобрысые кудряшки, жирные бедра тряслись в такт оркестру.

Завидев стоящего посреди площади Бойлза – он наблюдал

за порядком в толпе, – Дебби еще больше распушила перья. Да, этот тип с его черными очками и лицом маньяка-убийцы – не какая-нибудь там мелюзга... Бойлз скользнул по ней взглядом без малейшего интереса, но Дебби про себя решила, что это – только потому, что он не хочет выдавать своих чувств перед всей этой деревенщиной.

А Бойлз между тем смотрел на Джема и Лори.

– Он увидел нас!

– Ну и что? Он и утром нас видел...

– Да, но теперь – другое дело. Не знаю почему, но теперь это совсем другое дело; теперь война уже началась – ты понимаешь, о чем я.

Джем все прекрасно понимал.

– Сейчас перейдем через дорогу и рванем ко мне. В толпе нас никто не засечет. Ты готов?

– Готов.

Проскочив под носом у игравшего на тромбоне толстяка Макси, они перебежали через улицу, проскользнули сквозь лес волосатых потных ног. И тут Джем замер. Ибо рядом с физиономией продавца воздушных шаров увидел довольные крысиные морды Чевы Алонсо и Б. 2 Маркеса.

И даже если они и были полными-идиотами-и-чумовыми-ничтожествами, Джем почувствовал некоторое облегчение оттого, что Полу с его кликой не удалось до них добраться.

А потом ему бросилась в глаза их бледность. И Чевы за-

цепился за него своими черными глазками и улыбнулся – обнажив в улыбке *длинные* зубы. А Б. 2 тоже, в свою очередь, обернулся и послал ему воздушный поцелуй кончиками пальцев – то бишь тем, что вообще-то должно было ими быть, ибо даже издали Джем прекрасно видел, что пальцев больше нет – лишь кровоточащие культы.

– Что это с тобой? – недовольно спросил Лори.

– Ничего, идем.

Чеви Алонсо и Б2 Маркес, новоиспеченные зомби, наверное, описались на радостях и уже этого не чувствуют...

Ребята опять пустились бегом, продираясь сквозь плотную и потную ликующую толпу.

Углядев возле фонтана высокого худого мужчину, Дебби опять распушила все перья. На мужчине были черные изодранные брюки, черная рубашка, черная фетровая шляпа, а лицо его наполовину скрывал черный, завязанный на затылке шарф. Таких пронзительных черных глаз она в жизни не видывала и поэтому, проходя мимо него, как можно выше подбросила свой жезл, перехватила его под ногой и, скроив на лице то, что считала самой неотразимой улыбкой, заорала: «Привет, Зорро!»

Закутанный незнакомец, слегка склонившись, послал ей кончиками натянутых в перчатки пальцев воздушный поцелуй. С откровенным интересом оглядел ее голые ляжки, выгнув грудь колесом, а потом одобрительно – и, между прочим, очень вульгарно – показал ей большой палец. Дебби аж

затрепетала: наконец-то мужчина, настоящий мужчина! И решила, что, как только парад закончится, непременно нужно будет сюда вернуться – как бы прогуливаясь. В кои-то веки день обещал оказаться интересным.

Послав воздушный поцелуй, Френк Мартин проводил ее взглядом – у него уже слюнки текли. Терзающий его голод не знал насыщения. С тех пор как он «проснулся», ему без конца приходилось есть, чтобы заглушить пылавший внутри огонь. Он питал свой гнев человеческой плотью – так кормят углем глотку локомотива. Ненависть, которую он испытывал, была приятной, да – острой и болезненно приятной. В самом деле: если он мертв, то с какой же стати другие живы. *Если бы наши «ниссан» не занесло в тот момент, когда я обернулся, чтобы влечь пощечину этому придурку Полу, исключительно из вредности – ну да, я пошел на поворот на скорости сто двадцать – бубнившему «Отче наш», так вот, если бы его не занесло, я сейчас, как и прежде, трахал бы всех малолеток подряд – как это было в Калифорнии, пока меня не вышвырнули вон из колледжа тамошние ретрограды. Они так и не смогли понять, что я нуждался в вагинальных выделениях этих девок, чтобы пропитывать ими пятиконечные звезды и успешно вершить заклинания. Эти старые пни вообразили, что я принадлежу к одной из сект сатанистов – что-нибудь вроде Алистера Кроули – ку-ку-напугайте-меня. И подумать только: собирались подать на меня в суд. Со смеху помрешь. Как будто можно в лице фа-*

раонов найти управу на того, кто принадлежит Легионам Тьмы, – тоже мне беда.

А вот то, что я умер, – действительно беда. Что мы все трое умерли. Вот это, надо признаться, – настоящий удар. Счастье еще, что у меня хватило ума, да что там – прозорливости – поселиться здесь, на Территории, и я смог, таким образом, уцепиться за власть старого Леонарда. И перетянуть его на свою сторону. На нашу сторону. Да, старина Френк, неплохо ты поработал. При мысли о предстоящем падении власти Леонарда его впалые щеки разъехались в беззубой ухмылке. Версус хорошо отблагодарит его.

Согнувшись пополам, то и дело оглядываясь, Лори и Джем бежали со всех ног. Но Бойлз почему-то остался на своем посту. На окраине города они выбрались на шоссе и рванули вперед. Вдруг Лори крикнул:

– Он сзади!

Джем обернулся. Сзади был Бойлз. Он медленно ехал в патрульной машине, в непроницаемых стеклах черных очков отражалось солнце.

Ребята резко свернули к станции обслуживания – она была совсем рядом.

Дак сидел на железном стуле возле стены конторы. Он с грустным видом смотрел себе под ноги.

С каким-то тевтонским упрямством жевал жвачку и, услышав, что к нему бегут мальчишки, даже не поднял головы.

– Привет, Дак! Что ты тут делаешь? И почему на парад

не пошел? – отрывисто и нервно выпалил Джем, то и дело оглядываясь назад.

Дак приподнял брови и в каком-то отупении уставился на ребят.

– Она уехала, – бесцветным голосом коротко сказал он.

– Черт! Ты в этом уверен? – спросил Лори.

– Должна была зайти за мной – мы собирались на парад.

– Может, она просто задержалась?

– В мотеле ее нет. Оплатила счет.

– Ты настоящий детектив, парень! – бросил Джем. – Слушай, Дак, не то чтобы нам было наплевать на твои проблемы, но у нас возникла своя идея – куда посерьезнее и гораздо срочнее, знаешь ли.

Дак выплюнул жвачку, достал из кармана другую и со вздохом отправил ее в рот.

– Ты не мог бы одолжить нам свое помповое ружье и какую-нибудь тачку? – с ходу выпалил Лори.

Дак, которому только что удалось надуть из резинки превосходный шарик, так и застыл, в недоумении разинув рот, – шарик лопнул и приклеился к носу.

– Ружье? Тачку? Чокнулись.

– Дак! Нам грозит опасность. Мы не можем тебе сейчас ничего объяснить, но ты тоже в опасности, весь город в опасности, Дак, поверь нам! – самым, как ему казалось, убедительным тоном пояснил Джем.

– В опасности?

– Ну да, в опасности, в большой опасности; слушай, Дак, ты смотрел когда-нибудь фильмы ужасов или нет?

Дак помотал головой.

– Ну так вот: город в руках банды оживших мертвецов – понимаю, что это звучит как полный бред, но это правда – ты вообще не обязан верить нам, да никто нам и не верит, но это ПРАВДА! И надо сматываться отсюда как можно скорее! – закончил Джем, беспрестанно бросая по сторонам нервные взгляды.

Дак несколько секунд вглядывался в их измученные глаза, мокрые от пота лица, в безобразную царапину на щеке Лори, в их руки – они дрожали. Потом наклонился вперед:

– Без нее не поеду.

– Но ты же только что сказал, что она удрала! – возмутился Лори.

Дак кивнул в сторону автобусной остановки.

– Что он имеет в виду? – спросил Джем.

– Автобуса еще не было; она должна быть где-то в городе.

– Могла уехать автостопом...

Дак отрицательно покачал головой и приложил руку к сердцу. Джем вздохнул.

– Ну и видок у тебя, бедняга Дак, – глупее не придумаешь! Уж лучше бы ты был роботом, – пробормотал Джем.

– Но Дак по крайней мере нормальный, – возразил Лори, указывая на машину Бойлза, стоявшую по другую сторону шоссе, возле кладбищенских ворот.

Стекло было опущено – Бойлз сидел, облокотившись на дверцу. Время от времени в его очках вспыхивало солнце – он словно посылал какие-то сигналы.

Джем некоторое время смотрел на него, потом повернулся к Лори и невольно вскрикнул. Щека у Лори стала в три раза больше обычного, края раны сильно покраснели и разошлись почти на сантиметр, обнажив розовую *подрагивающую* массу. Мясо под кожей ходило волнами, периодически раздуваясь, словно там что-то бегало.

– Лори! Щека!

– Что?

Лори поднес руку к щеке и осторожно ее ощупал. Лицо его перекосилось от боли.

– Болит! Эта сволочь меня покалечила.

Дак озадаченно слушал. С вопросительным видом указал на щеку Лори.

– Это мисс Уилкис – будто с цепи сорвалась; если бы ты это видел, парень, ты бы глазам своим не поверил! – ответил Лори на его немой вопрос.

Дак поднял брови:

– Мисс Уилкис?

– Ну да, хоть у нее и нету больше глаз, она...

Джем кашлянул. Лори умолк на полуслове.

– Нету глаз?

– Слушай, Дак, ты ни за что не поверишь нам, но тут вещи творятся страшные, очень страшные.

– Нету глаз?

– Она была мертвой, понимаешь, мертвой, но тем не менее попыталась нас убить – взгляни на щеку Лори! Нам всем грозит опасность, всем!

Дак посмотрел на распухшую рану, потом внезапно встал и сказал лишь одно слово:

– Френки.

Обошел ошеломленных мальчиков, бегом взбежал по лестнице в свою каморку, пару минут спустя вернулся, держа в руках помповое ружье.

– Черт возьми, Дак, не пойдешь же ты разгуливать по городу с этой штукой в руках! – возмутился Джем, указывая в сторону полицейской машины и неподвижно, словно статуя, сидящего в ней Бойлза.

В этот самый момент Бойлз включил зажигание, и машина тронулась с места. Джем озадаченно проводил ее взглядом. Дак устремился в контору и вернулся оттуда со спортивной сумкой в руках. Бросил в сумку ружье и посмотрел на мальчиков:

– Идем?

– Слушай, Дак, – заговорил Джем, – придется тебе все объяснить; никуда мы идти не можем, они все с ума посходили, Дак, кругом одни идиоты, и они хотят убить нас, понимаешь, они живые мертвецы и при этом хотят есть – как в кино, и Бойлз тоже один из них, а может быть, даже и Уилкоккс, а контролирует их мой Дед – до сих пор контролиро-

вал, но они ускользнули из-под его власти и расползлись повсюду; черт возьми, Дак, прошу тебя, ну поверь нам!

Дак выплюнул жвачку.

– Я должен отыскать Френки. Бегите к твоему Деду, Джем, и запритесь в доме. И никому, кроме него, не открывайте. Даже мне, если приду. И почисти рану, Лори.

Ребята ошеломленно на него уставились. Дак поправил сумку на плече. Лори воскликнул:

– Мы хотим пойти с тобой!

– Вы сами только что сказали мне, что это не игрушки. Поэтому не говорите глупостей. Вы, может, в результате окажетесь последними человеческими существами в Джексонвилле.

И Дак Роджерс, местный дурачок, наклонившись, поочередно пожал им руки.

А потом – весь в белом, словно одинокий поборник справедливости, – большими шагами направился туда, откуда доносились торжественные звуки духового оркестра; солнце светило ему в спину.

На какой-то момент Джем и Лори тихо замерли. Потом, ни слова не говоря, дружно повернулись и бегом бросились к дому Деда.

Стараясь держаться поближе к шоссе, они бежали вдоль кладбищенской стены, то и дело оглядываясь и время от времени посматривая наверх. Лори был готов к тому, что с минуты на минуту землистого цвета руки ухватятся за вершину

стены, какая-нибудь мерзкая рожа высунется оттуда, уставится на них и попытается их схватить... А по ту сторону стены и в самом деле царил большая суматоха. Там кто-то гоготал, что-то обваливалось, раздавались поспешные шаги по гравию дорожек Там всю кипела какая-то скрытая деятельность. Лори пытался убедить себя в том, что все это – лишь игра воображения. И внезапно заметил, что они с Джемом держатся за руки. Но отпустить руку Джема у него и в мыслях не было, он лишь сильнее вцепился в нее. И пусть хоть весь мир его гомосексом считает!

Наконец они добрались до угла и, перейдя через дорогу, с облегчением побежали по пустырю. Доносившийся сзади шум усилился, перерос в нечто вроде концерта, состоящего из одних смешков – словно гиенки собрались на трапезу. Они бежали, их запачканные кровью и грязью кроссовки летели над пожухлой травой.

Дом Деда. Крепкий. Спокойный. До него оставалось каких-нибудь пятьдесят метров. Уже было хорошо видно веранду, разбитые приемники и *распахнутую* дверь.

Они пробежали мимо усыпанного конфетти старого «крайслера», и Джем боковым зрением заметил, что их приветствует водитель. *Водитель*. Сердце у него замерло. Он поневоле замедлил бег; Лори с размаху ткнулся ему в спину. – *Vuon viaggio!*⁸ – широко улыбаясь, произнес водитель.

⁸ Счастливого путешествия! (ит.)

На нем был белый, изодранный в клочья костюм – сквозь прорехи виднелись кости рук, чудом уцелевшие кое-где на лице клочья кожи напоминали пергамент, из костяных десен торчали большие обломанные зубы – они тряслись, когда он смеялся. А он смеялся. Положив руки – или то, что от них осталось, – на руль, он делал вид, что ведет машину.

– Р-р-р-р, buon viaggio!

Джем и Лори, прижавшись друг к дружке, не в силах были оторвать глаз от этого трупа, преспокойненько усевшегося за руль разбитого «крайслера» и игравшего в шофера. На макушке у него, где с голого черепа свисало несколько длинных прядей черных волос, красовался веселенький бумажный колпачок – зеленый с серебром.

– Ту-ту-ту, viva la fiesta!⁹ – воскликнул труп, подул в детскую свистульку и покатился со смеху.

– Vieni, vieni, bambini¹⁰, ту-ту-ту!

– Этот парень совсем спятил! – прошептал Джем.

– Этот парень вовсе никакой не парень, а поганый труп, и он еще с нами разговаривает!

– Дом!

Джем повернулся к дому. *Дверь распахнута.* Или «они» уже в доме? С чего вдруг этот тип осмелился подойти так близко? Или Дед... уже... умер? Под взглядом Лори он опомнился. Оставив труп в колпачке, желтыми костяшками

⁹ Да здравствует праздник! (ит.)

¹⁰ Идите, идите сюда, детки (ит.).

вцепившийся в руль, они бегом бросились к дому.

Вокруг все было тихо. Ни единой птицы. Ни одной лягушки. Никаких насекомых не слышно. Даже трава как будто застыла. Джем осторожно ступил на лестницу. Ступенька, как всегда, скрипнула. Из-под разбитого приемника все так же торчала лапа Мэрилу. Они опасливо обошли это место. В доме – ни малейшего шума. Джем заглянул в окно – стекла были грязными. Мыть окна входило в его обязанности, а он давненько этим не занимался. В большой комнате никого не было. Они подошли к окну в комнату Джема: никого. И в комнате Деда – тоже. И в ванной. Оставалась кухня. На старенькой газовой плите стоит кастрюля. В ней что-то кипит. Дед, наверное, где-то неподалеку.

Они вошли в дом.

Пахло вкусно. Лори вдруг осознал, что помирают с голоду. Сколько же времени они ничего не ели? Взглянул на часы: пять. Джем передвигался по дому медленно и очень осторожно. Стол был накрыт на троих. Джем подошел к плите. Где же Дед? *И кто он такой? Что он такое на самом деле?* Восхитительный запах жаркого щекотал ноздри. Лори подошел и встал рядом.

– Он, конечно же, сейчас придет. Он ведь накрыл на стол.

– Лори, а тебе не кажется странным, что в такой момент Дед занялся вдруг обедом?

– Ну, если он так же проголодался, как я...

Джем вышел из кухни и направился в свою комнату; Ло-

ри пошел следом. Все было в порядке. Он осмотрел комнату Деда и отметил, что сумка на месте. Дед всегда таскал с собой старенькую кожаную торбу и складывал в нее все подряд: инструменты, лечебные травы, подобранные на свалке железки, какую-то ископаемую технику, словно старьевщик, подбирая всякий хлам.

– Он не взял свою торбу.

Мальчики вернулись в гостиную. В кухне мелькнула какая-то тень.

– Дед! – воскликнул Джем и бросился туда. Но это был не Дед. А какая-то женщина. Она помешивала то, что варилось в кастрюле, с наслаждением вдыхая поднимающийся оттуда парок. Зачерпнула из кастрюли и с ложкой в руке повернулась к ним. Уцелевшая часть лица улыбалась. Это была мать Пола Мартина, а в ложке, которую она им протягивала, плавали разрубленные на кусочки пальцы.

– Скоро можно будет обедать, мальчики!

– Это... это Дед? – не своим голосом проговорил Джем, указывая на ложку.

Изуродованное лицо женщины скривилось от гнева, и из носа в кастрюлю посыпались жирные белые черви.

– И слышать о нем не желаю! И вообще: хватит!

Полезайте-ка туда!

Она указала на большой стенной шкаф, где хранили продукты.

– И поторапливайтесь, у меня много работы!

Лори сделал шаг назад и услышал, как за спиной захлопнулась дверь кухни. Попробовал покрутить дверную ручку: напрасный труд. Женщина усмехнулась. Карий глаз, уцелевший на оторванной части лица, сверкнул, как у какой-то хищной птицы. Она снова указала на шкаф:

– Ну-ка, живо! Полезайте туда, пока я добрая!

– Нет! – вскричал Джем, схватив хлебный нож.

Женщина усмехнулась:

– Бедный дурачок, ты что – этим меня испугать решил?

Она схватила вилку и воткнула себе в руку – кожа лопнула, хлынула черная кровь.

– Вот вам «современное искусство»! Нужно выражать себя языком тела – так говорил мой психоаналитик; ну вот – научилась – выражаю себя языком тела.

Она взяла еще одну вилку и вонзила себе в уцелевшую щеку.

Лори почувствовал, что ноги у него стали ватными.

– А вы, лапушки, что – не хотите выразить себя языком тела?

Нож в руке Джема дрожал. Она подошла и ухватилась за лезвие. На пол закапала густая черная кровь. Женщина потянула за лезвие, и вцепившийся в рукоятку Джем поневоле двинулся к ней. А следом – Лори, вцепившийся в Джема.

– В шкаф! Мигом! Или я из вас таких шедевров понаделаю...

С удивительной силой она развернула лезвие ножа так,

что острие уперлось Джему в самый низ живота. Лицо женщины было совсем рядом – прямо перед собой он увидел ключья мяса, бледные кости и кишасших в землистого цвета ранах червей. И почувствовал на лице мерзкое, отдающее тухлым яйцом дыхание.

– Делай, что она говорит, а там видно будет! – взмолился Лори и наклонился, чтобы лезть в шкаф.

Джем поколебался, потом последовал его примеру. Женщина закрыла за ними дверь на ключ.

В шкафу было темно. Сверху, на полках, рядами стояли банки консервов, крупа, варенье – нехитрые радости мирной жизни.

– Второй раз за сегодняшний день в шкаф попадаем; как бы это у нас в привычку потом не вошло, представляешь: «Простите, но мне пора в шкаф...» – пытаюсь улыбнуться, прошептал Лори. Джем крепко обнял его за плечи, и Лори почувствовал, как по его коричневым щекам покатались две большие слезинки. К тому же хотелось писать и зверски болела щека.

Было слышно, как женщина по ту сторону двери хлопочет, приговаривая:

– Уж кто точно будет доволен, так это Френк. Френк обожает негров; хорошо поджаренный негр куда вкуснее белого – это как зайчатина по сравнению с крольчатинной – не так пресно. И чуть-чуть корицы... Ну-ка, ну-ка, куда же я подевала рецепт?

Дак стремительно шел вперед, рассекая толпу, не обращая внимания на возмущенные возгласы тех, кого он толкнул. Внезапно перед ним возник толстый тип, наряженный шерифом, перекрыв дорогу своим огромным пузом любителя пива. Дак вздохнул, оглядев эти бродячие сто тридцать кило, маленькие голубые глазки и огненнорыжие усы, украшавшие красную физиономию Германа Моргенштейна.

– Эй, парень, ты меня толкнул, – заплетающимся языком объявил Герман, потрясая банкой пива.

– Простите, мистер Моргенштейн, дело в том, что я очень тороплюсь... – спокойно пояснил Дак.

– Полегче, парень, полегче, не стоит так торопиться, это вредно для здоровья!

Дак скинул сумку с плеча, неторопливым движением растегнул «молнию», выхватил оттуда ружье и наставил его на круглый живот Германа.

– Будьте любезны, мистер Моргенштейн, дайте мне пройти.

В толпе раздались изумленные восклицания, испуганные крики. Какая-то женщина бросилась бежать, подгоняя перед собой малышей. Остальные просто остолбенели. Смертельно испуганный Герман поднял руки, банка упала на землю и разбилась. Пиво забрызгало замерших вокруг зевак.

– Сдаюсь!

Дулом ружья Дак отодвинул его в сторону, прошел мимо, положил ружье в сумку, закрыл «молнию» и двинулся дальше под приглушенный ропот толпы, который, впрочем, быстро угас; Герман с опозданием принялся рвать и метать, но уже в одиночестве:

– Нет, вы видели, видели? Я всегда говорил, что этот парень – чокнутый; нет, вы видели – он угрожал, и кому – мне! Где этот засранец шериф, я этого так не оставлю.

А в каких-нибудь пяти метрах от него никто ничего и не видел: торговец вафлями расхваливал свой товар, ребятишки покупали разноцветные шары.

Дак всматривался в толпу, встревоженно пробегал взглядом по праздничному шествию. *Ожившие трупы*. Мальчишки говорили об оживших трупах. Краем глаза он заметил усевшегося на бортик фонтана скелетоподобного мужчину – лицо его было скрыто черным шарфом. И хотя он был от него на расстоянии метров двадцати пяти, Дак заметил, как блестят у мужчины глаза. Две черные дырки словно испускали пурпурный фосфоресцирующий свет. Дак настороженно замер. Человек в черном с невинным видом оглянулся на него. Его глаза уже полностью утратили свой блеск – теперь они стали похожи на пару темных колодцев. Дак двинулся дальше. *Этот – точно один из них*. Еще он заметил ребенка – цвет лица у него был желтоватым, костюм испачкан, кожа

сплошь в царапинах и ссадинах – затесавшись в толпу детей, он с какой-то странной улыбкой аплодировал марширующим. *Живой покойник. Само собой.* Ребенок, словно у него сработало шестое чувство, быстро обернулся – но плечи при этом остались совершенно неподвижны – и толстыми красными губами послал ему воздушный поцелуй. Спустя секунду он уже исчез в толпе. Дак почувствовал, что его окружает какой-то мерзкий запах – почти сразу же он развеялся, смешавшись с ароматом вафель и гамбургеров. Это его несколько не удивило. Когда его, еще ребенком, били, изо ртов у тех, кто над ним издевался, пахло всегда на редкость отвратительно – словно выходило наружу то дерьмо, что таилось обычно внутри. Дак еще тогда пришел к заключению, что плохие люди, должно быть, постоянно страдают запорами и что дерьмо сначала ударяет им в голову, а потом выходит через рот. А теперь эта идея находила свое подтверждение.

Марвин и Саманта напряженно, настороженно шли сквозь толпу.

После того как Джем ушел, Сэм опять безуспешно пыталась связаться с Болдуином. Телефон в полицейском участке, похоже, окончательно вышел из строя. Марвин пробовал позвонить из кофейни: линия не работала. Попытался выйти на связь из телефонной кабины на площади: то же самое. Следовало признать очевидное: по неизвестным причинам телефонная связь в Джексонвилле больше не работала.

Пока Уилкоккс отправлял Бига Т. Бюргера к Аннабелле Уилкис узнать, что там происходит, Сэм включила пыльный телекс, но связь работала плохо. Все попытки отправить информацию по факсу оказались безуспешными: текст неизменно превращался в какую-то абракадабру без конца и без начала, похожую на черные пятна с лапками. Очевидно, все виды связи с внешним миром почему-то оказались нарушены. Уилкоккс попытался было пустить в ход свой радиотелефон, чтобы связаться с капитаном Стробрерри или кем угодно другим. Без толку. Можно было подумать, что на город обрушилась какая-то электромагнитная гроза, превратив его в нечто вроде герметически непроницаемого пузырька. Гроза. Или проклятие.

В конце концов они молча посмотрели друг на друга. Сэм вытерла выступивший на лбу пот. Уилкоккс лишь хрустнул суставами пальцев. Хейс, бросив взгляд на часы на стене, сунул в карман новую обойму.

– Капитан Стробрерри уже двадцать минут как должен быть здесь.

Уилкоккс выпрямился в кресле:

– Ну и что? Может быть, что-то у него не заладилось, в этакый момент удивляться тут нечему...

– Вы ведь индейских корней, не так ли?

Сэм – она все еще упрямо билась над телексом – подняла голову. «Куда это, черт возьми, Марвин клонит?» Уилкоккс бросил взгляд в окно, где раскачивалась ветка лиловой си-

рени, потом рассеянно ответил:

– Да, да, я помню: вы в сто раз больше американец, нежели я.

– Вот именно. Меня от моих корней отрезали чуть ли не два века назад. А у вас они совсем рядом. Вы – совсем другое дело, не то что мы с Сэм – стерилизованные продукты гигантского миксера под названием «американский образ жизни», и я вовсе не для того об этом завел речь, чтобы читать вам проповедь, нет – я лишь хочу спросить: что подсказывает вам инстинкт, пусть даже у вас от него остались лишь какие-то крохи, – что подсказывает вам инстинкт, если к нему прислушаться. О чем вещает этот чертов инстинкт, интуиция, дар предвидения, чутье, наконец, когда я спрашиваю, почему капитана Строберри до сих пор нет?

Судорожно вцепившись пальцами в протоколы вскрытия, которые он просматривал уже в сотый раз, Герби Уилкоккс медленно перевел взгляд на Марвина. На несколько секунд закрыл глаза. Некоторое время они так и сидели все трое; в маленькой темной комнате царила тишина. Какая-то птица спела песенку и улетела. Уилкоккс открыл глаза и глубоким голосом произнес:

– Инстинкт подсказывает мне, что малыш Джереми оказался прав. А мы не смеем взглянуть правде в лицо. Чтобы увидеть ее, вполне хватило бы и случившегося с Лююисом. Интересно, кстати, что там от него осталось. Черт возьми, Хейс, мы пропали. Что бы это ни было – мутация из-за по-

вышенной радиации или триумф Сатаны, – нам крышка.

Хейс проверил пистолет – снят ли он с предохранителя.

– Совершенно согласен с вами, шериф, но все же мне кажется, что не стоит так просто сдаваться: это было бы недостойно ни воина масаи, ни вождя ацтеков, ни Святого Патрика – правда, Сэм?

Сэм кивнула головой. Взглянула на лежащие перед ней бумаги – бросились в глаза слова «химическое оружие, испытания в области вооружений, массовые галлюцинации»; она смяла листок, скатала его в шарик и выбросила в мусорную корзину. Потом встала и надела куртку:

– Если у нас нет выбора, мы поубиваем их одного за другим. Какими бы они ни были. Чем бы они ни были. Их надо остановить.

Уилкоккс тоже поднялся:

– Вам одним не справиться. Нужно, чтобы кто-то сумел выбраться из города и вызвал поддержку. Я должен остаться здесь. Капитаны не покидают своих кораблей. А вы, Сэм, уезжайте отсюда, попытайтесь как-нибудь проскочить. Вы – наша единственная надежда.

– А кто вам сказал, что везде то же самое не творится? Мы же ничего не знаем. Может быть, этим охвачен весь район. Весь Юг. Вся страна. И почему я, а не Хейс?

– Они, наверное, скорее пропустят женщину, чем мужчину, да еще и черного.

– Ожившие мертвецы и ку-клукс-клан – все тот же бой! –

иронично прокомментировал Хейс.

Уилкоккс устало улыбнулся:

– Как бы там ни было, выбора у нас нет. Силы полиции состоят на данный момент из пяти человек: Сэм, вы, Стивен Бойлз, Биг Т. и я сам. А им там, может быть, имя – легион. Кроме шуток... Когда думаю о том, что послал Джереми на верную смерть... Нужно было оставить его здесь.

– Откуда же вам было знать, Уилкоккс; все мы иногда допускаем какие-то промахи; а вы, между прочим, делаете это реже, чем кто-либо другой!

Сэм подошла и ласково положила руку ему на плечо. И сразу же поверх ручки с ярко-красными ноготками легла его мозолистая лапа.

– Приведите нам подкрепление, Сэм; вы – наша последняя надежда.

– А вы?

– Я уже сказал. Я должен оставаться здесь. Буду пытаться выйти на связь с вашим бюро. Если «они» не знают о том, что мы что-то заподозрили, значит, у нас, может быть, есть еще какие-то шансы. Но если они увидят, как я собственной персоной болтаюсь по городу, разыскивая их, – тогда они пойдут на все, чтобы нас сцапать.

– Вот что мы сейчас сделаем, – сказал Хейс, – я попытаюсь найти Бига Т. с Бойлзом, если получится – встречаемся на выезде из города.

Герби Уилкоккс, закашлявшись, снял руку с руки Сэм:

– Что бы ни случилось, не возвращайтесь за мной. Спасайтесь, если сумеете.

– А население? Бросить его на произвол судьбы? – возмутилась Сэм.

– Сэм! Если вы хотите спасти людей – то есть тех, кто еще остался людьми, – нужно вызвать помощь, нам впятером не сдержать армию этих, этих... всей этой мрази, – закончил Уилкоккс, так и не найдя подходящего названия орудуящим в городе существам.

– Он прав, Сэм, нужно попытаться предупредить остальную часть страны о том, что здесь творится.

– О'кей, о'кей, сдаюсь. Идем? – с улыбкой капитулировала Сэм.

Уилкоккс в знак прощального приветствия поднес два пальца к виску:

– Удачи, агент ФБР Хейс. Удачи, агент ФБР Вестертон. Надеюсь, в сложившихся обстоятельствах вы не будете возражать против того, что я обращаюсь к вам, как к парню?

Она улыбнулась. Хейс пожал ему руку:

– Храни вас Бог, Уилкоккс, – если, конечно, отыщется Бог, которому есть чем помочь такому хитроумному индейцу.

Он распахнул дверь, и в лицо им ударил слепящий свет летнего дня на исходе. Огромные черные тучи, подталкивая друг дружку, поочередно набегали на солнце. Гром праздничного шествия обрушился на них, и на какую-то секунду показалось, что все хорошо и они опять в нормальном мире.

Потом Уилкоккс встряхнул головой:

– Ступайте. Предупредите Бойлза и Бига Т. , чтобы не слишком высовывались.

Марвин двинулся вперед. Сэм – за ним. Праздничная процессия проходила где-то поблизости – слышались аплодисменты, радостные вопли, усыпанные конфетти люди суетливо куда-то спешили – то ли туда, то ли оттуда.

Сэм и Марвин уже с четверть часа бродили в толпе. Перед глазами Сэм вновь возник Герби Уилкоккс – капитан корабля, который вот-вот погрузится в пучину, он сидит за письменным столом и смотрит на нее своими темными глазами. Какой-то тип в маске вампира, вооружившись хлопушкой, бросился на них. Фонтан розовых и зеленых бумажных ленточек брызнул Сэм прямо в нос как раз в тот момент, когда она собиралась нажать на гашетку, – тип так никогда и не узнает, до какой степени был близок к тому, чтобы схлопотать себе дырку в черепе.

– Я пойду по левой стороне улицы, ты – по правой, – предложил Марвин.

– А где встречаемся?

– Мы не встречаемся. Не нужно меня ждать. Ты сматываешь удочки, Сэм. Слышишь?

Сэм молча кивнула, хотя сердце у нее, казалось, вот-вот разорвется.

Марвин дружески сжал ей плечо и быстро растворился в толпе. Сэм двинулась вперед – *ну вот, старушка, Марвин*

ушел, — пытаюсь сконцентрироваться на поставленной перед ней задаче. Но вокруг были люди, так много людей — *и, безусловно, ты не увидишь его больше — ни его, ни Уилкокса*, — что казалось, здесь уже нечем дышать. Она сделала глубокий вдох. То, что вокруг нее все эти люди, сильно осложняло ситуацию.

Сэм люто ненавидела всеобщие праздники, массовые шествия, такой вот энтузиазм по заказу. Федеральный агент Вестертон — образцовый сотрудник, у которого чувства преобладают над разумом не более, чем у компьютера, этот бродячий устав — панически боялась толпы, избыточного скопления народа. Марвин, конечно же, об этом не знал, как, впрочем, и начальство. Об этой своей слабости она никогда никому не упоминала и во время процедуры приема на службу прежде, чем пойти на собеседование к психологу, тщательно изучила тесты Роршаха¹¹ и тому подобное. «Фобия». Да, ее боязнь толпы была почти фобией. Но в отличие от большинства людей Сэм знала, откуда у нее эта фобия. Она появилась в тот далекий день 1963 года, когда родители привели маленькую Саманту на большой новогодний парад в Чайна-тауне, Сан-Франциско.

Малышка — ей было тогда четыре года — отошла всего на несколько шагов и, подхваченная людской волной, потерялась среди огромных ног, похожих на стволы деревьев в лесу. Кто-то взял ее за руку. Благообразный седовласый господин

¹¹ Роршах Герман (1884 — 1922) — швейцарский психиатр

с мечтательным взглядом. Он улыбнулся и повел ее с собой. Дал ей вафлю. Взгляд у него был хороший – очень нежный, и очень ухоженные руки – не то что у папы-механика.

Саманту нашли в подвале – совершенно голая, она была привязана к столу, а над ней склонился благообразный господин с проволочной вешалкой в руках. Рот у нее был заклеен лейкопластырем. Когда в подвал ворвались полицейские, он попытался убежать, и один молодой и слишком эмоциональный агент в форме застрелил его в упор. Ребенок оказался жив-здоров – преступник не успел осуществить свои гнусные замыслы.

Звали того господина Джек Мортон; долгие годы полиция разыскивала его, ибо на его совести было уже много изнасилований и особо зверских убийств детей в возрасте моложе десяти лет.

Саманта узнала об этом много позже, когда, став инспектором ФБР, получила доступ к досье Джека Мортонна. Тогда-то она и увидела фотографии жертв Мортонна. Цветные, во всех подробностях.

После того происшествия Саманта месяц не могла говорить, пребывая в состоянии шока. Она никогда не плакала. Но панический страх перед толпой, запахом толпы, громом музыки вперемешку с приветственными выкриками толпы поселился в ее душе навсегда.

Под оглушительный гром духового оркестра люди обступали ее все плотнее, их становилось все больше и больше.

Вспомнился Марвин – он вечно подсмеивался над ее явной нечувствительностью ко всякого рода внешним факторам. Нет, нечувствительной она не была. Просто она была хрупкой и – исполненной решимости любой ценой сохранить свою весьма относительную уравновешенность.

Какого-то потного мужчину толпой плотно прижало к ней, и ее передернуло от отвращения.

– Саманта!

Она быстро обернулась, всматриваясь в окружавшие ее незнакомые лица.

– Саманта, дорогая!

Пронзительный женский голос; где-то совсем рядом, и знакомый. *Мама?* Саманта опять обернулась, но никому из окружающих и дела до нее не было. *Мама сейчас в Майами, играет в бридж с приятельницами.* Вдруг она почувствовала себя легкой, легкой, будто в невесомости.

– Потерялась, малышка? – прошелестел какой-то нежный мужской голос.

Саманта окаменела. По бокам у нее побежали струйки пота. Незнакомые люди вокруг во все горло распевали гимн Нью-Мексико. Голос вновь зазвучал – так четко, так близко и так знакомо:

– Дядюшка Джек о тебе позаботится...

Нет! Она заткнула уши, кусая губы, чтобы не закричать. Дядюшка Джек склоняется над ней в пропахшей мочой комнате, Дядюшка Джек кладет свои лапы на ее голое тело, Дядюшка Джек

дюшка Джек подносит ей к животу какую-то изогнутую железку, НЕТ!

Какая-то вымазанная сладкой ватой женская физиономия склоняется к ней:

– Вам плохо?

– Нет, я, все в порядке, небольшое головокружение.

Мерзкое головокружение, от которого блевать хочется, мерзкая проклятая гадость, которую какая-то чертова сволочь пытается заставить ее пережить вновь!

Стиснув зубы, сжав кулаки, Саманта двинулась вперед; она уже не ребенок, и плевать ей на Дядюшку Джека; она с удовольствием представила себе, как голова Джека Мортон разлетается на куски, как арбуз, и, продираясь сквозь потную толпу, мысленно цеплялась за этот образ – его мозги, размазанные по стене.

– Шлюшка поганая... – прошептал голос Джека, и в нем звучала угроза, и он был реален, словно чей-то язык, пытающийся заползти ей в ухо.

Саманта мысленно нажала на спуск, и рот Джека Мортон разорвало на кусочки. Пот побежал по бедрам, по животу, блузка приклеилась к телу. Вдруг она четко услышала, как кто-то хихикает.

Какой-то ребенок. Слева. Ребенок с бледной, землистого цвета кожей, с глазами дохлой рыбы, губами цвета крови. Это он хихикал. У Саманты было такое ощущение, будто все чувства у нее невероятно обострились – «патрульный

синдром» – так объяснял когда-то ее инструктор по тактике ближнего боя, ветеран войны во Вьетнаме. Реактивация наиболее древних, на уровне рептилии, частей мозга, вызванная внутренним напряжением. Парни, которым не удавалось перевести себя в это допотопное, находящееся на самой грани сознания, состояние, подрывались на минах или позволяли противнику подойти сзади и перерезать им глотку.

Мальчишка делал вид, что поглощен парадом. Его белая рубашка была уляпана большими пятнами – красными и густыми. Он истерически смеялся.

Словно ангел на облаке, Сэм летела к нему на волнах своего гнева.

Толпа. Визгливые вопли. Оружие красные рты. Оглушительная музыка. Запах пота – сильный, удушающий. Нагромождение влажных горячих тел. Сэм почувствовала, что ноги у нее подгибаются. Какие-то тела, прижатые к ее телу, голова кружится, кружится, кружится, «идем, куколка, идем со мной». НЕТ, голова Джека Мортонa вновь и вновь разлетается на куски, нажимать и нажимать на воображаемую гашетку, нажимать неустанно, и... ребенок исчез!

Сэм замерла у бровки тротуара. Мальчишки больше не было. Там, где он только что стоял, блестела на солнце какая-то лужица. Она наклонилась – в нос ударил резкий запах мочи. А с противоположной стороны улицы ухмылялось что-то желтое, довольное – грязной прорезью в мертвой плоти.

Пуститься вдогонку она не решилась. «Приведите нам

поддержку, Сэм. Вы – наша последняя надежда». Она резко свернула в сторону и пошла, подчиняясь чувству долга: нужно выбраться из толпы. Цель – станция обслуживания Дакка Роджерса. Где должен ждать ее черный «рэйнджровер». Нужно воспользоваться вызванной парадом неразберихой. И к черту Джека Мортон. Джек Мортон только что умер – наконец-то умер, совсем.

Уилкоккс еще раз попытался связаться с Альбукерком, потом – с ФБР. Глухо. Никакой слышимости. Телекс вообще не включался. Факс упрямо твердил: «Неправильно набран номер». Уилкоккс подошел к застекленной пирамиде, достал оттуда пару заряженных пистолетов и пару винтовок и положил все это на письменный стол. Плотно закрыл задвижку на входной двери, укрепил блокирующую ее металлическую перекладину. Закрыл задвижку на двери в коридор, где находятся камеры. Потом сел, сдвинул на лоб старенькую ковбойскую шляпу и принялся ждать, глядя на раскачивающуюся в зарешеченном оконце ветку сирени и стараясь не думать о том, что может твориться снаружи.

Марвин осторожно продвигался вперед – благодаря высокому росту держать ситуацию под контролем не представляло особой трудности. Ему нужно было найти Бойлза, но тот как сквозь землю провалился. Задержался взглядом на стоящем возле фонтана человеке в черном, походившим на него необычайную худобу. С высоты своего роста прочесывая

взглядом толпу, отметил присутствие в ней скупого на слова паренька со станции обслуживания; как бишь его зовут, ах да – Дак Роджерс – он стрелой летел сквозь толпу, словно футболист, решивший во что бы то ни стало забить гол. Чтобы оценить общую ситуацию, Марвин взобрался на мусорный контейнер. И куда, черт возьми, понесло этого придурка Роджерса? На самой окраине толпы мелькнули рыжие кудряшки Сэм. Молодец – уходит потихоньку. Мимо прошел торговец пирожками, и Марвин нахмурился: от пирожков поднималась тошнотворная вонь. Он опустил глаза.

За торговцем шел мальчик. Изношенный черный костюм весь в пятнах, и кожа какая-то синюшная... Мальчик с кладбища! Сердце в груди громко стукнуло. В тот же миг мальчик обернулся и невозмутимо посмотрел на него блеклыми глазами в красных каемках век. Они стояли совсем рядом – голова мальчика была на уровне ног Хейса. И вдруг что-то со скоростью молнии вылетело изо рта мальчишки, обвило собой левую лодыжку Марвина и со страшной силой дернуло. Марвин забил руками в воздухе, теряя равновесие. И рухнул на спину, за контейнер, услышав, как стукнулся о грязный бетон его собственный череп. Поднял голову, пытаясь встать, и увидел, что же обхватило его ногу. Язык мальчишки. Красный заостренный язык, длинный и гибкий, словно змея, плотный и шероховатый. Марвин огляделся в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы стукнуть по языку, чтобы ослабить хватку, – о том, чтобы за *это* хва-

таться руками, и речи быть не могло.

Мертвенно-бледные глаза мальчишки принялись вдруг вращаться то в одну сторону, то в другую, нос сморщился, а сам мальчишка загоготал. Стоило Марвину наконец решиться на то, чтобы схватить эту гадость голыми руками как язык вдруг отпустил его ногу; на серой ткани брюк быстро расплывалось пятно крови. Мальчик, словно хлыстом, щелкнул языком по бетону и нанес им Марвину молниеносный удар в живот. Хейсу показалось, будто его бритвой пополам рассекли. Было слышно, как по другую сторону контейнера какая-то малышка упрямо требует вафель, а отец, повысив голос, возражает. Под общий смех товарищество скотников исполняет песенку «Я бедный одинокий ковбой». А Марвин Хейс, один из самых блестящих агентов ФБР, пребывает тем временем в некоем сюрреалистическом кошмаре, сражаясь с липким и острым, как нож, гигантским языком какого-то ребенка.

Наконец Марвину удалось вытащить из кобуры пистолет; он попытался прицелиться в извивавшийся прямо перед ним чудовищный отросток. Язык обвился вокруг запястья, и Марвин почувствовал, как он давит все сильнее и сильнее; боль стала непереносимой – он закрыл глаза и, сконцентрировав всю свою силу в левой руке, с размаху въехал кулаком в смеющуюся физиономию мальчишки. Ощущение было такое, будто рука вошла в кусок кипящего масла. Он отчетливо слышал, как, ломаясь, затрещали кости носа, ясно видел,

как его кулак погружается внутрь меж глаз мальчишки, как фонтаном хлынула кровь, чувствовал, как костяшки пальцев погружаются в месиво плоти, натываясь на кровеносные сосуды и пролетая насквозь, словно пушечное ядро, врезаются в затылочную кость и, разбив ее вдребезги, выходят наружу. Марвин Хейс четко видел, что его кулак до самого запястья вошел в голову ребенка. Пошевелил пальцами: они были снаружи, с другой стороны черепа. *Я проткнул рукой голову мальчишки. Простите, где же здесь выключатель?*

Язык наконец отпустил его, ребенок попятился, с каким-то всасывающим звуком втягивая на место разбитые части черепа. И Марвин увидел, что его кулак уже на свободе, а размазанное лицо мальчишки, словно резиновая маска, приобретает прежнюю форму – лишь на месте носа зияет кровавая дыра. На забрызганной мозгами земле валялись осколки костей.

Ребенок слизнул их длинным извивающимся языком.

– Видел, что натворил, обезьяна черная?

Голос у него был хриплым и низким – так рычат тигры.

Марвин хотел было прицелиться, но обнаружил, что правая рука у него больше не действует. Пальцы безжизненно повисли. Он быстро перехватил оружие левой рукой.

– А это правда, что у негров кое-какая штучка больше, чем у всех остальных?

Язык взметнулся и, прежде чем Марвин успел что-либо сообразить, ткнулся ему в пах. Хейс ощутил, как упругая

масса – словно в какой-то чудовищной пародии на орогени-
тальный контакт – коснулась его члена, почувствовал, как
в низу живота все скрючилось в ожидании страшной боли.
Пронзительный голос мальчишки резанул слух:

– Она и вправду большая, негритос, мне тоже хотелось бы
такую же; отдашь ее мне?

Марвин ощутил, как змеиноподобный язык все сильнее
сжимает его член, и – просто потому, что содрогнулся от
ужаса, – нажал на гашетку.

Пуля прошла сквозь разбухшую фиолетовую плоть, и
язык, рассекая воздух, рухнул на землю. Послышались кри-
ки – к ним бежали какие-то люди; мальчишка разом вско-
чил на ноги, Марвин с горем пополам выпрямился и замер
с оружием в руках под гвалт сбежавшейся толпы. «О, когда
святые...» – надрывался духовой оркестр; «Вафлю хочу», –
завывала девчонка; яростно лаяла какая-то собака.

Мерзкий мальчишка изуродовал ему правое запястье. И
исчез. Какая-то женщина в ужасе показывала пальцем на его
пах, и, проследив за ее взглядом, он обнаружил, что у него
там расплывается большое мокрое пятно. Поискал глазами
язык, но на усеянном грязными бумажками бетоне ничего
не было.

– Осторожно, он вооружен!

– Не напирайте так, здесь негр с пушкой!

– Он стрелял в детей!

– Он пьян!

– Он весь обоссался!

Какая-то фигура властно прошла через толпу. Марвин, готовый ко всему, напряженно сжал в руке пистолет. Стивен Бойлз отодвинул с дороги какого-то толстого болвана, секунду молча всматривался в Марвина, затем развернулся к жаждущей событий толпе?

– Довольно, расходитесь, выстрел был случайным. Сейчас начнется бег в мешках.

Его черные очки сверкали. Люди потихоньку стали расходиться. Желающих спорить со Стивеном Бойлзом в городе не было. Прежде чем заговорить, Марвин, снимая напряжение, выдохнул. Потом услышал свой голос – какой-то каркающий, словно у ведьмы из «Макбета»:

– На меня напал мальчишка, бледный грязный мальчишка, и...

– Где Саманта?

– Не знаю. Слушайте, Бойлз: в городе орудует шайка мутантов, наделенных необычайными способностями; капитан Строберри оказался одним из них, Уилкокс просил меня вас предупредить. Всякая связь с внешним миром оборвана. Мы можем рассчитывать только на себя. Доверять нельзя никому. Их по меньшей мере шестеро.

И Марвин принялся по пальцам перечислять:

– Женщина, мужчина и мальчишка, которых я видел на кладбище, Мидли, доктор Льюис, капитан Строберри.

– И Аннабелла Уилкис, – добавил кто-то у них за спиной.

Оба вздрогнули от неожиданности. Перед ними стоял Биг Т. – винтовка на плече, фуражка надвинута на загорелый – без единой капельки пота – лоб.

– Я как раз от Аннабеллы. Не слишком приятное зрелище. Все в крови. А в детской на полу – Аннабелла, совсем уже разложившаяся. В ранах черви ползают. На глаз, уже месяца два как труп. Но когда я вошел, она встала, протянула мне руку и сказала: «Привет, Биг Т., хочешь кусочек?» Честное слово, ребята.

Бойлз помотал головой:

– Ты же только что сказал, что она была мертва.

– Да, я сказал, что она была мертва, и сказал, что она была жива. Может быть, вам это не слишком понравится, но, прошу прощения, дело обстоит именно так. Чего тянуть кота за хвост – взял да и прострелил ей голову. Не мог я ее вот так и оставить. Кого угодно, только не Аннабеллу. И пусть кто-нибудь только посмеет мне сказать, что это – убийство.

Марвин склонился, внимательно вглядываясь в его обветренное лицо:

– А что позволяет вам утверждать, что теперь она и в самом деле мертва?

– Все стены детской – в ее мозгах. Голову начисто снесло. Насколько мне известно, в случае с Мидли тяжелая артиллерия имела большой успех. И Бен Картер – упокой, Господи, его душу – тоже по городу что-то не разгуливает. Надо думать, есть в них все же что-то, способное умирать. Ху-

же всего другое, я вдруг подумал: а где сейчас Верна со своим идальго? Кто-нибудь проверил, что они действительно в морге? А бедняга Стэн, с ним что стало? Оставили врагу. Совсем распустились, не в обиду вам будет сказано, капитан. Кстати, что подельывает Вестертон? Наяичники нам вяжет, что ли?

Марвин сощурил черные глаза и наклонился чуть поближе к старому вояке:

– Угадали, сержант; и, между прочим, она попросила у меня пару лесных орешков, чтобы связать вам точно по размеру. Устраивает?

Биг Т. усмехнулся. Марвин продолжил:

– А теперь, если, конечно, желаете, может, вернемся к делу?

– Задача?

– Уничтожить вражеские цели. И остаться в живых.

Биг Т. кивнул, в раздумье сморщив лоб. И вдруг воскликнул:

– Мальчишки!

– Какие мальчишки?

– Джем, Джереми Хокинз и Лори Робсон, они же предупредили нас! Они все знали. Где они теперь?

– Я видел, как они возвращались к старому Лену. Мне показалось, что там они будут в безопасности, – сказал Бойлз; из-за очков вид у него был совершенно непроницаемый.

– Я схожу за ними. Большой безопасности, чем у меня под

боком, они нигде не найдут, – решил Биг Т., привычным движением поправляя повязку на лбу. – Пункт встречи?

– Станция обслуживания Дака, – предложил Бойлз.

– Встречаемся там не позднее чем через два часа, дольше никто никого ждать не будет, – предложил Хейс.

Все кивнули и быстро разошлись.

Над городком прозвучал раскат грома, и сотни грязных бумажек внезапно взлетели, словно туча измятых птиц.

Засаленная бумажка от пакетика с жареной картошкой пронеслась по воздуху, прилепилась к голому плечу Сэм, потом опять взлетела и приземлилась на каскетку какого-то рыяного болельщика «Доджей». Люди подняли головы, с тревогой вглядываясь в помрачневшее небо. Гром снова прокатился по долине, а в рыжие скалы сьерры тут же ударила белая молния.

Крупная капля дождя упала на голую, похожую на огромную сосиску руку какой-то тучной женщины в оранжевой майке с надписью «Церковь Подлинного Откровения». Женщина подняла глаза к небу и отерла руку, испустив при этом тяжкий, но смиренный вздох. Вторая капля угодила ей на испещренный красными прожилками нос – лицо у нее возмущенно скривилось. Сэм тоже подняла голову. Собирался дождь, и далеко не на шутку. Надвигался один из тех характерных для здешней пустыни потоков, что за пару минут превращают город в сплошную трясиину. Праздничное шествие несколько смешалось: люди, похоже, утратили уверенность в том, куда же им дальше двигаться. Лесли Андерсон сдвинул брови, мысленно приказывая небу отменить дождь – если не напрочь, то уж по меньшей мере на сегодня!

Рядом с Сэм женщина в интригующей своей надписью майке отерла нос и с озадаченным видом понюхала пальцы

– написанное на ее лице недоумение мгновенно сменилось гримасой отвращения.

– Но это же моча! – взревела она хриплым голосом заядлой курильщицы.

Стоявший рядом высокий тип с длинными жирными волосами, на черной футболке которого демонстративно красовался огромный позолоченный крест, принялся подшучивать:

– Говорил же я тебе, Марта: не мешай пиво с текилой. Потом еще и в автобусе плохо станет!

– Дьявол! Говорю тебе, что это чертова моча, преподобный отец!

– Ты – чертова безбожница, и речи у тебя чертовы!

Жестом обвинителя она сунула пальцы в тощую физиономию спутника:

– Нюхай, преподобный Роберт Франклин Фалкинз, давай, давай, нюхай!

Преподобный Фалкинз пожал узкими плечами, и тут же очередная капля упала ему на щеку. Он вытер ее худым и грязным указательным пальцем с черной каемочкой под ногтем. Саманта, сама не зная почему, остановилась.

– Вот чертов бардак, братья мои, клянусь, от этого проклятого дождя разит мочой! – завопил вдруг преподобный Фалкинз, размахивая длинными костлявыми руками.

А капли падали – все чаще и чаще. Люди смотрели на тощую, фанатического вида фигуру Фалкинза с сострадани-

ем. Но кое-кто уже изумленно качал головой – слышались восклицания:

– А ведь и правда!

– Мерзость какая!

– Опять эти проклятые фокусы с загрязнением среды!

– Может, мы все рак себе подцепим?

– Вонь жуткая!

Саманта застыла, словно охотничья собака. Небо роняло капли на ее тело, обнаженные руки, щеки; одна из капель мягко шлепнулась ей прямо на губы – Сэм ощутила едкий привкус мочи. Она посмотрела вверх: небо стало еще мрачнее, по нему, раскачиваясь, налетая друг на дружку, летели огромные черные тучи. Поднялся сильный порывистый ветер и разметал последние отзвуки музыки. Торговцы напитками и «чили-догами» стали поспешно собирать товар. На фоне всеобщей сумятицы бросались в глаза два высоких подростка, похожие на неонацистов: они стояли неподвижно, с отсутствующим видом; Сэм подумала, что они, наверное, накачались наркотиками.

– Невада, за мной! – истошным голосом заорала наряженная Буффало Биллом миниатюрная брюнетка, потрясая флагом штата.

И бросилась бегом к стоящему метрах в ста от нее автобусу; за ней рвануло целое стадо каких-то ковбоев не первой молодости.

Саманта с любопытством смотрела на них. *Неужели они*

вот так запросто и уедут?

С треском рвущейся бумаги разверзлись небеса, и потоки теплой мочи обрушились на землю. Под ударами ветра разложенные прилавки рухнули и потонули в едко пахнущих лужах. Охваченные тревогой мамыши, тяжело переваливаясь с боку на бок, бежали к своим жилищам, погоняя перед собой на все лады ревущее потомство. Флаги, вытянувшись по горизонтали, оглушительно хлопали. Рухнул зонт, своротив стоявший под ним столик. Два подростка безмятежно улыбались.

Подвыпившие ковбои добежали до автобуса, выкрашенного в цвета штата Невада, – маленькая брюнетка уже стояла возле него, повелительно размахивая руками. С перекошенными от омерзения лицами они поспешно забрались внутрь. Дождь, от которого шел удушающий запах, струился по телу Сэм – у нее было такое ощущение, словно она попала под струю мочи гигантской кошки. Ну и пусть себе устраивают пись-пись с неба, если им так нравится, плевать ей на это. Ей теперь на все наплевать. Ведь она победила Джека Моргтона. И поэтому улыбалась.

Во влажном тумане, подняв целые волны грязи, автобус тронулся с места. Сделал он это как-то странно: взвыл мотор, автобус рванул на полной скорости, потом резко развернулся, так что его занесло. Сэм смотрела, как он приближается. *Но он же не туда едет...* сквозь опустившийся над городом жидкий занавес дождя она увидела, как толпа в страшной па-

нике бросилась врассыпную, а автобус мчится невесть куда – *шофер, что ли, спятил?* Она автоматически открыла рот, чтобы крикнуть: «Берегись!» – крикнуть, сама не зная кому. В последний момент автобус свернул. Он разнес трибуну, на которой выло от ужаса какое-то зазевавшееся семейство, и Саманта увидела, как огромные колеса проехали прямо по людям, отчетливо услышала, как с треском ломаются человеческие кости, рвется на куски плоть. Не сбавляя скорости, автобус переехал возмущенно разинувшего рот Лесли Андерсона, раскатал его в плоский серо-пурпурный блин, потом опрокинул колесницу из папье-маше с забравшимися туда девочками – участницами парада, и тут Сэм четко увидела водителя. Маленький, очень бледный мальчишка. На нем была слишком большая шоферская фуражка и запятнанная кровью шоферская куртка.

Ничуть не изменив положения плеч, он повернул голову, встретился взглядом с Самантой и расплылся в улыбке. Внутри автобуса на все лады завывали старые ковбои: их швыряло от стенки к стенке, они падали друг на дружку. Мальчишка опять прибавил скорость, его красные глаза горели, словно кровавые фары, а смех прокатился по всему городу, слившись воедино с ворчанием грома.

Саманта увидела, как автобус на безумной скорости, дребезжа, умчался вдаль – по дороге, ведущей в горы. Доносившийся из него вой ужаса смешался с истошными воплями толпы. Автобус на полной скорости вошел в поворот – на

двух колесах – и исчез из виду. Саманта внезапно опомнилась и двинулась в путь.

Небо расколосось на части – гигантская зигзагообразная молния ударила в него и скрылась в холмах. Город плавал в мертвенно-бледном, похожем на электрический, синеватом свете. Какой-то насквозь промокший мальчик плакал, вцепившись в отцовскую ногу. Два подростка хохотали. *Показывая зубы. Длинные и желтые. Господи, так и есть.* Они направились к ней – спокойненько, вызывающе покачивая бедрами; от них несло падалью. Она достала револьвер и неторопливо прицелилась. Они замерли. Тот, что повыше, хотел было что-то сказать, но ненормально обширный набор новеньких длинных зубов ему явно мешал, и вместо слов получилась какая-то гулкая каша – Сэм сумела разобрать лишь: «шлюха... задница... сдохнуть», чего, впрочем, было вполне достаточно для того, чтобы понять их намерения. Она прицелилась в глаз тому, что говорил, и выстрелила. Пуля вошла прямо в зрачок – подросток покачнулся и завизжал. Она прицелилась во второго и опять выстрелила, пробив ему левый глаз. Тот тоже закачался, – похоже, он был удивлен. Потом – на редкость дружно – они выпрямились и бросились за ней; выбитые глаза стекали по не знавшим еще бритвы щекам.

Сэм уже была готова к тому, что сейчас их когтистые пальцы вцепятся ей в плечо, раздирая его до самой кости, как вдруг с размаху налетела на какого-то толстяка со свеколь-

ного цвета физиономией, наряженного шерифом.

– Нет, ну что за бардак; это неслыханно, я буду жаловаться!

Огибая его, она крикнула:

– Бегите, бегите отсюда быстро!

Герман Моргенштейн посмотрел на нее с недоумением. А потом увидел этих засранцев – Чеви Алонсо и Б. 2 Маркеса – наряженные трупами, они мчались во весь опор. Или эти инородцы вознамерились напакостить рыженькой?

– Стоп! Стоять! – взревел Герман, расставив руки в стороны.

Чеви и Б. 2 замерли, глядя на него.

– В нем добрый центнер мяса... – сумел-таки выговорить Б. 2 с мечтательным выражением на лице.

– Ну да, кореш, классный ням-нямчик... – улыбаясь, согласился Чеви.

Он схватил Германа за правую руку и оторвал ее, а Чеви тем временем то же самое сделал с левой.

– Я буду жаловаться... – слабеющим голосом произнес Герман, потом добавил: – Мама... – и рухнул на колени. Истекая слюной, словно пара голодных собак, Чеви и Е. 2 набросились на него.

Дак остановился под зловонным дождем и огляделся. Человек в черном исчез. Он открыл рот, чтобы крикнуть: «Френки», и несметное число жгучих капелек обрушилось

ему на язык. Он сплюнул, но омерзительный вкус так и остался во рту. *Тот, кто извергает всю эту мочу, должно быть, настоящий гигант.* Он увидел, что через опустевшую уже площадь бежит здоровенный черный фэбээровец, а с ним – Стивен Бойлз. На земле, среди опрокинутых прилавков, лежат распластанные тела – плоские, как галеты; дождь, словно иголками, сечет их каплями мочи. Ветер с каждой секундой усиливался – один раз даже дунул так резко, что Дак покачнулся. *Ураган? В это время года их не бывает.* Облака в небе крутились, и даже ветер, казалось, дул со всех сторон сразу. И тут он ее увидел. В самом конце улицы.

Френки.

На ней было белое платье с вырезом на спине – а-ля Мэрилин Монро, – не обращая ни малейшего внимания на бурю, она стояла возле витрины аптеки и разговаривала с каким-то человеком.

С человеком в черном.

Сердце Дака просто взвыло в груди.

Он бросился к ним.

Человек равнодушно на него глянул и опять повернулся к Френки.

Тотчас ветер стал вдвое сильнее, и Дак словно наткнулся на какую-то непроницаемую стену. Перебирая ногами, он без толку протирал подошвы – с места было не сдвинуться. Ничего не понимая, он изо всех сил старался преодолеть невидимый барьер. Чувствовал, как шквал ветра тянет его

назад за волосы, чуть ли не вырывая их с корнем, вдавливая щеки, как страшный вихрь бьет его в грудь, вынуждая отступать шаг за шагом. *Колдовство. Этот человек пустил в ход колдовство.*

Человек в черном тащил куда-то Френки, схватив за запястье. Она отбивалась, что-то беззвучно кричала, но он непреклонно тянул ее за собой. *Отпусти ее!* Шарф, скрывавший лицо мужчины, упал, и Дак увидел нижнюю часть его лица – точнее, ее отсутствие. Торчали кости, вместо носа зияла дыра, безобразные, лишенные десен зубы. Сквозь прорехи в штанах светились белые берцовые кости. *Живой мертвец. Мерзкий. Гадкий.* Дак изогнулся дугой, сражаясь с ветром, напряг все мускулы, силясь его отогнать, и, проклиная себя за слабость, почувствовал, как от гнева и бессилия у него на глазах выступили слезы.

Ветер проскользнул у него между ног, приподнял его, словно соломинку, подбросил в воздух и с силой швырнул на землю – ощущение у Дака было такое, будто он нарвался на борца сумо: с головокружительной скоростью он откатился назад. И чуть не задохнулся от резкого толчка – движение прекратилось. Ремень сумки зацепился за пожарный кран. Дак ухватил ремешок – лямка из плетеного нейлона оказалась достаточно прочной – и, сантиметр за сантиметром, принялся подтягиваться к крану. Ближе к земле ветер был слабее.

Френки уже лежала на тротуаре. Человек в черном гневно

склонился над ней и схватил ее за волосы. В порыве ветра раздался его голос:

– Ты должна пойти с нами! Ты принадлежишь нам!

– Нет, не вам, а Леонарду, отпустите меня!

– Леонарду крышка, он – смертный! Ты должна подчиниться новому порядку!

– Пусти, сукин сын!

Дак наконец добрался до крана, ухватился за него поудобнее – онемевшие пальцы болели. Пролез под ремень – так, чтобы тот обхватывал его вместе с красным металлическим столбом пожарного крана.

Открыть сумку. Ветер дико ударил в лицо, и Дак стукнулся головой о сталь крана. Почувствовал, как треснула кожа на скуле, как потекла кровь, смешиваясь с дождем. Открыть сумку. Достать оттуда помповое ружье. Ощутить пальцами его холодную сталь. Сталь, выточенную человеческими руками. Такую нужную. Действенную. Безо всяких там настроений. Без души. Ветер с размаху хлестнул его по разбитой скуле – капельки крови брызнули вокруг; ветер ухватил его за волосы и со страшной силой дернул – Дак сильно стукнулся носом о кран, по звуку понял, что сломал нос, но боли не ощущал. Он ощущал лишь оружие – приклад в руках, прижатый к животу, над самой землей. Оружие, спрятанное от ветра за крепостной стеной пожарного крана и его собственного тела.левой рукой он взялся за ручку крана. Резко повернул. Вода с яростью ударила в небо,

разгоняя ветер.

Захваченный врасплох, человек в черном отпустил Френки и повернул голову. Дак нажал на гашетку. Еще и еще.

Первая пуля прошила грудь человека в черном – от удара его подбросило в воздух. Потом он рухнул на колени и, смеясь, поднялся. Вторая пуля напрочь снесла ему колено – он по-прежнему смеялся. Третья прошла сквозь горло, и оттуда брызнуло что-то желтое, гнойное, а человек, заходясь от смеха, пил эту брызжущую дождем мерзость. Френки была уже на ногах. Она бежала. Бежала к Даку.

Человек зарычал от гнева и, защищаясь от четвертой пули, вытянул вперед руку. Пуля разбилась о жесткую плоть ладони и взорвалась, превратив руку в горящий факел. И тогда он закричал. Протяжно закричал от изумления и боли. Дака пронзила догадка: этих чертовых марсиан вполне можно уничтожить. *Они горят!* — вполголоса бормотал он. Френки бежала к нему, она была уже совсем рядом, и ветер был бессилен перед ней: она бежала сквозь ветер. Бившая из крана вода развеяла запах мочи. Дак глубоко вздохнул и прицелился. *Умри, гадина.* Человек в черном поднес к лицу пылающую руку и глупейшим образом дул на нее.

Дак прикрыл левый глаз и выстрелил. Пуля прошла сквозь обуглившуюся руку и пробила грудную кость – вспыхнуло пламя. Человек в черном по-звериному вскрикнул и забегал кругами под проливным дождем, но моча отнюдь не гасила огня, а, похоже, лишь подкармливала его – нежно и ласко-

во пламя бежало по телу; человек бросился на землю и с во-
ем покотился, пытаясь выскользнуть из ненасытных объятий
огня.

Френки опустилась рядом с Даком, Френки уже обнимала
его, ее волосы щекотали ему щеку; он положил ружье и сжал
ее в объятиях.

Дождь мало-помалу успокоился; ветер раздувал пламя, и
человек в черном трещал, словно дрова в печи, бешено вер-
телся, хрипло завывал и стал похож на пылающий крест фей-
ерверка.

Френки обняла ладонями лицо Дака:

– Ты весь в крови! Нужно...

– Потом. Пошли.

– Я не могу пойти с тобой, Дак. Я не могу уехать из этого
города.

– Без тебя мне отсюда не выбраться. В одиночку ничего у
меня не получится. Ты должна помочь мне.

– Их теперь уже слишком много. Они вышли из-под кон-
троля старого Леонарда. И скоро уничтожат все. Я не могу
пойти с тобой.

– Я тебя здесь не оставлю.

– Но черт возьми, Дак, ты не понимаешь, что...

– Замолчи! Плевать мне на это, понимаешь, плевать!

Он кричал, все лицо у него было в кровоподтеках и синя-
ках, слипшиеся волосы всклокочены, нос невероятно раздут,
а из распухших глаз лились слезы. Френки протянула руку

– такую бледную-бледную, такую холодную руку – и нежно коснулась его лба.

– Если бы только я знала тебя раньше... если бы только...

Дак разрыдался; он чувствовал, как слезы неудержимо заливают глаза, нос, рот, причиняя жгучую боль, чуть ли не душат его; Френки он видел как будто сквозь туман: она словно колыхалась – такая *бледная*, а глаза такие *темные*.

– Мне нужно идти, Дак; мне и вправду нужно...

Он икнул и, вытянув руку, поймал ее за хрупкое холодное запястье. Что-то у нее с кожей. Кожа Френки приобрела какой-то безобразный землистый оттенок. Раздался дикий смех: смеялось нечто – догоравшее, похожее на черного паука – черного паука боли. Френки посмотрела на руку Дака, обнявшую ее, в синих прожилках, запястье.

– Ты же сам видишь, что все кончено.

Голос ее доносился как бы издалека, стал каким-то странным:

– Я так устала, Дак, наверное, я сейчас...

– Нет!

Дак взревел, сдернул сумку с пожарного крана, не выпустив при этом из руки запястья Френки, нагнулся и гибким движением забросил девушку себе на плечи. И двинулся в путь, выставив перед собой помповое ружье – словно обгаренный кровью злодей с добычей на плечах. Он взял курс на станцию обслуживания. Френки была почти невесомой – легкое холодное прикосновение к затылку, холодное за-

пястье в его ладони. Френки ничего не говорила – она едва дышала, прикрыв глаза, и была так бледна, что казалась голубой.

На площади, словно рдеющая куча углей, дотлевал Френк Мартин, и от него жутко несло паленым поросенком.

Славный белый поросенок
Ты гуляй ты мне не нужен
Гадкий черный поросенок
Нынче съем тебя на ужин
НЕТ!

Лори внезапно проснулся; во рту пересохло, меж бедер было мокро. Уснул! Уснул и написал в штаны! Сердце в груди бешено колотилось. Пару секунд он пребывал в сладчайшем заблуждении: всего лишь жуткий кошмарный сон; потом локтем наткнулся на Джема и понял, что все это будет продолжаться и дальше. Он шепнул во тьме шкафа:

– Джем!

– Ну что?

– Я заснул.

– Я тоже.

– Ничего не слышно. Наверное, она вышла куда-нибудь.

– Надо отсюда сматываться.

– А если она там?

– В любом случае нам крышка.

Лори рассмотрел это умозаключение с самых разных точек зрения, не нашел ни одной, на его взгляд, удовлетворительной и решился:

– Ладно, надо только дверь ногами высадить. Спинами упрямся в стену и – бум! Подумаешь, какой-то несчастный старый шкаф.

Джем вздохнул:

– О'кей, старик, невелика задача.

Они уперлись спинами в стену, подтянув коленки к груди, держа лодыжки под прямым углом к шкафу. Снаружи по-прежнему не доносилось ни звука.

– У меня сейчас судороги начнутся... – прошептал Лори.

– По счету «три». Раз, два, три!

Ноги их с силой распрямились, подошвы кроссовок одновременно ударили в деревянные створки шкафа – старый замок не выдержал, винты, на которых он держался, вылетели.

Дерево треснуло, и воцарилась тишина. Лори осторожно высунул голову из шкафа. На плите по-прежнему кипела кастрюля с той мерзкой похлебкой. Он выбрался из шкафа и выпрямился во весь рост.

– Вот видишь, оказалось проще простого, – сказал он, обернувшись к Джемму.

Джем, в свою очередь вылезавший из шкафа, вдруг замер, стоя на четвереньках, подняв голову вверх. Его выпученные глаза уставились на Лори, а губы дрожали. Лори поторопил его:

– Скорей, старик, надо сматываться!

Джем издал какой-то странный, булькающий звук, и Лори склонился к нему:

– Ты что?

– Та-та-та-та...

– Плохо тебе, что ли?

На какой-то момент у него в голове мелькнула мысль о том, что стоявший в кухне отвратительный запах – как отдохлой собаки – исходит не от кастрюли, а от Джема. У него вдруг возникло ощущение, будто кто-то сверлит его взглядом, и он обернулся: никого.

Он схватил Джема за руку:

– Скорей же, черт возьми.

– Та-та-там... – прошептал белый как полотно Джем.

Дальше все происходило с такой скоростью, что Лори, похоже, просто физически познал смысл слова «демультипликация». Он запрокинул голову и увидел ее. *Ведьму*. Она распласталась под потолком, в руках у нее длинная вилка, к вымазанному кровью белому кухонному переднику прилипла какая-то шерсть; здоровым глазом она смотрит на него и улыбается от уха до уха, а губы – будто раздавленная клубника; все это он едва успел заметить, ибо в то же мгновение, словно ослепший от ужаса вспугнутый фарами кролик, уже летел к газовой плите, своротив по пути мусорное ведро.

Раздался ее яростный вопль, сталь вилки скользнула по его бедру, но он уже схватил с плиты кастрюлю и запустил

ей в физиономию.

Смрадная жидкость выплеснулась на гнилое тело женщины, на платье, некогда бывшее розовым, а тяжелый чугунок окончательно снял с нее скальп. Она потеряла равновесие, покачнулась, ее единственный глаз воззрился на Лори с бесконечным изумлением и упреком – ни дать ни взять образцовая хозяйюшка, у которой вырвался из рук приготовленный к закланию цыпленок. А Лори уже схватил деревянный стол и швырнул его ей под ноги. Она отшатнулась назад, поскользнулась на разлитой похлебке из человеческих останков и полетела на кафельный пол.

Джем поднялся, схватил стул и в тот самый момент, когда женщина упала, изо всех сил обрушил его на нее – ножками вперед, словно желая пригвоздить ее к полу. Так оно и вышло: стальные ножки легко, словно в масло, вонзились в живот и бедра того существа, что некогда было Хелен Мартин, – оттуда с шорохом хлынуло несметное множество тараканов, фонтаном брызнул гной. Женщина в ярости зарычала, как тигр, и отшвырнула стул, но мальчики были уже в гостиной и бегом огибали старательно накрытый стол; Джем успел заметить – к своему величайшему изумлению, – что старый хрустальный графин наполнен каким-то густым красным соком и – *не может того быть, но это головы мальчишек, – три стакана на столе – это головы мальчишек, отпиленные чуть выше бровей и вычищенные изнутри, и, черт возьми, ведь среди них голова милейшего старинны Мэтью Левина –*

даже очки на носу красуются, о, черт... — ребята вылетели за дверь и со всех ног бросились к шоссе – только фонтаны грязи летели во все стороны, – а оживший труп Хелен Мартин, размахивая вилкой, изрыгал им вслед проклятия.

Поскользнувшись, Джем растянулся во весь рост, почувствовал, как теплая грязь проникла под футболку, забрызгала лицо, – испачканный с головы до пят, он стал подниматься. Лори помог ему:

– Вот те на, парень; знаю я, что ты всю жизнь мечтал быть чернокожим, но время ли сейчас...

Джем уже опять бежал – и смеялся как дурак. Удивительно, как это люди смеются иногда, невзирая ни на какие обстоятельства. А может, это потому, что бежит он во сне? Быстро оглянувшись, он убедился, что ни о каких снах и речи нет, и побежал быстрее. *Джеремии Хокинз, бешеный спринтер из Нью-Мексико, побивает свой собственный рекорд! Секрет вашего успеха, Джеремии? – Надо хорошенько сдрейфить, дорогие слушатели; если вы как следует сдрейфите, да еще за вами погонится этакий миленький зомби, тут, дорогие слушатели, вы и ягуара запросто перегоните.* Не сбавляя скорости, они выскочили на шоссе и побежали вдоль кладбища под мерное хлюпанье полных жидкой грязи кроссовок по мокрому асфальту.

Небо было настолько мрачным, что вокруг потемнело, как ночью, а из города, похоже, жутко несло мочой. Из центра доносились какие-то вопли, крики ужаса и боли. Они бежа-

ли по усыпанному конфетти тротуару, сердца у них колотились – такое впечатление, что уже о ребра, – и Джем подумал: *дышать больше не могу, сейчас меня вырвет.*

– Стоп! – закричал Лори. – СТОП!

По инерции ноги Джема еще пару-тройку метров отбивали ритм, потом он в изнеможении остановился, пытаясь отдышаться – легкие огнем горели.

Лори догнал его, прижимая руку к боку, – он так покраснел, что кожа казалась фиолетовой.

– Станция обслуживания... – прошептал он, болезненно вздохнув.

Джем поднял голову – в ней гулко отдавались бешеные удары-сердца.

Слева, по ту сторону шоссе, была станция обслуживания Дака. Справа, метрах в десяти – черно-золотая решетка кладбищенских ворот. Перед станцией обслуживания стоял черный «рэйндровер» с поднятым капотом, и кто-то, склонившись, копался в моторе. Какая-то женщина.

– Девушка из ФБР... – выпрямляясь, со свистом выдохнул Джем.

– Идем!

Лори взял его за руку, и они дружно затрусили через дорогу – как две старых клячи в родную конюшню.

Саманта, заслышав шаги, подняла голову. Когда до нее донесся вой того толстяка в костюме шерифа и, обернувшись, она увидела кровь, фонтаном бьющую из его плеч и разорванного горла, она побежала прямо сюда – неслась, не чуя под собой ног, не видя ничего вокруг, не слушая ни криков, ни возмущенного ворчания. Бегом. Не разбирая дороги. Промокшая блузка прилипла к телу, волосы повисли прядями. Несмотря на все это, Лори она показалась красивой. Сэм взглянула на них – коротко и строго – и снова занялась мотором «рэйнджровера».

Они тихо подошли и замерли метрах в трех от нее. Сэм снова подняла голову – лоб у нее был вымазан машинной смазкой.

– Подлая тачка никак не хочет ехать.

Джем напряженно вглядывался в нее. Он ждал проявления какого-нибудь признака, но она выглядела вполне нормальной. Повернулся к Лори – тот помотал головой.

– Ну что, выдержала экзамен? – спросила Саманта, сильно потянув за какой-то проводок, – проводок так и остался у нее в руке. – Черт!

Лори подошел и заглянул в мотор:

– Там батареи не хватает.

– Что?

Он показал ей пустующее гнездо.

– Не мешало бы ФБР раскошелиться на занятия по механике.

Сэм выпрямилась, вытерла руки о некогда бежевую юбку.

– Ах-ах, с тобой, знаешь ли, не соскучишься. Ладно, поищем что-нибудь другое.

– Может, в гараже есть батарея, – нисколько не растерявшись, сказал Лори.

Саманта пристально посмотрела на мальчишек – вымазанные грязью и кровью, они стояли на фоне почерневшего горизонта и, несмотря на все, что довелось им пережить, были полны надежды и доброй воли – и почувствовала нечто невероятное, оно родилось где-то в горле и внезапно подкатило к глазам: агент Саманта Вестертон, обладавшая легендарным чувством самоконтроля, при виде этих двух оборванных человечков, храбро сжимавших кулаки, ощутила непреодолимое желание разреветься – реветь и реветь, проливая потоки слез за всех малышей мира, за ту несчастную малышку, которой сама когда-то была. Она повернулась и решительным шагом направилась к гаражу, гневно пытаясь сдержать слезы: не нужно, чтобы они видели, как она раскисла, незачем им знать, что она теряет почву под ногами.

Лори двинулся за ней – робко, словно увязавшийся за случайным прохожим бездомный пес. Саманта отодвинула тяжелую железную дверь, взгляделась в полумрак пропахшего машинным маслом помещения: верстак, заваленный инстру-

ментами, старый «шевроле», стоящий над ямой, два мотоцикла без покрышек, завернутые в старые газеты детали мотора. Лори проскользнул в гараж и начал рыться во всех углах. Сэм неподвижно стояла, проклиная себя за беспомощность по части механики.

Джем протянул ей связку бумаг, найденных у Аннабеллы Уилкис. Саманта села на груды покрышек и принялась читать; Джем опустился на корточки рядом с ней.

«Невероятное происшествие с Аннабеллой Уилкис, записанное ею собственноручно.»

Все началось в тот день, когда я умерла. Не буду останавливаться на трагических обстоятельствах, приведших к моей кончине. Скажу только, что все произошло темной ночью в неглубоком болоте вследствие позорного предательства, и тело мое было доставлено в морг для вскрытия.

В принципе я не должна ничего помнить. Но в том-то весь и фокус. Я помню. И с тех пор как вспомнила, начала снова умирать. Однако я забегаю вперед.

Вернемся к той роковой ночи; ружейные пули пронзили мне грудь, я потеряла сознание и пошла ко дну – рот был полон противной на вкус воды.

Последняя мысль была о том, что все это крайне несправедливо.

Очнулась я в большом, ярко освещенном зале. Великолепная венецианская люстра горела всеми огнями, освещая черный пол, – более блестящего паркета я в жизни не видела.

Изумленная, я шагнула вперед. Где же я? Или моя смерть мне приснилась? Раздались три удара, и в глубине зала распахнулись огромные металлические двери, которых я до сих пор не замечала; в проем хлынула несметная толпа. Тонкие черные завесы соскользнули на пол, открывая взору сверкающие механизмы – все из золота и серебра. Я робко подошла и вдруг поняла, где я. В казино – передо мной стояли самые красивые игральные автоматы из всех, что мне доводилось когда-либо видеть.

Внезапно я вспомнила о том, что в подобных местах нужно быть соответствующим образом одетой, поднесла руку к талии и с ужасом обнаружила, что стою совершенно голая, вся в грязи и водорослях. В панике прикрыла грудь руками – руки тут же оказались вымазаны запекшейся кровью. Я чуть не закричала, но вовремя заметила, что все окружающие меня люди были помечены отвратительным клеймом смерти и, как и я, двигались по залу молча.

Значит, это не сон, и я действительно умерла, – тотчас я поняла, что Всевышний отправил меня на своего рода сортировочную станцию. Конечно, меня несколько удивило, что Высший суд вершится в столь гибельном месте, но пути Господни неисповедимы. Я внутренне содрогнулась, представив себе, что через несколько секунд меня низвергнут в чистилище или даже в ад, – претендовать на рай у меня наглости не хватило. Ко мне подошли двое мужчин – огромные, коротко подстриженные, в элегантных костюмах цве-

та морской волны. На них были черные маски, и поэтому невозможно было отличить их друг от друга. Я решила, что они – либо современные ангелы, либо какие-нибудь духи из высших сфер.

– Аннабелла Уилкис? – произнес один из них.

– Будьте любезны следовать за нами, – не дожидаясь моего ответа, сказал второй.

Я пошла за ними, пытаясь скрыть свою наготу от прочих умерших, – мне было стыдно. Мы шли сквозь бродившую по черному паркету толпу, и, несмотря на крайнее смущение, я заметила, что многие из усопших решили попытаться счастья с помощью «одноруких бандитов» и роются в карманах в поисках мелочи.

Мы подошли к огромному сверкающему игральному автомату, над которым висела табличка: «Суперприз».

Возле нее на кожаном табурете сидел очень тощий старик в болтающемся на нем усыпанном блестками смокинге и наблюдал за работой механизма. Он повернулся ко мне, и я увидела, что лица у него нет. Какая-то серая бесформенная масса. Я упала на колени.

– Ну встаньте же, – сказал один из мужчин.

– Встаньте же, ну, – произнес второй, поднимая меня.

Безликий старик протянул ко мне иссохшую руку, и его пальцы легли мне на грудь. Я ощутила острую боль – как от удара ножом – и секунду спустя увидела в его руке плоский красный диск в форме сердца. Я оторопела, взглянула себе

на грудь, но там и без того было слишком много ран.

Старик сунул плоский диск в форме сердца в щель для жетонов и нажал на ручку автомата. Заработал механизм; я стояла и слушала его бездушиную музыку. Автомат замедлил движение и замер; нашим взорам предстали три фигурки – толстощекие ангелочки держали табличку с надписью: „Вторая попытка/Вторая попытка/ Вторая попытка“.

– Bravo, – шепнул мне один из мужчин.

– Bravo, – подтвердил второй.

С оглушительным звоном из машины посыпался град жетонов. Старик без лица сгреб их рукой и швырнул мне целую горсть. Прежде чем я успела их поймать, жетоны превратились в платье, пару туфель и дамскую сумку – совсем как в том мультфильме про Золушку, что мы смотрели с отцом в „Варьете“ Санта-Фе. Последний из жетонов упал мне прямо на ладошку и тут же превратился в авиабилет – я тупо уставилась на него. Билет «Дельта Эр Лайнз» с надписью: Джексонвилль – в один конец“.

– Поторопитесь, вылет через час, – сказал один из мужчин.

– Через час, в Джексонвилль, – шепнул второй.

– Я в изумлении уставилась на них.

Одинаковые лица под черными масками улыбались. Они отклонялись и пошли за следующим – маленьким тощим человечком в пижаме – к нему все еще был прикреплен аппарат для вливания лекарств; человек был явно очень напуган, и

к безликому старику им пришлось его просто нести.

– Оставьте меня, я ничего плохого не сделал, – вопил человек.

– Ку-клукс-клан, – прошептал один из стражей.

– Суд Линча, – шепнул второй.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулась и обомлела.

Это был Леонард Ахиллес.

Дед! Дед и в самом деле оказался колдуном!

Он сказал мне:

– Добро пожаловать на Территорию Второй Попытки, Аннабелла. Я замолвил за тебя словечко.

– Леонард? Но что вы здесь делаете?

– Собираю урожай души. Однажды „он“ впал в такое безразличие ко всему, что позволил мне умыкнуть капельку своей власти, – так мать позволяет ребенку втихаря утащить кусочек пирога. У меня даже свое поле игры: Джексонвилль; но идем же скорее, иначе на самолет опоздаем.

– На самолет? Но я мертва, Леонард!

– Уже нет, Аннабелла, потому что вам дали вторую попытку. Разумеется, вам придется жить только в Джексонвилле, и, разумеется, вы никогда не должны вспоминать о том, что находитесь в состоянии временного воскрешения. Ибо в тот день, когда вы об этом вспомните, умрете снова.

Сказав это, он провел мне рукой по лбу.

Я пришла в себя уже в самолете. Стюардесса предлагала мне холодного цыпленка. Я все забыла – помнила лишь о

том, что ушла от мужа и возвращалась домой. И все эти годы даже не подозревала о том, что я – лишь видимость живого существа.

Но в прошлом году что-то случилось.

У меня начались эти ужасные головные боли, стали сниться кошмары, в которых я тонула в ледяной воде. По ночам казалось, что кто-то стучится в окно, какие-то бледные лица заглядывают в комнату и зовут меня. Однажды ночью я встала и подошла к окну. И отчетливо увидела маленького Пола Мартина, незадолго до этого погибшего в автокатастрофе. Он улыбнулся и показал что-то болтавшееся у него в руке. Я узнала Сэмми, своего сиамского кота, – он был наполовину съеден. Пол доел его у меня на глазах, рыгнул и исчез. Сердце выпрыгивало у меня из груди, я вцепилась в спинку кровати, а в голове крутилась чудовищная мысль: он съел его один, а мне так хотелось кусочек. Ужаснувшись тому, что подобное могло прийти мне хотя бы на ум, я бросилась на колени и молилась много часов подряд. Но на следующий же день мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не проглотить мышшь, которую я нашла на кухне в мышеловке. Напрасно я старалась опомниться – становилось все хуже и хуже. Появился этот запах – запах отхожего места и помойки, он преследовал меня, вынуждая по сто раз на дню мыть руки, – пока в один прекрасный день не отвалился с ладони кусок кожи, оставив квадрат ничем не защищенного почерневшего мяса.

И тогда моя жизнь превратилась в сплошной ужас. На грани моего сознания бродило нечто – что-то такое, чего я не должна была помнить, но оно росло и росло, упорно пробиваясь в память. Тело мое стало быстро сдавать, волосы выпадали, кожа отваливалась целыми кусками, а сны мои тем временем становились все конкретнее. И однажды утром, проснувшись, я обнаружила, что помню все. Помню, что умерла, помню старика без лица, помню про Леонарда.

Леонард! Я сразу же предупредила его о том, что происходит, но вид у него был какой-то бессильный, отчаявшийся, и я поняла, что он столкнулся с вражескими силами. Я рассказала ему, как Пол Мартин появился у меня под окном, и он грустно покачал головой.

– Эти идиоты не знают, что творят, – проворчал он.

– А как же я, со мной-то что будет? – спросила я у него.

Леонард пожал плечами:

– Я ничем не могу тебе помочь, Аннабелла. Теперь ты и в самом деле умрешь.

– Но я не хочу!

– Ты и так прожила на много лет больше, чем могла бы!

– Но я же не знала, что это так, и никак ими не воспользовалась!

– А это лучше всего! Но что вы все себе вообразили? Я вам что – торгош какой-нибудь? Ты получила то, о чем подавляющее большинство людей на протяжении всей истории человечества и мечтать не смеет, и еще чего-то требуешь!

Тебе не кажется, что у меня в данный момент могут быть и другие заботы? До чего же вы все неблагодарный народ!

И он быстро ушел, очень сердитый. Напрасно я звала его. Он даже не обернулся. Я плакала – плакала так сильно, что мне показалось, будто вместе со слезами по щекам скатились и глаза; это ужаснуло меня. Я бросилась к зеркалу и поняла, что так оно и есть. Завывая от страха, я заперлась на все замки и объявила, что у меня страшный грипп. С этого момента заботу обо мне взяло на себя семейство Мартинов; они часто заходят ко мне, предлагая то, от чего у меня слюнки текут: трупы животных, куски мяса людей, погибших в автокатастрофах, насекомых и грызунов, – день ото дня я становлюсь все голоднее и приобретаю все более зверские повадки».

Саманта подняла голову. Лори подошел и тоже читал, выглядывая из-за ее плеча.

«Они говорят, что царствованию Леонарда пришел конец, что новые хозяева Джексонавилля – это они, что нас, мертвых, Леонард обманул, заставил играть роль живых, в то время как живые существуют лишь для того, чтобы служить нам, мертвым, что вскоре – когда все мы проснемся – нам будет принадлежать весь мир, ибо жизнь и смерть есть два лика одного и того же мгновения, как день и ночь, и что если до сих пор царил день, то теперь пришло время

ночи и легионов Тьмы.

Есть ли у меня и в самом деле какой-то выбор? Сильно подозреваю, что имя хозяина, которому служит семейство Мартинов, – Версус... »

Версус... где же Сэм слышала это имя? Ах да – индейская легенда о тараканах...

«... и моя охваченная ужасом душа хотела бы найти приют в теплом небе, но час за часом я все больше разлагаюсь, теперь я уже не смею смотреться в зеркало, не смею дышать из страха почувствовать запах клоаки из собственного рта и все время хочу есть, есть, так хочу есть – есть человеческую плоть, я хочу пожирать живых».

Так. Утешительные новости. Версус, должно быть, божество вполне конкурентоспособное, если принять на веру чудеса, свершенные его адептами. Сэм аккуратно сложила листочки рукописи и убрала к себе в сумку. Джем молча встал. Лори объявил:

– Ничего подходящего я не нашел.

Сэм взглянула на него и увидела его раздутую, посиневшую щеку, багровую царапину. Рана выглядела ужасно глубокой и – как будто шевелилась? Лори, проследив за ее взглядом, поспешно схватился рукой за щеку:

– А, пустяки, совсем не болит.

Снаружи снова пошел дождь – сильный и грязный, – и Джем укрылся под проржавевшим навесом возле дизельного насоса. Он чувствовал себя опустошенным. *Что же такое Дед – человек? Или что-то вроде ангела?* Под проливным дождем – жирным и противным, словно вода из-под грязной посуды, – город блестел; по тротуарам бежали целые потоки, образуя водовороты над решетками стоков. Хотя поблизости ничего и никого не было, Джему слышался приглушенный гул умоляющих голосов. Он был один. *Я и в самом деле его внук?* Лишь обесцвеченные дождем стены да окна на фоне серого неба, отдаленный страдальческий ропот. В голове мелькнуло: *этот город умирает*, и – трудно поверить, но бегущая с крыш вода прямо на глазах стада вдруг красной. Какой-то светлый предмет крутился над решеткой водостока совсем рядом, и Джем сощурил глаза, пытаясь его разглядеть.

Это была рука. Поток мерзкой воды удалось-таки увлечь ее с собой, и рука на какой-то момент всплыла посреди улицы, анекдотически выставив палец в небо – словно говоря: «Класс, ребята, все отлично», – а затем скрылась под водой. Потом водостоки начали извергать потоки крови и куски человеческой плоти – город зловеще отрыгивал свою чудовищную трапезу.

От этого жуткого зрелища Джема отвлек внезапно раздавшийся скрип. Ворота кладбища медленно отворялись, за ними были видны какие-то неясные фигуры, группами стояв-

шие под дождем. *Ну, дело совсем дрянь. Дерьмовее уже некуда, дружок.* Джем бросился к гаражу:

– Нужно ехать. И сейчас же.

– Как? – возмутился Лори, в отчаянии швырнув на землю пачку свечей.

– На машине твоего отца!

– Отца?

В голосе Лори зазвучали болезненно-тонкие нотки. *Папа, где сейчас папа? И что с мамой?* Он бросил их!

– Лори! Так надо! – заорал Джем, встряхивая его за плечи.

Сэм схватилась за револьвер:

– Что происходит?

Джем молча указал в сторону кладбища. Сэм быстро окинула взглядом столпившиеся возле ворот под завесой дождя фигуры – *нет, это уже слишком. Угодить в этот Трупвилль, да еще в самый разгар ежегодного слеша, это уже слишком. Тоже мне – «утечка радиоактивных элементов», – да просто-напросто старая добрая нечистая сила вернулась – жива и здорова. Алле-гоп, Версус наносит удар здесь, легионы тьмы обходят противника там! Эй, воскресшие, вы малость ошиблись эпохой, на дворе 1994 год, чеснок у нас теперь только сублимированный!* — и быстро оттащила Джема назад. Все трое забились в угол, в темноту гаража. Сэм сказала, указав на ручку раздвижной металлической двери:

– Если покажется, что они хотят перейти через дорогу, закрывайтесь.

– А вы куда?

– Наполнить канистры бензином. Лори, собери в кучу все тряпки и приготовь спички.

Сэм подхватила две двадцатилитровые канистры и, прижимаясь к стене, проскользнула к насосу. *Тараканы + Версус = Бардак. Сэм, ты, девочка моя, похоже, по какому-то недосмотру угодила в самую гущу битвы, что ведется уже не одну тысячу лет. И если я не ошибаюсь, бог света – это солнце, тепло, огонь.* Этих тварей наверняка можно жечь – любой восьмилетний малыш это знает. По ту сторону дороги фигуры, сбившиеся в воротах кладбища, похоже, ничего не собирались предпринимать. Сэм смутно различала мертвенно-бледные лица, тощие тела, прикрытые лохмотьями. Не спуская с них глаз, она наполнила канистры. С помощью бензина можно хотя бы попытаться дать отпор, если эти мешки тухлого мяса вздумают на них наброситься. Все так же – быстро, по стенке – она добралась до гаража, мысленно благословляя его надежную полутьму. От ее одежды и от нее самой несло помойкой, и мальчишки сморщили носы.

– Они запустили дождь из каких-то помоев, – заявил Джем, не сводя глаз с кладбища и тихо замерших фигур.

– Все же лучше, чем недавняя моча.

Ребята с удивлением уставились на нее, и Сэм объяснила им, что произошло, а потом они, в свою очередь, поведали ей пережитое ими приключение. Пока они разговаривали, бледные фигуры начали потихоньку подползать к шос-

се. Выглядели они очень мирно и с удивлением смотрели по сторонам.

Лори сквозь зубы пробормотал:

– Добро пожаловать на Ярмарку Безмозглых! Через пять минут вы увидите большое представление – Зомби-шоу!

Шум дождя вырвал Рут из забытья. Она открыла глаза, удивилась, почему вдруг сидит здесь, потом все вспомнила. Свет дня померк, церковь затопила фиолетовая полутьма, и бледный гипсовый Иисус на большом распятии казался ледяным. Рут ломала голову над тем, как же выбраться из города. Может, лучше остаться здесь, в этом убежище, пока все не кончится? «А как, по-твоему, оно может кончиться?» – проворчал ей на ухо Герберт. Да, по-видимому, все вполне может закончиться плохо, очень плохо для Джексонвилля.

Легкий шум отвлек ее от размышлений. Дверь ризницы отворилась, оттуда вышел отец Рэндалл. Он совершал богослужения в этой церкви уже около тридцати лет. Пожилой человек крепкого сложения с крупными кистями рук – он был сыном фермера, – ярый приверженец соблюдения традиций, он всегда носил сутану. Коротко подстриженные седые волосы обрамляли кирпичного цвета лицо. Он много раз исповедовал Рут, и, увидев его, она несколько приободрилась.

Прижимая к груди молитвенник, он шаркающей походкой подошел к ней.

Рут поднялась со скамьи. Старый священник остановился, сощурившись.

– Это вы, Рут?

– Отец мой, происходит нечто ужасное!

В полумраке церковных сводов он взгляделся в нее повнимательнее. Рут чувствовала, как слова застревают в горле. Она сглотнула слюну и выпалила:

– Город во власти черта.

– Что еще за сказки? Рут, в вашем-то возрасте! что-то не замечал за вами прежде пристрастия к розыгрышам. Или из ума уже выживать начали?

Рут сильно покраснела, понимая, какое могла произвести впечатление: в домашнем платье и тапочках, всклокоченная, да еще и со шваброй в руке.

Дождь хлынул сильнее, и отец Рэндалл поднял глаза к витражу:

– Очень люблю дождь.

– Вы должны мне поверить. По городу мертвые разгуливают! Нужно же что-то сделать!

– Рут, вы что – всерьез хотите, чтобы я поверил в этот вздор?

– Они захватили мой дом!

– Кто?

– Тараканы! Миллионы тараканов! Они хотели убить меня!

– Этот город не впервые переживает нашествие тараканов.

Отец Рэндалл, похоже, терял терпение. Молния озарила маленький неф, и его светлые глаза вспыхнули.

Рут размышляла о том, как бы его убедить. Стоит ли тратить на это время? С другой стороны, он, несомненно, единственный человек, способный навести порядок. Ведь стоит ему только сделать это... как его... «Совершить обряд изгнания духов, дуреха», – раздраженно подсказал Герберт – да, точно: обряд изгнания духов.

– Нужно, чтобы вы совершили обряд изгнания злых духов. Это наш последний шанс!

Отец Рэндалл холодно улыбнулся:

– Рут, вы часом не заболели? Вы и в самом деле полагаете, что я, в моем-то возрасте да с ишиасом, так и брошусь бороться с бесами?

– Но поверьте же мне! – вскричала Рут и, опрокинув стоявшую на алтаре дароносицу, схватила лежащее рядом большое золоченое распятие. – Возьмите это и идите со мной, сами увидите, что я не лгу!

Отец Рэндалл отступил на шаг:

– Что вы такое творите, безумица старая!

Рут пристыженно затихла. Шум дождя опять усилился, в церкви совсем помрачнело. Капельки крови на теле распятого Христа блестели как настоящие. Рут втянула носом воздух и смущенно спросила:

– Вы чувствуете этот запах?

– Какой запах?

– Будто где-то тут лежитдохлое животное...

Отец Рэндалл пожал плечами – он уже, похоже, был разгневан.

– Положите на место распятие и ступайте в ризницу, там мы с вами все спокойно обсудим.

– Нет! Вы считаете меня старой идиоткой, но я знаю, что говорю; нам всем грозит опасность! В городе полно мертвецов!

«Все священники – твари хитрющие!» – рявкнул ей в ухо Герберт. «Помолчи», – мысленно приказала она ему.

Отец Рэндалл молча ее разглядывал, в колеблющемся свете витража зрочки его на какой-то момент вспыхнули красным светом. Запах дохлятины усилился – до такой степени, что Рут испугалась: вдруг ее сейчас вырвет. Отец Рэндалл, похоже, воня не замечал. Рут подумала о том, что он и сам смахивает на бледную гипсовую статую. Рут шагнула к нему, держа распятие в правой руке.

– Брось его, идиотка, – прорычал какой-то замогильный голос.

Рут подскочила от испуга:

– Слышали? Отец мой, они уже здесь!

Отец Рэндалл слегка повернулся к ней и, скрестив руки на молитвеннике, улыбнулся совсем как прежде – дружески, приветливо.

– Сделаешь ты наконец то, что велено, шлюха старая? – снова прорычал тот голос, и витражи содрогнулись от вне-

запного ветра.

Рут огляделась, прижимая к груди распятие.

– Это все из-за распятия, – шепнула она отцу Рэндаллу, подходя к нему поближе, – они боятся его! Я была права, когда пришла в церковь! Теперь-то вы мне верите?

Она оказалась наискось от ризницы; дверь была приоткрыта, и Рут машинально заглянула внутрь. На полу что-то валялось – *куча тряпья*? Она повернулась к отцу Рэндаллу – он как-то странно, словно пытаясь защититься, тряс перед лицом своей книжицей. Над переплетом сверкали его глаза – совсем красные. Испугался он ее, что ли? Смешно. *Красные*. Вспышка молнии озарила ризницу. Из-под кучи тряпья торчали ноги. Детские ноги с оторванными ступнями.

Она почувствовала, что во рту пересохло, повернулась к отцу Рэндаллу – он как раз склонялся над ней, и Рут показалось, что он поспешно что-то спрятал во рту. Она отступила на шаг, прижимая к груди распятие. *Красные*.

— Отец Рэндалл?

– Да, дочь моя, я слушаю.

Голос священника стал почему-то до смешного тонким, а в бегущих по бокам рта складках появились белые треугольники, похожие *на клыки*, да – на клыки, длинные и сверкающие.

– В ризнице мертвый ребенок, – пролепетала Рут.

Клыки?

— Какая наблюдательность, дитя мое. А перед тобой что,

по-твоему, дура ты несчастная, – леденец, что ли? – взревел отец Рэндалл, задирая сутану и наставляя на нее свой старый морщинистый член.

Рут почувствовала, как брызнули из глаз и побежали по щекам слезы.

– Изыди, Сатана, – пронзительно закричала она, выставив перед собой распятие; теперь уже она ясно видела зияющую рану на шее того существа, что некогда было отцом Рэндалл ом, – изыди, возвращайся в ад!

Отец Рэндалл зарычал от гнева, из его ярко-красного рта выскочили невероятно длинные клыки, выпученные красные глаза вращались, а кожа на лице пошла трещинами – быстро, словно почва при землетрясении.

– Решила напугать меня, этим дурацким дерьмовым распятием ты хочешь меня испугать!

– И пусть небытие поглотит тебя, пусть перст Божий обратит тебя в пепел, – кричала Рут, потрясая распятием, – здесь царствие Господне, и Господь – мой пастырь...

– Заткнись!

Он попытался обогнуть ряд стульев, но Рут укрылась за алтарем.

– Сейчас ты умрешь, язычник поганый! Исчезнешь с лица земли в страшных муках! «Там, куда Господь ведет меня, царит надежда и радость...»

– Шлюха подлая, я заставлю тебя сожрать все свечи в этой проклятой церкви и прочитаю молитву, перебирая твои

кишки вместо четок!

– «... и я не знаю страха... »

По телу отца Рэндалла все так же бежали трещины, меж дряхлых белых бедер текло и расползлось по полу что-то коричневое, а раны на лице уже напоминали переполненные мусором ведра. Он прыгнул вперед, пытаясь схватить ее. Рут взвизгнула от ужаса и стукнула его распятием, угодив прямо по голове. Отец Рэндалл завыл, из разбитого черепа фонтаном забила черная кровь, обдавая брызгами и Рут, и огромного распятого Иисуса перед алтарем, и алтарь, и стены, и витражи, – черная зловонная кровь, густая, словно нечистоты. Рут еще раз стукнула его – одна из оконечностей ее импровизированного оружия попала в глаз священника, легко, словно бумагу, его проткнув. Челюсти отца Рэндалла щелкнули, укусив пустоту в каких-то миллиметрах от запястья Рут.

– «... Хвала Господу и слава ангелам!»

Она стукнула его по губам, начисто расквасив их и напроць выбив клыки; черная кровь текла нескончаемым потоком, лишая его плоти. Отец Рэндалл сдувался на глазах будто воздушный шарик, превращаясь в жидкость, из пустых глазниц как-то нерешительно выползали тараканы, а изуродованный рот все еще извергал всякие непристойности.

А потом на полу осталась только дряблая шкурка с жалким пучком седых волос.

Рут медленно перекрестилась, затем – хотя по щекам все

еще бежали слезы – подошла к ризнице и распахнула дверь.

Лицо мальчика было съедено почти полностью. На нем был костюм – в таких дети поют в церковном хоре – насквозь мокрый от крови. Рут взмахнула распятием и долго била им по изуродованному лицу трупа – так посоветовал ей Герберт. По крайней мере хоть этот мерзавец не вернется бродить среди живых.

Покончив с этим делом, Рут Миралес – со шваброй в левой руке и распятием в правой – направилась к выходу и выглянула из церкви.

Дождь прекратился. По улице молча бежали двое – она узнала офицера полиции Стивена Бойлза и черного бандита с кладбища.

Дверь скрипнула, и Марвин резко повернулся в сторону церкви. Оба настороженно замерли.

– Миссис Миралес?

Чернокожий бандит двинулся к ней. Она выставила перед собой крест – ничего особенного не произошло. Он спокойно поднимался по церковным ступеням, в поднятой руке держа значок.

– Агент ФБР Марвин Хейс. Успокойтесь, теперь все будет хорошо. Вы сейчас пойдете с нами.

– Изыди, Сатана!

– Миссис Миралес, поверьте, я к ним не имею никакого отношения.

Он обеими руками взялся за крест, потом отпустил его –

ничего не произошло.

– Вот видите! Что тут случилось?

Он указал головой на церковь. Рут терзалась сомнениями. Стоит ли доверять этому типу, вдруг он только прикидывается агентом ФБР? Костюм в клочья изорван, сам весь в крови и револьвером размахивает, но она так измучилась... Тут вмешался Бойлз:

– Уверяю вас, миссис, вам нечего бояться.

– Отец Рэндалл... он... оказался из этих.

– Теперь все кончилось. Идемте.

Черный гигант огромной рукой обхватил ее за плечи и помог спуститься вниз.

– Мы хотим выбраться из города. Придется долго топтать пешком и прятаться, идет?

Она кивнула, прижимая распятие к сердцу.

– Скажите, миссис, эта штука и в самом деле помогла? –

Он указал на распятие.

Рут кивнула головой:

– Отец Рэндалл, то есть то, что в нем сидело, все вытекло, он совсем опустошился, не знаю, как и сказать... теперь все не так, как прежде.

– Ваша правда; ну, идемте.

Он быстро повел ее с собой; Бойлз, с оружием в руке, отвернувшись, прикрывал их сзади. Дождь прекратился.

Леонард стоял на скале. Он задыхался; драка с семейкой

Мартинов, потом бешеный бег сюда, на место встречи, совсем вымотали его. Вокруг громоздились обломки скал – следы какого-то краха, происшедшего задолго до появления на земле человечества. Священное место, здесь в свое время индейцы вершили обряды с человеческими жертвоприношениями. Леонард вытер пот со лба, ни малейшего внимания не обращая на ссадины и царапины, из которых сочилась кровь. Стоя в самом центре грандиозного каменного хаоса, он опять ломал голову над тем, каким же образом случилась вся эта неразбериха. Но теперь уже не время задаваться этим вопросом. Он достал из кармана кусочек мела и принялся рисовать на камнях какие-то знаки, похожие на китайские иероглифы. Потом стал ждать – три минуты, как положено. *Почему именно три минуты? Поди пойми. Ведь для Него не существует времени. Тогда зачем? Совсем как эти знаки – на языке тао. Почему бы не на иврите? В этом была бы хоть какая-то логика. Но нет тебе – Путь можно открыть лишь при помощи тао. Наверное, из-за Хси и Хо. Должно быть, когда они явились сюда, на место встречи, другого языка они не знали. Два китайских астронома, в поисках коридора в иные миры оказавшиеся здесь. Не так уж плох оказался их замысел – если принять во внимание результат. Совершив почти кругосветное путешествие, они все-таки нашли его, этот коридор. Хотелось бы знать, как все это выглядело: два китайских мага за четыре тысячи лет до официального открытия Амери-*

ки совещаются с местными колдунами. А в чем состоит моя роль? Жалкий подмастерье от магии, под занавес явно получивший по заслугам. Бедный мой Джем, я втянул его в это безумие. Не следовало мне брать его с собой. Да что уж теперь жалеть. Еще десять секунд. Все. Он обернулся – они были здесь. Джек и Джон – в безупречно облегающих фигуры костюмах-тройках, в скрывающих лица черных полумасках.

– У меня возникла проблема, – заявил Леонард.

– Знаем, – ответил то ли Джек, то ли Джон.

– Я прошу вас вмешаться.

– Исключено. Мы на нейтральной Территории.

– Город вот-вот погибнет.

– Это не первый случай.

– Но это последний анклав на Земле, не можете же вы так и бросить его на погибель, – с жаром возразил Леонард.

– Мы не приучены принимать решения. Нам пора.

– Вы уходите и, если я правильно понял, бросаете меня, пускаете на ветер труд всей моей жизни! – в ярости закричал Леонард.

– Легионы Тьмы проникли на Территорию. Если вам не удастся очистить ее, она обречена. Прощайте, Леонард.

– Ни за что! Скажите ему, что я продам душу конкурентам!

Джек и Джон позволили себе роскошь немножко улыбнуться, потом – с той дурацкой театральностью, что присуща

всем бездарным колдунам, – щелкнули пальцами и исчезли.

Все его бросили. Этого следовало ожидать. С самого начала ему дали это понять. Хочешь забавляться со смертью, поиграть во дворе со старшими – о'кей, только потом не жалуйся. Он вновь увидел себя юношей – пока ровесники разучивали бибоп¹², он, склонившись над колдовскими книгами, отыскивал формулу, которая позволила бы открыть разлом, коридор; или позднее – все радиостанции надсадно орали, сообщая о смерти Кеннеди, а он пытался сконцентрироваться на заклинаниях. Ни жена, ни дочь так и не узнали о нем правды и даже не подозревали, что он – ИНМ, что в переводе с профессионального языка магов означает: Исследователь Невидимых Миров. Он вновь вспомнил ту растерянность и волнение, что охватили его, когда его втянуло в огромный зал, задрапированный красными и черными тканями, и он увидел сверкающие игровые автоматы и Безликого Старца – тот повернулся к нему и сказал:

– Долго же ты добирался, ну да ладно, Леонард, добро пожаловать! Извини: не могу уделить тебе много времени, Версус сейчас что-то очень оживился. Чего ты от меня хочешь?

– Хочу Территорию.

– Территорию? Зачем? На планете не осталось ни одной.

– Хочу дать возможность второй попытке тем, кого из-за козней Версуса слишком рано унесла смерть. Вернуть их к жизни.

¹² Танец.

– Ну что за народец эти мастера-ремонтники! Люди – не машины, Леонард. На самом-то деле ты хочешь другого: как-то использовать Дарование. Ладно, почему бы и нет? Но предупреждаю: анклав будет только твой и беречь его от вторжения Ночных Визитеров будешь сам. Я этим заниматься не стану.

Он согласился, согласился на все, горя желанием приступить к миссии спасения, горя желанием испытать эту новую возможность. Он вернулся в Джексонвилль и с большим энтузиазмом начал собирать там своих, как он их называл, «не-живых». *А теперь?* Он окинул взглядом окрестности и вздохнул. *Теперь они идут к нему.* Нетвердые шаги – они ищут защиты, – спотыкающиеся фигуры бредут к нему, тянут в мольбе полуразложившиеся руки. Он успокаивающе махнул им, думая о другом. *Как только появились тараканы, я должен был заподозрить неладное. Знал же прекрасно, что они – посланники Версуса. Но закрыл на это глаза. Все дело в том, что я устал, состарился и мне не хотелось вступать в борьбу. И тогда явилась семейка Мартинов. Солдаты Версуса, вторгшиеся на Территорию, чтобы развязать войну. Старый бес, должно быть, унюхал дыру и вознадеялся внедрить через нее потихоньку свои войска, чтобы уничтожить наконец-то это мерзкое отродье – человечество. Воспользоваться моей властью как рычагом и с ее помощью оторвать реальный мир от земли и опрокинуть его в хаос, царящий за пределами разума. А тому, наверху,*

на все наплевать: «Не могу вмешиваться», еще бы!

— Вот так и теряют целые вселенные! – сложив руки рупором, крикнул Леонард в безмолвное мрачное небо.

Ладно, как бы там ни было, но выбора у меня нет. Нужно туда идти, никуда от этого не денешься. Он взглянул на несчастные, жавшиеся к нему в последней надежде фигуры и прошептал: «Идемте, дети, я отведу вас домой».

Джем, Лори и Сэм молча ждали – нервы их были натянуты, словно струны рояля, сердца колотились. Со стороны кладбища нарастал неясный гул.

Сэм чуть-чуть высунулась, чтобы лучше видеть, и какая-то толстая – но с одного боку странным образом плоская – женщина именно в этот момент посмотрела в их сторону. Толпа удовлетворенно загудела.

У Джема побежали мурашки по телу. Лори сглотнул слюну. Сэм взяла две отвертки, обернула их тряпками и смочила бензином. Одну из них протянула Джему, другую – Лори, а сама достала пистолет.

С блаженной улыбкой проголодавшихся людей, увидевших наконец накрытый стол, трупы шагнули вперед. В противоположность живым мертвецам из кино они отнюдь не качались и не спотыкались. Наоборот – если, конечно, не принимать во внимание их жуткие раны и прогнившие тела, – были, если можно так выразиться, в превосходном состоянии.

– На эту Территорию вам вход воспрещен!

Голос, словно громовой раскат, прогремел по всей улице. Все оцепенели.

И тогда сквозь щель в двери Сэм, Джем и Лори увидели Леонарда Ахилла – он быстро шел по шоссе к кладбищу, с непокрытой мокрой головой, борода спуталась.

Трупы с ворчанием отступили. Взлохмаченный, похожий на какого-то древнего пророка, Леонард шел вперед; он был весь в крови. За ним, словно замороженная волшебной флейтой толпа, спешили живые мертвецы Джексонвилля.

Лори узнал доктора Льюиса в белом халате, запачканном засохшим дерьмом, и прочих добропорядочных граждан, с которыми, ни о чем не подозревая, прожил бок о бок много лет подряд: мистера Эванса из супермаркета, продавца газет Джорджа Леммона, Линду Паккирри, у которой покупал молочные коктейли, – их имена были на радиоприемниках; одичавшие, они потерянно сбились в кучу; и тут он ее увидел, она была с ними – длинные волосы разметались по плечам, губы алели, словно какой-то хищный цветок, а глаза стали потухшими – она была с ними, его мать.

Джем молча схватил его за руку и сильно сжал.

Дед Леонард остановился напротив кладбища – за спиной у него застыла верная ему толпа мертвых – и, уперев руки в бока, замер; вид у него был вызывающий.

– Возвращайтесь назад, нечего вам здесь делать, ступайте к себе!

Как бы подчеркивая его слова, в телеграфный столб, сто-

ящий метрах в ста поодаль, ударила молния. На мгновение все вокруг озарилось ярким светом, и Джем ясно увидел кошмарные лица стоявших по ту сторону шоссе. Мартины оживили обитателей кладбища, присовокупив к ним целую армию новобранцев: капитан Строберри со своей командой стоял по стойке «смирно», Дуглас Арройо и Верна Хоумер держали под мышкой свои оторванные головы, Мидли – а точнее, то, что от него осталось, – о чем-то разговаривал с Сибиллой Дженингс, бедняга Стэн со скальпелем в затылке и оторванным носом, а еще... да – Томми Уэйтс с метлой в башке; все они, как ни в чем не бывало, стояли здесь. Джем втайне ужаснулся, подумав о том, что может увидеть в толпе и трупы своих родителей. Но успокоился, вспомнив о том, что, когда самолеты взрываются в небе, трупов обычно не остается, и еще крепче сжал руку Лори.

Сэм прикрыла глаза. Неужели всего каких-то три дня назад она бродила по магазинам Пятой авеню, размышляя о том, как провести отпуск? И вообще, с какой стати эти подлые параллельные миры не отделены от нас какими-нибудь границами? Кто в этом виноват? Ведь натворил же это кто-то!

Раздался голос Леонарда – сильный, звучный и – много мощнее обычного человеческого голоса:

– Ваши заблудшие братья и сестры вернутся к вам сейчас. Они тоже хотят почить навеки с миром. Ступайте к себе, друзья мои, вернитесь в благостную землю, обретите вечную

ночь – без проблем и сожалений.

Ряды трупов по ту сторону шоссе несколько смешались: кое-кто из усопших двинулся к распахнутым кладбищенским воротам.

Но вдруг из толпы выскочила какая-то женщина – одного лишь белого кухонного передника хватило на то, чтобы Лори чуть не обкакался от ужаса.

– Отстань, старый дурак! Что ты тут из себя корчишь? Нет у тебя больше власти, слышишь, теперь мы с Френком здесь хозяева, а свои дурацкие радиоприемники можешь себе в задницу запихать! Никто тебя больше слушать не будет; ты что, не понимаешь, что мы – хочешь ты того или нет – все равно существуем? Не видишь, что и без тебя вполне можем обойтись? Не видишь, что мы уже завоевали Джексонвилль и останавливаться на этом не собираемся? Старый ты дурень – на дворе тысяча девятьсот девяносто четвертый год, и мы хотим всего и сейчас, а не через тысячу лет!

Хелен Мартин словно с цепи сорвалась – белые кости на полуразложившемся лице так и сверкали под дождем.

В зарослях травы, росших вдоль кладбищенской стены, прижавшись к земле, залег Биг Т. Весь в грязи, да еще в пятнистой форме десантника, он почти слился с окружающим пейзажем. К логову Деда он поспел почти вовремя: оттуда, явно обезумев от гнева, выскочила какая-то женщина. Он проскользнул внутрь; при виде накрытого стола с выскобленными изнутри детскими головами вместо стаканов его ста-

рое сердце содрогнулось. Обливаясь потом, он перерыл весь дом; палец на спусковом крючке «М-16» до боли сводило от напряжения. Ни Джема, ни Лори там не оказалось. Биг Т. вышел, стараясь ступать как можно осторожнее, проклиная свои старые суставы – они трещали, – быстро обследовал веранду – на ней повсюду валялись старые радиоприемники и лежал труп кролика с чересчур уж красными глазами и длинными клыками вместо зубов.

Женщина побежала в сторону шоссе. Биг Т. Бюргер узнал ее. Это была женщина с кладбища. Та, что сманила Мидли. Редкостная тварь; при первой же возможности он разнесет ей башку на кусочки.

Поправив повязку на лбу, он, пригнувшись, тронулся в путь – перебежками по пустырю. Из стоявшей там старой машины его весело поприветствовало нечто, сидящее за рулем и весьма похожее на мумию. Увы, от идеи показать ему, где раки зимуют, пришлось отказаться: женщина непременно обратит внимание на шум. Поэтому он, в свою очередь, поприветствовал мумию и, согнувшись пополам, побежал дальше. И там – как раз когда в поле зрения появилась станция обслуживания – он увидел все это сборище вылезших из могил существ, бросился на землю и залег.

Женщина была здесь – стояла напротив Лена, так что оказалась как раз у него на мушке. Поубивать их всех у него не хватит патронов. Поэтому нужно бить наверняка. Он прищелкнул языком, чтобы оценить имеющиеся в на-

личии силы. На станции обслуживания – Вестертон и ребятишки. Посреди шоссе – Леонард с целым отрядом отчаявшегося вида полутрупов. По другую сторону – милейшая хозяйка в розовом платье, окруженная недавними жертвами – вот черт, они и до Стэна добрались – и этаких штук, только что вылезших из могил – не менее «свеженьких», чем тухлая рыба. Кое-кого из покойников он узнал. Тут был старый мистер Уилкис, отец Аннабеллы, – кожа у него совсем иссохла, ни тебе сигары, ни шляпы, но вид по-прежнему злобный. Два приятеля по игре в покер – Джек Тернер и Джимми Клифф – ну да, точно: только они во всем Джексонвилле заранее оговорили, что хоронить будут непременно в сапогах с острыми носами и скошенными каблуками; а еще Хьюберт Миралес, черт возьми, частенько мы наливались со старинной Хьюбертом, а теперь все они здесь – сбились в кучу за этой бабой, рычат и слюни пускают, словно звери какие, а она, как пить дать, на Сатану ишачит!

Лен, шагнув вперед, заговорил:

– Женщина, ты и сама не понимаешь, что говоришь. Ты не наделена никакой властью. Я – хранитель силы. Это я, силой Глагола, дал им возможность жить. И Убежище – моя идея. Земля Второй Попытки. Я годами расшифровывал каббалу, перенимал опыт шаманов всеми забытых племен, я познал секреты Пробуждения-во-Смерти, и вас создал я! А ты решила восстать против хозяина, ты хочешь большего, чем я могу тебе дать. Я не могу побеждать смерть; никто этого не

может. Могу лишь оттянуть ее, только и всего. Дать вам иллюзию жизни – до тех пор, пока вы не вспомните, что на самом деле мертвы. Я – страж Джексонвилля, города-призрака, города, стоящего вне всяких законов, города-Убежища. Я – страж Убежища, а ты вздумала лишить его мира. Из-за тебя в небытие отправятся все. Ты навлечешь на нас гнев Великого Владыки, и Джексонвилль будет уничтожен. Неужели ты и вправду настолько глупа, что воображаешь себя в силах действительно изменить порядок вещей?

Голос его постепенно креп, уподобляясь громовым раскатам, и мертвые явно были на его стороне. Доктор Льюис закричал тонким голосом:

– Мне дали такую возможность, а из-за тебя я лишился ее; будь ты проклята, Хелен Мартин, будь ты проклята! Это из-за тебя с каждым часом я все больше разлагаюсь и растекаюсь, из-за тебя чувствую, как мое сознание уходит, словно вода сквозь песок, – я исчезаю...

Он заплакал – навзрыд, как ребенок.

Тут на все лады застонали и остальные; глядя на эти залитые слезами мертвенно-бледные лица трупов, источенных смертью, которой они не хотят подчиниться, Джем ощутил нечто совсем ему не свойственное – он был растроган. И в этом противоречащем всем законам природы мире распорядился Дед, его Дед, которому вздумалось поиграть в ученика волшебника, в результате чего Джексонвилль стал своего рода анклавом ирреальности в реальном мире. А он-то сам,

Джем, реален или нет, и вообще – есть ли в Джексонвилле хоть один реальный человек?

Лори, словно прочитав его мысли, ответил на его немой вопрос:

– Радиоприемников с нашими именами там не было, Джем. Не было. Мы – настоящие. Самые настоящие дети.

Их руки невольно потянулись друг к другу, и пальцы – черные и белые – переплелись.

Дед, похоже, вновь овладел ситуацией – он воздел руки, и мертвецы, еле волоча ноги, покорным стадом двинулись к распахнутым воротам кладбища, где равнодушно ждали их развороченные могилы.

Услышав звук мотора, Сэм не обратила на него внимания. Звук нарастал, приближаясь. Развернувшаяся перед глазами картина целиком поглотила Сэм. И нарастающий шум мотора слышался ей смутно, словно жужжание мухи. Мухи или грузовика. *Грузовик. Автобус. Черт побери!*

Она наклонилась вперед, ибо окровавленный, сверкающий всеми огнями автобус несся на адской скорости, а за лобовым стеклом хохотал его бледный водитель с фосфоресцирующими глазами.

Сэм закричала: «Нет!» – и выстрелила в переднюю крышку. Огромная машина дрогнула, но по инерции продолжала лететь вперед.

Биг Т. взревел: «Нет!» – и выстрелил; ветровое стекло разлетелось вдребезги, и голова мальчишки, не переставая хо-

хотать, вылетела между «дворниками».

Джем и Лори завопили: «Нет!» – и швырнули в несущуюся махину свои смехотворные маленькие факелы – толку от них оказалось ноль.

Дед Леонард закричал, скрестив над головой руки. Автобус на скорости километров сто тридцать в час налетел на него – огромные колеса искрошили кости в муку, в лепешку раздавили голову. Джем пронзительно закричал, глаза у него закатились, и он упал навзничь.

Автобус, продолжая безумную гонку, передавил целый ряд легковушек, своротил пожарный кран, потом въехал в витрину аптеки да так и остался, дребезжа и рыча, словно какое-то злое животное присело на задние лапы и оскалилось.

Толпа мертвых, похоже, пришла в растерянность, но женщина выскочила вперед, принялась топтать то, что осталось от Деда, и, от радости пуская слюни, заорала:

– Вот видите, говорила же я вам, никакой власти у него больше нет, власть теперь наша и город наш, весь мир живых – наш, и мы уничтожим его, как он уничтожил нас!

Вокруг раздались одобрителльные вопли, засверкали в улыбках длинные зубы, в пустых глазницах разгорался огонь страстной ненависти.

Биг Т. выстрелил. Пуля снесла женщине голову – словно мяч, она запрыгала по шоссе; мертвецы взревели и бросились на него. Он продолжал стрелять, но их было слишком много. Биг Т. обернулся, намереваясь отступить. Но они бы-

ли уже и сзади, в нескольких десятках метров от него. О'кей, хотя бы хорошей драки – получат! Биг Т. неторопливо перезарядил винтовку и выпрямился во весь рост, поливая их разрывными пулями. Воющая масса нахлынула на него, и он прекратил стрелять лишь тогда, когда нечем стало нажимать на гашетку.

Джем пришел в себя как раз в тот момент, когда Биг Т. завертелся в этом зловещем танце, и опять подумал о том, каким же образом его рассудок умудряется этакое вынести. Бледные от ужаса, они с Лори наблюдали за тем, как Биг Т. исчезает в этой рычащей от ярости куче, а Сэм подумала о том, что все вот здесь и кончится, на мокрой от дождя площадке станции обслуживания этого Навозвилля. В тот же миг слышались выстрелы, и толпа на шоссе расступилась, пропуская Марвина, Бойлза и Рут Миралес.

Марвин мгновенно оценил ситуацию. Не переставая стрелять, крикнул Саманте:

– Насосы! Включай насосы!

Пули с мягким шлепком входили в мертвецов – те спотыкались, давая возможность выиграть пару бесценных секунд.

Саманта добежала до насоса, схватила шланг, и бензин ударил струей, поливая все подряд на расстоянии двух метров от нее. *Надо же быть такой дурихой, как же я раньше не додумалась! Наверное, в отпуск пора. Куда-нибудь на Карибские острова... нет, в Гренландию...* Она направила струю на подобранных поближе мертвецов, не забыв при этом и

голову Хелен Мартин, которая, усмехаясь, катилась прямо к ней, потом зажгла спичку и швырнула в бензин. *Гренландия – да, тишина, холод, чистота белого снега...* Беззубый рот Хелен Мартин разинулся в последнем яростном вопле. Огонь вспыхнул со страшной силой. Саманта повела шлангом, разжигая поярче костер из пылающих трупов – они горели, завывая, – заливая пламенем все вокруг, – *если хоть одна искра попадет на тебя, девочка моя, ты, следует заметить, изжарись...* — беспрестанно поливая бензином горящих мертвецов.

К ней, прижимая к себе Рут, бежал Марвин. Нападавшие пребывали в растерянности, пламя вынудило их отступить, и Марвин решился пойти на прорыв. Пинками отшвырнув с дороги пару-тройку полусгнивших типчиков, у которых тут и там торчали кости, он укрылся за стеной огня.

Джем и Лори, согнувшись пополам, подбежали к нему, схватили Рут за руки и потащили в гараж.

Бойлз, беспрестанно стреляя из помпового ружья – так что головы вокруг него катились, словно шары в крикетной партии «Королева сердца», бросился туда, где исчез Биг Т. Марвин, глядя на него, заколебался. Спасти старого вояку у Бойлза не было ни единого шанса. Хейс взглянул на Сэм, вцепившуюся в свое импровизированное оружие, на детей и старушку, забившихся в гараж, и, ощущая какой-то горький привкус во рту, остался на месте. Нужно спасти то, что еще можно спасти.

Бойлз – весь в поту, вымазанный гноем и сукровицей – внезапно замер. У его ног покоилось нечто растерзанное, некогда бывшее Битом Т. Бургером. Мертвые глаза старика смотрели в небо. В их бледной голубизне отражались тучи. Иссохшая, с длинными хищными ногтями рука покойного мистера Уилкиса потянулась к лицу Бига Т. , вырвала правый глаз – послышалось довольное рычание – и исчезла так быстро, что Бойлз не успел отреагировать. Стивен ощутил, как грудь у него наполняется неизбывным гневом. В ярости он взвыл, поднял над головой ружье и принялся им вращать. Мертвецы в растерянности воззрились на него.

Марвин почувствовал, как детская ручонка потянула его за рубашку. Он обернулся. Лори робко смотрел на него.

– Мы выберемся из этой каши, парень, попытаемся выбраться, – заверил он, потрепав мальчонку по голове.

– Я не о том, я о Стивене Бойлзе.

– Я не могу ничем помочь ему.

– Бойлз ведь тоже, мистер.

– Тоже что?

Все свое внимание он уже переключил на отчаянный бой, затеянный Бойлзом. Он смутно ощущал тошноту и думал о том, не придется ли ему сейчас расстаться с некогда съеденным завтраком. Голосок Лори вдруг зазвенел у него в ушах:

– Тоже мертвый.

Понадобилось некоторое время, чтобы перегруженный всеми этими ужасами рассудок сумел переварить сказанное,

и лишь потом Марвин склонился к Лори:

– Что ты сказал?

– Он уже десять лет как умер. Его ножом ударили в глаз. Поэтому он всегда носит черные очки. Мы с Джемом прочитали об этом в газетах.

– В газетах?

– В старых газетах, спрятанных в плюшевого медвежонка в доме Аннабеллы Уилкис. Я потом вам объясню. Но Бойлз тоже из этих.

Марвин повернул голову и взглянул на Бойлза. Мертвые окружили его плотным кольцом, наблюдая за его действиями с безопасного расстояния.

– Ну же, сволочи, ну, давайте, идите сюда! – дико орал Бойлз; Хейсу был виден лишь его профиль.

Из ушей хлынула черная кровь. Он резко развернулся, и стало видно его лицо. Очки он давно потерял в драке. Вместо левого глаза зияла дыра с припухшим зарубцевавшимся мясом внутри. Теперь кровь пошла и из носа.

Какой-то глубокий голос проворчал:

– Эй, парень, ты что – издеваешься? Не видишь, что ли, что ты – мертвый?

Остальные ехидно засмеялись:

– Не видит, идиот, что сам мертвый!

– Давай с нами, сейчас такой пир закатим!

– Черт возьми, воняет хуже, чем я, да еще воображает, что живой!

Из здорового глаза Бойлза выкатилась черная слеза. Он заорал:

– Ложь! Вы лжете! Лжете!

Мертвецы завывали от смеха, стуча берцовыми костями, и Марвину вспомнились гравюры Иеронима Босха из музея в Чикаго. Неужели Босх тоже имел «удовольствие» наблюдать эти фигуры *в реальной жизни?*

Кожа Бойлза приобрела свойственный им всем землистый оттенок; лицо его то тут то там вспучивало нечто, пробивавшее себе дорогу под кожей. Он выпустил из рук ружье и растерянно огляделся.

Сэм перекрыла подачу бензина и настороженно замерла. На шоссе полыхали десятки мертвецов – от них жутко несло паленым мясом и экскрементами.

Она поняла, что Бойлз только что вспомнил все и теперь настал его черед *распасться на части*. Подойдя к Марвину, она взяла его за руку. Джем, Лори и Рут встали рядом.

Бойлз плакал навзрыд. Он сорвал с рубашки полицейский значок и швырнул его на землю. Мертвые грубо шутили, издеваясь над ним. Он, казалось, на какой-то миг замер в нерешительности, неуверенной рукой коснулся щеки, где только что открылась рана, вытащил оттуда черного таракана, с изумлением посмотрел, как тот, подрагивая жирным брюхом, пустился бежать по ладони, взвыл и бросился прямо к полыхающему костру.

Марвин шагнул было вперед, но Сэм удержала его:

– Это его единственное право, Марвин.

Стивен Бойлз с криком бросился в костер, и языки пламени с каким-то щенячьим тьяканьем весело охватили его и принялись со всех сторон лизать. Вспыхнули волосы, потом ресницы, загорелись волосы на теле, кожа покраснела, пошла волдырями, обугливаясь и выпуская на волю сотни насекомых, – корчась, они гибли в огне. Он стоял в пламени долго-долго, пока не превратился в кучу почерневших головешек, а они рассыпались в прах.

– Упокой, Господи, его душу, – склонив голову, прошептал Марвин Хейс.

Мертвые, похоже, совсем растерялись. Некому было командовать ими, ибо обуглившаяся голова Хелен Мартин валялась на бетонной площадке. Большая часть бывших питомцев Деда Леонарда уже едва держалась на ногах.

– Откуда ты узнал про огонь? – спросила Сэм, повернувшись к Марвину.

– Это все Дак, сей юный снайпер под орех разделал человека в черном, еще на празднике. Я видел, как он удирал со своей девчонкой, – знаешь, той, что похожа на Мэрилин Монро.

– Их только огнем и можно пронять, – заметил Джем. – Это много эффективнее и осинового кола, и всего прочего, потому что огонь разрушает ткани и действует на уровне ДНК, а без ДНК воскрешения в телесной оболочке никак произойти не может.

– Совсем неплохое начало для научно-теологической дискуссии, детка, но нам пора сматываться, самое подходящее время для этого, – с натянутой улыбкой сказал Марвин.

– Я не могу, – объявил Лори.

– Это почему?

– Там моя мама.

Марвин опустил на корточки и посмотрел в том направлении, куда указывал палец Лори. И увидел чудовищно раз-

малеванную чернокожую женщину. Она лежала на земле в какой-то странной луже и тяжело дышала.

– Мы не можем взять твою маму с собой. И ничем не можем ей помочь. Ей нужно лечь в землю и упокоиться.

– Нет! Мама! Нет!

Лори закричал. Бросился вперед, но Марвин ухватил его за рубашку.

– Пустите меня, пустите! Мама!

Женщина чуть приподняла голову, и полуразложившееся лицо расплылось в улыбке. Совершенно плотоядной улыбке.

Марвин – уже совсем машинально – выстрелил в направлявшееся к ним существо с отъеденным носом. Пуля со свистом прошла сквозь прогнившую грудь. Существо, – мужчина это или женщина? – уставившись на них пустыми глазами, упрямо двигалось вперед.

– Огня, быстро! – приказал Марвин, удерживая плачущего, отбивающегося Лори.

Вид Тельмы Робсон, предвкушающей удовольствие – сожрать собственного ребенка, – вызвал у него омерзение куда большее, нежели все, что он видел до сих пор. Да, Рут Миралес права. Джексонвилль стал воплощением зла, город нужно просто сжечь – дотла. И никогда больше ничего не строить на пепелище.

Джем метнулся вперед – в руках у него был тряпичный факел; он окунул его в бензин, поджег и швырнул в надвигавшееся на них существо с голым черепом. Это женщина

– решил он, женщина, которая когда-то, должно быть, водила детишек в школу, а теперь – лысая, голая, похожая на какую-то скелетину, уставившись на них пустыми глазницами, щелкает челюстями, как кошка при виде птички. Женщина вспыхнула сразу же, и Джем внезапно понял, что это зрелище уже кажется ему чуть ли не банальным! Он смотрел, как, испуская нечленораздельные вопли, существо бьется в пламени. *Это ведь я только что убил его. Пусть даже оно и из ада вылезло, но ведь это я его убил. Где-нибудь, наверное, живут его дети или внуки и с нежностью вспоминают о нем, а оно сейчас горит, от него несет помойкой и паленым поросенком – и все потому, что я швырнул в него зажженный факел...*

Огромной лапой зажав Лори под мышкой, Марвин шагнул к «рэйнджроверу».

– У него нет батареи, – сказал Джем; он весь дрожал и старался не смотреть на рыдающего Лори.

– Тогда пойдем ножками.

– С детьми и старой дамой? – с сомнением спросила Сэм.

– А ты хочешь оставить их здесь? Момент самый подходящий: трупы сейчас в абсолютной растерянности, – сказал он, указывая на фигуры у кладбищенских ворот.

– А Уилкокс?

– Уилкокс наверняка мертв. А если мы отправимся за ним, то и сами погибнем. Мне очень жаль, Сэм, но мы должны уходить.

– О'кей. Возьмите факелы и канистры с бензином. Построимся в каре, как римляне.

– Или как солдаты наполеоновской гвардии, – прошептал Джем.

– Или как те болваны-моряки, что пошли на ужин акулам в Тихом океане, – иступленно завопил Лори. – И очень надеюсь, что все мы умрем!

Марвин поставил его на землю, взял за плечи:

– Слушай, я знаю, что это тяжело, слишком тяжело для тебя, но, малыш, я не в силах ничего изменить, над этим я не властен. Ты хочешь пойти к маме, а я обязан помешать тебе сделать это, потому что ты – живой, и я должен спасти тебе жизнь. Такой уж договор я подписак – договор со всеми людьми, сечешь? Твоя мама умерла, Лорел, и то, что ты видишь, – это иллюзия. Тень. Твоя настоящая мама умерла и всегда будет любить тебя, потому что, умирая, она любила тебя очень сильно.

К ним подошел Джем, вытащил из кармана совсем измятую газетную вырезку. Молча протянул ее Лори; его грязные щеки были исполосованы мокрыми дорожками слез. А Сэм, чтобы удержаться и не зареветь, пришлось сделать над собой усилие: не Джексонвилль, а Слезвилль какой-то! Лори дрожащей рукой схватил бумажку и прочел ее от начала до конца. Потом скатал ее в шарик и молча зашвырнул подальше.

– Пора двигаться, – сказал Марвин.

И тут же замер. Метрах в десяти от них возник мужчина

– весь в крови, он что-то нес на плечах.

– Дак... – выдохнул Джем. – Это Дак и Френки. Он сумел отыскать ее!

Спотыкаясь на каждом шагу, Дак нетвердой походкой приближался к ним.

Рухнул на колени – так, что Френки едва не свалилась на землю. Марвин бросился к нему:

– Прикрой меня, Сэм!

Сэм с угрожающим видом принялась откручивать кран с бензином, но мертвецы по-прежнему пребывали в полном оцепенении.

Марвин помог Даку подняться и добраться до станции – она служила хоть каким-то укрытием. Они положили Френки в полумраке гаража, возле Рут – та, как-то неестественно выпрямившись, сидела на куче покрывал. Пальцы парня будто вросли в приклад ружья.

– Как дела, Дак?

– Мы напоролись на целую группу туристов – уже зараженных. Они были не на шутку... голодны... Пробриться не удалось... пришлось добираться окольным путем.

– Дак, нам нужна машина.

– О'кей.

Парень направился к стеклянной конторке и через несколько минут вышел оттуда с батареей, завернутой в тряпки.

– Черт возьми, где ее только не искали! – пробормотала

Сэм.

– Вечерами я люблю мастерить под музыку. По каналу НМ 87 передают хорошую классику.

Он был настолько спокоен, что Сэм даже на какой-то момент усомнилась в том, что с ним все в порядке. Что он... не заразился тоже. Но нет – он принялся возиться с батареей, вставляя ее на место, включая и выключая двигатель.

– Френки ранена, ее нужно положить на заднее сиденье. Где-то в мастерской должно быть одеяло, – через плечо бросил он.

Из гаража вынырнула Рут Миралес и, не поднимая глаз от земли – чтобы не видеть, как по ту сторону шоссе топчется полусгнивший Герберт, – затрусила к мастерской. Потом вышла оттуда с одеялом и укрыла Френки, темные глаза которой сверкали в полумраке гаража.

– Раны серьезные? – спросил Марвин.

– Выкарабкается, – кусая губы, ответил Дак.

– Пойду взгляну.

– Нет! Оставьте ее в покое. Я сам о ней позабочусь.

Схватив ружье, парень направил его Марвину в живот. Тот в знак примирения развел руки в стороны:

– О'кей, о'кей. Я хотел помочь, только и всего.

– Готово. Садитесь.

Марвин взглянул на Сэм, но та лишь беспомощно пожала плечами. Безусловно, они отдадут себя во власть сумасшедшему, но выбора у них нет. Нужно поскорее отсюда выбрать-

ся. Мертвецы опять выглядели угрожающе; похоже, они раскусили намерение противника сбежать, и это отнюдь не обрадовало их.

Марвин усадил в машину детей и Рут. Рукой случайно задел щеку Лори – такое ощущение, будто током ударило.

– Э, малыш, надо же: тебя здорово покалечили.

– Ерунда.

Нет, совсем не ерунда. Под раной уже что-то шевелится. Надо ее обработать. И тотчас же. Но чем?

Он поспешно порылся в карманах и извлек оттуда измятую пачку сигарет, бумажный носовой платок, использованный автобусный билет, две спички и маленький пузырек пробных духов, который он стащил в гостинице Санта-Фе для жены. *Духи.* Лори повернулся к нему в профиль, глядя в окно. *Прекрасно.* Марвин отвинтил пробку и резким движением вылил все духи в зияющую рану. Лори заорал.

– Прости, но это нужно было сделать.

Джем быстро развернулся к ним, готовый броситься на защиту Лори. И остолбенел. Рана Лори дымилась – да, дымилась, будто ее кислотой облили, – и к тому же жутко воняла, а по подбородку из нее что-то медленно текло – черное и липкое. Ни слова не говоря, Марвин вытер щеку мальчика бумажным платком. Все так же молча выбросил полный вязкой жидкости платок в окно и обернулся, чтобы посмотреть, чем там занят Дак.

Тот нес в машину Френки, и как раз, когда он собирал-

ся положить ее на пол, Марвин почувствовал исходящий от нее запах. Он наклонился – и поневоле тут же отпрянул, такой у Френки был видок. Она слабо улыбнулась и заговорила – так тихо, что ему пришлось-таки наклониться, чтобы услышать ее слова.

– Не слишком я хорошо сейчас выгляжу, да, фараонище? Я просила его, чтобы оставил меня здесь. И слушать не хочет. А я так устала.

Прежде чем он успел что-либо ответить, Дак оттолкнул его, чтобы уложить Френки получше. Он, похоже, и не понимал, в каком она состоянии. Рут, прижав к себе Лори, закрыла глаза. Джем выскочил из машины за канистрами и тряпками. Марвин подошел к Сэм, зорко следившей за подступами к станции.

– Девушка умирает, Сэм, она в жутком состоянии!

– Выбора нет, надо ехать. Это наш последний шанс. А он хочет взять ее с собой.

– Дай мне шланг, я буду держать их на расстоянии, пока вы не отъедете подальше.

– Ни в коем случае, агент Марвин Хейс, этот кран с бензином был поручен мне. Я не подпущу их близко. Вели Джему приготовить тряпичные снаряды – подожжете и будете в них швырять.

– А потом?

– Успею повиснуть на дверце. Ты сможешь мне забраться внутрь. Есть возражения?

Марвин помотал головой:

– Они набросятся и разорвут нас на кусочки.

– Возражение не принято.

Сидевший за рулем Дак посигналил.

– Боюсь я этого парня, – сказал Марвин.

– Марвин, не мешало бы тебе иногда быть чуть-чуть проще...

Он посмотрел на Сэм, потрепал ее по волосам, развернулся и пошел к машине, крича:

– Джереми! Поторопись!

– Иду, – откликнулся из гаража Джем.

Мертвецы возмущенно загалдели и плотной толпой встали напротив, блокируя шоссе.

– Въедем с размаху в эту кучу, – решил Марвин.

Но внезапно умолк и замер, услышав какое-то хихиканье. Здесь, где-то совсем рядом. Сэм тоже это почувствовала – она быстро обернулась. Опять какой-то хохот.

Джем с канистрами в руках вышел из гаража. Саманта сглотнула. Какой-то едкий голосок прошептал у нее в мозгу: *«Хочешь, покажу тебе свою маленькую морковочку, дорогая?»*

– Марв! Один из них здесь!

– Знаю.

Он насторожился, готовый в любую секунду открыть стрельбу, его черная кожа приобрела синеватый оттенок. Джем торопливо подходил к машине.

– Джем... – прошептала Саманта.

Мальчик вопросительно посмотрел на нее.

– *А, тебе больше по вкусу то, что у шерифа, шлюха ты подлая!* – нараспев произнес все тот же голосок, и по тому, как напрягся Марвин, она поняла, что он тоже слышал.

Дак высунулся из машины и крикнул:

– Что вы там возитесь?

Из гаража высунулась детская ладошка. Потом рука. Потом – Джем, весь в крови. Саманта зажала рот рукой, чтобы не заорать от изумления. Тот Джем, что вышел первым, был уже возле машины – замер, выпучив глаза. А второй, спотыкаясь, покачиваясь, кричал:

– Остановите его! Это Пол! Пол Мартин! Он всех нас убьет!

– Вот черт! – озадаченно выдохнул Марвин.

Стоявший с канистрами в руках Джем обернулся – в глазах у него стояли слезы.

– Неправда! Не верьте ему! Неправда, это я, Джем! Лори! Скажи же им!

Изумленный Лори высунулся из машины. Два Джема? Невероятно. Но который из них настоящий? Волной нахлынула мерзкая вонь, и зазвучал визгливый голосок:

– *Ну что, пень горелый, в глазах двоится? Как поживает твоя мамаша-уродина?*

Он посмотрел на Джема, стоящего в паре метров от него, потом – на другого Джема, окровавленного, метрах в четы-

рех-пяти, и ничего не понял. Вид у обоих был совершенно одинаковый. Один и тот же умоляющий взгляд. Дак тоже смотрел на мальчиков, но до него толком и не доходило, что здесь происходит. Он был далеко-далеко, в вихрящемся ледяном пространстве, где Френки улетала от него к звездам. Лежа на полу, она тихонько застонала, и Дак вздрогнул. Марвин поднял с пола тряпичный шар, достал зажигалку, и его длинный палец лег на клапан.

– Не делайте этого! – взмолился Джем с канистрами. – Не делайте этого, это же я, Джереми, внук Леонарда, я, черт возьми!

– Он врёт! Он всех нас сейчас угробит, он врёт! – кричал перемазанный кровью Джем. – Как вы не видите, что это Пол Мартин? Отойдите от машины!

Марвин перебежал взглядом с одного мальчишки на другого. Светлые волосы обоих Джемов сверкали на фоне свинцового неба. Выбрать. Нужно выбрать. И быстро.

Волна вони прокатилась по губам, проникла в рот.

– *Педик поганый, тебе нужно, чтобы я тобой занялся, да, ну-ка брось эту тряпку, иначе, клянусь, отгрызу тебе твои здоровые черные шары.*

Марвин подумал о том, что только теперь понял понастоящему смысл слова «ужас». Страшно ему бывало не раз. И рисковать жизнью уже приходилось. Но тут он был просто в ужасе. Он ни за что не допустит, чтобы эта мразь опять накинута на него. Ни за что.

Лори перелез через Рут, выскочил из машины и встал рядом с Марвином. Джем с канистрами шагнул к нему; и, хотя сердце Лори сжалось, он закричал:

– Не подходи!

И изо всех сил вцепился пальцами в рукоятку обмотанной тряпками отвертки.

Окровавленный Джем подошел поближе – он с трудом дышал, из глубокой раны на груди текла кровь.

– Помогите; Лори, старик, помоги, я же кровью истекаю! Лори! Ну пожалуйста!

Раздираемый сомнениями, Лори никак не мог ни на что решиться. Саманта упрямо пыталась отыскать какой-нибудь признак, способный навести на истину. Мертвецы ждали – она готова была поклясться, что слышит, как они насмеются.

Марвин увидел, как вцепились в руль руки Дака, и понял, что парень готов уехать без них. Мысленно прикинул, не бросить ли здесь обоих Джемов. Лори поднял голову и умоляюще на него посмотрел, а он не знал, что и сказать.

Лори остро ощутил, что бесценное время бежит, словно вода сквозь песок, и что на карту поставлена жизнь Джема – настоящего Джема. Рука Марвина уже почти властно сжимала его плечо, Дак уже потянулся к ключу зажигания – и тут Лори завопил:

– Сжечь их обоих, и дело с концом!

У Саманты от изумления аж челюсть отвисла, но тут Джем

с канистрами шагнул к Лори.

– Лори! За что? – прошептал он, выронив свою ношу.

– Сволочь! Сукин сын! – взвизгнул окровавленный Джем и тут же укрылся в гараже, ибо Марвин запустил в него пылающей тряпичной бомбой.

Бомба ударилась в дверь и отлетела на землю. Настоящий Джем плакал, обхватив Лори за шею.

Марвин сгреб их обоих и поспешно засунул в машину, где, вцепившись в распятие, с потерянным видом сидела Рут. Он стукнул себя по лбу:

– Дайте-ка сюда эту штуку!

С явной неохотой она выпустила распятие из рук.

Из гаража ручьями хлынула кровь; в толпе мертвых пробежал радостный шепоток; багряная лужа расплзлась все шире – густая, блестящая и жирная.

Показался Пол Мартин – глаза его огнем горели. Марвин швырнул в него пылающее тряпичное ядро, но тот дунул – поднялся ветер, влажный и такой вонючий, что Саманта почувствовала дрожь в ногах. Ядро упало на землю, не долетев до цели. Сэм хотела было открыть кран с горючим, но внезапно поняла, что держит в руках отнюдь не кран, а чей-то отрезанный пенис, из которого капает *сперма? нет, только не это!* и кровь. С криком она отдернула руки. Шланг со свистом яростно забился по земле – теперь он был во власти пениса, натянутого как струна, – и пополз к Полу Мартину, бесстрастно наблюдавшему эту сцену.

– Нет! – вскричал Марвин и придавил шланг ногой.

Пол рассмеялся – тонким, хрустальным смехом; рана на его горле забулькала кровью.

Пенис, резко распрямившись, вместе со шлангом взметнулся и полетел прямо в рот Марвину – тот отскочил, весь обрызганный спермой, – капли затрещали, оставляя на коже сильные ожоги. Охваченный слепой ненавистью, Марвин со всего размаху стукнул распятием этот пенис-шланг. Чудовищная штука взорвалась, осыпав все вокруг кусочками плоти. На земле остался лишь шланг – он лежал безжизненной кучкой.

Пол, увидев распятие, зарычал. Глаза его налились кровью, и весь он как-то завибрировал, отрываясь от земли.

– Вы никуда не уедете из Джексонвилля, теперь вы наши.

– Подойди-ка ко мне, трепло несчастное, ну – иди же, иди, поиграй с этой штучкой, – говорил Марвин, потрясая распятием, – давай, дружок, подваливай, тебе наверняка эта штука понравится! Немножко, правда, старовата, но все еще работает!

Ярко-красные глаза Пола сощурились, узкий рот расползся от уха до уха, открыв взору голые кости десен. И эхом раскатился голос – такой низкий, такой леденящий, что казалось, будто доносится он из какой-то подземной пещеры:

– Надеешься напугать меня этой игрушкой, негритос? Думаешь, тому старому хрену, что засел на небесах, есть еще до вас какое-то дело? До тебя так и не дошло, что он из ума

давно выжил? Все вы умрете. И всем вам будет больно. А мне от этого будет очень хорошо.

Он запрокинул голову и по-волчьи завыл.

Марвин смотрел, как этот страшно бледный мальчишка, стоя в маслянисто-красной луже, воеет на луну, а голова его при этом держится лишь на нескольких поблескивающих сухожилиях, и прикидывал, есть ли еще у него шанс хоть какое-то время пребывать в здравом рассудке. Ни малейшего – ответил ему его внутренний компьютер; Марвин вздохнул и бросился на маленького мертвеца.

Услышав, как он бежит, Пол выпрямил голову, увидел, что на него надвигается огромный крест, взвыл от ярости и бросился в сторону. Марвин промахнулся на пару сантиметров, потерял равновесие и растянулся на бетонной площадке. Саманта подняла с земли шланг и повернула кран. Ударил струя бензина, но Пол ловко увернулся; его голова завращалась, словно перископ, мертвые глаза отыскивали Саманту; он улыбнулся, высунув изо рта огромный язык и с наслаждением поглаживая им рану на шее:

– А для тебя я приберег кое-что особенное. Ты, я и дядюшка Джек.

Обезумев от гнева, Саманта снова попыталась достать его струей бензина, но вместо этого окатила поднимавшегося с земли Марвина.

– О нет! – вцепившись в Лори, прошептал Джем. Рут, закрыв глаза, тихонько молилась. Дак сжимал ледяную ру-

ку Френки. Черному фараону крышка. Громко расхохотавшись, Пол Мартин зажег спичку и швырнул ее в Марвина Хейса. Саманта вскрикнула. Под смех и вой мертвецов одежда на Марвине мгновенно вспыхнула.

– В аду ты станешь еще чернее, – сказал Пол и раскланялся, словно артист на сцене.

Марвин ощутил, как огонь коснулся кожи, волос, ресниц и принялся пожирать его тело; он попытался швырнуть в Пола распятие, но помешала боль; он рухнул на колени и покатился по земле, пытаясь погасить пламя.

Дак выскочил из машины. Как смерч он пронесся в контур, выскочил оттуда с наполненным водой пластиковым ведром и опрокинул его на Марвина. А Джем и Лори уже бежали со снятым с Френки одеялом – они бросили его на Марвина, лишив пламя воздуха.

Пол подошел к своим, встал, скрестив руки на груди, и спокойно наблюдал за происходящим.

Боль была непереносимой; Марвин чувствовал, как корбится в огне его кожа, и даже не мог закричать: весь рот обожгло. Полилась вода – на голову, на плечи, – по спине и ногам кто-то бил одеялом; стало легче.

Дак опрокинул еще одно ведро на голову здорового черного фараона. Тот дымился, как затухающий костер. Вся кожа у него была покрыта волдырями величиной с куриное яйцо, лицо обезображено. Саманта подхватила Марвина под мышки:

– Помогите-ка, его надо уложить в машину.

Дак открыл было рот, но спохватился и приподнял Марвина за ноги.

Они дотащили его до машины и уложили на переднем сиденье. Марвин был в полубессознательном состоянии и тихо стонал.

Избегая смотреть на него, Дак снова сел за руль.

– Так, – сжав кулаки, сказала Саманта, – ладно, теперь наконец едем. Джем и Лори, есть у вас снаряды?

– Да.

– Рут, вы приглядываете за Френки?

– Да, и молюсь за всех нас.

Она прикрыла глаза, беззвучно шевеля губами. Там, у кладбищенских ворот, отчаянно размахивал правой локтевой костью Герберт – произнести он не мог ни звука: нижней челюсти у него не было. Саманта повернулась к Даку:

– Вы прорываетесь вперед, я цепляюсь за дверцу, о'кей?

– О'кей.

Сэм подняла с земли распятие. Прикоснувшись к раскаленному серебру, едва не вскрикнула, но сдержалась. Молча посмотрела на почерневший крест, потом сунула его за пояс. Сознание захлестнула ярость – словно огромная черная волна, на гребне которой сияли слова: «Доберусь я до тебя, дрянь поганая». Она представила себя акулой – хладнокровной, не испытывающей ни волнений, ни страха и знающей лишь одно – кусать, кусать, сжимать челюсти с остры-

ми, как бритва, зубами, рвать ими на части мертвые ноги мертвецов, их прогнившую кожу, с треском ломая сочащиеся влагой кости, перемалывая в муку голые черепа, раздирать, разрывать, уничтожать; рука, словно челюсти, сомкнулась на кране шланга.

Пол, должно быть, почувствовал исходящую от нее ненависть: слегка склонив голову набок, сплюнул на землю целую кучу копошащихся белых червей. Глядя на нее, неторопливо растер их ногами. Саманта отчетливо услышала чавкающий звук из-под подошвы.

Она спокойно открыла кран, и струя бензина ударила в тех мертвецов, что стояли к ней ближе всего. Они в бешенстве шарахнулись назад. До Сэм донесся ее собственный, искаженный гневом голос:

– Ну что, парни, задумались – говорите живо, какую марку бензина предпочитаете?

Она кивнула Джемму и Лори:

– Давайте, ребяташки.

Горящий тряпичный шар упал в расплывавшуюся перед кладбищем лужу, огненная дорожка побежала по мокрому шоссе, взметнулась вверх по заплесневелым штанинам, вгрызаясь в старые пожелтевшие кости. Герберт тупо уставился на огонь. И смотрел на него до тех пор, пока пламя не набросилось на него. *Почему все горит? Почему я не дома? Ведь доктор сказал... да нет, я же умер... но почему-то хожу... Мартини. Семейка Мартинов. Завоевать мир. Дождь*

идет. А Рут сидит в машине, она хочет сбежать. Да, сбежать. Почему? А еще этот голод – просто раздирает все внутри. Голод. Что это за люди? Черт возьми, я же горю; Рут, я горю! Дак нажал на газ, «рэйнджровер» подскочил на месте, но мотор тут же позорно заглох. Рут перекрестилась. Она не видела, как Герберт, повернувшись к ней, превратился в жалкую кучку костей и пепла. Не видела она и как чета Херрера, в огне пытаюсь перейти на другую сторону, медленно сгорела – рука об руку, так же неразлучно, как жила душа в душу целых шестьдесят лет.

Мертвецы взвыли – в их глухом вое слышался гнев и сдержанная ярость – и побежали на противника. Пол Мартин расхохотался.

Дак тщетно пытался включить зажигание. Саманта с отчаянием глянула в его сторону.

Пол поднял над головой какую-то металлическую штучку и голосом, подрагивающим, как мираж, проговорил:

– Не ты ли это потерял, болван?

Мертвецы загоготали, от радости щелкая челюстями и хлопая себя по бедрам. Они были уже совсем близко, в нескольких метрах от машины.

Дак выскочил и бросился в гараж. Сэм слышала, как он, расшвыривая инструменты, роется на верстаке. Рут высунулась в окно:

– По-моему, девушка умирает.

Никто не обратил на это внимания.

Джем и Лори вылезли из машины и встали по обеим сторонам от Саманты, держа наготове тряпичные бомбы.

– Если мы сейчас же не уедем отсюда, Марвину конец...
– прошептала Саманта.

Пол Мартин расстегнул ширинку, извлек оттуда свой маленький член и долго мочился на землю; в его бледных глазах отражались черные тучи.

Джем внезапно осознал, что вокруг ужасно воняет: мочой, кровью, дождем и гнилью. В нескольких шагах от него лежали останки Деда, по ним деловито сновали тараканы – целыми тучами. Он отвел глаза; сердце сдавила тоска и ярость, но он не заплакал. Не было у него больше времени плакать.

Послышались мерные шаги по асфальту. Лори повернул голову.

По самой середине шоссе – один, в измятой и перепачканной форме, положив руки на свисавшие с пояса кольты, шел Уилкоккс.

После того как Сэм и Марвин ушли, он много раз, через равные промежутки времени, тщетно пытался связаться с властями. А потом началось. Снаружи кто-то кричал. Кто-то выл от ужаса. Гремел гром, вспыхивали какието сверхъестественные молнии. Кто-то колотил в дверь, умоляя открыть, – и вооруженный до зубов Уилкоккс оказался нос к носу с Ллойдом – тот прижимал к себе ребятишек, их было уже только трое.

– Они уничтожили их, Герби, уничтожили Ронни и Шей-

лу; ради Бога,пусти нас!

Уилкоккс впустил их в контору. Ллойд плакал, закрыв лицо руками, а ребяташки дрожали и не говорили ни слова.

– Если бы ты видел это, Герби, если бы ты только видел, они разорвали их на куски; они везде, повсюду – а ты ведь знал это, знал и ничего не сделал, а теперь Шейлы больше нет. Из-за тебя!

Уилкоккс ничего не ответил. Нечего ему было ответить. Он пытался ограничить распространение этой эпидемии, но ничего у него не вышло. Не сумел выполнить свой долг – что правда, то правда. А теперь пришла пора расплачиваться за это. Снаружи бился в агонии Джексонвилль. Уилкоккс взял шляпу, велел Ллойду встать, объяснил, что нужно уходить отсюда, но Ллойд наотрез отказался, схватил одно из ружей Герби и навел его ему на живот.

– Ты не заставишь меня выйти отсюда, Герби, ни за что на свете. И ребяташек моих я тебе не отдам, попробуй только подойди к ним – убью!

Уилкоккс пытался образумить его, но Ллойд и слышать ничего не желал. И тогда, с болью в сердце, сгорая со стыда, Уилкоккс вышел один – защищать то, что осталось от города. Он прошел по залитым мочой и кровью улицам, перешагивая через лежащие на земле скрюченные трупы, обломки машин; сам того не зная, прошел по размазанному по асфальту Лесли Андерсону, взглянул в лицо доктора Флинна, словно на кол, посаженного на столб счетчика автостоянки, и ока-

зался здесь – лицом к лицу с этой мразью Полом Мартином и егодохлым войском.

С промокшей ковбойской шляпы капала вода. На рубашке цвета хаки сверкала звезда шерифа. Внезапно в ней мелькнуло отражение молнии, и тотчас прогремел страшнейший раскат грома – на что, похоже, никто не обратил никакого внимания.

Пол глухо зарычал, и на какое-то мгновение его лицо превратилось в самую настоящую слюнявую морду.

– Привет, дражайший шериф!

Уилкоккс молча замер на месте, метрах в десяти от него. Уши Пола вытянулись и покрылись фиолетовой шерстью.

– Хочешь посмотреть, как я выгляжу на самом деле?

Уилкоккс сложил руки на груди:

– Боишься меня, сынок? Боишься, что дам тебе хорошего пинка под зад?

Пол шагнул вперед – во рту уже сверкали длинные клыки – и, прижав руку к сердцу, обратился к собравшимся:

– А сейчас, дамы и господа, перед вами гордый и храбрый шериф, *в последний момент* явившийся спасти Джексонвилль от поругания Дьяволом.

Он повернулся к Уилкокксу:

– Кончай разыгрывать тут вестерн, папочка! Пора менять профессию! Сейчас я из тебя сделаю гамбургер, и завтра ты выйдешь из меня в виде дерьма.

Уилкоккс улыбнулся – широко и спокойно, что несколько

озадачило Саманту. Неторопливо расстегнул кобуру, достал кольты и прицелился.

– Ну это ж надо: папаша Джон Вэйн надеется уничтожить нас с помощью этих доисторических игрушек – сплю я, что ли?

Две разрывные пули рассекли провода высоковольтной линии, проходившей через шоссе как раз над головой Пола Мартина, – тот в этот момент самодовольно резвился, хлопая длинными волчьими ушами.

Искры посыпались дождем, провод, изгибаясь и шипя, тяжело рухнул в лужу, хлестнув Пола. Пол возмущенно взвизгнул и потерял равновесие. Потом полетел носом в землю, инстинктивно вытянув руки вперед, выронил ту металлическую детальку, что стащил у Дака, и руки его сомкнулись на черном проводе.

Пол Мартин завыл – в этом вое не было уже и намека на насмешку.

Все его тело невероятно напряглось, ноги разошлись под прямым углом, жидкие пегие волосы на уцелевших на черепае кусках кожи встали дыбом, и он, изрыгая огонь и снопы голубоватых искорок, принялся трястись, намертво вцепившись в провод; будто исполнял какой-то экзотический танец.

– Ну и энергии у тебя, приятель, – язвительно заметил Уилкокс, с интересом разглядывая выкатившиеся из орбит глаза Пола, его худосочное тело, дергавшееся в страшных судорогах.

– Вот она! – радостно заорал Дак, бросившийся вперед в тот самый момент, когда Пол что-то выронил из рук.

Он выпрямился и в один прыжок оказался у раскрытого капота машины.

– Ну вот! Скорее!

Он быстро сел за руль, включил зажигание и нажал на газ. Мотор зарычал. Машина потихоньку тронулась с места. Уилкокс подошел к лесенке у задней дверцы. Джем и Лори, вынужденные оторваться от этого необычайного зрелища – Пол в виде «месье сто тысяч вольт», – побежали к машине.

– Скорей, скорей! – крикнула Рут, протягивая им руки.

Она помогла мальчикам взобраться на сиденье, а Дак тем временем постепенно прибавлял скорость.

Бьющееся в судорогах тело Пола Мартина сострясалось на конце огромной черной металлической змеи, вращавшейся, словно огненная трещотка. По земле, через лужи бензина, побежали голубые вспышки.

«Рэйнджер» чуть притормозил возле Сэм – она, разинув рот, так и стояла, вцепившись в свой шланг. Тяжелая рука Уилкокса подхватила ее, и, придавленная к металлическим ступенькам лесенки, она оказалась вплотную прижатой к нему.

– Забирайтесь скорее! Сейчас все взлетит на воздух! – прокричал он ей прямо в ухо.

Дак увидел, что пламя, словно стая койотов при виде падали, несется к бензонасосам, а прямо перед ним, уставив-

шись пустыми глазницами на испускающее яркие вспышки тело Пола Мартина, плотной воющей стеной стоят разъяренные мертвецы.

Он глубоко вдохнул и до отказа нажал на газ.

«Рэйнджровер» подскочил, пролетел над проводом и понесся сквозь кашу дряблых тел, полусгнивших рук и ног, так что Уилкокса и Саманту с головы до ног обрызгало гноем. Рут крепко держала за руки мальчиков, стараясь не смотреть на царапавшие стекла бледные пальцы. Тяжелая машина содрогнулась от резкого толчка, и, если бы не плотно прижавшееся к ней тело Уилкокса, Саманта непременно свалилась бы на землю, в самую гущу этой слюнявой кучи.

Огонь подбирался к бензонасосам.

Послышался последний вопль Пола Мартина:

– Я – СУПЕРНОВАЯ ЗВЕЗДА!

Он уже совсем почернел и изжарился. Из рта у него вылетел столб голубого огня, и он, затрещав, словно фейерверк, самым натуральным образом взорвался. Какая-то рука впиалась когтями в тело Уилкокса, пытаясь стащить его на землю, и он не глядя саданул каблуком во что-то мягкое.

Бензонасосы взорвались.

«Рэйнджровер» проскочил сквозь плотную толпу трупов и вошел в поворот шоссе как раз в тот момент, когда станция обслуживания взлетела на воздух. В мгновение ока десятки тел превратились в пылающие факелы. Зловонная горячая волна воздуха захлестнула «рэйнджровер», и Саманта

решила, что сейчас их постигнет участь омаров. Потом они оказались под надежным прикрытием горного карниза.

Сзади них послышалась серия взрывов: Джексонвилль разлетелся на кусочки, словно под него подложили динамит, – в воздухе мелькали десятки тел, какие-то огненные шары – они падали на землю с тем звуком, который бывает, когда раздавишь муху. Уилкоккс закрыл глаза. Мысленно он представил себе их: Лесли Андерсон с квадратной головой, Ллойд, Шейла, их ребяташки, Уэс и Эмма, Герман Моргенштейн, Эванс, мисс Тини, чета Херрера, Джо Нельсон, Роза, Мария, Френк, Джек, Мосс, Тони... все эти лица, имена в течение стольких лет были его жизнью, среди них он чувствовал себя как дома. Кто-то слегка сжал ему пальцы, и он понял: Сэм хочет этим сказать, что знает, о чем он думает.

Чуть ли не стоя на педали газа – ни дать ни взять ковбой на лошади, – Дак повел машину на подъем, ведущий к старой риге.

С омерзительно неприличными, гротескными звуками – словно какому-то толстому великану стало плохо с животом – Джексонвилль бился в агонии.

«Рэйндровер» въехал на горку. Перед ним, насколько хватало глаз, среди горных плато бежало вдаль шоссе. Дак наконец остановил машину и обернулся.

Город полыхал. Плотная завеса желто-синего пламени перекрыла шоссе позади них, исключая всякую возможность попасть в город.

Уилкокс прыгнул с лесенки в пожелтевшую траву. Саманта последовала за ним. Дверцы машины распахнулись, оттуда вывалились Джем и Лори, потом появилась Рут – все ее старое тело содрогалось, она судорожно сжимала на груди ворот халата. Марвин открыл глаза. Он тяжело дышал, скорчившись на переднем сиденье. Саманта обеспокоенно проверила ему пульс – сердце Марвина билось ровно. Теперь она была уверена в том, что он не умрет, и шепнула ему на ухо:

– Потерпи часок, и ты окажешься в чистой постели.

– Все кончилось, да, – пролепетал какой-то слабый голосок.

Уилкокс резко обернулся. Френки каким-то образом сумела подняться и стояла, уцепившись за дверцу; испачканное платье прилипло к телу.

Уилкокс увидел, что ее синеватая кожа, под которой что-то шевелится, местами растрескалась и сочится чем-то землистым, и почувствовал, что Саманта встала рядом с ним.

Френки нетвердой походкой прошла несколько шагов. Все расступились.

Дак выскочил из машины, но она протянула руку – ладонью вперед, – останавливая его, и он так и закаменел на полпути к ней.

Ни слова не говоря, она обогнула стоящих людей и, пошатываясь на высоких каблуках, направилась в сторону Джексонвилля.

Сквозь прореху в платье на голой, мертвенно-бледной спине четко были видны три дырки, похожие на звездочки.

Заметив их, Рут сильно сжала плечо Лори:

– Помолись за нее, малыш, помолись.

Лори смутился: последний раз он молился, когда ему было лет пять. И неумело забормотал:

– Безликий Старик на небесах, сделайте так, чтобы Френки нашла покой, и, вместо того чтобы играть на этих дурацких автоматах, позаботьтесь лучше о нас.

Дак упрасивал:

– Френки! Подожди! Я отвезу тебя в больницу! Тебя вылечат! Вернись!

Она улыбнулась – тихо и устало – и, протянув бледную руку, нежно взъерошила ему волосы на голове.

– Я любила тебя, Дак. Я люблю тебя. Но теперь мне и вправду нужно уйти.

– Нет! НЕТ!

Он закричал. Она пошатнулась и чуть не упала. Дак подержал ее, обняв рукой за тонкую талию. Обернулся к Уилкоксу и остальным – его перепачканное кровью лицо с разбитым, распухшим носом постарело от бессилия и отчаяния; взглянул на ясный горизонт, простиравшийся вдаль, потом – на стену гудящего пламени внизу, там, где был город, ловко подхватил Френки на руки и направился в сторону Джексонвилля.

Саманта почувствовала у себя на предплечье тяжелую ру-

ку Уилкокса. Джем, сглотнув слюну, подошел к ним. Марвин закрыл глаза.

Дак шагал по раскаленному шоссе, прижимая к себе тело Френки, не слыша, как потрескивает асфальт.

Подошвы башмаков плавилась, но он не чувствовал боли. Он ничего уже не чувствовал.

Они увидели, как он ступил сквозь огненную стену – словно в день свадьбы нес молодую жену, переступая порог их общего теперь жилища, – и исчез в пламени – прямая и решительная фигурка; руки Френки обнимали его за шею.

Эпилог

Все молчали, лишь треск огня доносился снизу. Потом Рут, пристально глядя на огромный костер, где не видно было уже и тени человеческого тела, задрожав, прошептала:

– Господи!

– Да, самое бы время ЕМУ сейчас проснуться.

Уилкоккс оглядел своих спутников: черные от дыма лица, покрасневшие глаза, прилипшая к телу, пропитавшаяся мочой, потом и кровью одежда. Две женщины, один раненый, двое ребятишек и он, Бэтлинг Булл Уилкоккс, – вот и все, что чудом уцелело после этого апокалипсиса. Жалкая кучка людей самого плачевного вида. Зато живых. И все-таки одержавших победу. Он помотал головой, открывая дверцу. Поздравлять друг дружку еще не время.

– Поехали. Нужно отвезти Марвина в больницу.

– Не стоит так спешить из-за меня, Великий Вождь, – с трудом проговорил Марвин.

Подул свежий ветерок и рассеял тошнотворные запахи. Саманта с наслаждением вдохнула чистого воздуха.

Взглянула на засунутое за пояс распятие, на припухший след, оставленный им на теле, и выбросила его в траву – трава моментально увяла.

Саманта решила тут же забыть об этом. Ее способности переваривать недоступные разуму явления вконец иссякли.

Джем и Лори держались за руки и как замороженные смотрели на пылающий город. Их город. Сам не зная почему, Джем взглянул на часы. Деятнадцать часов восемь минут, вторник, 4 июля. День, когда все, что было его детством, погубло в адском огне. С праздником, любимая родина! Он чувствовал себя совершенно опустошенным. Ни грустным, ни взволнованным. Пустым. Он посмотрел на Лори, и Лори тоже взглянул на него – отважно улыбаясь сквозь слезы. Джем знал, что Лори думает сейчас о родителях. Неужели Тобиас Робсон тоже превратился в пепел? Неужели всех – и невинных, и взбунтовавшихся – пожрало пламя, очистительное и слепое? Об этом они узнают позже. Когда явятся солдаты в защитных масках и асбестовых комбинезонах, оцепят это место и начнут рыться на пепелище.

Сзади них ничего уже больше не было. Им оставалось лишь одно – ехать вперед. Саманта легонько потрепала их за плечи:

– Поехали, горе-войско!

Уилкоккс включил зажигание, и «рэйнджровер» тронулся с места, навсегда уезжая оттуда, где некогда стоял Джексонвилль – повисшая между жизнью и смертью страна не-людей.

Первые десять километров они проехали молча и лишь потом заговорили – все разом.